

НОВЫЙ МИР

7-8

МОСКВА

1941

Н О В Ы Й М И Р

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Москва, 1941 г.

№ 7—8

Год издания XVII

★ ★ ★

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Выступление по радио Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина 3 июля 1941 года	3
За Родину, честь и свободу	8
Деятели литературы, искусства и науки против фашизма	12
Александр Гагов — По зверю — огонь, стихи	26
Бертольт Брехт — В Третьей империи (перевод с немецкого)	27
Ал. Сурков — Песня, стихи	54
Марк Шехтер — Песня о сапогах, стихи	55
Леонид Соболев — Топовый узел	56
Николай Панов — Крылатые люди, стихи	73
Раиса Азарх — Сыны Родины	75
Николай Сидоренко — Тетя Маша, стихи	81
Александр Дроздов — Капитан Коробицын	83
Алексей Толстой — Хмурое утро, окончание	89
Ф. П., Н. С., А. П. Гастелло — Патриот	109
Орест Ровинский — Герои одной стрелковой дивизии	118
Рассказы участников Отечественной войны	142
Арон Копштейн — Стихотворения	148
Вл. Ставский — Рассказ про доты	150
Юр. Жуков — Партизаны	158
Э. Рабинович — Против фашистского варварства	169
Как немецкие оккупанты грабили Украину в 1918 году	179
И. Новиц — Горький в борьбе против фашизма	185
Х. Херсонский — Антифашистский фильм	192
Великий русский поэт-патриот	198
С. Иванов — Новейшая литература о Лермонтове	203
Федор Гладков — О Малышкине	219

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

В. Щ. — Великое ополчение (Б. Кочаков, Ш. Левин, А. Предтеченский. «Великое народное ополчение»)	225
Е. Ковалева — Беспощадно карать дезорганизаторов тыла (А. Вы- шинский. «Беспощадно карать дезорганизаторов тыла»)	228
Г. Б. — Под игом фашистских захватчиков (Сборники: «Оккупиро- ванные страны под фашистским ярмом», «Под игом фашистских захватчиков»; Андре Фольен. «Порабощенная Бельгия»; Д. За- славский. «Германский фашизм несет народам рабство»; И. Го- лубев. «Гитлеровские зверства в Польше»)	230
Л. Львов — Поучительный урок (Ш. Левин. «Брусилловский прорыв»)	232
Маврикий Слепнев — Роман об истории русской авиации (В. Саянов. «Небо и земля»)	234
В. Финк — Обманутая Франция (Г. Армстронг. «Падение Франции»)	236
А. Макаров — Книга о боях в Финляндии (Сборник «В снегах Фин- ляндии»)	237
Л. Иванов — Творцы артиллерийского оружия (И. Экслер. «Созда- тели орудий»)	239
П. Березов — Рассказы о патриотизме (М. Сергеевко. Рассказы)	241
Б. Емельянов — Эпизиски старого летчика (А. Шиуков. «Война в воздухе»)	243
М. Красноставский — «Краснофлотец» (1940, 1941 гг.)	245
За Родину, против фашистского варварства, за свободу (Новые книги)	249

★

Выступление по радио Председателя Государственного Комитета Оборона И. В. Сталина

3 июля 1941 года.

Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота!

К вам обращаюсь я, друзья мои!

Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу родину, начатое 22 июня, — продолжается. Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, несмотря на то, что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт новые силы. Гитлеровским войскам удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины. Фашистская авиация расширяет районы действия своих бомбардировщиков, подвергая бомбардировкам Мурманск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь. Над нашей родиной нависла серьезная опасность.

Как могло случиться, что наша славная Красная Армия сдала фашистским войскам ряд наших городов и районов? Неужели немецко-фашистские войска в самом деле являются непобедимыми войсками, как об этом трубят неустанно фашистские хвастливые пропагандисты?

Конечно, нет! История показывает, что непобедимых армий нет и не бывало. Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками. Немецкую армию Вильгельма в период первой империалистической войны тоже считали непобедимой армией, но она несколько раз терпела поражения от русских и англо-французских войск и наконец была разбита англо-французскими войсками. То же самое нужно сказать о нынешней немецко-фашистской армии Гитлера. Эта армия не встречала еще серьезного сопротивления на континенте Европы. Только на нашей территории встретила она серьезное сопротивление. И если в результате этого сопротивления лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией, то это значит, что гитлеровская фашистская армия также может быть разбита и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма.

Что касается того, что часть нашей территории оказалась все же захваченной немецко-фашистскими войсками, то это объясняется главным образом тем, что война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных

для советских войск. Дело в том, что войска Германии, как страны, ведущей войну, были уже целиком отмобилизованы, и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как советским войскам нужно было еще отмобилизоваться и придвинуться к границам. Немалое значение имело здесь и то обстоятельство, что фашистская Германия неожиданно и вероломно нарушила пакт о ненападении, заключенный в 1939 г. между ней и СССР, не считаясь с тем, что она будет признана всем миром стороной нападающей. Понятно, что наша миролюбивая страна, не желая брать на себя инициативу нарушения пакта, не могла стать на путь вероломства.

Могут спросить: как могло случиться, что Советское Правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны Советского Правительства ошибка? Конечно, нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 году. Могло ли Советское Правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп. И это конечно при одном непрременном условии — если мирное соглашение не задевает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства. Как известно, пакт о ненападении между Германией и СССР является именно таким пактом.

Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии.

Что выиграла и что проиграла фашистская Германия, вероломно разорвав пакт и совершив нападение на СССР? Она добилась этим некоторого выигрышного положения для своих войск в течение короткого срока, но она проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира, как кровавого агрессора. Не может быть сомнения, что этот непродолжительный военный выигрыш для Германии является лишь эпизодом, а громадный политический выигрыш для СССР является серьезным и длительным фактором, на основе которого должны развернуться решительные военные успехи Красной Армии в войне с фашистской Германией.

Вот почему вся наша доблестная Армия, весь наш доблестный военно-морской флот, все наши летчики — соколы, все народы нашей страны, все лучшие люди Европы, Америки и Азии, наконец, все лучшие люди Германии — клеймят вероломные действия германских фашистов и сочувственно относятся к Советскому правительству, одобряют поведение Советского правительства и видят, что наше дело правое, что враг будет разбит, что мы должны победить.

В силу навязанной нам войны наша страна вступила в смертельную схватку со своим злейшим и коварным врагом — германским фашизмом. Наши войска героически сражаются с врагом, вооруженным до зубов танками и авиацией. Красная Армия и Красный флот, преодолевая многочисленные трудности, самоотверженно бьются за

каждую пядь Советской земли. В бой вступают главные силы Красной Армии, вооруженные тысячами танков и самолетов. Храбрость воинов Красной Армии — беспримерна. Наш отпор врагу крепнет и растет. Вместе с Красной Армией на защиту Родины подымается весь советский народ.

Что требуется для того, чтобы ликвидировать опасность, нависшую над нашей Родиной, и какие меры нужно принять для того, чтобы разгромить врага?

Прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение. Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, полных нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белоруссов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов. Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными, или впасть в порабощение. Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады врагу.

Необходимо, далее, чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха в борьбе и самоотверженно шли на нашу отечественную освободительную войну против фашистских поработителей. Великий Ленин, создавший наше Государство, говорил, что основным качеством советских людей должно быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей родины. Необходимо, чтобы это великолепное качество большевика стало достоянием миллионов и миллионов Красной Армии, нашего Красного Флота и всех народов Советского Союза.

Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага. Народы Советского Союза видят теперь, что германский фашизм неукротим в своей бешеной злобе и ненависти к нашей Родине, обеспечившей всем трудящимся свободный труд и благосостояние. Народы Советского Союза должны подняться на защиту своих прав, своей земли против врага.

Красная Армия, Красный Флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу.

Мы должны организовать всестороннюю помощь Красной Армии, обеспечить усиленное пополнение ее рядов, обеспечить ее снабжение всем необходимым, организовать быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым.

Мы должны укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам этого дела всю свою работу, обеспечить усиленную работу всех пред-

приятий, производить больше винтовок, пулеметов, орудий, патронов, снарядов, самолетов, организовать охрану заводов, электростанций, телефонной и телеграфной связи, наладить местную противовоздушную оборону.

Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие нашим истребительным батальонам. Нужно иметь ввиду, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов. Нужно учитывать все это и не поддаваться на провокации. Нужно немедленно предавать суду Военного Трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешают делу обороны, не взирая на лица.

При вынужденном отходе частей Красной Армии нужно угонять весь подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться.

В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.

Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, поработанного гитлеровскими законами. Наша война за свободу нашего отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера. В этой связи историческое выступление премьера Великобритании г. Черчилля о помощи Советскому Союзу и декларация правительства США о готовности оказать помощь нашей стране, которые могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза, — являются вполне понятными и показательными.

Товарищи! Наши силы неисчислимы. Зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом. Вместе с Красной Армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции на войну с напавшим врагом. Поднимутся миллионные массы нашего народа. Трудящиеся Москвы и Ленинграда уже приступили к со-

зданию многотысячного народного ополчения на поддержку Красной Армии. В каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага, мы должны создать такое народное ополчение, поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы своей грудью защищать свою свободу, свою честь, свою родину — в нашей отечественной войне с германским фашизмом.

В целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР, для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу родину, — создан Государственный Комитет Оборона, в руках которого теперь сосредоточена вся полнота власти в государстве. Государственный Комитет Оборона приступил к своей работе и призывает весь народ сплотиться вокруг партии Ленина — Сталина, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии и Красного Флота, для разгрома врага, для победы.

Все наши силы — на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного Флота!

Все силы народа — на разгром врага!

Вперед, за нашу победу!

За Родину, честь и свободу

22 июня 1941 года — эта дата будет записана в летопись всемирной истории, как дата неслыханного злодеяния, направленного против всего передового прогрессивного человечества. С наглым цинизмом нарушив свои договорные обязательства, опрокинув все общепринятые нормы международных отношений в цивилизованном мире, отказавшись от элементарных принципов государственной чести и достоинства, германский фашизм совершил разбойничье нападение на нашу страну.

В своем выступлении по радио 3 июля товарищ Сталин указал: «Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом фашизма».

Военно-политический союз между Советским Союзом и Англией на основе договора от 13 июля объединит усилия народов нашей страны и английского народа в борьбе против гитлеровской Германии. Декларация правительства США о готовности оказать помощь нашей стране, договор с Чехословацким и Польским правительствами, дающий чехословацким и польским патриотам практическую возможность участвовать вместе с Красной Армией в войне с фашистскими поработителями, с каждым днем усиливающаяся подрывная и боевая деятельность партизан-антифашистов в захваченных гитлеровцами стра-

нах, — все это является живым свидетельством создания могучей коалиции всех сил передового прогрессивного человечества против фашистского варварства. Эта коалиция обладает неисчерпаемыми резервами, опирается на военную и техническую мощь великих индустриальных держав, вдохновляется великой задачей окончательной и бесповоротной ликвидации гитлеровской угрозы миру. Наша Красная Армия, армия пламенных патриотов, дерется на аванпостах всемирной освободительной войны. Мы защищаем свою землю, свой дом, свою свободу и счастье и, вместе с тем, свободу и счастье всего человечества.

Кровавые фашистские псы напали на страну мира и свободы, на страну, правительство которой всегда являлось единственным последовательным и принципиальным борцом за мир во всем мире. Договор о ненападении, заключенный между СССР и Германией и со всей добросовестностью выполнявшийся Советским Правительством, был превращен Гитлером в бумажку, ни к чему не обязывающую кровожадную фашистскую клику. Советскому народу, прославленному своим миролюбием и отсутствием каких бы то ни было агрессивных замыслов против других народов и государств, фашистские заправилы навязали войну — и народ наш поднялся, единый в своем гневе и сплоченный для громового отпора оголтелым разбойникам фашизма.

История нашей страны, равно как и история всего человечества, вступила в этот день в новый этап. В социальной жизни народов всего мира нет и не было задачи более важной, чем задача полной и окончательной ликвидации фашистской коричневой чумы, грозя-

щей человечеству возвратом к средневековому варварству, неслыханным экономическим порабощением, организованным голодом и нищетой, политическим рабством, национальным унижением. Советский народ, поднявшийся на защиту своей Родины, чести и свободы, на великую Отечественную войну против германских фашистов, идет в авангарде прогрессивного человечества, борющегося с фашистскими изуверами.

Почти четверть столетия с величайшим напряжением всех сил народы Советского Союза строят свое государство. Они создали могучее и цветущее общество свободного труда и братства народов.

Теперь когтистые лапы фашистского зверя скребутся в двери нашего дома, готовые грабить, душить и давить, угрожая отнять все завоеванное и созданное нами. Советский народ отрубил окровавленные лапы. Наша партия не напрасно звала к постоянной мобилизационной готовности, наш народ и его правительство не напрасно всегда укрепляли боевую мощь Красной Армии. Мы выковали острое и безотказно действующее оружие против всякого, кто посмеет на нас напасть, — теперь это оружие обращено против злейших врагов человечества — германских фашистов и шакалей стай их пособников. Великая историческая битва началась — мы ни на одно мгновение не сомневаемся в ее исходе. Устами товарища Молотова, сообщившего всему миру о подлом нападении гитлеровцев, говорил весь советский народ:

«Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Гитлеровская клика — носительница всего реакционного, античеловеческого, эксплуататорского и изуверского, выразительница всего уродливого и гнилого в современном обществе. Фашизм зачат в кабаках и бандитских притонах, он возрос и пришел к власти в атмосфере чудовищных преступлений, тайных убийств, провокаций, садистских пыток. Не случайно в качестве своего «героя», которому посвящен специальный гимн, фашисты канонизировали известного всему Берлину сутенера

Хорста Весселя, убитого во время своего бандитского промысла. Профессиональные преступники, гомосексуалисты, шпионы и провокаторы, вся темная накипь, все подонки больших городов, все монархические выродки, развращенные атмосферой крови и наживы времен войны 1914—1918 годов, — вот кто составляет основной костяк преступной банды, называющей себя «национал-социалистами».

В качестве «идеологической базы» они выдвигают бредовые «теории» расизма, мракобесную проповедь мирового господства «северной расы» и, главным образом, ее «расово-полноценного» «верхушечного слоя». Эта «теория» рассматривает все другие народы, и особенно славянские, как навоз для процветания «северной расы»; она дает, кроме того, полную возможность исключить из числа «расово-полноценных» всех лучших людей германского народа, не согласных с «теориями» и практикой фашизма.

Девятый год фашистские правители методами кровавого террора насилуют, эксплуатируют, порабащают германский народ, немецких рабочих, крестьян и интеллигенцию; за последние два года путем целой системы ужасающих преступлений, путем подкупа правительств, внезапных, ничем не вызванных нападений на малые народы, шпионских и диверсионных действий многочисленной агентуры, — они поработили целый ряд европейских народов, ограбили и подвергли их жесточайшим мучениям, физически уничтожили сотни тысяч своих жертв. Повсюду на занятых ими территориях фашисты захватили в свои руки производственный аппарат, а все различные запасы продовольствия и товаров отправили в Германию, туда же угнали скот, расплатившись за все ничего не стоящими «оккупационными марками»; они обрекли на голод и медленное умирание миллионы мужчин, женщин и детей. В захваченных странах гитлеровцами установлен режим свирепого террора, полного бесправия поработенных народов, гонений на их родной язык и культуру, жестокого преследования всех «негерманских эле-

ментов», режим рабского, подневольного труда на фашистских порабитителей.

С каждым днем растет число кошмарных застенков — концентрационных лагерей, во-всю «работают» палачи из гестапо, повседневным явлением стали массовые расстрелы непокорных. Закрываются школы и университеты, библиотеки и музеи, открыто провозглашается ненужность и вредность образования и культуры. В самой Германии из учебных заведений изгоняется подлинная наука, вместо которой учащимся преподносят расистские бредни, и на родине Гете, Бетховена, Маркса уничтожаются сокровища подлинной немецкой культуры, устраиваются костры из книг, разбиваются произведения замечательных скульпторов, выбрасываются в подвалы картины прославленных художников, закрываются научные учреждения, зараженные «духом материализма».

Коричневая чума могла распространиться по Европе лишь потому, что фашистскому наскоку «противостояли» правители, среди которых было немало продажных, изменнических и просто бездарных элементов, как в Польше, во Франции и др., где правительства боялись своих народов больше, чем чужеземных полчищ, и препятствовали боевому сплочению народа; лишь потому, что фашисты направляли против малых государств военные силы, намного превосходящие армии этих государств в смысле численности и оснащённости. Все легенды о «непобедимости» германской армии — пошлый фашистский блеф, ибо до нападения на нашу страну этой армии приходилось иметь дело с армиями, намного уступающими ей и численно и по технической оснащённости, а часто и дезорганизованными изменой и предательством.

Обнаглев от своих сомнительных побед, фашисты напали на нашу страну — и здесь узнали, какую могучую силу представляет собою Красная Армия, славная армия великого и единого советского народа, армия патриотов, руководимая мудрым вождем трудящихся, товарищем Сталиным. Уже первые дни войны показали, что хвастли-

вые расчеты гитлеровских разбойников на «молниеносную победу» потерпели полный и позорный крах.

В жестоких и кровопролитных боях первого месяца войны наша армия, флот и авиация показали свое величайшее мужество и замечательную способность наносить жестокие поражения фашистским полчищам. Лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения. Но обезумевший враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт свежие силы, он стремится путем авантюрной военной тактики ошеломить нас и создать хотя бы видимость пресловутой «молниеносности». Не выйдет! Жестокая расплата за авантюру подстерегает фашистских бандитов всюду — в воздухе, на земле, в советских морях.

Каждый день наши газеты сообщают о замечательных подвигах мужества и любви к Родине, совершаемых бойцами и командирами Красной Армии. Иначе и не могло быть, ибо озверелым полчищам фашистов противостоит единый, сплоченный советский народ, сцементированный неразрывным морально-политическим единством, и его Красная Армия, исполненная железной воли к победе, непосредственно руководимая великим вождем народов товарищем Сталиным.

Великий русский народ на своем историческом пути уже не раз победоносно преодолевал натиск полчищ чужеземцев, стремившихся покорить его. Победа над Наполеоном, подчинившим себе всю Европу, продемонстрировала перед миром силу патриотического сплочения народа, отстаивавшего свою родину даже тогда, когда в ней свирепствовал режим крепостничества. Почти два века назад русская армия, разгромив войска короля Прусского Фридриха, заняла столицу Пруссии — Берлин. Русские солдаты не раз били немцев в войне 1914 — 1918 годов. Только-что созданная Красная Армия в 1918 году с позором изгнала немецких интервентов из Советской Украины. Это была молодая армия, формировавшаяся под огнем неприятеля, но бойцы этой армии

защищали свое собственное, с боями и жертвами завоеванное государство, — и они показали, что может сделать освобожденный народ, борющийся за кровное, родное дело.

Теперь фашистские варвары встретились с армией, выступающей во всеоружии передовой военной техники, одушевленной любовью к социалистической родине и ненавистью к гитлеровским выродкам. За этой армией стоит весь советский народ, отдающий себе ясный отчет в том, что победа потребует жертв и огромного напряжения всех народных сил, и готовый на все для достижения этой победы. Советские патриоты на фронте и в тылу полны решимости раз и навсегда покончить с фашизмом, защитив свою Родину, честь и свободу и освободив все человечество от коричневого зверя.

В своем выступлении по радио 22 июня В. М. Молотов говорил:

«Правительство Советского Союза выражает твердую уверенность в том, что все население нашей страны, все рабочие, крестьяне и интеллигенция, мужчины и женщины отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду. Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един, как никогда. Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом.»

Уже первые дни войны показали, что фашистам не удалось застигнуть нас врасплох. Стопроцентная организованная явка мобилизованных, волна добровольцев, требующих отправки на фронт, огромный трудовой подъем на предприятиях и в колхозах страны, рост стахановского движения, замечательные дела советских патриотов, заменяющих мужей и братьев, ушедших на фронт, своевременная уборка богатого урожая в колхозах — эти факты свидетельствуют о том, что твердая уверенность нашего правительства в высокой патриотической сознательности советского народа была вполне обоснована.

Все для победы над фашистскими извергами! — этой мыслью сейчас живет он весь, от мала до велика, от пионера-активиста противовоздушной обороны, до шестидесятилетнего старика-пенсионера, становящегося к станку вместо ушедшего на фронт внука. Строжайшая дисциплина, повышенная бдительность, тесное сплочение, удесятренные усилия в труде — эти лозунги стали нормой поведения каждого советского патриота. Красная Армия получает и будет получать от нашей промышленности и сельского хозяйства все необходимое для победы: совершенное оружие, танки, самолеты, обмундирование, снаряжение, питание. Рабочие, колхозники, ученые, инженеры, врачи — мужчины и женщины — самоотверженно трудятся, каждый на своем месте, во имя грядущей окончательной победы. Сейчас нет второстепенной или менее важной работы — каждый маленький винтик огромного советского механизма должен работать отчетливо и бесперебойно! В этом — важнейшая предпосылка преодоления любых трудностей на нашем пути к победе. Удесатерим же наши трудовые усилия, будем бдительны и готовы пресечь возможные вылазки вражеской агентуры. Объявим беспощадную войну расхлябанности и неорганизованности! Работать больше, лучше, организованней, драться с врагами беспощадно и самоотверженно — вот лозунги, которые объединяют всех патриотов на фронте и в тылу.

Великая Отечественная война советского народа против фашистских разбойников — новый этап в истории нашей Родины. Все передовое и прогрессивное человечество с надеждой смотрит на нашу страну, сочувствует и помогает нам. В тылу фашистского врага растет сопротивление поработенных народов, готовящихся сбросить фашистский гнет со своих плеч.

Против фашизма — за культуру, за свободный труд, за счастье советского народа, за будущее наших детей!

Против фашизма — за Родину, за Сталина, за честь и свободу!

Деятели литературы, искусства и науки против фашизма

★

СВЯЩЕННАЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА

С негодованием, с гневом узнали мы о разбойничьем нападении германских фашистов на наши советские города. Не словами ответит наш народ врагу. Игрок зарвался. Его ждет неизбежная гибель.

Германские фашисты подчинили своему игу много стран. Я видел, как пал Париж, — он пал не потому, что были непобедимы германцы. Он пал потому, что Францию разъели измена и малодушие. Правящая головка предала французский народ. Но там, где солдаты, брошенные всеми, вопреки воле командования, оказывали сопротивление, немецкие фашисты топтались перед ничтожными отрядами защитников. Население небольшого города Тура и два батальона трое суток защищали город от основных сил германской армии.

Советский народ един, сплочен, он защищает Родину, честь, свободу, и здесь не удастся фашистам их низкая и темная игра!

Они разгромили свободолюбивую, веселую Францию, они поработили братские нам народы — высококультурных чехов, отважных югославов и греков, талантливых поляков. Они угнетают норвежцев, датчан, бельгийцев. Я был в разоренных немцами странах. Повсюду я видел горящие гневом глаза, — люди ненавидят разбойников, которые разграбили их страны, убивают их детей, уничтожают их культуру, язык, тради-

ции. Они только ждут минуты, когда зашатается разбойная империя Гитлера, чтобы подняться, все, как один, против своих поработителей. У советского народа есть верные союзники — это народы всех поработенных стран — парижские рабочие и сербские крестьяне, рыбаки Норвегии и жители древней Праги, измученные сыновья окровавленной палачами Варшавы. Все народы с нами, — как на освободительницу, они смотрят на Красную Армию. В оккупированных фашистами странах уже зимой начались партизанские бои — смельчаки не могли больше выдержать неслыханного ига. В ноябре парижские студенты вышли на улицу с револьверами. Норвежцы по ночам истребляли отряды фашистов, поляки уходили в леса и оттуда совершали налеты на фашистских оккупантов. В Чехии рабочие ломали станки: «Ни одного снаряда для немецких фашистов». Теперь на них пойдут не тысячи смельчаков, но миллионы — народы Европы. Судьбе зазнавшегося фашистского палача пришел конец. На стенах древнего Парижа в дни немецкой оккупации я часто видел надписи: «Гитлер начал войну, Сталин ее кончит». Прекрасные слова! Не мы хотели этой войны. Не мы перед ней отступим. Фашисты начали войну. Мы ее кончим — победой труда и свободы. Война — тяжелое суровое дело, но наши сердца закалены. Мы знаем, какое горе принес фашистский захватчик другим

неразумным народам. Мы знаем, как он останавливается, когда видит достойный отпор. Мы не дрогнем, не отступим. Высокая судьба выпала на нашу долю — защитить нашу страну, наших

детей и спасти измученный врагами мир. Наша священная война, война, которую навязали нам захватчики, станет освободительной войной порабощенной Европы.

Илья Эренбург

★

ОБ ОДНОМ ГОЛОСОВАНИИ

В 1932 году Германия проводила последние перед фашистским переворотом выборы по старой «веймарской» конституции. Мне пришлось жить тогда в Южном Бадене, в крошечном городке, и, как в капле воды, видеть отражение огромных политических событий.

Партии, претендовавшие на влияние среди различных слоев населения, каждая за свой риск, принялись агитировать. Уличные витрины были сплошь заклеены плакатами; казалось, что в пестроте красок невозможно разобраться и найти какой-нибудь смысл. Но очень скоро проявились две серьезные силы, действовавшие в предвыборной борьбе и быстро отодвинувшие далеко на задний план своих разнообразных конкурентов.

До этой кампании городок пребывал в тихой захолустной дреме. По праздникам из соседней Швейцарии наезжали в автобусах мешане — помолиться в католическом соборе и побродить в горах. Туристы на мотоциклах пролетали по главной улице. Изредка перед ресторанами появлялись щегольские автомобили с вызывающим фашистским флажком на радиаторе. Будни протекали беззвучно. Содержатели курортных гостиниц и санаторий жаловались на отсутствие приезжих гостей, лавочники ждали покупателей, как розговенья, больные совершали свои монотонные прогулки. Большая текстильная фабрика была давно закрыта, безработные ткачи ушли, куда глаза глядят, по лесным дорогам Шварцвальда. Лишь в обеденную пору около больничной кухни, на задворках, собиралась кучка потрепанных людей, дожидаясь раздачи обедков и слитого из тарелок больных супа.

Но городок ожил, зашевелился, воспрянул во время предвыборной борьбы.

В пивных и ресторанах каждый день гудели собрания. Вместе с газетами, плакатами и листовками из Фрейбурга, Карлсруэ, Штуттгарта понаехали всевозможные, иногда удивительные люди, и по всему стало видно, что готовится нечто необыкновенное.

Один раз поутру, проснувшись, горожане были поражены привязанным к макушке вековой ели огромным фашистским флагом — со свастикой. Этот трюк, потребовавший для своего осуществления порядочных усилий какого-то сорванца, расколол обывателей на два лагеря. Либералы двинулись к владельцу участка, на котором виселась ель, и потребовали снятия флага. Собственник ели объявил себя фашистом, снискав сочувствие сбежавшихся лавочников. Права частной собственности оберегали неприкосновенность флага.

День спустя на дороге, у самого въезда в город, на вершине могучей скалы засверкала огромная белая надпись: «Wählt Liste 1» — «Выбирайте по списку 1». Это вступали в борьбу немецкие трудящиеся. Надпись была неприступна, она виднелась со всех сторон.

Началась кипучая война за голоса, за городскую бедноту, за безработных избирателей. Антифашистские партии организовывали сходки в корпусах старинного монастыря, где ютились рабочие-ткачи с семьями, инвалиды, ремесленный люд. Фашисты тоже засылали сюда своих молодцов. Это были люди из «штурмового отряда», который объявился внезапно, подготовленный к выборам и выпущенный на улицу в коричневых рубашках, со всеми фашистскими бляхами и тряпицами. Содержатели гостиниц, их сыночки, торговцы и просто нанятый сброд приступили к своей «ак-

ции» терроризирования обывателя, тогда еще не подозревавшего, что фашистами уже нарезаны дубинки, которые вскоре забарабанят по его спине.

В день выборов горожан подстерегали две неожиданности. На крыше маленького ратгауза, в помещении которого должно было произойти голосование, торчал фашистский флаг. Испуг, растерянность, возмущение охватили избирателей. Народ жался по углам, боязливо советуясь, — что предпринять? Кто посмел сорвать с магистрата государственный флаг? Не слишком ли рано празднуют победу национал-социалисты? Посмотрим еще — что покажут выборы!

Нашлись люди, решившиеся потребовать от властей, чтобы флаг был немедленно убран. Но перед входом в магистрат, у самой двери, фашистские штурмовики построились в солдатскую колонну. Каждый избиратель вынужден был пройти сквозь угрожающий строй наглых взглядов, обещавших мало приятного. Штурмовики по-командирски выкрикивали призывы, проделывали всякие экзерсисы маршировки и построения на прусский лад, орали свои песни.

Какой-то рабочий проник в здание магистрата, поднялся на крышу, чтобы сорвать с древка флаг. Его обнаружили мальчишки в то время, как он полз по водосбору, держась за черепицу. Фашисты подняли крик, бросились устраивать дикую травлю. Смельчака выручил и спрятал, укрыл от штурмовиков народ.

Так прошли эти выборы — в перепуге, страхе и в самых мрачных ожиданиях.

Вечером в курзале была устроена публичная забава. В это время начинали стекаться сведения о результатах голосования во всей Германии, и господа, нетерпеливо ожидавшие триумфа национал-социалистов, организовали своего рода «тотализатор»: угадавший, какое

место займут в рейхстаге фашисты, должен был получить премию...

Результаты выборов, как известно, были особенно блестящи для антифашистских партий, например, для партии коммунистов: она собрала шесть миллионов голосов. Эти результаты были неожиданны для немецкой реакции и перепугали ее. Вопреки всем усилиям фашизма, подавлявшего демократию еще до прихода своего к власти, народ высказался за коммунистов, продемонстрировал доверие и любовь к их партии, дал твердое обещание на будущее — пойти вперед под ее знаменем.

До сих пор этой грозной цифры — шесть миллионов — германские фашисты не могут забыть. Многие и многие тысячи из этих миллионов жестоко погублены кровавыми преследованиями гитлеровцев, многие и многие тысячи в отчаянии рассеялись по всей земле. Но многие тысячи годами продолжали действовать против фашизма в подполье или открыто — на полях сражений. Прогрессивное человечество непобедимо. И миллионы не умерли, они живы.

Они живы, и они готовятся к новому голосованию теперь, когда всем ненавистные орды германского фашизма брошены Гитлером против отечества труда — против Союза Советов, и повсюду, с огромной силой, вспыхнула надежда на избавление человечества от наглого поработителя. Советский народ отстоит свою землю и разобьет врага. Это будет сигналом, гордым и мощным зовом трубы, по которому поднимутся угнетенные фашизмом народы и разорвут цепи рабства.

Тогда и германский народ скажет свое слово. Миллионы немцев, насильственно принужденные к позорным грабительским походам в чужие земли, обратят оружие против единственно подлинного своего врага: это будет победное, торжествующее голосование немецкого народа за смерть фашизма.

Конст. Федин

ВРАГИ БУДУТ УНИЧТОЖЕНЫ

Летом 1918 года немцы захватили Крым, Дон, Украину, а деникинские белобандиты напирали на Северный Кавказ.

В бухте одного южного города находилось тогда несколько кораблей Красного Флота. Гордо, строго и красиво стояли у причалов густым рядом голубые миноносцы, а линкоры, как грозные крепости, тяжело покоились у мола.

И как-то не думалось, что грозно прет с севера белогвардейщина: люди были заняты своим делом, учреждения работали ровно, бесперебойно, рабочие заводов и портовики выполняли своей ежедневный труд. На пристанях собирался народ и любовался новенькими стройными кораблями. И эти корабли, дружно прижимаясь бортами друг к другу, казались очень молодыми, ловкими, здоровыми — именно по-юношески здоровыми и полнокровными. Под их защитой все смотрели уверенно на завтрашний день.

И вот однажды в бухту вошел чумазый, весь в черном дыму, немецкий миноносец. Он нахально причалил у западного мола, вблизи городской набережной, а над городом угрожающе завыл серогрязный самолет. Он сделал несколько широких кругов и исчез за горами.

Люди потянулись на набережную и с ненавистью смотрели на нежеланного гостя. Зачем он ворвался в советскую бухту? Почему немецкий самолет, как шершень, летал над городом? Раздавались голоса, которые требовали немедленного удаления наглого миноносца.

— Пойдем в совет, товарищи! Пусть эти бандиты убираются. Не можем мы допустить, чтобы немецкие разбойники топтали нашу землю. У нас — советская власть, и мы не потерпим оккупации. Это — не меньшевистская Грузия...

И большая группа граждан бросилась к зданию городского совета.

Немецкие матросы расхаживали по молу и набережной и держали себя развязно. Они скалили зубы и вызывающе покрикивали на толпу.

Возбуждение росло, и многие готовы были броситься на немцев и прогнать их с берега.

Оскорблена была патриотическая гордость советских людей, враг сделал вызов: может быть, он хотел провокаторски разыграть роль оккупанта, чтобы создать конфликт, а потом открыть огонь по городу. Особенно возмутилось рабочее население, когда увидало пушки, направленные на город. Наша эскадра стояла спокойно, и военморы невозмутимо выполняли на кораблях свою повседневную работу.

Толпу успокоили, и она постепенно растаяла. Миноносец стоял два дня, а самолет прилетал по нескольку раз за день.

Городской совет бурно обсуждал вопрос: как быть с кораблями? Немцы потребовали передачи им всего флота, и весь город заполнял улицу около горсовета и с волнением ждал решения. Настроение было такое: ни в коем случае не отдавать, а драться, а если драться нельзя, — потопить все до одного корабля.

Стояли чудесные солнечные дни. Море блистало зеркальной зыбью. Было жарко и душно. По ночам в разных местах кто-то стрелял, и подозрительные «братишки» бродили шайками по улицам.

Однажды среди дня, когда заседание горсовета уже подходило к концу, над его зданием закружился немецкий аэроплан. На улицах и на базарной площади волновались толпы народа. Вдруг самолет снизился, с ревом пронесся над площадью и опять взвился. Все напряженно и с тревогой следили за его полетом. Вдруг от самолета отделился черный огурец. Все в панике бросились в разные стороны.

— Бомба! Берегись! Ложись!

На базарной площади в гуще народа раздался потрясающий взрыв.

В домах и в здании горсовета со звоном полетели стекла. Когда люди очнулись, они увидели несколько трупов, а на том месте, где упала бомба, ме-

стовая была разворочена. Народ сбегался к месту взрыва.

— Это что же за зверство такое? — яростно кричали отовсюду: — В безоружных людей... Мерзавцы!.. Звери!.. Сколько народу уложили!..

— Это они хотели принудить советскую власть отдать им наш флот...

— Но женщины-то, дети-то при чем?.. Зачем же население бомбами глушить?.. Флот?.. Не видать им нашего флота... Не испугают, подлецы... Не позволят народ... Пролили кровь, а сами наутек...

Корабли не были выданы немцам, а потоплены своими же моряками. И красные наши моряки рыдали, когда сходили со своих судов, но топили их. Это была не капитуляция, а самоотверженная борьба с ненавистным врагом.

Итак, с лета 1918 года немецкие оккупанты показали, что они не будут стесняться, что для них договоры не писаны, что они будут свирепо бомбить мирные города и истреблять женщин и детей.

А гитлеровские фашисты, как самая свирепая сила мракобесия, показали свою кровожадность и в Испании. Они расстреливают и бомбят и теперь ни в чем не повинных граждан на всем пространстве Европы.

Гитлеровский фашизм — олицетворение самых страшных злодейств, которых еще не испытывало человечество за всю историю. Все самое черное и варварское вызвано им к жизни. Этот мировой разбойник и жуткий палач ничего не знает, кроме истребления. Все человеческое ему чуждо. Этот «зверь из бездны» несет человечеству самые ужасные испытания и муки. Его цель — мрачное порабощение, тьма одичания, бесконечные страдания миллионов. Фашизм уже не может жить человеческой жизнью: он разрушает всю вековую культуру, он разрушает все человеческие формы общения.

И он, этот свирепейший наш враг, напал на нашу социалистическую страну, строящую всечеловеческое счастье. Человек и зверь, свет и тьма, создатель счастья и разбойник — непримиримы.

Борьба между ними — не на жизнь, а на смерть.

Народ — бессмертен, его жизнь — в свободе. Победа свободы, победа народа, который может жить только в свободе, обеспечена за нами, — за нашим народом, который всегда умел и умеет бороться за свою независимость, за свою родную землю, за свою свободную жизнь. Великая Отечественная война с самым диким, с самым варварским врагом, несущим рабские цепи для народа, всесветные страдания, утонченные пытки, голод, вымирание, истребление всех ценностей, которые созданы культурным человечеством за всю его великую историю, — эта Отечественная война неизбежно окончится разгромом гнуснейшего врага. Германский народ не хотел и не хочет войны, шайка разбойников надела железный ошейник на трудящихся и погнала их под огнем на массовый убой. Но героический дух нашего народа, безмерная его любовь к Родине, к своей стране, которую он создал своими руками вдохновенно, с изумительным трудовым подъемом, — дух советского народа могуч и непреборим. Кровавая шайка Гитлера будет сметена, как бы ни рвалась она, вооруженная до зубов, поработить наше прекрасное отечество.

Враг опасен и коварен, напряженная и, может быть, длительная война, полная жертв и испытаний, будет впереди, но мы, как один человек, будем бороться, не щадя жизни, и победим несомненно. Ненависть к поработителям растет и среди несчастных народов Франции, Чехословакии, Норвегии, Дании, Голландии, Сербии, Греции. Все поработенные народы — вместе с нами. И силы наши удесятрены. Все лучшее, творческое, бессмертное — с нами, и мы, носители правды и жизни, — непобедимы. Сталин — с нами, Сталин среди нас и впереди нас, и мы с огромным одушевлением и боевой радостью будем бить обезумевшего врага, не отступая. Нельзя отступать перед людоедами — их надо только уничтожать. И они неизбежно будут уничтожены!

Федор Гладков

22 ИЮНЯ 1941

Вот событие, которое войдет в историю мира как символ международного коварства, двоедушия и вероломства. Когда мирные цветущие города нашей страны спали, чтоб утром продолжить свою героическую борьбу за человеческое счастье, фашистские самолеты сбросили бомбы на наших людей. Это случилось на исходе ночи, в час, который всегда выбирали убийцы для своих кровавых дел. Длинный свиток фашистских преступлений пополнился еще одним...

Мы запомним дату этого гнусного налета: 22 июня 1941 года. Советский народ сделает все, чтобы дата расплаты не была слишком удалена от даты этого непрощаемого злодеяния.

Все это произошло, несмотря на существующий и ни разу не нарушенный нами договор о ненападении. Значит, снова и снова устами и пушками германских захватчиков вслух и на весь мир произнесено крылатое циничное слово о «клочке бумаги». Все честное на земле содрогнулось при вести об этом кошмарном злодействе; все честное, прогрессивное и последовательное в своем гневе объединится и решительно выступит против организаторов этого моторизованного и бронированного разбоя. Советский народ знает огнине, как ему поступать. Он всегда ненавидел подлость, он всегда дрался с ней, какую бы форму она ни принимала. Грозную, разящую силу он вложил в руки славной Красной Армии, чтобы навеки была истреблена эта свора поработителей европейских народов и самое слово «фа-

шизм» было вычеркнуто из человеческого словаря и обихода.

История нашей страны содержит достаточно событий, поучительных для всех любителей чужого добра. Кто только ни зарился на неисчислимые богатства русской земли, каких только мастеров вооруженной наживы ни повидали мы на протяжении минувших веков? Еще когда не окрепла русская государственность, некоторым разбойникам удавалось с переменным успехом искать славы на бескрайних пространствах наших, пока не появились и Александр Невский, и Дмитрий Донской. Позже все чужеземные пришельцы, без изъятия, ломали себе шею в этом гиблом предприятии. Урок Наполеона, опрокинутого народом русским, памятен всему миру. Какая же судьба ждет в нашей стране нового грабителя, уже наполовину завязшего в месиве из человеческих тел и крови? Не только крушение завоевательных мечтаний, — гибель и смерть ждет его здесь.

Уже не прежний теперь русский народ. Скрепленный кровной дружбой со всеми другими народами Советского Союза, он уже не в зипунах и не с жалким дрекольем встретит непрощенного гостя, который на столько народов надел ярмо позора и горя. Мой народ владеет невиданным могуществом. И его ведет в этот справедливый бой Человек, в мудрости которого содержатся великие будущие победы. Мы победим еще раз, потому что наше дело правое самой большой правдой, какая только существует на земле.

Л. ЛЕОНОВ

★

МЫ ПОБЕДИМ

Об исполненном холодной наглости нападении фашизма на Советский Союз мне привелось узнать вне Москвы, в наших скромных полях и рощах, только что омытых ненастьем. Человек, сообщивший мне о начале войны, наклонился, сорвал листок клевера, внимательно

рассмотрел его и неожиданно улыбнулся.

— Вот, — сказал он, — в старину говорили: река крови! Она высохнет от жаркого дня, и на черной земле первым распухнет какой-нибудь полевой цветок. Так опять завоеует свои права

новый век — век нашей победы, справедливости, умного труда, спокойствия.

Он говорил о неизбежном будущем, а вокруг лежала прекрасная наша земля, и было ясно, что мы не отдадим ее врагу.

Никогда еще слова «родина», «отечество», слова о том, что наша страна — это единственная великая надежда измученного, окровавленного, обманутого человечества, — не звучали с такой окончательной ясностью, как 22 июня 1941 года.

Десяток лет фашизм измывался над всем, что делало человека человеком, — над свободой, достоинством, культурой, трудом, над самой жизнью людей. В кровь и грязь были втоптаны века культуры — ею мы по праву гордились и наполняли ее новыми ценностями, созданными нами, людьми свободы. Мы всегда ощущали и будем ощущать культуру, как нечто вечное, неизблемое. Мы любим свободную человеческую мысль во всех ее воплощениях — будь то камень великолепного здания, слово, краска или печатная буква. Все это было сброшено в грязь пинком фашистского сапога, облитое слюной бешеной собаки.

Фашизм — бессмыслица, нелепость, высшее выражение тупости и злобы, гнойная язва на теле человечества. Он убивает рабочих, крестьян — людей

мирного, прекрасного труда, — детей и женщин. Страну Гете и Шиллера, страну Бетховена, Гегеля, Маркса, немецкий народ фашизм пытается низвести до состояния скотства. Фашизм должен быть и будет уничтожен. Довольно! «Раздавите гадину!» — кричал когда-то в священной ярости Вольтер. И гадина будет раздавлена.

Величайшие усилия масс, вся титаническая работа наших вождей, их глубокое стремление к созданию счастья для трудового человечества — победят!.. Этой последней борьбой и этой победой мы должны жить. Во имя ее мы существуем сейчас на этой земле.

Мы знаем, какую огромную созидательную силу дает радость. Но еще большую силу ненависти дает страдание. Мы знаем, на что способны перестрадавшие, ограбленные народы. И все эти народы будут с нами. Фашизм будет уничтожен, самая память о нем должна быть стерта с истории человечества, как плевок зачумленного.

Мы победим. Мы стоим за правое, великое, светлое дело.

Во имя родной земли, которую мы любим до боли в сердце, во имя великолепного нашего будущего, во имя труда и справедливости, во имя культуры, наконец, во имя самой жизни — мы победим!

Константин ПАУСТОВСКИЙ

★

ФРАНЦУЗСКАЯ КУЛЬТУРА ПОД ФАШИСТСКИМ ГНЕТОМ

Часть французских писателей, и далеко не худших, эмигрировала в Соединенные Штаты; некоторые находятся в Лондоне; другие — в иных местах. Лучшие из тех, кто остался во Франции, работают молча. Могут ли они печататься, если цензура жестоко подавляет все, если могут увидеть свет только те книги, которые восхваляют захватчика-наци и его режим! В Париже Дюамель увидел свои две последние работы изорванными в клочки.

«Не-арийцы» потеряли всякое право издавать что бы то ни было. Старые академики, из числа крайних правых, страдавшие одышкой еще в 1914 году,

занимают теперь в литературе почетное место. Те темные «романисты», которые шумно примкнули к «новому порядку», стали любимцами этого режима, — перед ними открылась неожиданная карьера. Разумеется, нашлись и такие писатели, которые вчера шествовали вместе с национальным фронтом, а теперь с энтузиазмом славословят вышеупомянутый «новый порядок». Но их — меньшинство.

Франция рассечена надвое. Ничто из того, что пишется и издается в одной ее половине, не появляется в другой. Отныне Тулуза отдалена от Бордо больше, чем от Нью-Йорка; в Париже неизвест-

но то, что появляется в Лионе, и наоборот. Славная, старая, благороднейшая и свободная культура обречена на распад, на раздробление, подвергнута угнетению и унижению.

Одна часть ученых была изгнана с университетских кафедр — те, кто выказал малейшую симпатию Народному фронту или республиканской Испании. Некоторые из них заключены в тюрьму, как, например, знаменитый историк философии Доден, как знаменитый Ланжевен. И сколько еще других! Нанесен удар тысячам профессоров средней школы и школьных учителей; в университетах многие курсы отменены. Множество крупных ученых вынуждено эмигрировать.

Не надо забывать, что два миллиона французов находятся в постоянном военном плену, и более ста тысяч — в плену политическом. И среди них — сколько ученых, исследователей, инженеров, артистов!

Запрещение перехода из одной зоны в другую — без каких-либо исключительных поводов (экономического характера), тоже, впрочем, редко признаваемых властями. — остановило научную жизнь, сделало невозможными научные конгрессы, деятельность научных обществ, взаимный обмен опытом между лабораториями, посещение библиотек.

Чтобы понять положение артистов, достаточно только отдать себе отчет в том, что ни одна театральная труппа не может двинуться из Парижа в провинцию, что в Париже и в других городах транспорт почти полностью приведен в негодность; что художники не находят ни холста, ни масла. И найдется ли та-

кой безумный покупатель, который сделал бы сегодня заказ скульптору?

Такое же положение во всех странах, поработанных фашизмом. Всюду вы встретите безмолвие разума, прекращение интеллектуального созидания, искание источников культуры.

Испанские писатели избрали себе приютом Америку, — кроме тех, кто прозябает в европейской тюрьме, как, например, крупнейший испанский художник Пабло Пикассо, заключенный в один из концентрационных лагерей во Франции.

Приехав в СССР, я увидел страну, полную творческих сил, где умственная деятельность в почете, где ученые имеют лаборатории, а писатели — издательства; где артисты имеют театр, архитекторы — мастерские; где мысль оплодотворяется трудом, где каждый участвует в управлении государством.

Я думаю, что теперь особенно Запад может оценить во всем объеме то, чем вы обязаны партии героев, какой является партия большевиков, чем вы обязаны двум человеческим гениям — Ленину и Сталину.

И вот, на эту страну набросился Гитлер со своими бандами, опьяненными жадной разрушения и ненавистью ко всему живому...

Мы сплотились вокруг вашей великой страны, объединенные волей защищать до конца своей жизни все то, что воплощено для нас в СССР, — величайшую сущность духовного богатства, источник будущего, питающий человечество, источник надежды и мужества. Да здравствует СССР, Красная Армия, героический народ и его руководители!

Жан Ришар БЛОК

★

РАМКИ СОЗНАНИЯ

Знакомый получил письмо от дальних родственников из Варшавы.

Слова были неопределенны. Выражения неконкретны. Цель письма — сообщить, что они пока еще живы. Смятение проступало не в словах, а в стиле.

Ужас — в ритме расположения этих слишком спокойных слов, рассчитанных на цензуру.

Еще больше — в почерке.

И только в конце — конкретное сообщение:

«Дома сегодня траур. Ведем нашего мальчика на операцию...»

Кастрировать врага, лишая его силы сопротивления и обращая в раба, — это свойственно эпохам самой ранней дикости. Полузвери в быту, звери в схватке, чудовища в обращении с побежденными, — все это естественно в те давние времена, когда не существовало еще понятия о человеческом обществе, о культуре и цивилизации.

Звериные шкуры, каменные топоры, стрелы, пестрая роспись лиц, непроходимые джунгли вокруг...

Но вообразите на мгновение другое окружение. Регулярное трамвайное движение. Асфальт. Магазины. Электрический свет. Подъемник. Картотека. Регистрационные карточки.

Город, разделенный на районы. Район, разделенный на улицы. Для каждой улицы — очередь. Для каждого района — свой медицинский пункт.

По улице идет мужчина. Отец. За руку ведет будущего мужчину: мальчика сына. Садятся в трамвай. Отсчитывают остановки. Выходят. Сидят в приемной госпиталя. Дожидаются очереди. Дождались. Белые халаты. Блестящие шприцы. Гигроскопическая вата. Ланцет... И снова: трамвай. Едут обратно. Останавливаются. Пропускают пешеходов. Вновь поехали.

Тот же мужчина. Отец.

А рядом...

Есть пределы сознания, в которые может укладываться радость. Есть пределы для гнева. Есть пределы для ужаса.

Пределы ужаса в сознании людей опрокинуты фашизмом.

Ужас, который несет фашизм, — методический ужас, — не укладывается в сознание.

Пределов нормального сознания не хватает, чтобы его вместить. Легче предположить, что бредишь сам, чем осознать кровожадное безумство этого зэря, стремящегося методически, по карте, поработить народ за народом Европы, по картотеке — на всю жизнь уродующего человека за человеком из тех, кто попал в его когти.

Нужно расширить пределы сознания. Фашизм — это факт.

Фашистский террор — это факт.

Стерилизация детей мирного поработленного населения — факт.

И другие рамки надо раздвинуть.

Рамки ненависти.

Рамки ярости.

Ибо не может быть предела ненависти, ярости и гнева в ответ на беспредельный цинизм, с которым давит сапог фашизма все живое, человеческое и человеческое.

Священную борьбу человечества против фашизма возглавляет СССР.

Фашизм будет уничтожен.

С. М. ЭЙЗЕНШТЕЙН

*Заслуженный деятель искусств
Лауреат Сталинской премии*

★

НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ!

Время для слов кончилось!

Перевернулась страница истории!

Имя Сталина у нас в груди!

Несмотря на мой возраст, — где бы ни понадобились мое знание, опыт и

жизнь, — я отдаю себя в распоряжение государства — не только я, но и весь коллектив моих сотрудников.

Наше дело правое!

Да здравствует Красная Армия!

МЕРКУРОВ

*Заслуженный деятель искусств
Лауреат Сталинской премии*

★

СПОКОЙСТВИЕ, РАЗУМ И МУЖЕСТВО

На нашу Родину напали. Наше миролюбие попорано, и советский народ встал на защиту своей земли и своих идеалов.

Художники — такие же бойцы и защитники Родины, как и все другие ее сыны. Оружие наше — кисть и резец, пламенное слово искусства, оно вливает мужество и вселяет уверенность в победе.

Мы, художники, должны показать образ бойца, защитника страны и народа, бдительного, неустрашимого; нашего

бойца — человека разума и свободы, ни в чем не похожего на солдата-зверя, слепого и кровожадного, который напал сейчас на наши границы. Спокойствие, разум и мужество — основные свойства советского бойца. Многие из художников уже ушли на фронт. Мы, оставшиеся, должны помогать и быть полезными не только средствами искусства; когда понадобится, мы возьмем и оружие передовых бойцов. Будем спокойны и мужественны.

В. МУХИНА

Лауреат Сталинской премии

★

ФАШИЗМ БУДЕТ РАЗДАВЛЕН!

Неожиданное нападение на Советский Союз фашистской Германии не имеет precedентов в истории человечества.

Возмущение и негодование, которое охватило весь наш народ, объединяет нас в едином стремлении уничтожить врага, защитить свою Родину. Все думы и помыслы рабочих, крестьян и интеллигенции едины.

События последних дней еще теснее объединили весь наш многонациональный советский народ вокруг партии, правительства и любимого Сталина!

Фашизм несет гибель многовековой

человеческой культуре. Фашизм — ярый враг той новой, светлой жизни, которую мы строим на протяжении двадцати трех лет.

Мы, советские музыканты, включились в борьбу против германского фашизма. Все композиторы мобилизовались на создание музыки для нашей героической Красной Армии. Но когда это будет необходимо, — все мы по зову партии и правительства, как один, встанем в ряды Красной Армии!

Фашизм будет раздавлен!

Р. ГЛИЭР

Народный артист СССР

★

ВСЕ ДЛЯ РОДИНЫ!

Когда-то в исторической науке принято было считать время веками. Эта традиция определялась на основе изучения всей истории человечества.

Но как переменялся весь облик нашей Родины за последнюю четверть столетия! Как изменился в нашей стране человек, его стремления, понятия, взгляды на жизнь, понимание задач культуры, науки, искусства, как изменилось самое понятие слова «человек»!

Гений Ленина—Сталина разбудил могучие силы народов, призвал их к такой жизни, к такому цветению, к такому высокому полету, от которых за-

хватывает дух, от которых сердце бьется чувством радости и счастья.

И вот на наши тучные, золотоколосье поля, на наши чудесные достижения в области науки, культуры и искусства, на наши радостные, молодые жизни, на самое наше бесконечно любимое отечество напали черные, предательские полчища варваров-фашистов.

Наше искусство, призванное служить народу, отчизне, великим принципам свободы, на этот раз, как никогда, должно быть предельно мобильным. Оно должно мобилизовать все силы и энергию на борьбу с самым страшным врагом человечества — фашизмом.

Все способы и методы творческой работы должны быть посвящены великой освободительной борьбе с самым страшным, какое только до сих пор знала история человечества, мракобесием, растлевателем и душителем всех достижений культуры человечества — фашизмом.

Все для Родины!

В ком нет любви к стране родной,
Те сердцем нищие калеки,
Ничтожные в своих делах
И суетны в ничтожной славе.

Т. Г. Шевченко

Все на защиту священной земли богатейшей!

*Гнат ЮРА
Народный артист СССР*

★

МЫ ЕДИНЫ В СВОЕМ ВЕЛИКОМ ГНЕВЕ

Подлые фашистские поджигатели войны, набившие руку на убийствах из-за угла, кичащиеся победами над беззащитными народами, скоро поймут, что их домоганиям, их деятельности наступил конец.

Иезуитская формула: «Цель оправдывает средства» — стала основным практическим правилом деятельности коричневых изуверов, и совершенно естественно, что их отталкивающая варварская цель — вернуть мир к наиболее мрачным временам средневековья — пользуется средствами, продиктованными особой страстью к хладнокровному преступлению.

Любой факт из жизни и деятельности фашистской клики в Германии, начиная от бредовой книги Гитлера «Моя борьба» и до рядового убийства, ставшего в фашистской Германии бытовым явлением, вызывает отвращение и содрогание в каждом нормально мыслящем человеке.

Злорадное циничное стремление ко всему садистски-уродливому, желание испоганить, искалечить, изуродовать всю человеческую культуру — таков облик фашистских убийц.

Сейчас фашистский кулак стукнул в нашу дверь и навязал нам войну.

Взрывы немецких бомб гулко прозвучали на наших колхозных полях, в рабочих районах, эхо этих разрывов прокатилось по всему Советскому Союзу и отозвалось в сердце каждого из нас чувством величайшего негодования и гнева.

Легкие победы фашистских полчищ над беззащитными народами, достигну-

тые ценою предательств и преступлений, организованных пятой колонной, питают самые дерзкие мечтания фашистских заправил.

Но мы — свободный и свободолюбивый советский народ, крепко, любовно спаянная семья, единая в своем устремлении, в радости и трудах.

Мы едины и в своем великом гневе! Мы дружно приветствовали благородные и успешные усилия нашей боевой славной разведки, уничтожившей подлую вражескую пятую колонну.

Мы тесно сплочены вокруг нашего мудрого, родного Советского Правительства. В трудах, в радостях, в победах мы познали и знаем друг друга и всегда сумеем отличить врага, под какой бы формой он ни скрывался.

Фашистские пьяные орды встретит метким огнем наша славная артиллерия, пьяный угар отрезвят хладнокровные очереди героических пулеметчиков, бандитов встретят острые штыки наших испытанных пехотинцев, острые клинки наших непобедимых конников.

Наши гордые сталинские соколы разметут коричневые фашистские тучи, пытающиеся закрыть наше ясное советское небо!

Пусть сбрасывают они своих гнусных лазутчиков и диверсантов, — наши поля и нивы, наши села и города, все мы — от пионеров и до стариков — встретим каждого фашистского убийцу клинками нашего гнева и методически будем обрушивать головы этой гидре.

Истерическому, истощенному воплю фашизма мы противопоставим показанное

нам великим нашим Сталиным спокойствие и уверенность в победе.

Мы знаем, что всю свою повседневную работу, свои знания, чувства и волю мы должны направить к достижению победы над коварным, злым и сильным врагом.

Трудовой подъем охватил весь наш народ — советские патриоты героически работают на наших предприятиях, в шахтах, на заводах, на транспорте.

Высокой трудовой доблестью мы ответим на вызов врага. Здесь особенно значительны задачи искусства.

Писатели, поэты, драматурги, актеры и режиссеры с четкостью и оперативно-

стью военного времени должны включить свои силы в общий подъем нашей страны, сосредоточив их на единой нашей цели: победе над врагом.

Война нагло постучалась в нашу дверь. За этой дверью враг встретит не только доблестную непобедимую Красную Армию, полную готовности браться за Родину и решимости довести дело победы до конца, но и весь советский народ, сплоченный вокруг своего правительства, преданный руководителю и организатору побед — Всесоюзной коммунистической партии большевиков, объединенный горячей любовью к вождю человечества, товарищу Сталину!

А. БУЧМА

*Народный артист УССР
Лауреат Сталинской премии*

★

КОНЕЦ „БЕЛОКУРОЙ БЕСТИИ“

В то время, как наша страна обогащает мир новыми грандиозными культурными достижениями, фашизм цинично щеголяет перед миром жутким ужасом международного разбоя и самых гнусных преступлений против всего, самого дорогого для человечества. Под эти преступные действия «теоретики» фашизма пытаются подвести основу, которая представляет собой кошмарный лженаучный бред. Таким кошмарным бредом является так называемая расовая теория, по которой арийская и специально северо-германская раса стоит выше всех рас и должна господствовать над миром. В действительности, у фашистских палачей одна цель — грабить народы и превращать рабочих, трудовое крестьянство и передовую интеллигенцию в рабочий скот для выколачивания прибылей.

У фашистов есть свой пророк. Этот пророк — Ницше. Он воспевал разбой «сильных». Он писал про них, что они возвращаются к невинной совести хищного зверя, как торжествующие чудовища, которые идут на ужасные убийст-

ва, поджоги, насилия, погромы с гордостью и душевным равновесием, как будто совершают школьную шалость. Это — «идеология» хищного зверя, жадно ищущей добычи «белокурой бестии».

Так писал Ницше. Но сейчас «подвигам» зверя приходит конец. Бестия германского фашизма осмелилась напасть на первое в мире государство рабочих и крестьян и будет стерта с лица земли, как худший позор человечества.

Отечественная война Советского Союза против германских фашистов и их зазнавшегося главаря, опьяневшего от крови и злодеяний Гитлера, — есть вместе с тем война, говоря словами В. И. Ленина, за «все, что было ценного в более, чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры» и за дальнейший новый невиданный прогресс человечества. Наши героические красные войска с именем Сталина на устах несут гибель германскому фашизму и освобождение порабожденным народам Западной Европы, верный залог нового огромного расцвета науки и всей культуры.

Академик Б. КЕЛЛЕР

ДОЛГ УЧЕНЫХ

Я имела возможность лично наблюдать результаты так называемой «политики» фашистов. Я видела крупнейших немецких ученых, которыми гордился весь мир, которыми гордилась Германия и которые потеряли возможность продолжать свою ценнейшую работу и, выброшенные из своей колеи, влачили жалкое существование в Париже, Лондоне и в других местах, где их приютили.

Наиболее талантливые люди науки и искусства, которые, конечно, не могли мириться с фашистским режимом, погибли: либо покончили самоубийством, либо умерли от истязаний в тюрьмах и концлагерях.

Наилучшие традиции многовековой культуры втоптаны в грязь. Каждый день приносит новые непоправимые потери. Все больше усиливается убеждение, что только общими усилиями всех передовых людей, заинтересованных в защите цивилизации, удастся ликвидировать этот кошмар. Каждый мыслящий человек испытывает потребность принять активное участие в этой борьбе против общего врага всего человечества.

Многие слышали и читали о методах и приемах внутренней и внешней политики прежних не достойных Германии правительств. Но вероломство и низость нынешних правителей ни с чем не сравнимы.

Фашисты нарушили договор и, без всякого обоснования, как разбойники, из-за угла напали на нашу Родину. Вместе с чувством глубочайшего возмущения мы испытываем одновременно и чувство гордости при мысли, что на нас, граждан великого Советского Союза, возложена историческая миссия освободить трудящихся всего земного шара от невыносимого фашистского гнета.

В настоящее время на нас обращены взоры трудящихся всех стран, ставших жертвами гитлеровской агрессии, обращены взоры лучших представителей поработанных народов в самой Германии, Италии и других фашистских странах.

Эту историческую нашу миссию мы с честью выполним. У нас не может быть ни тени колебания в правоте нашего

дела, как не может быть сомнения в нашей победе.

На нас, ученых, лежит огромная работа. Мы должны показать зарубежным работникам науки и искусства, как и всей интеллигенции всего мира, за что мы боремся. Мы должны показать ученым всех стран подлинное лицо фашизма и рассеять всю ложь и клевету, которые враги распространяют против Советского Союза. Мы должны раскрыть всю сущность нашей советской культуры, построенной на лучших достижениях человеческого ума всех времен.

На наших глазах во всех странах, где господствует фашизм, не говоря уже о странах поработанных и оккупированных зазнавшимися варварами, один за другим исчезают очаги культуры, закрываются университеты и академии, пользовавшиеся мировой и многовековой славой, уничтожаются лаборатории, из которых вышли крупнейшие изобретения и открытия. Самые блестящие представители современной науки и техники во имя так называемого «нового порядка» подвергаются таким преследованиям, таким издевательствам, которых не знала ни одна эпоха в истории человечества.

В самой Германии, на родине величайших мыслителей и ученых, поэтов и писателей, творцов музыки и изобретателей, на родине Лейбница, Канта, Гегеля, Маркса, Энгельса, Гете и Гейне, наука и культура загнаны за колючую проволоку; лучшие произведения ученых и писателей прошлого и настоящего времени сжигаются на кострах.

Конечной целью фашизма является безоговорочное господство «белокурой бестии», то-есть «высшей германской расы». На предварительно опустошенном, оголенном, освобожденном от всех духовных и материальных ценностей, созданных человеческим гением, земном шаре фашисты хотят водворить «новый», звериный порядок, «новую», звериную идеологию. Не трудно себе представить, чем было бы искусство этого «золотого века», этой «неогерманской цивилизации».

В 1935 году в Бельгии, во Франции, в Англии и Швейцарии я читала доклады о положении науки в Советском Союзе. Я говорила о возможностях, которыми располагают здесь ученые без различия расы, возраста и пола, и о том внимании, которое уделяет науке наше правительство и многомиллионный советский народ. Многие из моих слушателей подходили ко мне после доклада, спрашивая, нельзя ли им приехать жить и работать у нас.

Особенно памятна мне лекция, которую я читала в самом древнем университете Бельгии, в Лувэне. Я говорила о своих работах, о своих сотрудниках, о возможностях, предоставляемых нам для широчайшего развития научных исследований. Громадная аудитория с застенным дыханием слушала мой доклад, который без перерыва длился полтора часа, — а когда я кончила, представители студенчества, как и глава университета, не могли удержаться от признания, что действительно в Советском Союзе созданы все условия, о которых только могут мечтать ученые.

События последних лет показали всему миру, на какие несчастья и бедствия фашизм обрекает человечество.

Теперь наша задача — приложить свои силы для укрепления нашего вооружения, для усиления обороноспособности нашей страны против натиска враждебных сил.

Не теряя ни одной минуты, громадный коллектив научных работников с неописуемым энтузиазмом приступает к выполнению этой своей задачи.

Работы, которые нами ведутся в руководимом мною Институте физиологии и на кафедре физиологии II МГМИ в

течение последних лет, хотя они не имеют непосредственной связи с военной техникой, могут иметь большое значение и для тыла, и для фронта.

В первую очередь эти работы относятся к борьбе с шоком, жертвы которого не менее многочисленны, чем жертвы самих ранений.

Не меньшее значение имеют работы, относящиеся к борьбе с электрическим травматизмом. Возможность восстановить, вернуть к нормальной деятельности вышедшее из строя сердце — фактически есть возможность в значительной степени уменьшить число погибающих.

Наконец, укажу на наши работы по борьбе с утомлением, особенно при бессоннице. Само собой понятно, какое большое значение должны иметь положительные результаты этих исследований для эффективности работы в условиях войны.

Сознание, что работы, проведенные нами в течение многих лет, помимо своего теоретического значения, могут оказаться полезными для повышения обороноспособности нашей Родины, охраняя здоровье наших бойцов на фронте и в тылу, наполняет меня и моих сотрудников чувством удовлетворения и большой радости и одновременно стимулирует нас на дальнейшую работу в этом направлении.

У нас есть все основания надеяться, что результаты дальнейшей работы будут содействовать нашей победе над врагом всего человечества.

Я уверена, что такие же чувства наполняют сердце каждого советского ученого, каждого гражданина нашей любимой Родины.

Академик Л. ШТЕРН

По зверю—огонь!

АЛЕКСАНДР ГАТОВ

★

Гостеприимен наш советский дом.
Красноармейцу в нем почет и место.
Жена гордится мужем-храбрецом.
Героя ждет сестра или невеста.

Гостеприимен наш советский дом,
Но для врага его порог — могила.
Могучих воинов страна вскормила,
А враг наш — старый враг. Он нам
знаком.

Он нам знаком. Коварен и жесток,
Он к нам подкрался ночью, тихомолком.
Фашистский волк собрался на восток?..
Ну, что ж! Пора нам расквитаться
с волком!

Могущественны армия и труд,
Не знающий плаксивых разговоров.
Стремителен и беспощадно крут
Удар танкистов, летчиков, саперов!

Для подвигов взрастила их страна,
В их мужество и в их оружие веря
И вознося героев имена,
Фашистского преследующих зверя.

Пройдем леса, пески и реки в брод!
Растут герои в каждой нашей части.
Фашистам смерть! Товарищи, вперед,
За Родину, за Сталина, за счастье!

Второй. Приличный соотечественник не станет жить в таком вот бараке.

Первый. И везде темно.

Второй. Их дома нет.

Первый. Нет, голубчики дома. Ты думаешь, они смотрят на торжество Третьей империи из первого ряда? Отступим-ка под прикрытием.

(Они снова, пошатываясь, пускаются в путь, первый позади второго.)

Первый. Разве не в этих местах проходит Канал?

Второй. Не знаю.

Первый. Мы тут за углом марксистское гнездо выкурили. Они потом уверяли, будто это был католический союз учеников. Все вранье! Ни на одном не было воротничка!

Второй. А как ты думаешь, сможет он создать народное единство?

Первый. Он все может!

(Останавливается, словно окаменев, и прислушивается. Где-то открылось окно.)

Второй. Это что такое?

(Он спускает предохранитель своего револьвера.)

(Из окна высовывается старик в ночной сорочке, и раздается его тихий зов: «Эмма, это ты?»)

Второй. Это они!

(Как бешеный, делает крутой поворот и начинает стрелять во всех направлениях.)

Первый (орет). На помощь!

(Из окна, напротив того, в котором все еще стоит старик, раздается ужасный вопль подстреленного человека.)

СЛУЖБА НАРОДУ

Вот лагерные стражи,
Холопы, в шпионском раже,
Служат народу вполне,
Чтоб весел он был и не плакал —
Секут и сажают на кол
По самой дешевой цене.

(Концентрационный лагерь. Маленький дворик, зажатый между стенами бараков. Еще до того, как освещается сцена, слышно, как порют человека. Постепенно становится виден охранник, опускающий кнут на голову арестанта. Командир отделения охранников стоит в глубине и курит, повернувшись к избиваемому спиной. Затем он уходит.)

Охранник (устав, садится на бочку). Продолжать работу.

(Арестант поднимается с земли и начинает, пошатываясь, чистить отхожее место.)

Охранник. Ну что тебе стоит, свинья, сказать «нет», когда тебя спрашивают — коммунист ли ты? Тебя избьют до смерти, меня лишат выходного дня, а я устал, как собака. И почему они не поручат это Клайроту?

Для него это одно удовольствие. Когда этот сукин кот опять выйдет (прислушивается), ты возьмешь кнут и будешь лупить по земле, понял?

Арестант. Так точно, господин командир отряда.

Охранник. И это только потому, что я себе все руки отмотал с вами, собаками, понял?

Арестант. Так точно, господин командир отряда.

Охранник. Внимание!

(Снаружи слышны шаги, и охранник показывает на кнут. Арестант поднимает его и хлещет по земле. Эти звуки кажутся охраннику ненастоящими, он ленивым движением указывает на корзину, и арестант начинает хлестать по корзине. Шаги приостанавливаются. Охранник нервно вскакивает, вырывает у арестанта кнут и бьет его.)

Арестант (шопотом). Только не по животу.

(Охранник бьет его по заду. Во двор заглядывает командир отделения.)

Командир отделения. Бей его по животу.

(Начальник отряда охранников бьет арестанта по животу.)

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Вот свора предательской швали:
Они друзей предавали,
Им будет расплатой свинец.
Вся улица знает их лица.
Им спится плохо — им снится
Недобрый конец.

(Обывательская квартирка. Мужчина и женщина стоят у двери и прислушиваются. Оба очень бледны.)

Женщина. Спустились уже?

Мужчина. Нет еще.

Женщина. Перила обломали. Когда они его вытаскивали из квартиры, он был уже без памяти.

Мужчина. Я ведь сказал только, что русские передачи не мы ловили.

Женщина. Ты сказал не только это.

Мужчина. Больше я ничего не говорил.

Женщина. Что ты на меня смотришь? Подделом им. Не надо быть против...

Мужчина. Жалко только, что они ему куртку разорвали. Все мы — люди небогатые.

Женщина. До куртки ли теперь!

Мужчина. А все-таки жалко, что они ее разорвали.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ

Идут светила врачебной науки.
За труд им платят со штуки,
И каждый трудиться рад.
На то, что пошлют им каты,
Кладут они спешно заплаты
И отсылают назад.

(Палата в клинике Шаритэ. Только что доставлен новый больной. Сестры вписывают его фамилию на аспидную дощечку в изголовье койки. На соседних койках разговаривают двое больных.)

Первый больной. А у этого что?

Второй. Я уже видел его в перевязочной. Я сидел рядом с его носилками. Он еще в сознании был, но ничего не ответил, когда я спросил, что с ним. У него все тело — сплошная рана.

Первый. Незачем тебе было тогда и спрашивать.

Второй. Так я же увидел только, когда его перевязывать стали.

Одна из сестер. Тише, профессор идет!

(Сопровождаемый ассистентами и сестрами, в палату входит хирург. Он останавливается возле одной из коек и наставительно говорит.)

Хирург. Перед вами, господа, характернейший случай, показывающий, насколько важно спрашивать все вновь и вновь искать более глубоких причин заболевания, без чего медицина превращается в простое знахарство. У пациента все явления, характерные для невралгии, и долгое время его от нее и лечили. В действительности же оказалось, что этот рабочий спадает болезнью Рейно, которую он приобрел, работая с пневматическими инструмен-

тами, то-есть у него профессиональное заболевание, господа. Лишь теперь можем мы вести лечение правильно. Вы видите на этом случае, насколько ошибочно рассматривать пациента только в клинической обстановке, вместо того, чтобы спросить: откуда этот пациент, где он получил свою болезнь и куда пациент отправится по излечении. Какие три приема должен знать хороший врач? Во-первых?

Первый ассистент. Спрашивать.

Хирург. Во-вторых?

Второй ассистент. Спрашивать.

Хирург. В-третьих?

Третий ассистент. Спрашивать, господин профессор!

Хирург. Правильно! Спрашивать! И в первую очередь о чем?

Третий ассистент. О социальных условиях, господин профессор.

Хирург. Надо только не бояться направить свой взор на частную жизнь пациента, которая нередко бывает, увы, весьма печальной. Когда человек вынужден работать в такой профессии, которая рано или поздно должна разрушить его физически, и он, так сказать, умирает, чтобы не околесть с голоду, мы не любим слышать о таких вещах и избегаем об этом спрашивать.

(Он подходит со своей свитой к койке нового пациента.)

Хирург. А что у этого?

(Старшая сестра что-то шепчет ему на ухо.)

Хирург. Ах, так! (Он бегло и,

видимо, принуждая себя, осматривает больного. Диктует.) Ушибы на спине и на бедрах. Открытые раны на животе. Еще что?

Старшая сестра (читает вслух). Кровь в моче.

Хирург. С каким диагнозом доставлен сюда?

Старшая сестра. Разрыв левой почки.

Хирург. Сначала надо еще сделать рентген.

(Намеревается отойти.)

Третий ассистент (записывающий историю болезни). Причина заболевания, господин профессор?

Хирург. А какая причина указана?

Старшая сестра. Причина болезни указана: падение с лестницы.

Хирург (диктует). Падение с лестницы. Почему руки связаны?

Старшая сестра. Пациент уже дважды срывал повязку.

Хирург. Почему?

Первый больной (вполголоса). Откуда пациент и куда пациент отправляется по излечении? (Головы всех поворачиваются к нему.)

Хирург (откашливаясь). Если пациент будет неспокоен, дайте морфий. (Он идет к следующей койке.) Ну что, лучше стало? Поправляемся, крепнем! (Осматривает у больного горло.)

Один из ассистентов (другому). Рабочий. Доставлен из Ораниенбурга.

Другой (сурово). Стало быть, тоже профессиональное заболевание.

ФИЗИКИ

Ученые, с робкой походкой,
С фальшивой тевтонской бородкой,
Косятся по сторонам,
Несут не теоретическую —
Арийскую, свехисторическую, —
Германскую физику нам.

(Сцена происходит в физическом институте. Двое ученых, Y и X. Y входит с конспиративным видом.)

Y. Вот он!

X. Что?

Y. Ответ на наш вопрос Минковскому в Париже.

X. По поводу волновой природы тяготения?

Y. Да.

Х. И что же?

У. Знаешь ты, кто нам это написал? Это как-раз то, что нам нужно.

Х. Да?

(У пишет на клочке бумаги имя и отдает Х. После того, как Х прочел записку, У берет у него бумажку, рвет в клочки и бросает в камин.)

У. Минковский передал наш вопрос ему. Вот ответ.

Х (жадно хватается за рукопись). Давай сюда! (Внезапно спохватившись, отшатывается.) Только если нас поймают на такой переписке с ним...

У. Это ни в коем случае не допустимо.

Х. Но ведь мы без этого дальше не можем двинуться ни на шаг. Давай сюда!

У. Ты не прочтешь. Я застенографировал это по своей системе, так надежней. Я читаю. Слушай.

Х. Будь поосторожней.

У. Сегодня что — работает Ролькопф? (Показывает направо.)

Х (живает налево). Нет. Рейнгардт. Садись сюда.

У (читает). Речь идет о двух произвольных контравариантных векторах «фи» и «ню» и некотором контравариантном векторе «тэ». С их помощью возможно построить компоненты смешанного тензора второго порядка, структура которого определяется в силу этого таким образом... (пишет формулу).

Х (записывает формулу, потом вдруг делает знак собеседнику). Минуточку. (Встает и идет на цыпочках к стене налево, но не слышит ничего подозрительного и идет обратно. У читает дальше, иногда все же останавливаясь. Они проверяют телефонную трубку, смотрят, не стоит ли кто-нибудь за дверью и т. п.)

У. Для покоящейся, несвязанной напряжениями, не подверженной воздействиям материи это будет «тэ» — единственный из различных компонентов тензорной плотности энергии. Вследствие этого возникает статическое поле тяготения, уравнение которого вместе с постоянным фактором пропорциональности будет... (пишет формулу). При подборе соответственных пространственных координат отклонение от выражения (пишет формулу) будет крайне малым...

(Где-то хлопает дверь, и они быстро прячут свои записки. Однако ничего не случилось. Они снова углубляются в работу и как будто забывают о том, каким опасным делом занимаются.)

У (читает дальше). Однако, с другой стороны, если массы, о которых идет речь, противостоящие покоящейся и возникающей под влиянием поля массе, очень малы, то движение данного тела по некоторой геодезической мировой линии в этом статическом поле тяготения определяется следующим образом... (пишет формулу). Оно соответствует, таким образом, следующему вариационному принципу (пишет формулу), в силу чего пределы данных отрезков мировых линий остаются неизменными.

Х. Так, ну а что говорит Эйнштейн по поводу...

(По испугу, который разливается в лице У, Х замечает, что оговорился и тоже застывает в ужасе. У выдергивает у него из рук выписки и прячет в карман.)

У (очень громко в сторону стены налево). Да ну, это просто обычные еврейские фокусы. Какое это может иметь отношение к физике.

(Они берутся снова за свои записки и с величайшей опаской углубляются в них.)

ШПИОН

Профессора маршируют,
 Безусый юнец их муштрует
 И жучит: «Грудь колесом!
 Нам знать о земле не гоже,
 О море и небе — тоже!..»
 О чем же можно? О чем?

Проходят милые детки,
 Что служат в контрразведке,
 На пап и мам донося:
 Мол, папы и мамы — изменники!
 И вот, они уже пленники,
 И спета песенка вся.

(Дожливый день. Воскресенье. Муж, жена и школьник-сын только-что кончили обедать. Входит служанка.)

Служанка. Климбчи звонят и спрашивают, дома ли господа.

Муж (отрывисто). Нет.

(Служанка выходит.)

Жена. Ты должен был сам подойти к телефону. Они ведь знают, что мы никуда не могли уйти.

Муж. Почему это мы никуда не могли уйти?

Жена. Потому что идет дождь.

Муж. Это еще не основание.

Жена. Да и куда бы мы пошли? Это им сразу же придет в голову.

Муж. Мало ли, куда можно пойти.

Жена. Так почему же мы не идем?

Муж. А куда нам идти?

Жена. Если бы хоть дождя не было...

Муж. А куда бы пошли, если бы дождя не было?

Жена. Прежде можно было по крайней мере встречаться с людьми.

(Пауза.)

Жена. Напрасно ты не подошел к телефону. Теперь они знают, что мы не хотим, чтобы они бывали у нас.

Муж. Ну и пусть они знают!

Жена. Неприятно, что мы избегаем их как-раз теперь, когда все начали их сторониться.

Муж. Мы не сторонимся их.

Жена. Так почему им тогда не притти к нам?

Муж. Потому что этот Климбч надел мне до смерти.

Жена. Прежде он тебе не надоедал.

Муж. Прежде! Не раздражай ты меня своим вечным «прежде»!

Жена. Во всяком случае, прежде ты не оборвал бы знакомства с ним, потому что школьная инспекция что-то против него затевает.

Муж. Ты, значит, хочешь сказать, что я трус?

(Пауза.)

Муж. Так позвони им и скажи, что мы вернулись из-за дождя.

(Жена не двигается с места.)

Жена. Может быть, спросить Лемке, не хотят ли они зайти?

Муж. Чтобы они опять доказывали нам, что мы с недостаточным воодушевлением относимся к военно-воздушной подготовке?

Жена (мальчику). Не трогай радио, Клаус-Генрих.

(Мальчик берет газету.)

Муж. То, что сегодня идет дождь, это катастрофа. Нет, немислимо жить в стране, где дождь означает катастрофу.

Жена. По-твоему, очень благоразумно говорить вслух такие вещи?

Муж. У себя, в своих четырех стенах я могу говорить, что мне угодно. Я не позволю, чтобы мне в моем собственном доме запрещали...

(Он обрывает на полуслове. Входит служанка с кофейной посудой. Оба молчат, пока она не выходит.)

Муж. Неужели нам обязательно нужна служанка, у которой отец — квартальный наблюдатель?

Жена. Об этом мы, кажется, уже достаточно говорили. В последний раз ты сказал, что это имеет свои преимущества.

Муж. Мало ли что я говорю! Попробуй проболтаться своей матери, и мы попадем в хорошенькую историю.

(Их снова прерывает появление служанки, которая приносит кофе.)

Жена. Довольно, Эрн. Вы можете итти. Я справлюсь сама.

Служанка. Большое спасибо, сударыня. (Уходит.)

Мальчик (отрываясь от газеты). Это все священники такие, папа?

Муж. Какие?

Мальчик. Такие, как здесь написано.

Муж. Что ты вздумал читать! (Вырывает у него газету из рук.)

Мальчик. Но наш групповой руководитель сказал, что мы можем читать все, что пишут в этой газете.

Муж. Групповой командир мне не указ. Я сам знаю, что тебе можно и чего тебе нельзя читать.

Жена. Вот тебе десять пфеннигов, Клаус-Генрих, поди купи себе что-нибудь.

Мальчик. Да ведь дождь идет.

(Он нерешительно подходит к окну.)

Муж. Если они не перестанут печатать отчеты о процессах священников, я откажусь от подписки на эту газету.

Жена. А на какую ты подпишешься? Все печатают одно и то же.

Муж. Если эти мерзости печатаются во всех газетах, так я не буду читать ни одной. И от этого я не буду меньше, чем сейчас, знать, что делается на свете.

Жена. Собственно, не так плохо, что они наводят чистоту.

Муж. Чистоту! Все это только политика.

Жена. В конце концов нам все равно. Мы ведь протестанты.

Муж. Но народу не все равно, если его пичкают такими гадостями.

Жена. Ну, а что же им делать, если такие вещи действительно происходят?

Муж. Что им делать? Не мешало бы им хоть раз на себя посмотреть. У них в «коричневом доме» тоже не все без греха, насколько мне известно.

Жена. Но все-таки эти процессы доказывают оздоровление народа, Карл.

Муж. Оздоровление! Хорошенькое оздоровление! Если это называется здоровьем, то я предпочитаю болезнь.

Жена. Ты сегодня все время нервничаешь. Что-нибудь случилось в школе?

Муж. Что могло случиться в школе? И, пожалуйста, не тверди постоянно, что я нервничаю, именно от этого я и начинаю нервничать.

Жена. Почему мы вечно спорим, Карл? Прежде...

Муж. Этого только я и ждал! Прежде! Ни прежде, ни теперь я не желал и не желаю, чтобы кто-нибудь отравлял воображение моего сына.

Жена. Кстати, где он?

Муж. Откуда мне знать!

Жена. Ты видел, как он ушел?

Муж. Нет.

Жена. Не понимаю, куда он мог деться? (Кричит.) Клаус-Генрих!..

(Выбегает из комнаты. Слышно, как она зовет сына. Через некоторое время она возвращается.)

Жена. Он действительно ушел!

Муж. Почему бы ему не уйти?

Жена. Дождь льет, как из ведра.

Муж. Незачем так волноваться, если мальчику захотелось выйти из дому.

Жена. Что мы, собственно, говорили?

Муж. Какое это имеет к нему отношение?..

Жена. Ты так несдержан в последнее время.

Муж. Во-первых, это вовсе не так, а во-вторых, если бы даже я действительно был несдержан в последнее время, то какое это имеет отношение к тому, что мальчика нет дома?

Жена. Но ты ведь знаешь, что они всегда прислушиваются к разговорам взрослых.

Муж. Ну, и...?

Жена. Ну, и... что, если он начнет болтать? Ты ведь знаешь, что им вкочивают в голову в «гитлеровской мо-

лодежи». От них требуют, чтобы они доносили обо всем. Странно, что он так тихонько ушел.

Муж. Глупости!

Жена. Ты не заметил, когда он ушел?

Муж. Он довольно долго стоял у окна.

Жена. Я бы хотела знать, что именно он мог слышать.

Муж. Но ведь ему известно, что бывает, когда на кого-нибудь донесут.

Жена. А тот мальчик, о котором рассказывали Шмуйлке? Его отец до сих пор в концентрационном лагере. Если бы мы хоть знали, до каких пор он оставался тут в комнате.

Муж. Все это совершеннейший вздор!

(Уходит за дверь и зовет мальчика.)

Жена. Странно, что он, не сказав ни слова, просто взял и ушел. Это на него не похоже.

Муж. Может быть, он пошел к кому-нибудь из товарищей?

Жена. Тогда он может быть только у Муммерманов. Я сейчас позвоню к ним.

(Берет телефонную трубку.)

Муж. По-моему, это абсолютно ложная тревога.

Жена (у телефона). Говорит фрау Фурке. Добрый день, фрау Муммерман. Скажите, Клаус-Генрих у вас? Нет? Не понимаю, куда он пропал. Вы не знаете, фрау Муммерман, помещение «гитлеровской молодежи» открыто по воскресеньям? Да? Большое спасибо, я сейчас позвоню туда.

(Вешает трубку. Оба некоторое время сидят молча.)

Муж. Что он, собственно, мог слышать?

Жена. Ты говорил насчет газеты. И насчет «коричневого дома» ты не должен был говорить. Ты ведь знаешь, он так во все это верит...

Муж. А что такое я сказал о «коричневом доме»?

Жена. Разве ты не помнишь? Что там не все чисто.

Муж. Но это ведь нельзя истолковывать, как враждебную критику. Не все чисто — или, как я сказал в более мягкой форме, не все вполне чисто, что уже составляет разницу, и притом довольно существенную, — это скорее шутовское замечание в народном духе, так сказать, в стиле обыденной разговорной речи, которое означает всего лишь, что, вероятно, даже там кое-что не всегда обстоит так, как хотело бы руководство. И к тому же я намеренно подчеркнул этот оттенок простой вероятности, сказав, как я отлично помню, что даже и там тоже «как будто» не все вполне чисто — «вполне» употреблено для смягчения. Как будто! А не — наверное! Я не могу сказать, что то или это там не в порядке, для этого у меня нет никаких данных. А просто — не бывает людей без недостатков. Только это я и хотел сказать, да и то в самой смягченной форме. И, кроме того, сам фюрер выступал однажды с гораздо более резкой критикой по этому поводу.

Жена. Я тебя не понимаю. Со мной тебе незачем так разговаривать.

Муж. Ну, знаешь, как сказать. Мне ведь не известно, где и как ты болтаешь о том, что может иной раз вырваться у человека дома. Разумеется, я далек от того, чтобы обвинять тебя в легкомысленном распространении слухов, порочащих твоего мужа, точно так же, как я ни на один момент не допускаю, чтобы мой мальчик мог предпринять что-либо против своего отца. Но делать зло и отдавать себе в этом отчет — вовсе не одно и то же.

Жена. Перестань, наконец! Лучше бы ты следил за своим языком! Я все время ломаю себе голову и не могу вспомнить, когда именно ты сказал, что в гитлеровской Германии жить нельзя: до того или после того, как ты говорил о «коричневом доме»?

Муж. Я, вообще, ничего подобного не говорил.

Жена. Ты, действительно, разговариваешь так, как будто я — полиция. А я только хочу знать, что мог слышать мальчик.

Муж. «Гитлеровская Германия» — выражение не из моего лексикона.

Жена. И насчет квартального наблюдателя, и что в газетах сплошное вранье, и то, что ты недавно говорил о военно-воздушной подготовке... В конце концов мальчик не слышит от тебя ничего положительного! Это вообще плохо действует на юную душу и только разлагает ее, а фюрер неизменно подчеркивает, что молодежь Германии — это ее будущее. И мальчик, конечно, вовсе не такой, чтобы просто побежать туда и донести. Мне нехорошо...

Муж. У него мстительный характер.

Жена. За что же он стал бы мстить?

Муж. А черт его знает, всегда найдется за что. Может быть, за то, что я отнял у него лягушку.

Жена. Но это было еще на прошлой неделе.

Муж. Но он таких вещей не забывает.

Жена. А зачем ты ее отнял?

Муж. Потому что он не ловил для нее мух. Он морил ее голодом.

Жена. У него, действительно, слишком много других дел.

Муж. Лягушка в этом не виновата.

Жена. Но он ни слова об этом с тех пор не говорил, а сейчас я дала ему десять пфеннигов. И, вообще, мы ему ни в чем не отказываем.

Муж. Да, это называется подкупом.

Жена. Что ты хочешь сказать?

Муж. Они сейчас же заявят, что мы пытались его подкупить, чтобы он держал язык за зубами.

Жена. Как ты думаешь, что они могут с тобой сделать?

Муж. Хм... Все. Разве есть какие-нибудь границы? И для этого стоило быть учителем! Воспитателем юношества! Оно страшно, это юношество!

Жена. Но ведь против тебя ничего нет!

Муж. Против каждого что-нибудь да есть. Все находится под подозрением. И, вообще, достаточно, если че-

ловека подозревают в том, что он подозрителен.

Жена. Но ведь ребенка нельзя считать достоверным свидетелем. Ребенок даже не понимает, что он говорит.

Муж. Это по-твоему. Но с каких пор они стали нуждаться в свидетелях?

Жена. А разве мы не можем придумать, как объяснить твои замечания? Я хочу сказать, что он тебя совершенно неправильно понял.

Муж. Что я, собственно, такое говорил? Я уже ничего не помню. Во всем виноват этот проклятый дождь. Начинаешь злиться... В конце концов я меньше всего стал бы возражать против духовного подъема, переживаемого сейчас немецким народом. Я предсказывал это еще в конце 1932 года.

Жена. Карл, мы не можем сейчас тратить время на разговоры об этом. Мы должны условиться обо всем и при этом немедленно. Нельзя терять ни минуты.

Муж. Я не могу поверить, чтобы Клаус-Генрих был способен на это.

Жена. Прежде всего — насчет «коричневого дома» и мерзостей.

Муж. Я ни звука не говорил о мерзостях!

Жена. Ты сказал, что в газете сплошь мерзости и что ты откажешься от подписки.

Муж. Ах, в газете! Но не в «коричневом доме»!

Жена. Ты не можешь сказать, что ты осуждал мерзости католического духовенства? И считаешь вполне вероятным, что именно эти люди, которые сидят теперь на скамье подсудимых, сочиняли в свое время сказки об ужасах «коричневого дома» и распускали слухи, что там не все чисто? И что им еще тогда следовало бы лучше на себя посмотреть? И что, вообще, ты сказал мальчику — оставь в покое радио и почитай лучше газету, так как ты держишься того взгляда, что молодежь в Третьей империи должна зорко наблюдать все, что делается вокруг.

Муж. Все это ничуть не поможет.

Жена. Карл, только не падай духом! Надо быть твердым, как фюрер всегда нам...

Муж. Как я могу защищаться перед судом, когда на свидетельском месте будет стоять моя собственная плоть и кровь и давать показания против меня!

Жена. Ах, не принимай этого так близко к сердцу!..

Муж. Как по-твоему, квартальный наблюдатель имеет что-нибудь против нас?

Жена. Ты думаешь — на случай, если у него запросят сведения? Ко дню рождения он получил коробку сигар, и чаевые на новый год тоже были приличные.

Муж. Гауффы дали ему пятнадцать марок!

Жена. Они в тридцать втором году еще читали «Форвертс», а в мае тридцать третьего вывесили черно-бело-красный флаг!

(Звонок телефона.)

Муж. Телефон!

Жена. Подойти?

Муж. Не знаю.

Жена. Кто это может быть?

Муж. Подожди немного. Если позвонит еще раз, тогда подойдешь.

(Ждут. Звонок не повторяется.)

Муж. Нет, так жить нельзя.

Жена. Карл!

Муж. Иуду ты родила мне! Сидит за столом и, прихлебывая суп, которым мы его кормим, подслушивает, что говорят родители... шпион!

Жена. Этого ты не имеешь права говорить!

(Пауза.)

Жена. Ты не думаешь, что нужно как-нибудь приготовиться?

Муж. Может быть, надеть мой «железный крест»?

Жена. Это обязательно, Карл!

(Он достает орден и дрожащими руками прикрепляет его.)

Жена. В школе у тебя все в порядке?

Муж. Как я могу это знать! Я готов преподавать на уроках все, что они хотят. Но чего именно они хотят? Если бы я знал! Разве я знаю, какой им требуется Бисмарк?.. Ты не можешь дать прислуге еще десять марок наградных? Она всегда подслушивает.

Жена (кивает головой). А портрет Гитлера, может быть, повесить над твоим письменным столом? Это будет выглядеть лучше.

Муж. Да, пожалуй.

(Она снимает портрет.)

Муж. Но если мальчик скажет, что мы нарочно повесили портрет на новое место, это будет указывать, что мы чувствуем за собой вину.

(Жена вешает портрет на прежнее место.)

Муж. Кажется, стукнула дверь?

Жена. Я ничего не слышала.

Муж. А я говорю, стукнула!

Жена. Карл!

(Бросается к нему и обнимает.)

Муж. Не теряй головы. Собери мне немного белья.

(Входная дверь захлопывается. Муж и жена застывают на месте, в углу. Открывается дверь комнаты, входит сын с пакетиком в руке.)

Мальчик. Что с вами?

Жена. Где ты был?

(Мальчик показывает пакетик с шоколадом.)

Жена. Ты покупал шоколад?

Мальчик. А что же еще? Ясно.

(Жуя, он проходит через комнату и выходит в другую дверь. Родители провожают его испытующим взглядом.)

Муж. Ты думаешь, он говорит правду?

(Жена пожимает плечами.)

ЧЕРНЫЕ БАШМАКИ

Плетутся сироты и вдовы,
 Для них уж могилы готовы
 Взамену райских садов.
 Напрасно за мясом вы ходите,
 Платите налоги и подати,
 А рай пока не готов!

(Кухня рабочего. Мать чистит картошку. Тринадцатилетняя дочка готовит уроки.)

Дочка. Мама, ты мне дашь два пфеннига?

Мать. Для гитлеровской молодежи?

Дочка. Да.

Мать. Нет у меня лишних денег.

Дочка. Но если я не буду вносить двух пфеннигов в неделю, я не поеду летом в деревню. А учительница сказала нам, что Гитлер хочет, чтобы город узнал деревню. Горожане должны ближе подойти к крестьянам. Значит, мне нужно внести сейчас два пфеннига.

Мать. Я подумаю, как мне их для тебя выкроить.

Дочка. Вот было бы хорошо, мама! Давай, я помогу тебе чистить картошку. В деревне хорошо, правда, мама? Там можно есть досыта. Учительница говорила на гимнастике, что у меня большой живот — и что это от картошки.

Мать. Нет у тебя никакого живота.

Дочка. Сейчас нет. А в прошлом году был. Но не такой уж большой.

Мать. Я, может быть, достану немножко требухи.

Дочка. Я-то хоть получаю иногда в школе булочку. А ты хлеба в глаза не видишь. Берта рассказывает, когда она была в деревне, ей там давали хлеб с гусиным жиром. А иногда и мясо. Хорошо, правда?

Мать. Очень даже.

Дочка. И свежий воздух.

Мать. Но ее там, верно, заставили работать?

Дочка. Конечно. Зато давали есть. Но только вот она говорила, хозяйин с нею нахальничал.

Мать. Как так?

Дочка. Ах, ничего особенного. Все время приставал к ней.

Мать. Та-ак.

Дочка. Но Берта была больше, чем я сейчас. На год старше.

Мать. Ступай, готовь уроки.

(Пауза.)

Дочка (снова). Мама, те старые черные башмаки, что нам выдали из комитета, — мне их не придется носить?

Мать. Они тебе пока не нужны. У тебя же есть еще другая пара.

Дочка. Я спрашиваю потому, что мои уже дырявые.

Мать. Вот как? А погода сырая.

Дочка. Ничего, я вложу картонку. Вода не пройдет.

Мать. Пройдет, если подметки прохудились, надо положить новые.

Дочка. Это же очень дорого.

Мать. А почему тебе не нравятся комитетские? Долгоносые?

Дочка. Ну, видишь, ты и сама говоришь — долгоносые.

Мать. Можешь не носить, раз они тебе так не нравятся.

Дочка. А ты не скажешь, что я кокетка?

Мать. Нет. Просто, ты стала старше.

(Пауза. Затем снова.)

Дочка. А два пфеннига ты мне дашь, мама? Мне же хочется поехать в деревню.

Мать (медленно). На это у меня денег нет.

РАДИОПЕРЕДАЧА

Вот геббельсовская банда.
 Их ремесло — пропаганда,
 Объект обработки — народ.
 Объект с каждым часом упрямей,
 Они же своими когтями
 Ему зажимают рот.

(Контора старшего мастера на фабрике. Диктор, стоя возле микрофона, разговаривает с рабочим средних лет, со стариком-рабочим и работницей. В глубине сцены служащий конторы и широкоплечий человек в форме штурмовика.)

Диктор. И вот мы стоим среди маховых колес и приводных ремней, окруженные усердно и бодро работающими соотечественниками, вносящими и свою лепту, чтобы дать нашему дорогому фатерланду все, в чем оно нуждается. Сегодня мы находимся в ткацкой акционерного общества Фукса; и, хотя работа тяжела и напрягается каждый мускул, все же мы видим вокруг только радостные и довольные лица. Но дадим слово нашим соотечественникам... (К старому рабочему.) Вы 21 год на производстве, г-н...

Старик-рабочий. Зедельмайер.

Диктор. Г-н Зедельмайер. Ну, г-н Зедельмайер, отчего видим мы здесь только радостные, бодрые лица?

Старик-рабочий (после некоторого раздумья). Да ведь они все время острят.

Диктор. Так. И работа легче спорится под бодрые шутки, верно? Национал-социализму чужд человеконенавистнический пессимизм, хотите вы сказать? Раньше было иначе, верно?

Старик-рабочий. Да, да...

Диктор. В прежние времена рабочим было не до смеха, хотите вы сказать. Тогда говорили: ради чего мы работаем?

Старик-рабочий. Да, да, есть такие, говорят.

Диктор. Что? Ах, да, вы имеете в виду нытиков, которые всегда есть, хотя их становится все меньше, так как

они должны признать, что их нытье бессильно, все идет вверх при Третей империи с тех пор как над страной опять есть твердая рука. Ведь и вы (к работнице) хотите сказать то же, фрейлейн...

Работница. Шмидт.

Диктор. Фрейлейн Шмидт. На каком из наших заводов работаете вы?

Работница (барабанит, как урок). И потом работа по украшению рабочего помещения, которая доставляет нам большую радость. На добровольные пожертвования нам удалось приобрести портрет фюрера, и мы этим очень гордимся. А также кустами герани, которые своими волшебными красками оживляют серые тона рабочего помещения, предложение фрейлейн Кинце.

Диктор. Итак, вы украшаете цеха цветами, этими прелестными детьми полей? И многое другое, наверно, изменилось у вас на производстве с тех пор как изменились судьбы Германии?

Служащий конторы (встывает). Умывальные.

Работница. Умывальные — это личная идея господина директора Баушля, за которую мы ему искренне благодарны. Желющие могут мыться в прекрасных умывальнях, когда не очень много народу и нет давки.

Диктор. Да, каждый жаждет быть первым? Верно? И там всегда веселая толкотня?

Работница. На 552 человека только шесть кранов, и всегда скандал. Есть такие бессовестные.

Диктор. Но все происходит в самой дружеской атмосфере. А теперь нам хочет еще сказать кое-что господин... забыл его фамилию.

Рабочий. Ман.

Диктор. Значит, Ман. Господин Ман. Скажите-ка нам, господин Ман, все эти нововведения на фабрике оказали влияние на дух ваших коллег-рабочих?

Рабочий. Как это?

Диктор. Ну, вы радуетесь, что опять все колеса вертятся и для всех рук есть работа?

Рабочий. Конечно.

Диктор. И что каждый в конце недели опять уносит домой конверт с зарплатой, этого тоже забывать не следует.

Рабочий. Нет.

Диктор. Ведь не всегда так было. В прежние времена не одному соотечественнику приходилось довольствоваться пособием, жить на подавание.

Рабочий. 18 марок 50. Никаких вычетов.

Диктор (смеется деланным смехом). Ха-ха-ха! Вот так сострил! Из этого много не вычтешь!

Рабочий. Нет, теперь больше.

(Служащий конторы нервно выступает вперед, так же как широкоплечий, в форме штурмовика.)

Диктор. Да, так все получили опять в Третьей империи работу и хлеб. Вы совершенно правы, господин, опять забыл вашу фамилию! Нет колеса, которое бы снова не вертелось, нет руки, которая оставалась бы праздною в Германии Адольфа Гитлера. (Он грубо отталкивает рабочего от микрофона.) В радостном сотрудничестве приступили наши соотечественники к воссозданию своего дорогого германского фатерланда. Хейль!

ЯЩИК

С запаянными гробами
Идут они к смрадной яме.
В гробу — останки того,
Кто подлой своре не сдался,
Кто в классовой битве сражался
За наше торжество.

(Квартира рабочего. Женщина и двое детей. Молодой рабочий с женой пришли их навестить. Женщина плачет. С лестницы доносятся шаги. Дверь распахивается.)

Женщина. Ведь он сказал только, что заработки теперь нищенские. А разве не правда? У девочки нашей с легкими неладно, а нам не на что молоко покупать. За это ведь ничего не могли с ним сделать?

(Штурмовики вносят большой ящик и ставят на пол.)

Один из штурмовиков. Только без сцен. Воспаление легких схватить может всякий. Вот документы. Все в порядке. Только помните—никаких штук.

(Штурмовики уходят.)

Ребенок. Мама, папа там, в середке?

Рабочий (подшел к ящику). Цинковый.

Ребенок. А можно его открыть?

Рабочий (в бешенстве). Да, можно! Где у тебя ящик с инструментами?

(Ищет инструменты; жена пытается его удержать.)

Жена. Не открывай, Ганс! Они заберут и тебя.

Рабочий. Я хочу видеть, что они с ним сделали. Этого-то они и боятся. Иначе бы они не запихнули его в цинковый ящик. Пусты меня!

Жена. Не пушту. Ты слышал, что они сказали!

Рабочий. Что ж, даже взглянуть на него нельзя. А?

Женщина (берет за руки детей и подходит к цинковому ящику). У меня еще цел брат, они могут его арестовать. И тебя могут арестовать, Ганс. Не надо, не открывай. Видеть его мы не смеем! Но не забудем его никогда.

В КОНЦЛАГЕРЕ

Вот сброд живодеров кровавый,
Их руки устали от зверской
расправы,
Врагов они внутренних бьют,
Они их ищут повсюду...
Но кто-то крикнул: не буду!
И бросил в сторону кнут.

(Двор концентрационного лагеря. Заключенные и охранники. Одного заключенного секут.)

О х р а н н и к. Рука заболела. Будешь ты, свинья, еще Интернационал петь! (Заключенный стонет.)

О х р а н н и к. А что бы и вам хоть раз дать волю вашему гневу, когда такая вот свинья распевает здесь Интернационал! (Второму заключенному.) Эй ты, бери плетку и подсыпь ему, да покрепче, а не то всыпем и тебе!

(Второй заключенный медлит.)

О х р а н н и к. Как, сопротивление?

(Он бьет его. Второй заключенный берет плетку и хлещет первого заключенного.)

О х р а н н и к. Десять ударов тебе тоже — за нарушение приказа бить покрепче. (Второй заключенный бьет сильнее.) И еще тебе десять ударов — всего двадцать. (Второй заключенный бьет еще сильнее. Первый заключенный начинает хрипло петь революционную песню. Второй заключенный перестает бить и поет вместе с товарищем.)

(Охранники набрасываются на заключенных.)

НОВОЕ ПЛАТЬЕ

Платья у них в магазине
Невиданные доньше,
Из небывалых шелков, —
Смесь дерьма и бумаги!
А шерсть припрятали скряги,
Шерсть — для штурмовиков.

(Идет дождь. Два штурмовика стоят в подъезде большого дома. Входят мужчина и женщина, спеша укрыться от дождя.)

М у ж ч и н а. Чуть накрапывает. И сейчас перестанет.

Д е в у ш к а. Посмотри, что с моим платьем! Две капли упало, а ты посмотри, на что оно похоже. Ведь оно стоило двадцать восемь марок. А теперь это тряпка. Немецкое изделие. От двух капель дождя — тряпка. Человек трудится, а они воображают, что можно издеваться над ним, как угодно. Получаю-то я двадцать две марки в неделю.

М у ж ч и н а. Перестань!

Д е в у ш к а. Ну да, из шерсти они шьют на штурмовиков. А мы скоро будем ходить голые. Все дрянь. Я три месяца копила. Кофе не пила. Кто мне вернет мои деньги? Этакие...

О д и н и з ш т у р м о в и к о в. Какие, фрейлейн? (Девушка только в этот момент замечает штурмовиков и вскрикивает.)

М у ж ч и н а. Это она из-за платья взволновалась немножко.

Д е в у ш к а (лепечет, заикаясь). Я сказала только, зачем идет дождь, ведь правда, зачем?

„ЗИМНЯЯ ПОМОЩЬ“

В патриотизме рьяном,
С флагом и барабаном,
Сборщики ломаются в дом.
И, выклянчив в нищем жилище
Тряпье и немного пищи,
Суют их нищим потом.

Рука трусливого ката,
Боясь, что близка расплата,
Сует беднякам объедки котлет,
Но дрянь, что им в горло вперли,
У них застревает в горле,
Словно фашистский привет.

(Двое штурмовиков приносят посылку «Зимней помощи» на квартиру старухи, та стоит у стола с дочерью.)

Первый штурмовик. Вот, матушка, это вам посылает фюрер.

Второй штурмовик. Теперь вы не скажете, что он не заботится о вас.

Старуха. Спасибо, большое вам спасибо. Гляди, Эрна, — картошка. И шерстяная кофта. И яблоки!

Первый штурмовик. И письмо, а в нем еще кое-что. Ну-ка, вскройте.

Старуха (вскрывает). 25 марок. Что ты на это скажешь, Эрна?

Второй штурмовик. Это вам «Зимняя помощь»!

Старуха. Угоститесь яблочками, молодой человек. И вы тоже. Вы ведь ее тащили и по лестнице взбирались. Другого-то у меня ничего нет. И сама я тоже угощусь.

(Откусывает яблоко. Все едят, кроме молодой женщины.)

Старуха. Да возьми же, Эрна, не стой, как пень. Сама теперь видишь — твой муж зря болтает.

Первый штурмовик. А что он говорит?

Молодая женщина. Ничего он не говорит. Старуха вздор мелет.

Старуха. Да нет же, он тоже плетет всякую ерунду. Не подумайте, чтобы очень худое. Все мы это болтаем. Цены, мол, что-то вскочили за последнее время. (Указывает яблоком на дочь.) И, правда, она подсчитала по расходной книге, на еду у нее в ны-

нешний год уходит на 123 марки больше, чем в прошлый. Правда, Эрна? (Она видит, что штурмовики отнеслись к этому с явным неодобрением.) Что это вы? Что я такого сказала?

Первый штурмовик. Где у вас хранится расходная книга?

Второй штурмовик. Вы всем ее показываете?

Молодая женщина. Она у меня дома, и никому я ее не показываю.

Старуха. Разве плохо, что она ведет расходную книгу?

Первый штурмовик. А что она распространяет гнусные выдумки, это хорошо, да?

Второй штурмовик. И что-то она не очень громко крикнула «хейль Гитлер», когда мы вошли — как потвоему?

Старуха. Но ведь она все-таки крикнула. А я и сейчас повторю — хейль Гитлер!

Второй штурмовик. Куда мы с тобой угодили, Альберт? Ведь это же настоящий марксистский притон. Придется нам самим заглянуть в расходную книгу. Сейчас же ведите нас к себе домой.

(Хватает молодую женщину за руку.)

Старуха. Да ведь она на третьем месяце. Как же это можно. Эрна, ведь они же сами и посылку принесли и яблоками угощались. И она кричала «хейль Гитлер», господа, что же мне теперь делать! (Штурмовики уводят ее дочь.)

ДВА БУЛОЧНИКА

Засим волокут хлебопеки
С клейстером ларь глубокий —
И видит любой, кто не слеп:
Пекут они хлеб из клея,
Себе добывая на хлеб.

(Тюремный двор. Заключенные шагают по кругу. Очутившись рядом, двое заключенных переговариваются между собой.)

Первый. Слушай, новичок, ты тоже булочник?

Второй. Да. И ты тоже?

Первый. Да. За что тебя забрали?

Второй. Тише.

(Снова шагают по кругу.)

Второй. За то, что я в хлеб не подмешивал отрубей и картофеля. А ты? Давно здесь?

Первый. Два года.

Второй. А за что? Тише!

(Снова шагают по кругу.)

Первый. За то, что я подмешивал отруби в хлеб. Два года тому назад это называлось — фальсификация продуктов питания.

Второй. Тише!

КРЕСТЬЯНИН КОРМИТ ТЕЛКУ

Крестьянин дорогою длинной
Шагает с кислой миной —
Ни гроша с поставки зерна!
Чтоб выходить тощую телку,
Ищи корма втихомолку!
И зол он, как сам сатана.

(Крестьянский двор. Ночь. Возле свиного хлева крестьянин поучает жену и двух детей.)

Крестьянин. Никогда я вас на это дело не сманивал, а вы вот выследили, так теперь уж крепко держите язык за зубами. Иначе засадят вашего отца в Ландсбергскую тюрьму на всю жизнь. Ничего худого мы не делаем, что скотину кормим, коли она голодная. Господь бог не хочет, чтобы тварь голодала. А ежели она голодная, она ревет, а я слышать не могу, когда телка на моем дворе с голоду ревет. Кормить же ее не смей. Ради государства. И все-таки я ее кормлю, да, потому что, если не кормить, так она сдохнет, и это мне убыток, а возместить мне его никто не возместит.

Крестьянка. Я тоже так думаю. Коли мой ячмень, так он мой. И ничего нам эти сволочи не смеют предписывать. И господин пастор сказал: волю, который жует, не завязывай рта.

Значит, корми, мол, спокойно свою скотину. Не мы им их четырехлетний план выдумали, и нас они не спросили.

Крестьянин. Вот именно. Они не за крестьян, и мы не за них. Ячмень свой сдай, а за корм для скотины плати втридорога. Чтобы Штрици было на что пушки покупать.

Крестьянка. Господин пастор говорит: будьте милостивы. Так сказано в Писании.

Крестьянин. Ну и становись у решетки, Тони, а ты, Мари, пойдти на луг и, как увидишь кого, сейчас же скажи.

(Дети занимают указанные места. Крестьянин открывает подпол и достает оттуда ячмень. Пугливо озираясь, тащит он мешок в коровий хлев. Его жена тоже пугливо озирается.)

Крестьянин (всыпая телке ячмень). Так, лопай, не бойся, Лиана. Коли тварь голодает, значит, и государству крышка.

РАБОТОДАТЕЛИ

Проходят работорговцы.
 Для них бедняки, словно овцы —
 Они их на бойню шлют.
 Танкам и самолетам
 Кровью своей и потом
 Платит рабочий люд.

(Возвратясь домой, рабочий застает у себя соседку.)

Соседка. Добрый вечер, господин Фенн. Я хотела занять у вашей жены хлеба. Она сию минуту вышла.

Рабочий. Пожалуйста, фрау Диц. Как вам нравится, какое место я получил?

Соседка. Да, теперь всем дают работу. Вы где, на новом авиазаводе? Бомбардировщики делаете?

Рабочий. Без передышки.

Соседка. Это им в Испанию нужно.

Рабочий. Почему в Испанию?

Соседка. Говорят, чего они только туда ни посылают. Стыд и срам!

Рабочий. Ну, ну! Попродержите язык!

Соседка. Вы что, тоже к ним перешли?

Рабочий. Никуда я не переходил. Я делаю свое дело. А где же Марта?

Соседка. Пожалуй, лучше вас предупредить: кажется, там какая-то неприятность. Когда я вошла, почтальон как-раз принес письмо. Ваша жена прочла и разволновалась. Я уже собралась итти за хлебом к Ширманам.

Рабочий. Да что вы! (Зовет.) Марта!

(Входит его жена. Она в трауре.)

Рабочий. Что с тобой? Кто умер?

Жена. Франц. Письмо пришло.

(Дает ему письмо.)

Соседка. Господи! Что с ним случилось?

Рабочий. Авария.

Соседка (недоверчиво). Он ведь летчиком был, да?

Рабочий. Да.

Соседка. И с ним случилась авария?

Рабочий. Да, в Штеттине. Ночью во время учебного полета, так здесь сказано.

Соседка. Какая там авария. Меня вы не проведете.

Рабочий. Я повторяю то, что здесь сказано. Письмо от лагерного начальства.

Соседка. А он писал вам последнее время? Из Штеттина?

Рабочий. Не убивайся, Марта. Этим горю не поможешь.

Жена (рыдая). Я знаю.

Соседка. Славный был парень ваш брат. Не сварить ли нам кофе?

Рабочий. Будьте так добры, фрау Диц.

Соседка (ищет кастрюлю). Да, тяжелый удар.

Жена. Умойся. Фрау Диц — свой человек.

Рабочий. Не к спеху.

Соседка. А из Штеттина он вам писал?

Рабочий. Письма все время приходили из Штеттина.

Соседка (многозначительно). Вот как. А сам он, верно, был южнее?

Рабочий. Как южнее?

Соседка. На далеком юге, в прекрасной Испании.

Рабочий (жене, которая опять разрыдалась). Возьми себя в руки, Марта! А вам не следует так говорить, фрау Диц.

Соседка. Мне бы только хотелось знать, что бы вам ответили в Штеттине, если бы вы приехали за телом шурина?

Рабочий. Я не поеду в Штеттин.

Соседка. Они умеют прятать концы в воду. Даже за подвиг считают, что у них все шито-крыто. Вот недавно в пивной один хвастал, как ловко они скрывают свою войну. Когда сбивают бомбардировщик, те, что внутри — прыгают на парашютах, а их с других машин расстреливают тут же в воздухе из пулеметов, свои же расстреливают, чтобы они не рассказали, откуда их прислали.

Жена (ей дурно). Дай мне воды, Герберт, мне дурно.

Соседка. Конечно, не следует вас волновать, но уж очень они ловко прячут концы. Они сами понимают, какое это преступление, какой позор — их война. Вот и тут: авария во время учебного полета. А чему они учатся? Боевать они учатся.

Рабочий. Говорите хоть потише. (К жене.) Лучше тебе?

Соседка. Вы тоже из тех, кто на все глаза закрывают. Вот вас и отблагодарили в этом письме.

Рабочий. Замолчите же, наконец!

Соседка. Да, теперь — замолчите. Потому что вам дали место! Вашему шурину тоже дали место. Он потерпел «аварию» как-раз на такой штуке, какие вы изготавливаете на авиазаводе.

Рабочий. Ну, это уж слишком, фрау Диц. Вы говорите — делаю такие штуки. А что делают другие? Что делает ваш муж? Лампочки, да? Это, по-вашему, не для войны? Это только освещение! А на что нужно освещение? Что они освещают? Может быть, танки? Или военные корабли? Или тоже такие штуки? Ну, да, он делает только лампочки. А разве делают сейчас что-нибудь не для войны? Где же искать работу не для войны. Или прикажете с голоду умирать?

Соседка (смутившись). Я же не говорю, чтобы вы умирали с голоду. Конечно, вы должны работать. Я только об этих преступниках говорю. Хорошую они дают работу!

Рабочий (строго жене). Тебе неза-

чем ходить в черном, Марта. Им это не нравится.

Соседка. Им не нравится, чтобы спрашивали — почему да отчего?

Жена (спокойно). По-твоему, мне надо снять черное?

Рабочий. Да, иначе меня сразу же прогонят с места.

Жена. А я не сниму.

Рабочий. То-есть, как?

Жена. Не сниму. Мой брат умер. Я буду носить траур.

Рабочий. Если бы Роза не купила траура после смерти матери, у тебя бы его не было, и ты бы его не носила.

Жена (кричит). Никто не запретит мне носить траур. Если уж они его прикончили, так я имею право хоть поплакать вволю. Этого никогда не было. Такого зверства мир не видел! Бандиты!

Соседка (в то время, как рабочий онемел от ужаса). Что вы, фрау Фенн!

Рабочий (хрипло). Если ты будешь так говорить, мы не только работы лишимся, с нами что-нибудь похуже стряется.

Жена. Пускай меня заберут! Ведь у них есть женские концлагери. Пускай меня туда упрячут за то, что я не могу молчать, когда они убивают моего брата! Какое ему было дело до Испании!

Рабочий. Не ори ты про Испанию.

Соседка. Вы себя доведете до бед, фрау Фенн.

Жена. Оттого, что они тебя с места прогонят, — мы должны молчать? Оттого, что мы подохнем, если не будем делать им бомбардировщики? Все равно скоро придется подыхать, как Францу. Ему они тоже дали место. На метр под землей. Такое бы он и здесь получил.

Рабочий (пытается заткнуть ей рот). Замолчи! Это ничему не поможет.

Жена. А что поможет? Так делайте же то, что поможет!

КАК ОНИ МЕТЯТ КРЕСТОМ

Идут штурмовые отряды,
Как псы, ожидая награды
За кровь городской бедноты.
Они ее выдали коршунам лютым,
Иным встречают хозяев салютом.
Кровавые руки пусты.

(Господская кухня. Штурмовик, кухарка, горничная, шофер.)

Горничная. У тебя в самом деле полчаса времени?

Штурмовик. Ночная работа.

Кухарка. Что вы там делаете по ночам?

Штурмовик. Служебная тайна!

Кухарка. Облава?

Штурмовик. Вам бы все узнать. Но от меня никто ничего не выведает.

Горничная. И тебе еще нужно сегодня в Райникендорф?

Штурмовик. В Райникендорф? А может, в Руммельсбург или в Лихтерфельде—а?

Горничная (смущенно). Может, поел бы на дороге?

Штурмовик. Зарядиться перед боем?

(Кухарка ставит прибор.)

Штурмовик. Да, выбалтывать нам не положено! Застигнуть противника врасплох! Нагряться с той стороны, где не видно ни облачка. Посмотрели бы вы на фюрера, когда он что-нибудь готовит: непроницаем! Вы никогда ничего не знаете наперед. Он, может быть, и сам-то наперед ничего не знает. А потом — сразу удар — молниеносно! Самые сумасшедшие штуки. (Обвязался салфеткой и, вооружившись ножом и вилкой, спрашивает осторожно.) А господа не нагрят, Анна? Я тут сижу и набиваю рот деликатесами.

Горничная. Нет, они сперва позвонили бы, вызвали б машину, правда, господин Франке?

Шофер. Простите? А, да, конечно!

(Штурмовик, успокоившись, принимается за еду.)

Горничная (подсев к нему). Ты, верно, устал?

Штурмовик. Чертовски.

Горничная. Но в пятницу ты свободен?

Штурмовик. Если ничего не произойдет.

Горничная. Кстати, за починку часов взяли четыре пятьдесят.

Штурмовик. Обиралы бессовестные!

Горничная. Они новые-то стоили всего 12 марок.

Штурмовик. Мальчик из аптеки все еще пристает?

Горничная. Ах, что ты!

Штурмовик. Ты мне только слово скажи, и все будет в порядке.

Горничная. Я ничего от тебя не скрываю. Ты в новых сапогах?

Штурмовик (скучным голосом). Да. А что?

Горничная. Минна, вы видели, какие у Тео новые сапоги?

Кухарка. Нет.

Горничная. Покажи ей, Тео! Вот им теперь какие выдают.

(Штурмовик, дожевывая кусок, вытягивает ногу.)

Горничная. Правда, роскошные?

(Штурмовик смотрит по сторонам, словно чего-то ищет.)

Кухарка. Может быть, соли мало?

Штурмовик. Смочить бы.

Горничная. Пива хочешь? Я живо принесу. (Выбегает.)

Кухарка. Она ради вас, господин Тео, из кожи готова выскочить.

Штурмовик. Да, в этом деле я осечки не даю. Бьем молниеносно.

Кухарка. Вы, мужчины, слишком много себе позволяете.

Штурмовик. Женщина только того и хочет. (Видя, что кухарка поднимает тяжелый котел). Зачем же вы так себя утруждаете? Оставьте, это наше дело, мужское.

(Берет из ее рук котел.)

Кухарка. Очень мило с вашей стороны. Вы всегда найдете, в чем подсобить мне. (Бросив взгляд на шофера.) Не все такие услужливые.

Штурмовик. Есть о чем говорить. Нам это только приятно.

(В дверь стучат.)

Кухарка. Это мой брат. Он должен принести лампочку для радио.

(Впускает брата, рабочего.)

Кухарка. Мой брат.

Штурмовик. Хейль Гитлер!

(Рабочий буркнул что-то, что может с некоторой натяжкой сойти за «хейль Гитлер».)

Кухарка. Лампочку принес?

Рабочий. Да.

Кухарка. Ты, может, сейчас же и вернешь? (Выходят вдвоем.)

Штурмовик. Что за личность?

Шофер. Безработный.

Штурмовик. Часто сюда заходит?

Шофер (пожимая плечами). Я сам тут бываю редко.

Штурмовик. Толстуха, та убежденная. Самой чистой пробы.

Шофер. Абсолютно.

Штурмовик. Но брат может оказаться совсем не того колена.

Шофер. Вы его берете на подозрение?

Штурмовик. Я? Нет. Отнюдь, нет. Я никогда никого не беру на подозрение. Понимаете, подозрение — это уже все равно, что уверенность. А там — сразу же и выводы.

Шофер (про себя). Молниеносно!

Штурмовик. Да, вот оно как. (Откинулся на спинку стула, прищурил один глаз.) Вы разобрали, что он

там пробурчал? (Подражает приветствию рабочего.) Это могло означать «хейль». Но могло и не означать. Мы таким молодчикам цену знаем.

(Раскатисто смеется. Кухарка и рабочий возвращаются.)

Кухарка. Мой брат большой мастер по части радио. Но предложи ему послушать — и нисколько это ему не интересно. Будь у меня время, я бы только и делала, что слушала радио. Но у тебя, Франц, времени, слава богу, хватает?

Штурмовик. В самом деле? У вас есть радио, и вы его не включаете?

Рабочий. Включаю иногда — музыку послушать.

Кухарка. А ведь он себе прямо-таки из ничего смастерил превосходный приемник.

Штурмовик. На сколько лампочек?

Рабочий (смотрит на него вызывающе). На четыре.

Штурмовик. Да, вкусы бывают разные. (Шоферу.) Не так ли?

Шофер. Простите? А, да, конечно.

Горничная (входит с бутылкой пива). Холодное, прямо со льда.

Штурмовик (дружески накрывает ее руку ладонью). Милая моя, ты совсем задыхаешься. Незачем было так бежать, я подожду бы. (Она ему наливает стакан.)

Горничная. Ничего. (Подает руку рабочему.) Вы принесли лампочку? Посидите немного. Небось, опять шли всю дорогу пешком. (Штурмовику.) Он живет в Райникендорфе.

Штурмовик. А где же мое пиво? Кто-то выпил! (Шоферу.) Это вы выпили мой стакан?

Шофер. Нет, конечно. Как вы могли подумать? Разве нет вашего пива?

Горничная. Я ведь тебе налила!

Штурмовик (кухарке). Ага, это вы мое пиво вылакали! (Раскатисто смеется.) Ничего, успокойтесь. Маленький фокус, практикуемый у нас, штур-

мовиков: пиво выпивается так, чтобы никто не увидел. (Рабочему.) Вы что-то сказали?

Рабочий. Старый фокус.

Штурмовик. Может быть, и вы нам его изобразите? (Наливает ему стакан.)

Рабочий. Что ж, можно. Итак, вот стакан пива (поднимает стакан), и вот вам фокус.

(Он спокойно, со смаком, выпивает пиво.)

Кухарка. Но мы же видели!

Рабочий (обтирая рот). Да? Ну, значит, фокус не вышел.

(Шофер громко смеется.)

Штурмовик. По-вашему, смешно?

Рабочий. Да ведь и вы сделали не иначе. Как вы это сделали?

Штурмовик. А как я вам покажу, если вы у меня все пиво вылакали?

Рабочий. Верно. Без пива фокус не выйдет. А другого фокуса вы нам не покажете? Ведь у вас там немало, верно, в запасе фокусов?

Штурмовик. У нас? Это у кого?

Рабочий. У вас, у молодежи.

Штурмовик. Та-ак!

Горничная. Герр Линке только пошутил, Тео!

Рабочий (признав за лучшее переменить тон). Ну, вы, конечно, не обиделись?

Кухарка. Я вам принесу еще бутылку.

Штурмовик. Не нужно. Промочил глотку — и будет с меня.

Кухарка. Герр Тео умеет понять шутку.

Штурмовик (рабочему). Почему вы не присядете? Мы людей не едим. (Рабочий садится.)

Штурмовик. Строги мы только, когда коснется дела убеждений.

Кухарка. И правильно — здесь строгость к месту.

Рабочий. А какие сейчас могут быть убеждения?

Штурмовик. Убеждения сейчас

самые правильные. А вы иного мнения?

Рабочий. Нет. Я только хотел сказать, что сейчас никто другому не говорит, что он думает.

Штурмовик. Никто другому не говорит? Почему? Мне говорят.

Рабочий. В самом деле?

Штурмовик. Никто, конечно, сам не прибежит рассказать, что он думает. Но можно притти и узнать.

Рабочий. Куда?

Штурмовик. Да хотя бы на биржу безработных. Мы там с утра.

Рабочий. Да, там кое-кто позволяет себе поворчать. Что правда, то правда.

Штурмовик. То-то и оно.

Рабочий. Ну и что ж, вы одного кого-нибудь выловите, а там уж вас узнали. И впредь будут молчать.

Штурмовик. Как это меня узнают? Хотите, покажу вам, как я делаю, чтоб меня не узнали? Вы вот любите фокусы. Могу вам спокойно показать один фокус, потому что у нас их в запасе много. И я всегда говорю: если им будет известно, что у нас припасено в арсенале, они поймут, что никогда у них против нас ничего не выйдет, может быть, сами отступятся.

Горничная. Правда, Тео, расскажи, как вы это проделываете.

Штурмовик. Так вот, предположим, мы с вами на бирже безработных, на Мюнцштрассе. И вы, скажем, (глядит в глаза рабочему) стоите передо мной в очереди на отметку. Но мне нужно сперва кое-что подготовить. (Выходит.)

Рабочий (подмигнув шоферу). Ну, сейчас мы увидим, как они это проделывают.

Кухарка. Надо выловить всех марксистов, потому что это зараза, которую невозможно терпеть.

Рабочий. Угу.

(Штурмовик возвращается.)

Штурмовик. Я, разумеется, в штатском. (Рабочему.) Ну, начинайте ворчать.

Рабочий. Насчет чего?

Штурмовик. Ладно, нечего тут прикидываться. Вы же всегда находите, на что поворчать.

Рабочий. Я? Нет.

Штурмовик. А, стреляный воробей! Но вы не можете уверять, что у нас все идет гладко.

Рабочий. Почему не могу?

Штурмовик. Так нельзя. Если вы не будете мне подыгрывать, ничего не получится.

Рабочий. Хорошо. Уж ради вас рискну. Торчи тут весь день, они наше время ни во что не ставят. Два часа, как я вышел из дому, плелся из Руммельсбурга.

Штурмовик. Нет, это не годится. Что ж вы, право, при Третьей империи от Руммельсбурга до Мюнхенштрассе не стало дальше, чем было при веймарских бонзах. Давайте что-нибудь посуущественней!

Кухарка. Ведь это все равно как в театре, Франц, мы же знаем, что ты только прикидываешься, что ты на самом деле так не думаешь.

Горничная. Вы только как бы представляете недовольного. Можете вполне положиться на Тео, он ничего такого не подумает. Он только хочет кое-что показать.

Рабочий. Хорошо. Тогда я скажу: по мне, так я бы все штурмовые отряды кошке под хвост. Я за марксистов.

Кухарка. Что ты, Франц!

Горничная. Так не годится, герр Линке!

Штурмовик (со смехом). Нет, голубчик! Этак я просто кликну постового и отдам вас под арест. Неужто у вас нет ни на грош фантазии? Вы должны говорить что-нибудь такое, что можно потом повернуть и так, и этак, такое, что в самом деле доводится слышать.

Рабочий. Тогда уж будьте любезны сами меня спровоцировать.

Штурмовик. Бросьте, на это сейчас никого не поймаете. Я мог бы,

к примеру, сказать так: наш фюрер — величайший из людей, какие только жили на земле, он больше Иисуса Христа и Наполеона, вместе взятых, а вы бы, в лучшем случае, ответили: «Ну, конечно». Тут я пробую подойти с другого боку и говорю: горлопаны больше ротые все пропаганду разводят. В этом они мастера. Слыхали вы анекдот про Геббельса и двух вшей? Нет? Ну так вот: две вши поспорили, которая из них быстрее пройдет от одного угла рта до другого. И выиграла спор та, которая обежала сзади по затылку. Тот путь оказался короче.

Шофер. Вот как?

(Все смеются.)

Штурмовик (рабочему). Ну, теперь рискните и вы.

Рабочий. Я в таком роде разговоры разводять не могу. Несмотря на ваш анекдот, вы все-таки можете казаться шпиком.

Горничная. Он прав, Тео.

Штурмовик. Прав? Вот подобрались слюнтяи! Хоть кого выведут из себя! Слова сказать не смеют.

Рабочий. Вы это всерьез говорите или только на бирже безработных?

Штурмовик. И на бирже.

Рабочий. Так вот, если вы это говорите на бирже безработных, то я вам там же на бирже отвечаю: осторожность нигде не повредит. Я трус, у меня нет револьвера.

Штурмовик. Так вот, что я тебе скажу, приятель, раз тебе так дорога осторожность: ты будешь осторожен раз и будешь осторожен другой раз, а потом и угодишь в добровольческий трудовой батальон.

Рабочий. А если я не буду осторожен?

Штурмовик. А тогда во всяком случае угодишь. Спорить не буду. Оно и получится — добровольно! Хорошенькое «добровольно», а?

Рабочий. Что ж, это возможно: подвернулся бы вам такой вот смелый человек, и вы стояли бы с ним рядом в очереди на бирже и уставились бы вы на него вашими голубыми глазами,

он, пожалуй бы, и впрямь начал бы ворчать насчет добровольной трудовой повинности. Ну что бы он мог тут сказать? Разве что так: вчера опять пятнадцать душ отправили. Я часто сам себя спрашиваю, как это они умудряются их набирать, когда повинность вполне добровольная и люди там получают, работая, не больше, чем, сидя здесь и ничего не делая, а желудок-то требует больше. Но потом довелось мне услышать историю про доктора Лей и про кошку, и тут мне все стало ясно. Знаете вы эту историю?

Штурмовик. Нет, не знаем.

Рабочий. Так вот. Доктор Лей отправился в небольшую деловую поездку, и повстречался ему некий бонза времен веймарской республики, имени его я точно не знаю; а было это, скажем, в концлагере, но только как же доктор Лей, такой рассудительный человек, мог туда попасть? Бонза его, значит, спрашивает: как это он добивается того, что рабочие сейчас все готовы проглотить, чего они раньше никак не стерпели бы. Доктор Лей указывает на кошку, которая мирно грелась на солнышке, и говорит: «Допустим, вы хотите угостить ее изрядной порцией горчицы и чтобы она ее проглотила, терпит она ее или не терпит. Как вы этого добьетесь?» Бонза берет горчицу и сует кошке в рот. Та, понятное дело, выплевывает ему эту самую горчицу прямо в лицо. Ничего кошка не проглотила, только всего его исцарапала. «Нет, голубчик, говорит ласково доктор Лей, так у вас ни черта не выйдет. Посмотрите, как делаю я». Он берет на палец горчицу и, глазом не моргнув, заправляет ее несчастной кошке в задний проход (обращаясь к женщинам): вы меня извините, но из песни слова не выкинешь. Кошка, совсем очумев, — ведь боль отчаянная! — тотчас принимается вылизывать из-под хвоста весь заряд горчицы. «Вот видите, любезный, торжествует доктор Лей, кошка ест горчицу! И притом добровольно!»

(Смеются.)

Рабочий. Да, смешная история.

Штурмовик. Теперь дело у нас

пошло. Добровольная трудовая повинность — об этом поговорить любят. Самое скверное, что никто не пытается больше оказывать сопротивление. Заставляют нас жрать навоз, а мы еще спасибо говорим.

Рабочий. Нет, скажу вам, это не так. Стою я недавно на Александерплаце и раздумываю, пойти ли мне в добровольческий трудовой батальон по собственному почину, или ждать, когда меня туда загребут. Из продовольственного магазина на углу выходит маленькая худенькая женщина, сразу видно — жена пролетария. Позволь, говорю я, с каких это пор в Третьей империи объявились вдруг опять пролетарии, когда у нас, так сказать, народное единство вкупе с самим господином Тиссенем. Ах, что вы, говорит она, сейчас, когда маргарин так подскочил в цене, — с пятидесяти пфенигов сразу до марки! — вы будете меня уговаривать, что у нас народное единство! Мамаша, говорю я, будьте осторожны, что вы, право, так передо мной нараспашку, я же национал-социалист до мозга костей. До кости, говорит она, а на костях-то ни скелечко мяса и в хлебе одни отруби. Вот куда загнула! Я стою, как пришибленный, и бормочу: покупали бы уж лучше масло, оно полезней. Только не экономить на еде, это ослабляет силу нации, чего мы никак не можем себе позволить пред лицом врагов, которыми мы окружены, — забрались на самые наивысшие государственные посты... как нас о том предостерегают. Нет, говорит она, все мы честные наци до последнего нашего дыхания, которого и ждать, пожалуй, недолго. А вот недавно, когда я хотела, говорит она, сдать свой плюшевый диван в комитет «Зимней помощи», а то я слышала: Геринг спит уже на голом полу, потому что не хватает сырья, так мне там, в бюро, сказали, лучше бы нам сюда рояльчик: от веселья — и сила. А тут мука пропала — настоящая. Я забираю из «Зимней помощи» свой диванчик и иду с ним в лавку к старьевщику — тут же за углом, я уже давно хотела купить

полфунта масла. А в молочной мне говорят: сегодня, уважаемая соплеменница, никакого масла не будет, не угодно ли пушку? Давайте, говорю я, — это она мне говорит. А я ей: как же так, к чему же это пушки, мамаша? Кушать их на пустой желудок? Нет, говорит она, но уж если мне помирать с голоду, надо кстати разнести всю эту мразь с Гитлером во главе... Что, говорю я, что такое, кричу я в ужасе... С Гитлером во главе мы и Францию победим, говорит она, раз что мы уже из бензина шерсть добываем... А и шерсть? говорю я. И шерсть, говорит она, — из бензина. Шерсть нам нужна. Когда попадает в «Зимнюю помощь» хороший отрез старого доброго времени, его обязательно урвет кто-нибудь из правления. Если бы Гитлер знал, говорит она, но ведь он ничегошеньки не знает, он даже в высшей школе, говорят, не учился. Ну, как услышал я такие разлагающие разговоры, у меня просто язык отнялся. Молодая женщина, говорю я, вы постойте минутку, я только загляну тут в одно место на Александерплаце! Так что ж вы думаете: возвращаюсь я с агентом, а она не изволила дожидаться! Ну что вы на это скажете?

Штурмовик. Я? Да что ж я на это скажу? Я, пожалуй, посмотрю этак неодобрительно. Сразу на Александерплац? — вот что я тебе, пожалуй, сказал бы. С тобою и поговорить нельзя.

Рабочий. Никак нельзя. Со мной никак. Мне вы если что скажете по доверию, обязательно влипнете. Я знаю долг истинного немца. Пусть только мне моя родная мать нашепчет что-нибудь на ухо насчет того, что маргарин вздорожал, или еще что-нибудь, я пойду прямо к штурмовикам в казармы; я родному брату спуску не дам, если он станет ворчать насчет добровольной трудовой повинности. И с невестой тоже: если она мне напишет, что ей там в трудовом лагере начинили брюхо во славу Гитлера, я попрошу установить за ней слежку, чтоб она не вытравила плод, это у нас не полагается, мы не можем идти против собствен-

ной плоти и крови, а не то нашей Третьей империи, которую мы все так любим, не на чем будет держаться. — Ну что, теперь лучше пошла игра? Вы мной довольны?

Штурмовик. Этого, пожалуй, хватит. (Продолжая игру.) А теперь ты можешь спокойно подать свою карточку на отметку, я тебя отлично понял, не правда ли, братец? Но ты можешь вполне на меня положиться, приятель, все, что ты мне сказал, как в могиле похоронено (хлопает его сзади ладонью по лопатке). Так. А теперь вы пойдете спокойно отмечаться, и вас тут же на месте спааают.

Рабочий. И вам не придется даже выйти из очереди и последовать за мной?

Штурмовик. Не придется.

Рабочий. И вы никому не мигнете, — этим тоже можно себя выдать?

Штурмовик. Не мигну.

Рабочий. Как же это вы делаете?

Штурмовик. Вот именно! Вам хочется разгадать наш фокус! Встаньте и повернитесь спиной. (Поворачивает рабочего за плечи так, что все могут видеть его спину. К горничной.) Видишь?

Горничная. Крест стоит, белый крестик.

Кухарка. Как-раз посередке, между лопатками.

Шофер. В самом деле.

Штурмовик. А откуда он взялся, хотите знать? (Показывает ладонь.) Вот маленький белый крестик, сделанный мелом, — он и отпечатался весь, как есть. (Рабочий снимает с себя куртку, рассматривает отпечаток креста.)

Рабочий. Тонко сработано.

Штурмовик. Что, не плохо? Мелок я всегда ношу при себе. Да, тут головой работать надо, никакие уставы тут вам не помогут. Что, вы как будто не в восторге? (Горничной.) Что ты так смотришь, Анна? Не поняла, в чем фокус?

Горничная. Отлично поняла, не такая уж я дура, как ты думаешь.

Штурмовик (протягивает ей руку с таким видом, как будто ему испортили все удовольствие). Сотри.

(Она платком вытирает ему ладонь.)

Кухарка. Вот такими-то приемами и нужно работать, если враги хотят разрушить все то, что построил наш фюрер и в чем нам все другие народы завидуют.

Шофер. Как, простите? А, совершенно правильно. (Достает часы.) Пойду, вымою машину. Хейль Гитлер! (Уходит.)

Штурмовик. Что за личность?

Горничная. Тихий человек. Никакой политикой не занимается.

Рабочий (встает). Так, Минна, я тоже, пожалуй, пойду. И не обижайтесь из-за пива. Должен сказать, я лишний раз убедился, что ничего ни у кого не выйдет, кто что-нибудь затеет против Третьей империи, — очень утешительно это сознавать. Что до меня, так я никогда не соприкасаюсь с разрушителями, а то я с удовольствием выступил сам против них. Только у меня нет такой находчивости, как у вас (ясно и отчетливо). Итак, Минна, премного тебе благодарен.

Штурмовик. Мой вам добрый совет: не представляйтесь вы лучше таким невинным. Это бьет в глаза. Со мной вы могли бы и запустить что-нибудь такое, я умею понять шутку.

(Рабочий уходит.)

Штурмовик. Что это они сразу вдруг распрощались, — точно им вожжа под хвост попала.

Горничная. Я хотела кое-что попросить у тебя, Тео.

Штурмовик. Говори, не стесняйся.

Кухарка. Пойду, белье разберу. Я ведь тоже была молода. (Уходит.)

Штурмовик. Ну что?

Горничная. Я скажу только в том случае, если буду знать, что ты несколько не рассердишься, а иначе я ничего не скажу.

Штурмовик. Звучит подозрительно.

Горничная. Нет, я лучше ничего не скажу. Ты рассердишься.

Штурмовик. Нет уж, выкладывай.

Горничная. Мне, понимаешь... мне так неприятно... Я хочу взять из тех денег двадцать марок.

Штурмовик. Двадцать марок!

Горничная. Вот видишь, ты рассердился.

Штурмовик. Взять с книжки двадцать марок, этим ты меня, конечно, не обрадовала. На что тебе понадобились двадцать марок?

Горничная. Я бы не хотела тебе говорить.

Штурмовик. Так. Ты мне не хочешь сказать? Это, по-моему, странно.

Горничная. Я знаю, что ты не одобришь, так что лучше я ничего тебе объяснять не буду.

Штурмовик. Если ты несколько мне не доверяешь...

Горничная. Да нет же, я тебе доверяю вполне.

Штурмовик. Значит, нам, по-твоему, следует вовсе прикрыть наш общий счет в сберегательной кассе?

Горничная. Ну как ты мог такое подумать! У меня, если я возьму двадцать марок, останется там еще девяносто семь.

Штурмовик. Ты можешь не вычислять мне с такой точностью. Знаю сам, сколько у нас на счету. Я понимаю, ты хочешь порвать со мной, потому что завела шашни с другим. Ты, пожалуй, еще захочешь проверить наши книжки.

Горничная. Я никаких шашней не заводила.

Штурмовик. Тогда скажи, в чем дело.

Горничная. Ты же все равно решил не давать.

Штурмовик. Да на что давать-то? Я же не знаю, может, на какое-нибудь нехорошее дело. Я сознаю свою ответственность.

Горничная. Никаких нехороших

дел; и если бы мне не нужно было, я бы не просила, ты это знаешь сам.

Штурмовик. Ничего я не знаю. Знаю только, что тут пахнет паленым. Зачем тебе могут вдруг понадобиться двадцать монет? Кругленькая сумма! Ты беременна?

Горничная. Нет.

Штурмовик. Уверена, что нет?

Горничная. Уверена.

Штурмовик. Если до меня дойдет, что ты затеваешь что-нибудь незаконное, если только я что-нибудь пронохаю, — крышка! Прямо тебе говорю. Ты, верно, слышала сама: все, что делается против зачатого плода, есть тягчайшее преступление, какое только ты можешь совершить. Если немецкий народ перестанет размножаться, тогда конец его исторической миссии.

Горничная. Но, Тео, я просто не понимаю, о чем ты говоришь. Ничего такого нет, будь тут что-нибудь такое, я тебе сказала бы, это касалось бы и тебя. Но раз уж у тебя такие мысли, я лучше скажу все, как есть. Просто я хочу добавить Фриде на покупку зимнего пальто.

Штурмовик. А почему твоя сестра не может сама купить себе пальто?

Горничная. Да как же она купит его на свою пенсию? Она получает по инвалидности всего двадцать шесть марок восемьдесят пфеннигов в месяц.

Штурмовик. А «Зимняя помощь»? То-то и оно, что вы совершенно не доверяете националистскому государству. Я это понял давно по тем разговорчикам, которые ведутся здесь на кухне. Думаешь, я не заметил, как ты кисло приняла сейчас мой фокус.

Горничная. Ничуть не кисло.

Штурмовик. Кисло! Так же точно, как эти молодчики, которые вдруг распрощались.

Горничная. Если ты хочешь знать мое истинное мнение, мне тоже кое-что не понравилось.

Штурмовик. Что же тебе не понравилось, осмелюсь спросить?

Горничная. Что ты смущаешь несчастных бедняков своими представлениями и фокусами, и всякими штуками. Мой отец тоже безработный.

Штурмовик. Так. Я только и ждал, что ты мне это скажешь. Меня и то сомнения разбирали во время разговора с этим Линке.

Горничная. Ты хочешь сказать, что ты собираешься поймать его на том, что он тут делал тебе же в угоду. И сами его на то подуживали?

Штурмовик. Ничего я не хочу сказать, как тебе уже сказано. А если тебе не нравится то, что я делаю, исполняя свой долг, так я тебе на это заявляю: ты можешь прочитать в «Мейн кампф», что сам фюрер не считал для себя зазорным проверять настроение народа, и это долгое время было его прямым занятием, когда он служил в рейхсвере, и делалось это ради Германии и дало большие результаты.

Горничная. Ну, если ты со мною так, Тео, то я хочу только знать, могу ли я получить свои двадцать марок, вот и все.

Штурмовик. Так я скажу тебе только одно: я не в таком настроении, когда можно что-нибудь у меня вытянуть.

Горничная. Это называется «вытянуть»? Мои это деньги или твои?

Штурмовик. Как ты странно вдруг заговорила о наших общих сбережениях! Для того мы, что ли, убрали евреев, чтобы из нас теперь сосали кровь наши собственные соплеменники!

Горничная. Как ты можешь говорить такие вещи по поводу двадцати марок!

Штурмовик. У меня и так немало расходов. За одни только сапоги двадцать семь марок заплачено!

Горничная. Как? Вам же их выдали бесплатно?

Штурмовик. Да, так мы думали. И я поэтому выбрал самые первосортные, с крагами. А потом поставили нам всем на счет, и мы сели в лужу.

Горничная. Двадцать семь марок за одни только сапоги! А какие же другие расходы?

Штурмовик. Другие расходы?

Горничная. Ты же сказал, что у тебя много расходов.

Штурмовик. Так сразу не вспомнишь. Да и вообще нечего мне тут учинять допрос. Можешь не беспокоиться, я тебя не обману. И насчет двадцати марок я подумую.

Горничная (плача). Тео, это же просто невозможно, как ты мог сказать мне, что с деньгами все в порядке, и вдруг оказывается, что нет. Я просто не знаю, что теперь и думать. Хотя двадцать-то марок осталось у нас — из всех наших денег?

Штурмовик (хлопает ее по плечу). Кто же говорит, что у нас ничего не осталось на счету? Ерунда. Ты можешь на меня положиться. То, что ты мне доверила, то будет в полной сохранности, как в несгораемом шкафу. Ну, веришь ты опять своему Тео?

(Она плачет, не отвечая.)

Штурмовик. У тебя просто нервы не в порядке, ты переутомилась. Ну,

я отправился на ночную работу. Значит, в пятницу я за тобой зайду. Хейль Гитлер! (Уходит. Горничная старается унять свои слезы и ходит в отчаянии взад и вперед по кухне. Возвращается кухарка с корзиной белья.)

Кухарка. Что тут между вами вышло? Вы поссорились? Тео молодец. Побольше бы нам таких. Ничего серьезного, конечно?

Горничная (все еще плача). Минна, не можете ли вы поехать к вашему брату и дать ему понять, что ему нужно остерегаться.

Кухарка. Чего?

Горничная. Ах, у меня тут всякие мысли...

Кухарка. По поводу сегодняшнего? Неужели вы думаете?.. Но разве Тео способен на такую вещь?

Горничная. Я и сама теперь не знаю, что мне думать, Минна. Он так изменился. Они его совсем испортили. Нехорошая у него компания. Четыре года мы с ним были вместе, и теперь мне вдруг стало казаться, точно... Я попрошу вас, посмотрите у меня на спине, там нет креста?

Песня

АЛ. СУРКОВ

★

Пламя в жарком костре поет.
В белом инее сталь штыка.
Получил я письмо твое
Издалёка, издалека.

Будто сразу ушла зима,
И весна пришла к шалашу.
Я тепло твоего письма,
Как броню, на груди ношу.

В этой финской, чужой глуши,
Где покоя и крова нет,
Нежной лаской твоей души
Я в морозную ночь согрет.

Нас рассвет позовет в ружье.
Мы за край родной постоим.
Хорошо, что сердце твое
Бьется рядом с сердцем моим.

Пусть седая пурга поет.
Песня смелых сердец светла.
В письмах Родина нам дает
Щедрый дар своего тепла.

Песня о сапогах

МАРК ШЕХТЕР

★

У рубежей родных — шаги,
Ведут следы в наш дом...
Шьет старый Гершел сапоги,
Колотит молотком.

Покрыта ржавью борода,
И в медные очки
Поблескивают иногда
Веселые зрачки.

Бормочет песенку под нос
Задумчивый старик,
И вот — один каблук прирос,
Другой приставлен вмиг.

— Во имя будущих побед
Поменьше можно спать! —
И ночью он включает свет
И — за иглу опять.

— Не будет сносу сапогам,
Носи хоть двести лет! —
Вот как отвечает врагам
Сапожник — мой сосед.

Топовый узел

ЛЕОНИД СОБОЛЕВ

★

1

«Мощный» нес незаметную службу: вечно заваленный до самой трубы бочками, тюками, ящиками, он ходил с разными поручениями в Ленинград, на форты, в Ораниенбаум, перетаскивал баржи и шаланды, глубокой осенью настойчиво пробивался во льду, задорно наскакывая на льдины своим высоким и острым форштевнем. Порой он пыхтел на рейде, разворачивая огромную махину линкора, для чего, однако, ему требовалась помощь «Могучего» и «Сильного», ибо мощностъ «Мощного» заключалась, главным образом, в его названии: это был обыкновенный портовый буксир полуледокольного типа, невзрачный и трудолюбивый работяга на все руки.

Тем не менее Григорий Прохорыч, бессменный его капитан, всерьез обиделся, когда портовые маляры к началу кампании замазали гордое слово «Мощный» и вывели на бортах невыразительные знаки «КП-16», что означало «Буксир № 16 Кронштадтского порта». В виде протеста Григорий Прохорыч, выпросив у маляров той же краски, собственноручно подновил надпись «Мощный» на всех четырех спасательных кругах и на пожарных ведрах.

— Капе, капе... что за капе, да еще шестнадцатый? Корабль имя должен иметь, а не номер, — жаловался он за вечерним чаем дружку своему, машинисту Дроздову, которого величал «стар-

шим механиком». Оба они, старые балтийские моряки, служили на «Мощном» по вольному найму, служили плотно и устойчиво добрый десяток лет, оба были приземисты, суровы и в свободное время гоняли чай в количестве непостижимом.

— Так разве ж это корабль? — отвечал тот, с хрустом надкусывая сахар. — На кораблях мы с тобой, Григорий Прохорыч, свое отплавали... Бандура это, а не корабль...

Здесь опять начинался горячий спор, имевший многолетнюю давность. Дроздов, человек склада трезвого и иронического, любил подразнить капитана, который считал свой буксир кораблем, наводил на нем военный порядок и воспитывал в почтении к чистой палубе молодежь, в особенности Ваську Жилина, занозистого кронштадтского паренька, а от своего «старшего механика» беспощадно требовал, чтобы «Мощный» не дымил, как паровоз, а ходил без дыма, как и полагается военному кораблю.

Перемена названия огорчила Григория Прохорыча гораздо больше, чем мог предполагать это Дроздов. Если «Могучий», «Сильный» и прочие буксиры-близнецы, волей порта превращенные в номерные «КП», были для других капитанов только местом довольно спокойной службы, то для него «Мощный» был кораблем. А в понятие «корабль» Григорий Прохорыч за тридцать с лишком лет своей флотской службы привык вкладывать огромное содер-

жание. Но добиваться, что именно означает для него корабль, — было бы так же бесполезно и жестоко, как требовать от матери точных разъяснений, что представляет для нее ее ребенок и на основании каких именно данных она страстно верит в то, что сын ее — лучше, красивее, виднее и умнее других.

Корабль был для него смыслом и содержанием жизни. Пожалуй, этой общей фразой вернее всего будет передать все то, что заставляло его рисковать порой здоровьем, отдавать кораблю все силы и чувства, двадцать лет под ряд вскакивать задолго до пробуждения и осматривать палубу, шлюпки и краску, соображая, что следует сделать с началом дневных работ, чтобы корабль был всегда нарядным, подтянутым, чистым и великолепным, — ибо до «Мощного» двадцать лет под ряд Григорий Прохорыч был боцманом — на крейсерах, потом на учебных кораблях и, наконец, на линкоре.

При этих переходах с корабля на корабль он испытывал всегда одну и ту же смену чувств. Сперва это была острая горечь расставания с командой, с которой он сжился и с которой терял друзей и учеников, оставляя в них часть самого себя; со знакомой палубой, где каждый уголок был для него историей; со шлюпками, в быстрый ход и в ослепительную белизну весел которых было вложено так много его боцманского труда. Эту горечь расставания сменяло неодобрительное недоверие к новому кораблю и его команде: все было непривычно, все выглядело иначе, люди все незнакомые, ни на кого нельзя положиться, и везде требовался свой глаз, — и стопора на якорном канате захватывали звенья не по-человечески, и шпиль заедал, и шлюпки были какими-то неуклюжими, как рыбацьи лодки. Но силой великого понятия «свой корабль» все вскоре чудесно преображалось: и стопора оказывались самыми надежными, и шлюпки самыми изящными и быстрыми на всем флоте, и в команде обнаруживался какой-либо самый лучший на все корабли плотник или маляр, — и опять знакомой гордостью билось сердце при взгляде со стенки или с катера

на этот новый, недавно еще чужой, корабль. А прежний — смутным и дорогим видением отходил в глубины чувства и памяти и жил там непререкаемым примером всего самого лучшего, быстрого и толкового: «А вот у нас на «Богатыре» выстрел в полминуты заваливали, и какие выстрела!»¹ И боцманская дудка давала тягу талей и бросов богатырский темп — и огромные бревна, взмахнув одновременно, как длинные узкие крылья, за полминуты плотно прижимались к высоким бортам «Океана» совершенно так же, как и на «Богатыре». И только при встрече в море или стоя рядом в гавани с прежним своим кораблем, Григорий Прохорыч ревниво всматривался в него, ища знакомые и милые сердцу черты, и по привычке вглядываясь, плотно ли занайтовлены шлюпки и не висят ли изпод чехлов концы.

Привязанность Григория Прохорыча к своему кораблю, к его налаженности, порядку, силе и чистоте легче всего было бы объяснить чувством местного патриотизма. Но удивительно было то, что за годы службы все эти корабли, каждому из которых он отдавал частичку своего сердца, неразличимо смешались в одно общее понятие — корабль. Именно это понятие заставило его вместе с шестью такими же старыми балтийскими матросами бросить в Гельсингфорсе надежную и родную палубу крейсера и с малым чемоданом, в котором лежали хлеб, консервы и кой-какой инструмент, кинуться на миноносец «Пронзительный»: на том почти не было команды, а к городу подходили войска интервентов, и флот должен был немедленно уходить сквозь тяжелые льды в Кронштадт, чтобы не оставить военные корабли под сомнительной защитой бумажных пунктов мирного договора.

«Пронзительный» стоял в самом городе, в Южной гавани. Он прижался к стенке, и все четыре его орудия встали на нем дыбом, как шерсть на ма-

¹ Выстрел — горизонтальное бревно, отводимое перпендикулярно к борту для привязи шлюпок.

леньком, но отважном щенке, готовом ринуться в схватку, не обещающую ему ничего доброго, — горячие головы оставшихся на нем матросов готовы были дать залп по белофинским или интервентским отрядам, если только они посмеют коснуться красного флага, трепетавшего на кормовом флагштоке беспомощного корабля.

Матросы с крейсера, среди которых один был членом Центробалта, разъяснили морякам «Пронзительного», что стрелять нельзя, потому что все-таки мир, а вот уходить надо во что бы то ни стало. А стало это во многое: людей на миноносце было раз, два и обчелся, машины устали от трехлетних дозоров и штормов, из командного состава не покинул корабля один только бывший минный офицер. Тем не менее, «Пронзительный» принял за ночь уголь, подправил неполадки в машине и котлах и в тот самый день, когда на Эс-планеде, упиравшейся в гавань, защелкали уже выстрелы интервентов, отдал швартовый и ушел в лед.

Четырнадцать суток он пробивался в ледяных полях, ловчась попасть в извилистую щель, оставленную во льду прошедшими перед ним кораблями. Два дня удалось отдохнуть: его подобрал на буксир транспорт, но на третий они обогнали застрявшего во льду «Внимательного», у которого начисто был сворочен на сторону его длинный таран и обломаны оба винта. «Пронзительный» уступил ему свое место на буксире и пошел опять пробиваться сам. Лыдины порой сжимались, и тогда слабенький корпус миноносца трещал, зажатый огромным ледяным полем, которому раздавить корабль представляло столько же трудности, как створке ворот хрустнуть костями цыпленка. Прохорыч кидался в трюм, клал там ладонь на вздрагивающую сталь обшивки — и под ней явственно ощущался холодный и тяжкий напор льда. Разбили шлюпки — все дерево на корабле ушло на подкрепцы шпангоутов, в отчаянии выбирались задним ходом из предательской холодной щели, неумолимо зажимавшей борта, и однажды обломали себе на этом правый винт. Пошли под одним, хромая, —

но все же шли и шли, шли вперед, в родимый Кронштадт. Возле Гогланда острая льдина все-таки пропоролла борт в правой машине, и четверо суток Прохорыч провел по колени в ледяной воде, откачивая на смену с другими воду, все прибывающую в зазорах спешно сооруженного им пластыря. С тех пор и вьелся в него тот отчаянный ревматизм, от которого он криком кричал перед непогодой и который не давал с прежней живостью носиться по той палубе, которой он властвовал как главный боцман.

Все это было сделано во имя маленького, чужого ему корабля, на котором он даже не плавал, и поэтому вернее было бы говорить не о любви к кораблю, а о любви к флоту. Но Григорий Прохорыч никогда не вдавался в глубокий анализ своих чувств и служил флоту попросту — так, как умел и как чувствовал.

Ревматизм и привел его на «Мощный». Лет восемь тому назад, после торжественного подъема флага в день Октябрьской годовщины, командир и комиссар линкора перед фронтом всей команды поздравили его с тридцатилетием службы на Балтийском флоте и двадцатилетним пребыванием в боцманских должностях — и вручили золотые часы с надписью. Потом комиссар в каюте повел речь о том, что, если ему понатужиться и сдать кое-какие экзамены, то его переведут в средний состав и сделают на линкоре вторым помощником командира. Перспектива эта не на шутку испугала Григория Прохорыча, да и годы давали себя знать вместе с ревматизмом. Он признался комиссару, что последнее время он думает не о повышении, а об уходе на покой, потому что служить по-настоящему ему уже трудно, и ноги уже не те, но что, раздумывая над этим, он не одну ночь проворочался без сна перед страшным призраком безделья на берегу. Набравшись духу, он попросил себе спокойного места на маленьком корабле, где полегче, но только не на берегу, где с непривычки он долго не протянет.

Так он стал капитаном «Мощного»,

и с первого же дня завел на нем настоящие флотские порядки: нормальную приборочку с драйкой палубы и чистой железа и медяшки, форму одежды, воинскую дисциплину, которой не очень охотно подчинялся вольнонаемный экипаж, и даже добился того, что по утрам с подъемом флага весь его «комсостав» — то-есть «старший механик» и боцман, ходивший у него в чине «старшего помощника», — рапортовал ему о том, что на вспомогательном корабле «Мощный» особых происшествий не случилось.

В порту подсмеивались над чудачествами старика, никак не сумев разобраться в их истинной высокой природе, но вскоре с удивлением заметили, что на «Мощном» и старенькие машины реже ломаются, и на палубу приятно ступить, и все поручения выполняются точно и быстро, и что в любое время суток «Мощного» можно выслать куда угодно, потому что капитан всегда на корабле, а команда уволена в город с таким расчетом, чтобы с остальными можно было немедленно развести пары и выйти из гавани. Правда, на «Мощном» не раз сменился весь личный состав, набираемый из кронштадтской вольницы, пока не подобрались на нем люди, в той или иной степени разделяющие взгляды Григория Прохорыча на флотскую службу, под каким бы флагом она ни протекала — под синим портовым или под военным.

И хотя он все же нашел для самолюбия лазейку, разъяснив Дроздову, что подводные лодки тоже называются номерами — «С-1», «Ц-315» — и поэтому, в конце концов, в наименовании «КП-16» особой обиды нет, но буквы и цифры эти он употреблял только в документах, а на палубе и в порту он упорно продолжал называть «КП-16» — «Мощным».

Через полтора месяца после этого события «Мощный» возвращался в Кронштадт, сдав далекой батарее провизию, газеты, снаряды, новый патефон, и приняв пустую тару. Осенний день выдался тихий и солнечный, и Прохорыч позволил себе спуститься в каюту — погостить чаёк. Но на шестом стакане в

светлый люк просунулась с верхней палубы голова Дроздова:

— Эй, капитан, живыми ногами наверх! Полюбуйся-ка!

В голосе его было такое ехидство, что Прохорыч встревоженно вылетел на палубу и ахнул.

Контр-курсом с «Мощным» расходился невиданный великолепный корабль. Стремительный, низкий, гудящий сильными вентиляторами, ладный и стройный, он мчал на себе по морю длинные стволы орудий, широкогорлые торпедные аппараты, точные разлапистые дальномеры, хитрые радиоприборы — всю эту военную мощь, экономно и умно расположенную над сильными машинами и котлами. Безупречные обводы его корпуса разрезали сверкающую воду, а за кормой, словно прилипнув, стоял пенистый бурун, доказывающий ту огромную быстроту, с которой летела по воде эта отлитая в металл воля к победе.

И Григорий Прохорыч, любуясь новым красавцем, вступающим в строй, наставительно подмигнул Дроздову:

— Учись, механик: идет, что торпеда, а дым где?

И точно, над низкими трубами миноносца чуть дрожал прозрачный горячий воздух: вся горючесть нефти была поглощена его котлами, без остатка. Но Дроздов ядовито кивнул на него:

— Ты не на трубы смотри... Грамотный?

Григорий Прохорыч взглянул и насутился: острым морским взглядом он отчетливо разобрал на корме надпись «Мощный». Васька Жилин, дождавшись этого, откровенно захохотал, но тут же осекся, ибо Григорий Прохорыч повернулся к нему грознее тучи:

— Вахтенный! Почему не салютуешь? Устава не знаешь?..

Васька тотчас прыгнул к мачте и поспешно приспустил флаг, а Прохорыч скомандовал «смирно», приложив ладонь к старой своей боцманской фуражке, и замер так, как статуя: невысокий, плотный седеющий балтийский моряк с обветренным коричневым лицом.

И было в этой его неподвижности что-то такое торжественное, что притих

и смешливый Васька, перестал улыбаться и Дроздов, подтянулись и остальные «вольнонаемные», вылезшие на палубу глянуть из-за ящиков и бочек на чудесное видение свежей, юной силы Балтийского флота. В тишине слышался лишь торопливый трудолюбивый стукоток поршней одного «Мощного» и ровный могучий гул турбин и вентиляторов другого. На гафеле миноносца дрогнул распластанный ходом новенький флаг — белый с синей полосой, с красной звездой и советским гербом. Он приспустился на миг, отвечая поклону старенького синего портового флага, и вновь взлетел под гафель.

Миноносец промчал мимо, и тогда пологая бесшумная волна, рожденная бешеным вращением его винтов, добежала до буксира и легко, без усилия, повалила его на борт. По палубе загремели ящики. Васька кинулся за покотившейся к фальшборту бочкой, а к ногам Григория Прохорыча, громяхая, подлетело сбитое ящиком пожарное ведро.

Этим внезапным авралом смыло всю торжественность, и Григорий Прохорыч, поймав ведро, дал волю своему языку, забыв сам свои требования соблюдать военно-морской устав. И только, когда бочки и ящики были словлены и надежно принайтовлены к палубе, он заметил в руках ведро, которым, оказывается, он размахивал. Он повесил ведро на место, взглянул на надпись на нем и пошел вниз, коротко кинув Ваське:

— Прекрасить!

Так бывший «Мощный» окончательно стал скромным «КП-16». Но теперь, распекая за опоздание с берега или за неполадки на корабле, Григорий Прохорыч неизменно заканчивал свой громовый фитиль словами:

— Нет в тебе гордости настоящей за корабль... Какой из тебя балтиец выйдет? Ты припомни, облом, кому мы свое имя передали?..

И медяшка на «КП-16» сияла не хуже, чем на самом «Мощном», на палубе и в машине держалась совершенно воинная чистота, и даже Дроздов ухитрялся сводить пышный султан дыма, обычно колыхавшийся над трубой, до тоненькой серой струйки.

2

В холодный ноябрьский вечер «КП-16» входил в кронштадтскую гавань. Она была погружена во мрак, как и весь город, и темные силуэты настоящих кораблей едва угадывались у стенки. Пронзительный штормовой ветер свистел в древних деревьях Петровского парка, и порой сеть голых их ветвей отчетливо проступала на бледном голубом фоне: это прожектор с далекого форта просматривал небо и море. Все эти дни корабль не знал отдыха, время было тревожное, и Григорий Прохорыч даже не нажимал на чистоту, — команда и так недосыпала и забывала о береге.

Едва подошли к стенке, из темноты долетел голос нарядчика:

— Григорий Прохорыч, вас командир порта экстренно требует!

И Прохорыч, как был в рабочей робе, спрыгнул на стенку. Он вернулся часа через два, торжественный и серьезный, собрал команду в кубрике и сообщил, что «КП-16» получает боевое задание и что он сам и «старший механик», как младшие командиры запаса, остаются на корабле, прочей же вольнонаемной команде надлежит утром получить в управлении порта расчет, поскольку их заменят краснофлотцами.

Тогда встал взволнованный Васька Жилин и объявил, что он с корабля никак не уйдет, пусть уведут силой, и что Григорий Прохорыч, видно, за это время совсем замотался, потому что не догадался сказать командиру порта, что они никакие не «вольнонаемные», а советские люди и балтийские моряки, и что довольно стыдно в первый день войны сдавать боевой корабль дяде, а самим прилупухать в Кронштадте, развозя капусту, которую, слава богу, достаточно повозили. За ним то же говорили и другие, даже кочегар Максутов, который прежде ловчился от всякой работы по старой малярии, и Григорий Прохорыч тотчас же пошел опять к командиру порта, забежав на этот раз домой и сменив китель на тот, который он не надевал уже восемь лет, — с тремя узенькими золотыми нашивками на рукавах.

Так началась боевая служба «КП-16». Трех человек, в том числе и Максудова, командир порта все-таки списал, и на их место пришли запасники. На баке появился пулемет, в рубке — крохотная радиостанция, и вечером следующего дня «КП-16» был уже в далекой бухте, где сосредоточились корабли десантного отряда, а ночью он стоял в охране, и Васья Жилин первым стал на вахту к пулемету и ракетам.

Два дня «КП-16» мотался там, перевоза на корабли людей, оружие, продовольствие, воду в анкерках, снаряды, бегая по рейду с поручениями командира отряда, который держал флаг на миноносце «Мощный». На третий день с утра у Григория Прохорыча занули ноги, а к полдню, и точно, повалил густой снег. Он падал мокрыми крупными хлопьями на корабли и в черную воду, совершенно уничтожив видимость. «КП-16» застрял у борта «Мощного».

Григорий Прохорыч оставался на мостике, любуясь кораблем, на горячих трубах которого хлопья снега мгновенно превращались в воду, медленно стекавшую струйками по безупречной серо-голубой краске. Тут его окликнул с борта молодой капитан второго ранга. Это был командир всего отряда, но Григорий Прохорыч узнал в нем веселого курсанта Колю Курковского, которого двенадцать лет назад он посвящал в тайны морской практики и который никак почему-то не мог осилить топового узла, пока Григорий Прохорыч, осердясь, не заставил его вязать этот узел при себе сорок раз под ряд и не добился того, что пальцы его сами находили переплетения этого, нехитрого на боцманский взгляд, сооружения. Курковский позвал его попить чайку, и Григорий Прохорыч, стараясь казаться попрежнему молодцеватым, с трудом перекинул больные ноги через поручни и тотчас же почувствовал ими глухую непрерывную дрожь всего корпуса «Мощного»: вполне готовый к походу и к бою, прогретый, корабль, сотрясаемый работой сотен механизмов, дрожал всем телом, как сильная и быстрая гончая, почуявшая след.

В коридоре под полубаком пахло живым теплом чистого корабля — немного паром, чуть краской, свежим духом смоленого мата, разостланного у горловин погребов, и горьким боевым запахом артиллерийского масла, которым поблескивали надиво надраенные медные лотки элеваторов, уходящие в подволок. В кают-компании ярко горел свет, было уютно и мирно, негромко играло радио, как будто отряд и не собирался ночью выходить в операцию, и только карта, лежавшая на боковом столике у дивана, напоминала об этом. Лишь за четвертым стаканом Курковский отвлекся от воспоминаний о курсантстве, о линкоре, о топовом узле, которого ему в жизни не забыть, и, как будто ни к чему, спросил, какая у Григория Прохорыча команда, не сдрейфит ли, если что. Тот ответил, что команда, хотя вольнонаемная, но подходящая, и положить с на нее вполне можно.

Тогда Курковский подвел его к карте, указал на узкий проход, именуемый в просторечье «собачьей дырой», через который придется пройти отряду, так как второй проход к месту высадки лежит между вражескими островами, и сказал, что, ввиду такой погоды, «КП-16» получает боевое задание. Надо засветло подойти к потушенному по случаю войны бакану у «собачьей дыры», стать на якорь у канней и по радио с «Мощного» включить на баке огонь, направив его в сторону приближающегося отряда. По этому огню пройдут «собачью дыру» все корабли и транспорты с войсками, после чего «КП-16» не позднее трех-ноль-ноль должен будет следовать за отрядом для перевозки десанта на берег, что произойдет в десять-ноль-ноль.

Тут же он приказал лейтенанту взять с собой карту и радиокод и перебраться на «КП-16» в помощь его капитану (он так и сказал «в помощь», что очень польстило Григорию Прохорычу), приказал пользоваться радио только для приема и быть у транспортов без запоздания.

Григорий Прохорыч поспешно вышел, чтобы распорядиться, и к сумеркам маленький буксир один-одинешенек подо-

шел к «собачьей дыре» и стал возле бакана на якорь. К ночи снег повалил невозможно: сплошная белая стена заволокла все вокруг. Григорий Прохорыч выразил опасение, что огня их с кораблей не увидят, но помочь было нечем. Ждали радио. Скоро из рубки принесли листок, лейтенант покодировал над ним с кодом, бормоча: «Петя... Ваня... Леша...», и потом сообщил, что отряд все-таки снялся с якоря.

Томительно проходило ожидание второго радио — об огне. Снег в ночи все плотнее валил сверху, и мостик дважды пришлось пролопатить — так хлюпала на нем вода. К полночи Григорий Прохорыч решил, что операция отложена из-за невозможности пробиться через этот снег, и отряд вернулся. На это лейтенант удивленно повернул к нему голову, вытирая мокрый снег, надоедно набившийся за воротник, и спросил его, неужели он серьезно думает, что приказ может быть не выполнен? Он спросил это таким тоном, что Прохорыч почувствовал уважение к этому мальчику, и тотчас пошел сам проверить, хорошо ли включается огонь.

Но радио все же не было, и лейтенант начал нервничать. Ему стало казаться, что радист проморгал, что вернее было взять с собой краснофлотца, потому что отряд, наверняка, уже идет мимо них где-нибудь в этой мокрой неразберихе снега, так как «собачью дыру» он должен был пройти никак не позднее двух часов. Операция никак не могла быть отложена, — это было не в характере Курковского, и не этому учил своих командиров капитан второго ранга, — следовательно, оставалось только думать, что радио не приняли. Он нагнулся с мостика и крикнул Григорию Прохорычу, чтобы огонь на всякий случай включили. Яркий луч света ударил в темноту и осветил медленное и непрерывное падение кружащих хлопьев. Вероятно, уже с пятидесяти метров этот луч можно было только угадать по слабому сиянию белесого снега, и, значит, отряд проходил где-то в снегу, мимо камней, без всякой помощи ориентира.

Все эти тревоги и сомнения лейтенант переваривал в себе, и Григорий Прохорыч спокойно выжидал. Впрочем, тон, которым лейтенант сообщил ему свое мнение о приказе, вселил в него непоколебимую уверенность, что операция не отложена и что отряд нашел какой-то непонятный способ пробиться через «собачью дыру» и без огня. Поэтому, прождав до трех часов, когда по приказу он должен был сняться с якоря и итти к месту высадки, Григорий Прохорыч скомандовал: «Пошел брашпиль!», и тягучий перезвон якорной цепи завел на баке песню похода. Лейтенант сказал, что следовало бы остаться до получения распоряжения, но Григорий Прохорыч мягко, но настойчиво напомнил ему, что его прислали на корабль «в помощь» и что решение он выносит сам как командир корабля: отмены приказа не было, новых распоряжений не поступало, назначенный срок истек, следовательно, надо действовать по плану, ничего не дожидаясь, потому что командир отряда запретил пользоваться радио и вряд ли будет сам загружать эфир подтверждением уже данного приказа. Корабли, конечно, уже каким-то чудом прошли «собачью дыру», и опаздывать к месту высадки не годится. Если же от операции вообще отказались из-за погоды, какой мысли он лично не может допустить, то, не увидев на плесе кораблей, он вернется на рейд.

События показали, что уверенность в том, что отряд, несмотря на эту совершенно непроходимую погоду, все-таки выполнил приказ, — уверенность, которую лейтенант сам же вселил в Григория Прохорыча и в которой под давлением обстоятельств поколебался, — оказалась правильной. Когда впереди под низкими набухшими снегом облаками выросли из серой воды могучие горбы острова, — справа в неясной мгле декабрьского утра Григорий Прохорыч увидел корабли и транспорты. Они шли из того прохода, который лежал мимо вражеских островов: видимо, Курковский решил воспользоваться плотной снеговой завесой и провел весь отряд там, избежав необходимости рисковать узким и опасным путем мимо «собачьей

дыры», и привел отряд к месту в точно назначенный срок.

— Учись, штурман, — сказал Григорий Прохорыч Жилину, которого он уже год приспособлял к штурманскому делу. — Учись, как военные корабли ходят, молиться на них надо!.. Клади курс на отряд!

Миноносцы рванулись вперед. Зеленые вспышки залпов блеснули в утренней дымке. Транспорты остановились, и тотчас вокруг них закружили сторожевые суда, высматривая, нет ли где подлодки, — целый рой маленьких катеров, буксиров, баркасов облепил их высокие важные борта. «КП-16» с полного хода подошел к назначенному ему транспорту, и тотчас на палубу, как горох, посыпались с него краснофлотцы с винтовками, гранатами и пулеметами. Лейтенант с «Мощного» выскочил на транспорт, отыскивая свою группу десантников, а на мостик «КП-16» взбежал другой лейтенант, еще моложе, и, поправляя на поясе гранату, сказал счастливым и задорным тоном:

— Отваливайте, товарищ старшина группы, курс к пристани!

Григорий Прохорыч удивленно оглянулся, ища, кому он так говорит, но, вспомнив про свои нашивки, улыбнулся:

— Есть, товарищ лейтенант.

«КП-16» полным ходом пошел к берегу. Мимо, накренившись на повороте, промчался «Мощный», и за кормой его, рыча, встал из воды черный могучий столб взрыва, потом другой и третий, очевидно, заметили подлодку. Взрывы глубинных бомб сотрясали воду так, что вздрагивал весь корпус «КП-16», острые тараны миноносцев и сторожевиков, носившихся вокруг транспорта широкими кругами, утюжили воду, целая стая катеров шла с десантом к берегу, и сотни глаз смотрели, не появится ли из воды тычок перископа. Но больше его не видели.

Берег приближался. «КП-16» обгонял катера, баркасы, буксиры, переполненные десанниками. Лейтенант всматривался в берег, поднимая бинокль, и, когда он опускал его и оглядывался на обгоняемые суда, такое нетерпение горело в его глазах, что Григорий Прохо-

рыч нагнулся к переговорной трубе и крикнул в машину:

— Дроздов, самый полный! Не капу-сту везешь!

«КП-16» еще прибавил ход и с такой легкостью стал нажимать ушедшие вперед «КП-12» и «КП-14», что Григорий Прохорыч изумился: оба были ходоками неплохими, в особенности «двенадцатый», бывший «Сильный». Но, нагнав его, он понял, что тот шел малым ходом. С мостика его отчаянно махал фуражкой его капитан и что-то кричал. Уменьшив ход и вслушавшись, Григорий Прохорыч понял, что у пристани накиданы мины и что идти к ней опасно.

— Взорвался кто, что ли? Никого ж там еще нет! — крикнул Григорий Прохорыч.

— Пушай вперед катера идут, обождем тут, Григорий Прохорыч, опасно!..

К задержавшимся буксирам подошел еще один и тоже уменьшил ход. Григорий Прохорыч неодобрительно покосился на него и повернулся к лейтенанту:

— Как, товарищ лейтенант, ночевать тут будем или на риск пойдём?

В голосе его была откровенная насмешка, но лейтенант огорченно подтвердил, что в приказе, и точно, говорилось о возможных минах, наваленных у пристани, и что именно поэтому в первый бросок назначены мелкосидящие катера, а буксиры должны подойти к ней во вторую очередь. Однако рассудительность, с какой он это говорил, никак не вязалась с тем нетерпеливым взглядом, которым он впился в далекую пристань, и Григорий Прохорыч отлично понял его состояние.

Он внимательно его выслушал, вежливо кивая головой и одновременно зорко оглядывая бухту, потом наклонился к переговорной трубе искомандовал:

— Самый полный вперед!

Лейтенант изумленно взглянул на него, но Григорий Прохорыч, хитро подмигнув ему, указал вправо от пристани. Там, в глубине бухты, серел песчаный пляж, и вряд ли на острове было такое

количество мин, чтобы засыпать ими всю бухту.

— Как, товарищ лейтенант, — так же хитро спросил Григорий Прохорыч, — годится такое местечко? В приказе ничего о нем не упомянуто, а к пристани мы и не сунемся... Только придется товарищам краснофлотцам малость покушаться...

Лейтенант одобрительно кивнул головой и перегнулся через поручни:

— Приготовиться в воду! Гранаты и винтовки беречь!

Описав крутую дугу и поливая берег пулеметами, «КП-16» влетел в бухту и направился к пляжу. Ровной, мирной гладью стояла у него вода, и под тусклосеребряной ее поверхностью ничего нельзя было угадать. Лейтенант подумал было о том, что надо бы убрать с бака людей, — если буксир стукнется о мину, так, конечно, носом, — но, поняв, что и на корме не будет легче, бросил об этом думать и приготовился к прыжку, высоко подняв гранату и пистолет. Григорий Прохорыч отстранил от штурвала рулевого и стал к рулю сам, зорко и спокойно всматриваясь в бухточку, как будто подходил к угольной стенке в Средней гавани. И только сжатые скулы да ставшие серьезными его глаза указывали на некоторую необычность этого подхода к берегу.

Мягкий толчок шатнул всех на палубе. Зашуршал под носом песок, забурлил винт на заднем ходу, — и всплеск за всплеском поднял брызги на палубу: краснофлотцы, вслед за лейтенантом, прыгали в холодную воду и по грудь в ней бежали на берег.

Григорий Прохорыч легко снял с мели освобожденный от людей буксир, развернулся и пошел за новым отрядом. Навстречу ему к пляжу летел осмелевший «Сильный», за ним еще два буксира, и краснофлотцы на них уже поднимали над головой винтовки, готовясь последовать примеру первого броска.

— Эх ты, балтиец! — крикнул капитану «Сильного» Григорий Прохорыч, а Васька Жилин немедленно прибавил от штурманского столика обидное, но хлесткое словечко. Прохорыч неодобрительно повернулся к нему.

— Товарищ Жилин, в бою ведите себя спокойно, — сказал он, в первый раз, пожалуй, называя Ваську на «вы», и добавил: — А еще в комсомоле состоите.

3

Остров стал своим. «КП-16» приходил теперь сюда в прежней своей роли — с бочками, с ящиками, с патефонами и снарядами, как будто и не было того декабрьского утра, когда он показал здесь дорогу десанту. Так как на острове появлялся только он, то бойцы гарнизона, радостно встречавшие его у пристани, на тротуе же рейсы от избытка чувств переделали «КП-16» в ласковое словечко «Капеша», иногда распространяя его в «Капитошу» или в почтительного «Капитона Ивановича». Как это ни странно, новое имя, в котором сказалась вся привязанность вооруженных островитян к верному им кораблю, опять вызвало протест Григория Прохорыча. Услышав это фамильярное наименование от Жилина, он строго его оборвал, впрочем, обращаясь на «вы», так как, почувствовав себя на военной службе, он четко разделял теперь отношения служебные и внеслужебные:

— Бросьте вы это слово, товарищ штурман (Жилин уже плотно ходил в штурманах). У корабля есть свое имя, установленное приказом, и нечего его перековеркивать, тем более, что оно уже вошло в историю.

Под историей Григорий Прохорыч подразумевал вырезку из газеты «Красный Балтийский флот», где в корреспонденции с десантного отряда был описан первый бросок и отмечена боевая инициатива командира «КП-16». Жилин тоже хранил эту вырезку, впрочем, с другими, более практическими целями: в короткие часы пребывания в Кронштадте, забегая к некоей Зиночке, он гордо вытаскивал эту вырезку и снова начинал рассказывать свой первый и единственный пока боевой эпизод, добавляя с таинственным видом, что Зиночка вновь кой-чего услышит о «Капеше» через газету, и тут уже обязательно будет упомянуто и его имя.

Но рейсы на остров шли обычным порядком, случая показать свои боевые качества «Капеше» больше не представлялось, и Жилин беспрерывно вздыхал, нагнувшись над картой в своем штурманском столе:

— Эх, и жизнь наша капешная... Люди воюют, а нам все капуста... Нет тебе счастья, Василий Жилин! с такими темпами до Героя Советского Союза, пожалуй, не дойдешь.

Григория Прохорыча речи эти сильно возмущали. Облокотившись о поручни и пошевеливая в валенках пальцами ног (ибо с каждым рейсом на остров дело все ближе подходило к настоящей зиме), Григорий Прохорыч длительно поучал Жилина, доказывая ему, что на флоте, как и на корабле, каждому предмету определено свое место и что пресловутая капуста есть тоже вид боевого снаряжения, и доставлять ее на далекий остров — занятие совершенно боевое и самое подходящее для «КП-16». И тут же с гордостью и не без ехидства добавлял, что, небось, «КП-14» или «двенадцатого» на остров не шлют, потому что доверить боевую капусту кораблям, которые шарахаются в сторону от каждой льдины, никто себе не позволит.

А льдины, действительно, встречались им в заливе все чаще и все крупнее. По берегам уже образовался легкий припай, и каждый шторм откусывал от его ровной зеленовато-белой пелены порядочные куски и пускал их в залив на разводку, а у берега мороз и спокойная вода безостановочно пополняли убыль. Одинокие же льдины, попав в залив, не растворялись в его воде, а, наоборот, неся достаточный запас холода, сами при случае примораживали к себе заплескивавшие на них волны и тоже безостановочно росли, превращаясь в ровные поля. Иногда шторм, не разобравшись в задании природы, разламывал и эти пловучие поля, но мороз методически исправлял его ошибку, — и новое поле, смерзшееся из льдин, снова медлительно плыло по заливу, отсыкивая, к чему бы приткнуться и слиться в еще большее.

«КП-16», действительно, не шарахался от льдин: оценив опытным взглядом

возраст и толщину льда, Григорий Прохорыч в большинстве случаев смело шел прямо на поле. Корабль вздрагивал от удара, всползал на лед своим подрезанным ледакольным тараном, с каждым сантиметром втаскивая все большую тяжесть корпуса, — и лед, не выдержав, подламывался, разбивался в медленно переворачивающиеся куски, показывая в их изломе ослепительное сверкание кристаллов, и, увлекаемый работой винта, тянулся к корме. Порой по льдине от первого же удара тарана пробегала извилистой судорогой трещина, и тогда поле распадалось на две части, между которыми, раздвигая их бортами, свободно и без шума проходил «КП-16». Впрочем, иногда — а с каждым походом все чаще и чаще — Григорий Прохорыч, всмотревшись в лед, молча показывал рулевому направление и уступал льдине дорогу, предпочитая разумный обход противника ненужной любовой атаке.

Но вскоре этот маневр стал просто правилом плавания: лед явно закреплял позиции. Уже заняты были им Невская дельта, Маркизова лужа, почти все Кронштадтское горло залива, и с флангов его передовые части тянулись по южному и северному берегу, занимая бухты и заливы, чтобы оттуда со штормом высылать ледяные поля в самый залив, на широкие его плесы. Только в Кронштадтской гавани и на входном фарватере по створу маяков воде кое-как удавалось сохранять полужидкое состояние: там стояла холодная каша перековерканных бесформенных обломков, смерзнуться которым в сплошной покров никак не давали беспрепятственно проходившие здесь корабли и ледоколы. Под их ударами лед звенел, рычал и терся о борта, но дробился — и мстил только тем, что, когда его оставляли в покое, смерзался самым подлым способом — хаотическими комками, напоминающими вспаханное поле, ломать которые было порой труднее, чем ровный покров. Но его все-таки ломали, потому что война продолжалась, и корабли прорывались по фарватеру до кромки льда, чтобы выскочить на незамерзшие еще плесы. И вслед за ними, пользуясь све-

жим проходом, проскакивал до кромки и «КП-16», чтобы, обходя встречные поля или врезаюсь в них, упрямо пробираться к своему острову.

Так же пошел однажды «КП-16» и в начале января вслед за эскадрой, выходящей в операцию. Он пробился на рейд, выждал там, когда линкор, пошевелившись своим огромным телом, легко разломал смерзшийся лед фарфатера и пристроился у него за кормой, свободно пробираясь в его широком следу.

Синяя прозрачность позднего январского рассвета отступала на запад, как бы теснимая туда линкором, а за кормой все выше и шире вставало просторное розовое зарево зимней зари, непрестанно усиливаясь, и огни створных маяков с какой-то особой, праздничной яркостью вспыхивали в морозном воздухе — беззвучно и остро. Григорий Прохорыч стоял на мостике, забыв о холоде, и неотрывно смотрел на медленно расширяющееся по небу полыми, на давно знакомый контур города — водокачку, краны, трубу Морского завода, могучий купол собора, на тонкие иглы мачт в гавани, — и удивительное чувство легкости, бодрости и в то же время неизъяснимой грусти все сильнее овладевало им. Он любил этот тихий предутренний час, к которому привык, долгие годы вставая до побудки, — час, когда корабль еще спит, и в открытые люки видны еще синие ночные лампы, когда на светлеющем небе все резче проступают тонкие черты такелажа и мачт, и краска надстроек приобретает свой суровый военный цвет, когда не хочется громко говорить, потому что даже шлюпки на выстрелах, беспокойно бившиеся всю ночь, присмирели и чуть тянут иногда шкентеля, как бы проверяя, все ли они еще на привязи. Но зимние рассветы были для него зрелищем непривычным, — они заставляли его в суе флотского дня, начавшегося в темноте, и тишины не получалось. Теперь он смотрел на алое морозное небо как будто впервые, и вдруг подумал, что, все-таки, он прожил очень много лет и что видеть эти плавные, но неудержимые начала дня ему остается недолго. Мысль эта со всей ясностью

встала в его голове, и он даже хотел рассердиться на нее — с чего это? Но непонятная свежая грусть все еще владела им, и он продолжал смотреть на уходящий в алый горизонт черный контур Кронштадта, пока удар о лед не заставил его обернуться. Оказалось, линкор уже далеко ушел вперед, и ледяная каша опять упрямо набилась в проход. Он взглянул на Кронштадт, как бы прощаясь с ним, и повернулся по курсу — к западу.

Но и там уже небо посветлело, полегчало и поднялось и скоро стало прозрачно голубым. День по всем признакам обещал быть морозным, но тихим, но знакомая ноющая боль в ногах говорила другое: будет шторм.

И точно: у кромки льда лед уже дышал. Это было поразительное зрелище: ровное ледяное поле медленно и беззвучно выгибалось, сляясь в точности повторить очертания пришедшей с моря волны, выгибающей снизу его упругий покров. Лед не ломался и не давал трещин, — здесь он был еще мягок и гибок, как кости маленького ребенка. Он только прогибался, и странная пологая волна пробегала по нему, затухая по мере приближения к более плотному льду. И снова Григорий Прохорыч вместо того, чтобы озабоченно думать, какая ждет его за кромкой волны, смотрел на это мерное дыхание льда, и та же неизъяснимая и легкая грусть опять заставила его притихнуть. Так дышащий лед он видел за всю свою жизнь три-четыре раза — и неизвестно, увидит ли еще. И опять поймав себя на этой мысли, он уже и в самом деле рассердился, обозвал себя старым дураком и заставил себя заинтересоваться тем, что делается на корабле.

Он спустился с мостика, сам проверил, как закреплен груз, особо тщательно осмотрел крепления ящиков с зенитными снарядами, предупредил в машине, что в море шторм, и приказал загодя прикрыть люки и потом поднялся на мостик.

Там в его отсутствие Жилин, пользуясь правами «штурмана», со вкусом покрикивал рулевому: «Точнее на румбе!», «вправо не ходить!» — и прочие

команды, безопасные для дела, но показывающие командирскую власть. Взглянув на его сияющее лицо, Григорий Прохорыч наконец понял, с чего это лезут в него сегодня всякие загробные рыдания.

Причиной всему был проклятый ревматизм. Вернувшись из последнего похода, когда «КП-16» обливало со всех сторон и на мостике не было сухого места даже в рубке, где волна, бесцеремонно распахивая двери, каталась выше колен, — Григорий Прохорыч слег. Впервые за всю службу по вызову командира порта он пошел не сам, а послал Жилина как помощника. И хотя тот был больше перепуган, чем польщен, и, вернувшись, трижды вспотел, прежде чем убедился, что передал все приказания в точности, но Григорию Прохорычу вдруг померещилось, что там, в знакомом кабинете, где важно тикают какие-то немислимые часы времени парусного флота с десятком стрелок, показывающих что угодно, — от числа месяца до цены на пеньку и смолу, — неминуемо шел разговор о нем, о его болезни, о том, что старику пора бы на покой, раз уже не может приходить сам, а посылает помощника. Григорий Прохорыч, проклиная ноги, встал через силу и все-таки явился к командиру порта, как бы за дополнительные приказаниями, и хотя тот ни слова не сказал из того, чего боялся Прохорыч, но тревожный осадок все-таки остался, и отсюда и пошли эти мысли о старости.

Кромка льда, вздымаясь все выше и колышась все чаще, постепенно перешла в битый лед. Здесь гуляла уже настоящая волна, только одетая гибкой ледяной кольчугой, не дающей гребню вставать пеной и брызгами. А впереди темное утреннее море уже белело барашками, и скоро первая волна подняла «КП-16» на дыбы, обдала его нестерпимо холодными брызгами — и веселое плаванье началось.

Мокрый до клотика мачты «КП-16» упорно лез на волну. Сперва она была по курсу, с веста, потом к вечеру шторм зашел на юг, и маленький буксир стало валять бортовой качкой нестерпимо.

Но шторм мало беспокоил Григория Прохорыча: корабль держался отлично и был к тому привычен, команда тоже не первый раз видела такое, — шторм был, как шторм. Он думал о другом, с тревогой посматривая на юг, то-и-дело протирая стекла бинокля: оттуда как будто двигалось большое ледяное поле наперерез курсу. Вероятно, шторм обрывал его связи с берегом и теперь гнал на север. Это, несомненно, был серьезный береговой лед, вступать в борьбу с которым Григорий Прохорыч не имел никакой охоты: застряв в такой шторм в ледяном поле — означало носиться с ним по воле ветра, а ветер как-раз дул на север, к вражеским берегам.

Пораздумав, он приказал Жилину взять бинокль, лезть на мачту и, пока светло, посмотреть оттуда, где виднеется южный край этого поля. Жилин охотно скинул полушубок и в одном ватнике цепко полез на мачту, раскачиваясь вместе с нею. Вися под клотиком и лихо держась над водой одной рукой, он поднял другой к глазам бинокль, всмотрелся и потом биноклем же указал направление. Григорий Прохорыч сверился с картой. Догадка его оказалась правильной: пока «КП-16» дойдет до поля, оно, вероятно, отойдет от отмели, тянувшейся к югу и мешающей обойти с юга поле. Он изменил курс, вошел в битый лед, тащившийся за льдиной, как растрепанный хвост, и подмигнул Жилину, который к тому времени, распаренный, вылез из кочегарки, куда опретью кинулся прямо с мачты, ибо там его стегануло ветром и брызгами препорядочно.

— Маневр, штурман! Обштопаем льдинку, как миленькую, а то неизвестно, куда она затащит... Ишь, прет на норд, — к ночи, пожалуй, в гости к шюцкорам придет, факт!

Жилин весело отозвался, — в битом льду корабль меньше качало, поле обманули, на мачте он показал класс, и было о чем порассказать на берегу. Григорий Прохорыч оставил его на мостике за себя, приказав итти только в битом льду и никак не приближаться к коварному полю, и спустился вниз обогреться чаем. Однако не успел

Васька всласть накомандоваться рулем — ибо теперь командовать приходилось уже всерьез, — как Григорий Прохорыч появился на мостике взволнованный и тревожный, и первый его вопрос был совершенно неожиданный:

— Что Мальков — коммунист?

Мальков был тот самый рулевой, кто стоял сейчас на вахте. Григорий Прохорыч никогда не интересовался партийной принадлежностью своей команды и то, что Жилин — комсомолец, знал, главным образом, по тому, что тот иногда отпрашивался на комсомольское собрание. Жилин недоумевающе посмотрел на командира:

— Коммунист.

Он решил, что Мальков сделал какую-то оплошность, потому что одним из самых сильных доводов Григория Прохорыча при внушении был упрек: «И еще в партии состоишь!..» Но Григорий Прохорыч озабоченно сказал, обращаясь к нему попрежнему на ты:

— Пройди, сынок, по кораблю, подмени беспартийными, а всех коммунистов и комсомольцев зови сюда. И живо давай!

Когда весь партийно-комсомольский состав маленького корабля в лице трех кочегаров, радиста Клепикова, двух машинистов, Дроздова, Жилина и Малькова собрался в рубке, Григорий Прохорыч, оторвавшись от карты, коротко объявил, что он принял боевое решение и просит коммунистов и комсомольцев показать образцы самоотверженной работы и увлечь этим команду, потому что дело нешуточное. Он вынул радиogramму, принятую Клепиковым в числе прочих по флоту. В ней сообщалось по коду, что эсминец «Мощный» сорван с якорей льдом, выбраться не может и просит помощи ледокола. К этому Григорий Прохорыч добавил, что, судя по координатам, «Мощный» как-раз в том ледяном поле, которое они обходят по южной кромке, и что поле это с порядочной скоростью несет к северному берегу под обстрел батарей, и это время не терпит. Решение же его такое: войти в лед, пробиться к «Мощному» и вывести его из льда. Дело рискованное,

потому что можно застрять и самим, но ждать ледокола тоже нечего, так как неизвестно, где очутится «Мощный» к его приходу, а «КП-16» довольно близко от него, корабль сам по себе крепкий и со льдом управиться может, если поработать на совесть и не дрейфить. Затем он сделал ряд распоряжений и закончил приказом немедленно перегрузить все снаряды на бак, с целью утяжелить нос, чтобы лучше ломать лед и, в случае затора, иметь возможность перенести их на корму и этим поднять нос.

Уже темнело, когда «КП-16», разбежавшись в битом льду, с силой сделал первый удар в ледяное поле. Оно уступило неожиданно охотно, и добрый час корабль пробивался почти легко. Но потом началось мучение с переноской баласта. Тяжелые ящики со снарядами переносили на корму, нос облегчался, и «КП-16» сползал с упрямой льдины задним ходом, ящики снова перетаскивали на бак, и сами садились на них, устало опустив руки, буксир разбегался, ударялся в льдину и либо отламывал ее, либо люди вставали с ящиков и снова тащили их на корму. Это была очень тяжелая, утомительная, но благодарная работа: «КП-16» все глубже вгрызался в ледяное поле. Клепиков уже передал на «Мощный» с грехом пополам набранную по коду радиogramму: «Идем на помощь с зюйд-оста, включите огонь», и Григорий Прохорыч, оставшийся на мостике один на штурвале, так как и Жилин, и Мальков помогали таскать «баласт», вглядывался на север, но ночь была попрежнему темна, и ветер выл в снастях, и ему было очень одиноко, тревожно и тоскливо.

Огня он так и не увидел: его увидел с ящиков Жилин и диким голосом зарорал:

— Вижу!

Он взбежал на мостик задыхающийся, измученный, но ликующий и показал на слабый синий огонек. Григорий Прохорыч медленно и глубоко вдохнул, нагнувшись в темноте к переговорной трубе и сказал в нее хриплым и дрожащим голосом:

— В машине... Видим... Голубчики, навались...

То ли навалились в машине, то ли лед стал слабее, но синий огонек быстро приближался, и только еще один раз пришлось перетащить ящики. Через час Григорий Прохорыч, моргая от яркого света, стоял в знакомой кают-компании, и Курковский крепко обнимал его. Быстро посоветовались. Капитан второго ранга предложил Григорию Прохорычу обколоть эсминец с бортов, чтобы тот мог развернуться длинным своим телом по направлению к каналу, и потом вести его за собой на юг, пробиваясь впереди. Григорий Прохорыч, смотря на карту, покачал головой.

— Не годится это, — сказал он в раздумье, — я вас только задерживать буду. Сами хорошо пойдете, канал сжимать не должно, он по ветру вышел. Коли б я поперек шел, тогда, точно, обязательно бы зажало. А тут — войдете в канал и верных двенадцать узлов дадите, только следите, чтоб в целину не врезаться. Уходить вам надо, эвон куда занесло...

И он показал на кружочек, отмеченный на карте последним определением. Берег с батареями был, действительно, угрожающе близко.

— Да вы о нас не беспокойтесь, — добавил он, видя, что Курковский колеблется. — Выкарабкаемся. Да и цель мы другая, вряд ли на нас будут снаряды тратить.

Он помялся и потом негромко сказал:

— Человечка у нас одного возьмите, ногу повредил ящиком, так в случае чего...

Он не договорил, и капитан второго ранга внимательно посмотрел ему в глаза. Военным своим сердцем он угадал недосказанное и, молча наклонившись, крепко поцеловал Григория Прохорыча в седые, колючие усы.

— Так, — сказал он строгим тоном, вдруг застыдившись своего порыва. — Значит, в случае чего, вы будете двигаться сюда, — он показал на карте выступающий мыс там, где кронштадтское горло расширялось к северному

берегу, — тут наше расположение, понятно?

— Понятно, — так же строго сказал Григорий Прохорыч.

— Буду вас все время слушать на вашей волне. В случае чего — дадите... ну, какое-нибудь условное слово, чтоб легче запомнить...

— Топовый узел, — сказал Григорий Прохорыч, улыбаясь. — Помните, вы все его вязать не могли?.. Ну, счастливо...

Они еще раз обнялись, и Григорий Прохорыч вышел. В теплой кают-компании он забыл о том, что делается на палубе, и ледяной плотный порыв ветра, едва не сбивший его с ног, очень его удивил. Но тотчас же он перелез к себе на мостик, и «КП-16» пополз вдоль борта эсминца. Курковский, дождавшись, когда, обколов лед вокруг эсминца, «КП-16» поровнялся с мостиком уже с другого борта, дал ход, и «Мощный» зашел в лед и пошел вслед за «КП-16». Тот описывал медленную широкую дугу, но и в нее «Мощный» с трудом вписывал свое длинное узкое тело. Наконец, он попал в сделанный ранее проход. «КП-16» сбавил ход, пропустил мимо себя «Мощного», и тот, легко раздвигая острыми своим форштевнем разбитые буксиром льдины, быстро пошел к югу. Прохорыч оказался прав — только в трех-четырех местах ледяное поле сжалось, как рваной раны, прорезанной крепким корпусом «КП-16», но и здесь «Мощный», как игла, протискивался своим узким телом между краями цельного льда.

Через два часа он вышел на чистую воду. Но Курковский без всяких признаков радости смотрел на нее: ледокол, в ответ на его радиogramму с просьбой немедленно идти на помощь к «КП-16», ответил, что занят выводом двух эсминцев, так же дрейфующих в ледяном поле, и пойдет на север, как только закончит здесь работу, и что из Кронштадта давно вышел второй ледокол, которого так же послали к миносцам... Очевидно, в море творилось что-то небывалое, и ледоколам было работы по горло.

Действительно, шторм достиг предельной силы. Огромные ледяные поля, целые равнины, казалось бы, намертво прикованные к берегу, теперь быстро шли поперек залива на север, натываясь друг на друга, налезая краями и нагромождая ими торосы, прижимая другие поля в узкостях с чудовищной силой, срывая их и увлекая за собой или перед собой. И вся эта огромная масса льда, ринувшаяся с юга, давила на то поле, где пробивался «КП-16» и где недавно бедствовал «Мощный».

Но и здесь ему приходилось трудно. Встречный шторм окатывал палубу и мостик, обмерз весь такелаж, мачты, орудия, надстройки, то-и-дело краснофлотцы в ледяной воде обкалывали корабль. Тяжело зарываясь носом, «Мощный» шел на юг, но внезапно резко менял курс и, опасно ложась на стремительной бортовой качке, обходил надвигающееся ледяное поле, грозившее снова зажать его холодным крепким объятием. В этой борьбе с взбесившимся заливом Курковский не замечал, как проходило время. Было около семнадцати часов, когда на мостик принесли радиogramму с позывными командира дивизиона. С трудом шевеля закоченевшими пальцами, Курковский взял ее и пошел в рубку. Там он положил ее на стол, неловко расправив, прочел, и командир «Мощного» с изумлением увидел, как он внезапно опустился на диван. Он заглянул в бланк. Там стоял короткий текст: «Шестнадцать пятнадцать топовый узел курс Стирсудден «КП-16».

4

Когда к рассвету «КП-16» уже подходил к краю ледяного поля и ему удалось определиться, оказалось, что несмотря на непрерывное продвижение вперед, он был сейчас еще севернее того места, где вызволял «Мощного»: поле несло на север с большей скоростью, чем он пробирался по нему на юг. Теперь «КП-16» был в глубине большой бухты, глубоко вдававшейся в северный берег.

Но все же с огромными усилиями корабль выскочил из льда, и Жилин, за-

коченевший, черный и мокрый, опять закричал тем же диким голосом, которым он оповестил о «Мощном»:

— Вода!!

«КП-16» весело завертел винтом, но уже через час ему пришлось изменить курс: с юга ползло новое поле. Он повернул на восток, изо всех сил торопясь проскочить это поле, пока оно еще не сомкнулось с береговым припаем, входившим в бухту от ее восточного берега. Десятки глаз смотрели с палубы крохотного корабля на полосу черной воды, неуклонно уменьшавшуюся в размерах. Скоро стало ясно, что в этом страшном состязании приз возьмет лед: его несло штормом к северу скорее, чем продвигался к востоку корабль.

Поняв это, Григорий Прохорыч резко скомандовал «лево на борт» и ринулся на запад, рассчитывая, что не может же поле быть такой ширины, чтобы закрыть собой весь выход из бухты, и что между западным береговым припаем и надвигающимся полем обязательно окажется проход — пусть в секторе обстрела батарей.

Это походило на сонный кошмар, когда ноги отказываются передвигаться, а надо во что бы то ни стало отбежать от падающей стены. Дроздов, оценив положение, спустился в машину, и никогда еще «КП-16» не развивал такого хода.

Но черная полоса воды между западным берегом и полем все уменьшалась — и вновь стало ясно, что и здесь обе ледяных равнины сомкнулись. Но было ясно еще и то, что, закрыв собой выход из бухты, это поле продолжало двигаться в бухту, как ящик письменного стола, обламывая края себе или береговому льду и выпирая на него торосами. А это означало, что его вдавливают в бухту чудовищной силой подвижки всего наличного в заливе льда.

Тогда Григорий Прохорыч, еще раз определив место и поняв, что до предела дальности батарей осталось не больше трех миль, повернул на юг и врезался в поле.

Первая же попытка доказала, что пробиться через него было совершенно невозможно: судя по толщине и крепости,

это был самый ранний лед, вынесенный, может быть, из самых глубин Копорской губы. Это был лед родной страны, лед, по которому недавно еще ходили советские буера, бегали на коньках колхозные мальчишки, шуршали лыжами пограничники в ночном дозоре... Здесь, оторванный от родных берегов, он был враждебен. Вжимаясь в бухту, он оттеснял «КП-16» на север, и новый пеленг на мыс показал, что до снарядов осталось уже меньше двух миль.

Григорий Прохорыч поднял голову от карты, и Жилин испугался. Лицо его осунулось и похудело, кожа на нем была багрово-красной от мороза и ветра, седые усы спутаны, глаза ввалились и блестели беспокойным огнем. Он оглядывался кругом, как затравленный зверь, но слева, впереди и справа был лед, а за кормой — батарея. Потом он наклонился к переговорной трубе и хрипло скомандовал:

— Самый полный вперед!

«КП-16» разбежался в чистой воде, ударил в лед, всполз на него носом и долго стоял так, бешено работая винтом, пока Григорий Прохорыч не сказал неожиданно спокойным голосом:

— Стоп всё. Дроздов, на мостик.

Он снял свою старенькую меховую шапку, вытер лоб и сел на диванчик в рубке, как будто окончил трудную работу и собрался, как следует, отдохнуть. Так его и застал Дроздов.

Приказания его были точны и кратки. Жилину: изготовить пулемет на случай, если шюцкеры полезут по льду. Дроздову: приготовиться открыть кингстоны, не забыв в горячке стравить пар, чтобы котел не взорвался, потому что после войны Эпрон все равно корабль поднимет. Обоим: разъяснить команде, что в случае чего сойдем на лед и будем пробиваться к Стирсуддену. Пока есть время, всем просушить в кочегарке одежду и валенки, собрать продукты и все ручное оружие. Разбить на две партии, одну поведет Жилин, вторую — Дроздов. Не забыть компасы, их как-раз два. Пулемет тащить с собой, сочинить салазки, может, придется отбиваться. Передать эту телеграмму радисту, время

пусть проставит сам в последний момент. Все.

И пока на корабле молча и без суеты готовили все это, Григорий Прохорыч сидел в рубке, растирая колени. Коснуться их было очень больно, а ходить — еще больнее. Хотел лечь и закрыть их теплее. Но надо было вставать, ковылять к компасу, брать пеленг на мыс и потом поторапливать со сборами: поле неуклонно несло к батареям. Дроздов принес чьи-то высушенные уже валенки и полушубок, заставил Григория Прохорыча снять свои и унес их сушиться. На момент ногам стало легче, но, когда он встал и прошел к компасу, боль стала невыносимой. Новый пеленг показал, что «КП-16» уже снесло до предела огня батарей.

Он записал в вахтенный журнал пеленг, посмотрел на северный берег, низко и хищно притаившийся в синей дымке леса, и негромко сказал:

— Ну, чего чикаетесь? Наверняка будете бить?

И как будто в ответ на это на берегу далеко сверкнул желтый огонь, небо раскололось с противным треском, и метрах в двухстах от «КП-16» по воде запрыгали белые невысокие фонтанчики.

— Шрапнель, — сказал сам себе Григорий Прохорыч и крикнул вниз: — Команде покинуть корабль, рассыпаться по льду до конца обстрела!

Второй воющий треск заглушил его слова, и снова шрапнель легла в том же месте. Третьего залпа долго не было, — очевидно, на батарее сообразили, что незачем тратить снаряды, когда цель приближается. Григорий Прохорыч снял компас, взял его подмышку, постоял в рубке, обводя глазами ее и мостик, и после, тяжело ступая, пошел к трапу и, с трудом действуя ногами, ступил с корабля на лед.

— Ну, товарищ Дроздов, действуй, — сказал он и отвернулся.

Небо за кораблем пламенело огромным заревом штормового заката, но в тревожном и ярком его полыме он не отыскал той легкой, спокойной прозрачности, которая вчера утром наполнила его сердце удивительной тишиной. Он повернулся совсем спиной к кораблю и

стал смотреть в сторону Кронштадта. Там глубоко и спокойно синело небо.

Один за другим поднялись из снега моряки «КП-16» лицом к своему командиру и своему кораблю. Штормовой ветер распластывал на гафеле синий портовый флаг, на фоне заката он казался почти черным. На дымовой трубе хлопнул клапан, и с сильным, почти гудящим звуком пар белым султаном поднялся в небо. Все молчали. Пар, постепенно слабая, снижал свой пышный султан и потом прекратился с каким-то жалобным стоном, и по трубе крупными горячими слезами потекли его оседающие струйки. В тишине, сквозь свист ветра, донесся металлический стук открываемого люка, из машины поспешно вышел Дроздов, зачем-то аккуратно задраил за собой люк, опять лязгнув металлом, постоял возле него, потом, отчаянно махнув рукой, молча перепрыгнул через фальшборт и отошел к безмолвной группе людей.

Они долго ждали. Но «КП-16» продолжал выситься надо льдом, только корма села ниже обычного. Похоже было, что он отказывается тонуть.

Мальков не выдержал.

— Что же он? — сказал он негромко, как у постели умирающего. — Дроздов, ты все кингстоны открыл?

— Видишь, лед держит, — так же негромко ответил Дроздов.

Снова молчали. Потом раздался резкий треск льда, и льдина под бортами «КП-16» откололась, давая ему дорогу. Он быстро и ровно пошел под воду, держась на ровном киле. Люди не то ахнули, не то вздохнули, и Григорий

Прохорыч быстро обернулся. Он сорвал с себя шапку и сделал два шага к кораблю. Дроздов придержал его за локоть.

— Ну, ну... Прохорыч... — сказал он ласково.

Жилин всхлипнул и, тоже сорвав шапку, крикнул высоким неестественным голосом:

— Боевому кораблю Краснознаменного Балтийского «КП-16» — ура, товарищи!

Крик его как бы вывел всех из оцепенения. Громкое «ура» раскатилось по льду и замолкло только тогда, когда холодная тревожная вода, отливающая багровым отблеском заката, сомкнулась над стареньким синим портовым флагом.

— Шрапнель, ложись! — крикнул вдруг Григорий Прохорыч, заметив на берегу знакомую желтую вспышку. Все упали в снег, опять треснуло над головой небо и завизжало вокруг, и Григорий Прохорыч тоже повалился боком в снег.

Батарея дала четыре залпа. Ранило четверых. Надо было немедленно уходить. Жилин впрягся в салазки, на которые успели поставить пулемет, и повез их к Григорию Прохорычу.

— Мальков, помогай, — сказал он по пути. — Старик наш вовсе обезножил, не дойдет. Повезем все по очереди.

Они подвезли пулемет к Григорию Прохорычу, но тот не стозвался. Его повернули. Он был убит шрапнельной пулей в лоб, пережив свой корабль на две с половиной минуты.

Крылатые люди

НИКОЛАЙ ПАНОВ

★

1

Его на вокзал провожала жена...
Стеклянные, гулкие сумерки сини...
Конечно, она непременно должна
Заплакать, еще раз напомнить о сыне!

Сиянье слезами наполненных глаз.
Полураскрытые губы так близко:
— Ты мне обещаешь, обещаешь еще раз
Стараться летать осторожно, без риска!

Распахнута настежь вагонная дверь,
Полночный перрон в электрической
дрожи...

И он бормотал: — Дорогая, поверь —
Я помню, я очень всегда осторожен!

А голос охрип и волнением набряк
И губы как будто заоченели.
Стоял белокурый, смущенный добряк
С распластанной птицей на синей
шинели...

2

Внизу молчаливо бегут облака
Волнообразной, разорванной гущей.
Летят самолеты — и враг стерегущий
С далекой земли их не видит пока.

И тот, кто стоял на вокзале с женой,
Спокойный, увенчанный орденом алым,—
В меху и в широких очках, над
штурвалом

Склоняется, наедине с вышиной.

Дымит миноносцами сизый залив,
В тумане лежат берега и фиорды,

Ползут по дорогам фашистские орды,
Огнями пожаров свой путь озарив.

Вибрирует разноцветный рельеф.
И плоскостями на солнце блистая,
С далекой земли истребителей стая
К советским машинам метнулась,
взревев.

3

Они нарастают, как ветер, как звук...
И разом в небытие отлетела:
И радость свиданий, и горечь разлук.
Отброшено все, кроме летного дела.

Несбычайна, трудна и проста
Наука молниеносного боя...
Мгновенно пойдешь на решение любое,
Чтоб враг не зашел, не ударил с хвоста!

Зажат в рукавице недрогнувший руль,
И солнце внизу пролетает со свистом.
И воздух становится дымно-ветвистым
От разноцветных, светящихся пуль...

Ты вышел противнику в хвост, распоров
Свинцом раскаленным крылатые латы,
И смотришь, как рушится факел
крылатый

Сквозь дымное пламя и ветер, и рев...

4

За огненно-черной, отвесной дугой
Сурово следит с высоты победитель.
А рядом решен поединок другой.
А рядом советский подбит истребитель...

У самых пожарищ, в тяжелом дыму,
В разрывах, среди пулеметного лая
Идет на посадку, крутятся и пылая,
Садится — и нет избавленья ему.

Сбегаются к самолету враги,
Повсюду чернеют десятками точек.
И кажется, что приземлившийся летчик,
Припав к пулемету, кричит: — Помоги!

И тот, кто стоял на вокзале с женой,
Парил в небесах, торжествуя победу,
Пикирует камнем по дынному следу
На выручку! — мысли не зная иной.

5

В дыму проревели два длинных крыла,
Прижался к металлу спасенный
товарищ...

Рванулась земля и опять поплыла
Домами, лесами, огнями пожарищ...

И после, дописывая письмо,
Пером торопливым, от спешки
небрежным,
Он вспомнил и не улыбнуться не смог
Воспоминаньям наивным и нежным.

Снаружи чинили его самолет,
Пробитые пулями крылья латали.
Готовился новый глубокий полет
В чужие, враждебные, дымные дали.

Он снова бестрепетно шел на врага
К воздушным победам, под грохот
орудий.
Бессмертны такие крылатые люди —
Им Родина больше, чем жизнь, дорога.

Сыны Родины*

РАИСА АЗАРХ

★

С вечера Новиков долго и внимательно осматривал танк: сам проверял мотор, механизмы боевого отделения, баки с горючим, количество патронов и снарядов.

Танки стояли хорошо замаскированные, под прикрытием буковой рощи, в русле пересохшей горной реки. Месяц был на ущербе и вставал поздно, ночь над позициями спустилась холодная и туманная; но к утру потеплело, день по всему обещал быть погожим.

Над высокими плоскогорьями легкой оторочкой забрезжила заря... С командного пункта, расположенного в расщелине гор, видно было, как взвод танков в три машины, в предбоевом порядке, стремительно вынесся из-за рощи и мчится по извилистой дороге нагорья, сохраняя правильные интервалы между машинами. «Хорошо держат боевой курс» — шуточно сказал, скрывая горделивую радость, командир танковой группы.

Дорога пошла в гору. Танки поднимались свободно, все еще скрытые холмами пересеченной местности; их боевая задача — фронтальная атака укрепленных позиций противника — была только маневром. По флангам, в обхват возвышенности, скрытно были двинуты две пехотные бригады.

Расстояние между передними краями — около тысячи метров. Танки, проходя нашу линию, перешли на боевой

порядок; взгромоздились на самую вершину плоскогорья, пробежали немного по открытому плато, остановились — «Огонь!» — и от танков побежали зигзагообразные золотые нити, похожие на молнии, донесся перекатывающийся треск, словно громовые удары, когда гроза только начинается.

Вмиг ожил горизонт, заговорили выстрелами траншеи противника. Вначале пули свистели по одной, потом зажужжали роями, как стайки осенних птичек на перелете: противник стрелял по предполагаемой пехоте, обычно идущей за танками. В тыл танков начали бить и артиллерийские батареи противника, снаряды ложились далеко позади машин, потом все ближе и ближе.

На минуту танки скрылись в дыму разрывов, в столбах взбрызганной снарядами земли, щебня, камней; неожиданно подул ветерок, и в прояснившемся воздухе они стали видны, как на ладони: машины стояли и вели несмолкаемый огонь из орудий и пулеметов.

Чувствовалось, что дальше стоять опасно: дальнобойные орудия начали свою грозную пристрелку по неподвижным мишеням.

Этот момент чутко улавливает командир танкового взвода, — сигнал взметнувшегося флажка — и танки приходят в движение.

Артиллерия противника стала бить беглым огнем, снаряды ложились сбоку, впереди, сзади. Танки пробирались сре-

* Из книги «Дорога чести».

ди разрывов снарядов мерно и неторопливо; вот правофланговый нырнул в воронку, сделанную только-что разорвавшимся двенадцатидюймовым снарядом, скользнул по краю и стал выравниваться для поворота.

Два первых танка пошли быстрым ходом. Только отойдя метров двести, экипажи заметили, что третьего танка с ними нет.

И точно: правофланговый танк остановился.

Командир танка Новиков положил руку на спину водителя и слегка нажал, потом повторил тот же знак дважды, давая сигналы к большому ходу, — танк стоял. Новиков быстро перемахнул в водительскую будку, пробует руль. Мотор четко работает, но опытное ухо командира различает, как стрекочет гусеница по переднему ведущему колесу. «Заглушите мотор, экономьте горючее, пригодится» — говорит он, — «с ленивца соскочила гусеница, надевать ее под огнем нельзя».

Новиков ничем не выдал своего недовольства, голос его так же ровен и сдержан, как обычно. Он даже подбодрил растерявшегося водителя, для которого этот бой был первым: «Ничего, с каждым может случиться», — и тут же сказал командиру башни Мите Алексееву, своему другу и однокласснику: «Постойм немного! На выручку тотчас придут! Комбриг на командном пункте! А пока будем делать, что следует! Пусть думают, что нарочно остановились. Садись к пулеметам, я стану у орудия».

По остановившейся машине стали бить со всех огневых точек. Пули стучали по танку, но, как весенний град, только скользили по броне. Противник не предполагал лобовой атаки танков на самой горе и потому не имел здесь противотанковых орудий.

Бойцы меняли прицел, захватывая все большую и большую площадь обстрела. Новиков старался нащупать артиллерию противника.

Степанов сидел в водительской будке без всякого дела. Когда машина, застопорив, остановилась, холодные мурашки пробежали по его спине. «Теперь всем погибать» — решил он. Слова Новико-

ва, все поведение командира и Алексеева, их спокойствие и спорая, меткая стрельба постепенно стали успокаивать и Степанова. «И все это мы одни» — подумал он с важностью, — «недаром же, — комсомольцы!»

— Противотанковые орудия подвоят, — громко сказал Алексеев: в смотровую щель ему было видно далеко вокруг. В смотровое же стекло Новиков мог наблюдать только одну сторону, и для кругового осмотра ему надобно было повернуть всю башню.

Он пригляделся. Острым глазом охотника он издали узнал короткие хоботки орудий, их везли вскачь, они подпрыгивали по ухабам и казались игрушечными, ненастоящими. Новиков точно установил расстояние, поставил прицел, зная, что огонь откроют на четырехсотметровой дистанции и, немного подождя, выстрелил. «Игрушечная» пушечка подняла хоботок, кувыркнулась и легла на бок. Так же были сняты не успевшие даже остановиться второе и третье орудия...

— Ставят орудия с двух сторон, — предупредил его зорко наблюдавший за противником Алексеев.

Новиков повернул башню в другую сторону, на ходу сбил еще два противотанковых орудия и вновь стал стрелять направо, по приближающимся орудиям.

В танке становилось душно, пахло порохом, гарью, дымом.

Но друзья были спокойны. Это было особое непринужденное спокойствие, какое бывает только в бою и только у наших людей. Все позади кажется единым, далеким и прекрасным, не имеющим даже ясных и четких очертаний... Все это твое кровное, родное, и ты выдвинут вперед на защиту самого прекрасного! И раз ты уже выдвинулся вперед, то должен быть настоящим до конца...

Вот это-то осознанное величие ответственности и наполняет человека в бою, делает его зорким, настроженным, мгновенно все схватывающим, в какую-то долю минуты умеющим решить такие задачи, которые в обычное время кажутся невыполнимыми.

В таком состоянии сосредоточенности

и душевной приподнятости Алексеев увидел, что два противотанковых орудия быстро двинулись стороной, направляя свои хоботки в тыл танка; только-что он хотел сказать командиру, что, видимо, идет подмога, как они оба услышали шум, а потом и увидели на полной скорости идущий им на выручку танк; вот он уж совсем близко!

Новиков повернул башню в тыл врагу, стараясь нащупать спрятанное противотанковое орудие. Напряжение его сказалось только в крепко стиснутых пальцах, берущих наводку. И в ту же самую минуту раздался грохот взрыва и над приближающимся танком взвился столб пламени.

— Прикрывай! — скомандовал он Алексееву, видя, как из горящего танка выскочили два человека. Он узнал своих и под ряд снял два противотанковых орудия, вновь установленные слева. Алексеев рассеивающим огнем пулеметов заслонял товарищей. «Ушли» — сказал он удовлетворенно, видя, что танкисты умелыми перебежками уходят все дальше и дальше.

«Будем надеяться на свои силы» — подумал Новиков.

— Продержимся, — сказал он в сторону Степанова: чувства, овладевающие человеком во время первого боя, были ему хорошо известны. — По окопам противника беглым огнем! Они теперь уверены, что мы готовим наступление именно здесь.

Последние слова командира потонули в шипении, грохоте, визге... Одно из орудий, которое он не успел снять, выстрелило. Снаряд прошел по днищу командирской башни, пробил водительское отделение и застрял в броне.

Когда дым немного рассеялся, Алексеев и Новиков увидели, что Степанов сидит оглушенный, растерянный, с полузакрытыми глазами.

— Ну, как, браток? — ласково-шутливо спросил Новиков, перегнувшись к водителю. Степанов открыл глаза, глянул на командира и молчал. — Двигаться можешь?

Степанов пошевелил ногами, задвигал руками. К его удивлению, все было на месте. Все еще не смея верить своему

спасению, он нерешительно произнес: «А что?» — «Нырй в люк и ползи к своим. Путь назад еще свободен!» — «Кажется, могу» — ответил Степанов,

запинаясь, и старался скрыть свою правую руку, в которой чувствовал резкую боль.

— С боевым крещением и в такой день, — сказал ему вслед Новиков. Был 23-й день февраля.

Все совершилось с необычайной стремительностью. Скоро Степанов уж скрылся за пригорком, невидимый с той, вражеской, стороны. «Доползет» — решил Новиков, следя за водителем. — «Ишь, как хорошо маскируется!»

Оставшись вдвоем, друзья осмотрели пробоину, прикрыли ее, проверили баки с горючим, открыли все ящики со снарядами и пулеметными лентами. Запас снарядов в гнездах приходил к концу.

— Ни один не пропал даром, — сказал Алексеев, не в силах скрыть, как он гордится командиром.

Солнце поднялось вполдерева, и от предметов побежали тени. Алексеев заметил с соседнего пригорка на земле ясные силуэты людей. Видимо, там находилась какая-то группа, и тени выдали ее. Он дал одну, другую очередь. Тени заметались, наскакивая друг на друга, а потом оттуда поползли во все стороны люди.

— Ловко, — произнес он, вглядываясь и... голос его пресекся. Он передохнул и доложил командиру: — Орудия со всех сторон.

Новиков знал, что таит в себе видимое спокойствие врага. Он вращал башню орудия во все стороны, и каждый его снаряд снимал противотанковое орудие, как хороший игрок в бабки снимает главную фигуру.

Противотанковых срудий становилось все больше и больше. Он показал на них рукой Алексееву, думая: «Стягивают с других участков. Уж мы им сегодня покажем!»

Снаряд попал в бензобак, и сбоку потянуло гарью. Новиков знал, что бачок еще раньше пробит осколками, и бензин вытекает постепенно, бак не взорвется: в нем есть воздух. Поглядел на снаряды — их оставалось десятка два; если огонь проникнет в боевое отделение, снаряды взорвут танк. На минуту мелькнула мысль — расстрелять их залпами, сразу, но он тотчас отогнал эту мысль. «Каждая по врагу! Успеем! Огонь будет проникать медленно!»

Алексеев заметил, как загорелся бензин, и тоже молчал. Когда потянуло дымом сильнее, он приподнялся, достал несколько одеял, заткнул отверстия, ведущие в отделение с горючим, и вновь вернулся к своему месту. До них донесли звуки большого сражения. У плоскогорья завязывался решительный бой.

Алексеев сидел рядом с Новиковым, чуть пониже его; было по-домашнему близко, дружески тепло и уверенно. Алексеев видел упрямый, крутой подбородок командира танка, ежик белокурых волос, худощавый резкий профиль, ма-

ленькую крепкую руку; мальчишеская радостная улыбка и задор пробегали по лицу Новикова, когда ему удавалось сбить орудие.

Алексеев был высок и плотен, на голову выше Новикова и в его любовной дружбе и уважении к командиру было что-то покровительственное. «Не сменил ли его у башни, умаялся он» — подумал Алексеев, заметив, что Новиков куда-то пристально вглядывается, — «от такой стрельбы хоть у кого в глазах потемнеет». Он приподнялся и тотчас опустился. Что-то грохочущее пылающей струей пронзило его, ударило в голову. Страшный грохот потряс башню; секунда ясного сознания — он дотронулся до головы — она была цела. «Откуда же столько крови?.. Значит, Василий убит, а меня осколком куда-то кольнуло. Только бы дострелять снаряды! Танк надо вернуть целым!» Он хотел подняться, встать у орудия... и не мог. Голову его тянуло назад, спину сводило судорогой. «Сосну немного... легче станет, это только так» — уверял он себя, но уже знал, что «это не так».

Оглушенный, ослепленный, Новиков на мгновение задохся, потом откашлялся, глотнул воздух. Первой его мыслью было: «Что с Алексеевым? Ничего не вижу». И он стал шарить левой рукой, нащупывая в темноте кнопку вентилятора.

«Пусть вытянет дым» — решил он и в то же время ясно сознавал, что ворвавшаяся струя воздуха раздует тлеющий огонь, который пробивался сквозь одеяла. Но ему надо было немедленно увидеть Алексеева, помочь ему.

Свежий воздух потянул кверху струю дыма, кспоти. Пламя взметнулось вверх, обожгло ему лицо, руки.

Алексеев сидел белый, как полотно, голова его была гордо запрокинута назад, выражение лица сосредоточенное, озаренное тем внутренним светом, что еще продолжал гореть в нем, тем ликующим светом надежды, который, если не он, то обязательно вперед донесут другие! На зов друга Алексеев не откликнулся.

Новиков закрыл вентилятор, собрал все находившиеся в танке одеяла, сорвал с себя уже начинающую кое-где тлеть кожанку, тщательно закрыл все отверстия. Огонь немного стих... Новиков не чувствовал, что в танке становилось все жарче и жарче. Он дострелял снаряды, бережно отодвинул Алексеева, крепко обнял его голову, прощаясь, и сел у пулеметов.

Теперь ему надо было бить по траншеям, и он, уже не обращая внимания на противотанковые орудия, стал бить за товарища; бил точно, метко, с яростью, целясь как можно лучше, и видел, как стали выскакивать из траншей люди, разбегались в разные стороны.

«Хватит до темноты» — думал он, глядя на пулеметные ленты, аккуратно разложенные возле.

Что-то ударило его в лоб, застало левый глаз. Он сделался нечувствителен ко всему, но все слышал, все понимал. Слышал, как снаряд пробил баки с маслом, и загоревшееся масло, шипя и чадя, потекло тоненькими струйками.

Патроны были на исходе. Он стал стрелять медленнее, с большими перерывами. Сгущались сумерки.

К танку подползли люди, кто-то пытался взобраться наверх и тотчас же отскочил назад, ожогшись о раскаленные стенки танка.

— Там чорт, обязательно, чорт, — раздались чужие голоса.

Новиков дал пулеметную очередь. Люди разбежались.

Нехватало воздуха для дыхания, в танке становилось нестерпимо жарко!

Пулеметные ленты кончились. Спустилась ночь. Единственным видящим глазом Новиков проверил по-хозяйски все гнезда, оглядел еще раз танк, передвинул подальше от огня Алексеева, взял его маузер, все имевшиеся в танке обоймы к нему и спустился в водительский люк.

Ночной воздух ударил в него, как ледяная струя, и он, ни на минуту не терявший сознания в танке, упал без чувств.

Первое, что почувствовал Василий Новиков, придя в себя, была острая боль в руке.

По всему телу пробегала дрожь лихорадки, нестерпимо хотелось испытать чего-нибудь горячего или холодного, удобно прилечь и заснуть.

В тишине он слышал какие-то шорохи, кто-то полз к нему.

— Стой! — крикнул Новиков, и сам не узнал своего голоса. — Стой, стрелять буду!

На мгновение шорох смолк, а потом раздался чей-то несмелый тоненький голос с пришепетыванием:

— Это я, санитар! Свой, свой, товарищ!

— Чорт тебе товарищ, — выругался Новиков и нажал курок. Звук выстрела гулким эхом прокатился в тишине ночи. Ему ответили линии с той и с другой стороны. И снова все смолкло.

Новиков сел, пристально вглядываясь во тьму. Он ни о чем не вспоминал, ни о чем не жалел. Он знал только одно: танк цел, и ему надо продержаться, пока куда придут друзья. Он то терял сознание, то вновь приходил в себя.

«Что это? Мерещится или вновь ползут?» Прислушался. Ошибиться нельзя. Действительно, ползут люди, много людей. «Подпущу ближе и открою огонь».

Он припал к земле, обостренный слух разбирал голоса. Сердце его замерло, — он явственно услышал родную речь... и не поверил. «Верно, русских белогвардейцев подослали, чтобы живьем взять», — решил мгновенно. «Ни с места!» — крикнул он и тотчас же: «Огонь, товарищи!» — подал команду своему воображаемому экипажу. Он стрелял спокойно, быстро вставляя обойму за обоймой.

С той, другой, стороны не отвечали. «Живым хотят взять. Не выйдет!» Он бережно и расчетливо отложил один патрон, боясь просчитаться в обойме, и, распаяясь все больше и больше, целился в темноту. Выстрелы следовали один за другим...

Когда все обоймы были расстреляны, он взял зажатый в ладонь последний патрон, вставил его, взвел курок, глянул на небо. «И у нас оно такое» — подумал.

В наступившей тишине из темноты ночи до него явственно донеслось: «Вася!», «Вас-я-я...» Он узнал голос, прислушался, весь холодея.

— Вася! Вася! Свои. Это я — Вальченко!

— А, Вальченко, — как показалось ему, крикнул Новиков, а в самом деле только подумал, теряя сознание. Он не слышал, как четверо танкистов бережно завернули его в одеяло, как осторожно потянули по земле, отстреливаясь от нападающего в темноте врага, не видел, как двоих легко ранили, и все это были близкие товарищи...

★

Новиков пришел в себя на перевязочном пункте, в домике соседней деревни. Он лежал обнаженный: тонкая простыня поверху не касалась его тринадцати огнестрельных ран и обожженного тела. Весь он был обложен какими-то компрессами.

Над ним склонились в тревоге знакомые, близкие лица. Первым он узнал комиссара. Карие, с раскосинкой глаза комиссара глядели на него с восторженной нежностью. «Значит, все хорошо», — подумал он и произнес, пытаясь приподняться:

— Товарищ комиссар, танк цел?

— Все в порядке, Вася, цел твой танк, и все, все хорошо! Противник сбит! Твой экипаж принял на себя огонь противотанковых орудий, отвлек противника, высота захвачена, фашисты отступили.

Раненый облегченно вздохнул и поглядел вокруг спокойно и слегка равнодушно, как человек, который отды-

хает от большого счастья или от большой тревоги.

Над ним склонилась с материнским безмолвным вопросом Эрна, врач танкистов. Раненый протянул к ней руку, жалуясь и укоряя ее одновременно: «Зачем, зачем такому жить?»

Голос Эрны зазвучал страстно, и такая была в нем глубокая сила убедительности, что повлажневший от набравшей слезы серый глаз Новикова, фиолетовый от лежащих на лице теней, загорелся надеждой.

Она говорила: «Что ты, Вася? Ты будешь здоров! Мы вернемся домой! Ты пойдешь по Красной площади! Ты увидишь Сталина! Ты будешь Героем нашей страны!»

★

Мне как-то пришлось прочесть Новикову написанное. Он сдержанно слушал, по его слегка загорелому лицу пробежало раздумье. Большие чистые глаза смотрели сосредоточенно.

— Неужели я в самом деле пожаловался? — нерешительно спросил он,

— Да, именно так было, этими самыми словами и пожаловался.

— Странно, — сказал Новиков, — в детстве я был озорной и забияка, был бит и сам колотил нещадно, но никогда не жаловался. Может быть, немножко ослабел и, действительно, захотелось сочувствия, — улыбнулся он. — Остальное все совершенно точно и правильно.

— Что ж, скоро встретимся вновь с врагом в бою! И это будет «последний и решительный бой», — сказал Герой Советского Союза, капитан танковых войск, Василий Андреевич Новиков.

Тетя Маша

НИКОЛАЙ СИДОРЕНКО

Марии Ефимовне Уткиной, героине
Отечественной войны, защищающей
Родику с оружием в руках.

Она жила, душой не лукавая,
С нами судьбу дела пополам.
Стирала белье на лесной заставе,
Песни пела по вечерам.

Украдкой бойцам чинила шинели,
Повару правой рукою была.
Полы всегда у нее блестели,
Сверкали окна, как зеркала.

В столовой, в банках из-под компота,
Ее заботой цветы цвели.
Знала она наизусть болота,
Поля и леса пограничной земли.

Если ж кто-либо задумчив станет,
Иль над письмом любимой взгрустнет,
Она матерински в глаза заглянет,
Слово ласковое найдет.

Жизнь она украшала нашу,
Всех бойцов, как сынов, любя...
Марья Ефимовна, тетя Маша,
Ну, что бы мы делали без тебя!?

...В то утро, дымкой стелясь голубою,
Барашки тумана спешили к реке.
И вдруг прокатилось: «Застава, к бою!»
И пулемет застучал вдалеке.

Беспорной казалась врагу победа:
Заставу одну разгромить пустяк!
Враг наседал, но того не ведал,
Что ждет его гибель на всех путях.

И он просчитался, ночной громила!
Он в злобе слепой и не мог учесть,
Что непобедима народная сила
В смертельном бою за народную честь.

Когда иссякали у нас патроны,
Вскочил командир и крикнул: «За мной!»
И ветер бессмертья виски ему тронул
Неповторимой горячей волной.

Штыки не давали пощады гадам.
Стремителен был штыковой поток.
Но вот пред глазами метнулся рядом
Знакомый ситцевый синий платок.

Марья Ефимовна, прачка наша,
С нами теснила фашиста в лес.
Русская женщина, тетя Маша,
Бежала с винтовкой наперевес.

...Враг был отброшен прямым ударом
Наших, всегда справедливых, штыков.
Ты нас растила в борьбе недаром,
Славная родина большевиков.

Прославим же песней бойцов бесстрашье,
Силу труда и отвагу боев,
И Марью Ефимовну, тетю Машу, —
Женщину русских равнин и лесов!

Капитан Коробицын

АЛЕКСАНДР ДРОЗДОВ

★

1

Капитан Коробицын Александр Иванович, морской летчик Черноморского флота, награжден орденом «Красного Знамени». За девятнадцать боевых вылетов, промя румыно-немецкие очаги военной агрессии, сжигая самолеты врага, показывая примеры блистательной боевой доблести, подразделение капитана не потеряло ни одного человека и ни одной машины.

Слава его велика на Черном море.

Первый бой капитан Коробицын принял на рассвете, 22 июня.

Шесть немецких бомбардировщиков и три «Хейнкеля» показались над аэродромом, воздух был полон гула, враги сбросили бомбы, и на русской земле открылись первые раны, нанесенные воровски, из-за угла. Дым и пламень поднялись к небу.

В этом первом бою из девяти машин противника, напавших на аэродром, ушли только пять. Летчики командира Коробицына рубили крепко. Лейтенант Максимов «спустил на землю» тяжелого бомбардировщика, и, когда немцы, не выдержав ответного удара, пошли назад, он над территорией Румынии, над самой Тульчей, настиг еще одного и пулеметной очередью перешиб ему спину; уже за пределами аэродрома лейтенант Хомутов сбил двух бомбардировщиков — они грохнули о землю, и в зеленом расцвете дотлевали в огне и дыму их грузные останки; лейтенант Гогмачадзе сбил третьего.

2

Боевые сутки слагались так: подготовка к вылетам, потом вылеты по заданиям, напряжение воздушных разведок и боев, потом отдых «по способности» и снова вылеты. Война стала жизнью, движимой единственной мыслью и единым всепокрывающим чувством. В этой жизни, протекающей в непосредственном и грозном соседстве со смертью и требующей полной внутренней собранности, воли, бесстрашия, Коробицын раскрылся, как натура широкая, героическая, какими богат советский край.

Когда Коробицын в машине и его небольшие хваткие руки держат управление, а светлые глаза смотрят сквозь консервы — тогда он становится «человеком сверх-воли». Так прозвали его товарищи по войне, и это прозвище осталось за ним, всюду ему сопутствуя, как второе имя, полученное в огневом крещении.

Не бесшабашная удаля, не озорство и не молодечество, — нет, волево, целеустремленное мужество, зоркое мужество, если позволено будет так сказать, — вот что характеризует этого человека. Это качество воспитано партией, выпестовано Родиной, закалено на боевых путях нашей страны. Оно выросло из традиций русского войска, бившего на своем историческом веку и шведа, и француза, и финна, и немца — всякого, кто дерзал покушаться на землю отцов и кто откатывался к своим норам с побитой мордой. Мемуары ино-

странных полководцев, писания зарубежных историков полны трепетного уважения к силе русского штыка и находчивой меткости русской пули.

За девятнадцать боевых вылетов Коробицын видел под шасси своего истребителя синие воды Черного моря, омывающего румынские берега, гирлы Дуная, гряды песчаных дюн, скрепленных насаждениями, болотистые пусты, валашские долины, залитые пшеницей, и добруджские долины, залитые ячменем. Он зажигал нефть, которую румыны отнимали у своей родной земли, чтобы берлинская клика могла сеять смерть над Европой и над нашими полями цветущего труда. Он громил мониторы, охраняющие Дунай, и бомбил караваны барж, перевозящие оружие. Из самолетов своего подразделения он расстреливал румыно-немецкие войска, идущие в наступление или бегущие назад после боевой встрепки.

В боях с немецкими бомбардировщиками и истребителями Коробицын, еще не знающий убыли ни в людях своего подразделения, ни в самолетах, изучил повадки врага в воздухе, его уловки, его трусливые маневры, его обманные действия.

Если в первые дни войны немцы бросали десятки самолетов на один объект атаки, то уже в последующие дни им пришлось поостеречься: слишком много машин «забывало» дорогу назад и слишком много легчиков пропало без вести. Командование перешло к набегам легкими группами по три, по шесть самолетов, увеличивая число объектов и пытаясь создать впечатление грандиозного по своему протяжению воздушного фронта войны. Товарищи Коробицыны нашей авиации не поддались, понятно, этому жалкому внушению. Они били фашистские самолеты, шедшие массивным строем. Теперь они стали бить самолеты, идущие мелкими группами.

И совершенно так же, как при массивных налетах, самолеты врага стали «забывать» дорогу назад и при рассеянных налетах. И, чтобы держать наступательный воздушный фронт, чтобы латать его бреши, немцы сняли свои

эскадрильи отовсюду, где только они несли дозорную или боевую службу — с аэродромов Франции, с аэродромов Бельгии, Италии, Греции и даже из Северной Африки, где немецкие части, под огнем англичан, завязли в песках Соллума.

3

Капитан Коробицын, летчик советского чекана, встретил тактику врага, как и подобает воспитаннику Красной Авиации: он изучил ее на практике с тем спокойным, расчетливым мужеством, которое позволяет наносить удары, не имея потерь. Он изучил тактику врага для того, чтобы с полным резонансом противодействовать ей и, найдя в ней слабые места, бить по этим местам.

Так, он установил, что фашисты любят вести комбинированную атаку двумя самолетами. Один заходит сверху, открывая огонь из пулеметов, в то время как второй ныряет под хвост, идет снизу, поливая очередями с расстояния в 25—30 метров. Понятно, наивысший эффект эта тактика дает в бою, когда противник остается в одиночестве и на него можно навалиться сообща. Рождена эта тактика из собственного понимания фашистами долга товарищества в бою. Фашисты понимают товарищество так: в налет идем вместе, а в случае беды, удираем врозь, — спасайся кто и как может. Тут уж не до товарища, попавшего в беду, спасти бы только крылышки своей машины, а на ее крылышках и свою собственную жизнь.

В столкновениях с подразделением капитана Коробицына эта тактика не проходит. Не только потому, что чувство товарищества в советской авиации священо. Оно — в крови советского бойца. Не проходит эта тактика и по той простой причине, что советские летчики — виртуозы своего дела и даже на краю гибели, слыша на лице своем дыхание смерти, не теряют головы. Два «Хейнкеля» вздумали поймать старшего лейтенанта Борисова, летчика из коробицынского подразделения, на вираже. Борисов в свое время бился на

финском фронте и, стало быть, знает толк в боях с фашистами.

Итак, два «Хейнкеля», согласно принятой тактике, навалились на старшего лейтенанта Борисова. Дело было ночью. Зенитки врага, разбитые нашими бомбами, прекратили свой лай. Темное небо, черная земля, световые ножи прожектора, полосующие облака... Один «Хейнкель» висит наверху, второй заходит с хвоста. И в эти решающие секунды у Борисова заглох мотор.

Что сделали бы фашисты в таком положении? Они пошли бы на землю, на вражью землю, чтобы сесть в ночном поле и, прикрываясь темнотой, затаиться во ржи или за деревьями леса.

Что делает старший лейтенант Борисов из подразделения Коробицына? Он пускает машину в стремительную спираль, чтобы раскатать мотор, чтобы заставить мотор работать. Над темной территорией врага, имея на плечах своих двух фашистских истребителей, он смелыми маневрами призывает мотор к послушанию, и мотор слушается его, мотор работает! Гул его сердца снова сотрясает воздух боя. Старший лейтенант Борисов берет ручку на себя и ведет машину в лобовую атаку. Преследователи обращаются в преследуемых. Один советский истребитель гонит две немецкие машины, и у Борисова только одно чувство — чувство досады потому, что он не успел перебить им хребтов.

Итак, ставка на пропорцию 2:1 бита. Наблюдая своих врагов в бою, капитан Коробицын отметил также, что фашисты не чужды психологических расчетов. Психология эта несложная. В бою внимание летчика обострено. Когда оно слабеет? Оно слабеет, когда летчик, утомленный боевым вылетом, возвращается на свою базу. Вот здесь-то и самое время напасть на него, вывалившись из облаков, сесть на хвост, врасплох прочесать его пулеметом. Вместе с тем, конвоируя депрессированного (по мысли фашистов) летчика на обратном его пути, легко установить расположение русских аэродромов.

Но советские летчики, возвращаясь на базы, не терпят прожатых. Даже

раненые, даже в покалеченных машинах, они отделяются от прожатых единственным способом, принятым у нас на войне: сбивают их. Невежливо, но отважно. В боевых буднях подразделения капитана Коробицына много можно найти примеров отличной выдержки летчиков, отличной их доблести. Уместней всего рассказать здесь о боевом вылете товарища Лобазова.

Скоростной бомбардировщик, пилотируемый им, шел бомбить румынские базы. Лобазов шел не в первый раз, и не в первый раз сопровождал его боевой товарищ, радист-стрелок Лавров. И, как всегда, машина казалась надежной, верной, повинующейся любому движению пилота; была вера в машину и в свои собственные силы, и в огромную взрывчатую силу бомб, висящих под крыльями, тех самых бомб, что в своей среде летчики зовут «ворошиловскими гостинцами».

Недалеко от цели заговорили зенитки. Кудрявые облачка разрывов повисли в воздухе. Снаряды рвались то выше, то ниже, один раз самолет сильно рвануло. Лобазов спокойно маневрировал. Брал на себя, и машина свободно лезла вверх. Ощущения были привычны: поворот земли под ногами, круто жмушее, как бы выталкивающее тело, сиденье. Брал от себя — и самолет проваливался вниз.

Зенитки не нащупали цели. Но уже неподалеку от объекта атаки, от нефтехранилищ, казавшихся отсюда, с боевой высоты, кубиками, рассыпанными на полу детской, на бомбардировщик Лобазова кинулись истребители врага. И бой завязался. Лобазов, как все летчики в славном подразделении Коробицына, знал машину, любил машину, умел брать от машины все, что она может дать. Маневрами, неожиданными для врага, он уходил от обстрела. В зеркальце перед собой он видел спину Лаврова; голова его мерно дергалась в такт пулеметам, стреляющим с его турели.

И так, в бою, они зашли на цель и сбросили весь свой груз, поднявший на земле дымные столбы и разливший озеро пламени. Горела нефть, — кровь

гитлеровских мотомехчастей, кровь фашистской авиации, кровь его машин, брошенных на истребление человечества. Облегченный самолет Лобазова взмыл вверх. Задание выполнено, руки развязаны, пришла пора померяться с врагом — ожесточенным, разъяренным и численно превосходящим.

Истребители атаковали яростно. На какую-то долю секунды яркий свет ослепил Лобазова: на плоскости самолета вспыхнуло пламя. Решение нужно принимать мгновенно. Резким маневром Лобазов бросил самолет вниз и вкось, и ураганным движением воздуха пламя слизнуло с плоскости, смыло, как вода смывает с покато́й крыши пыль, занесенную ветром.

Пули пронизывали самолет. Лобазов включил переговорный, в наушниках потух назойливый шум мембран.

— Как работа? — спросил Лобазов.

Отчетливый голос Лаврова ответил:

— Все идет отлично.

— Жив?

Такой же отчетливый голос Лаврова сказал:

— Признаться, немножко царапнуло.

Позже, на аэродроме, выяснилось, что царапнуло сильно. Но раненному тяжело герою-стрелку не изменили ни зоркость глаза, ни верность руки. Он бил из пулеметов, и очередь его подожгла фашистский самолет, бросила и разбила о землю.

Полминуты спустя Лавров сказал в переговорный:

— Мотор!

Один из моторов бомбардировщика был ранен насмерть.

Истребители, не выдержав боя, уходили прочь. Самолет, под тяжестью действующего мотора, тянуло во вращение вокруг крыла. Выключив подбитый мотор, Лобазов подкрутил компенсаторы килей.

И так, на одном моторе, с тяжело раненным стрелком-радистом на борту, поджегши фашистскую нефть и захоронив фашистского истребителя, Лобазов вел свою издырявленную боевую машину на аэродром — и привел ее.

Он привел ее без «провожатых».

Тактика воздушных фашистов напо-

ролась на мужество наших летчиков. И, как следовало того ожидать, — была бита.

4

«На предельной скорости истребителей — предельно скорые решения» — так говорит одно из правил капитана Коробицына. Скорые решения, основанные на умении ориентироваться в обстановке, умение оценить ее — хладнокровно и ответственно... Только ли воинской наукой, которой Коробицын овладел, только ли боевым опытом, который он приобрел, дается это умение мгновенной оценки и безошибочных решений?

Коробицын — сын советского народа. Он летчик новых, революцией рожденных, человеческих качеств; воинские знания сочетаются в нем с глубоким осознанием целей, которые стоят перед советским народом, призванным вывести человечество из-под топора Гитлера под вольное небо. Вот этим качествам нечего противопоставить летчикам, на самолетах которых, как символ одичалого изуверства, начертаны крючки свастики. Они бессильны перед ними и безоружны, несмотря на то, что на их вооружение работают заводы всей поработанной и растоптанной Европы.

«Великий Ленин, создавший наше государство, говорил, что основным качеством советских людей должно быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться с народом против врагов нашей родины. Необходимо, чтобы это великолепное качество большевика стало достоянием миллионов и миллионов, Красной Армии, нашего Красного Флота и всех народов Советского Союза» (Сталин).

Вооруженный «великолепными качествами большевика» капитан Коробицын никогда не теряет в воздухе. Есть страница в дневнике его боевой жизни, мужественная и трогательная в одно и то же время. Капитан Коробицын, во главе своих орлят, шел бомбить отступающие части врага. Румыно-немецкие войска сунулись было на русскую землю, на землю, которая никогда не потерпит рабства, и, получив должное, покатались назад.

Капитан Коробицын шел на большой высоте, выглядывая землю, расстилавшуюся перед ним зеленью травяных полос, паутиной дорог, крышами мирных селений, потревоженных войной, и скоплениями вражеских войск. Как широкая вена земли, виден был Дунай и точки румынских мониторов на нем. Глаза Коробицына упали на дорогу, ведущую к нашей границе, темную от человеческих толп, ползущих по ней.

Коробицын, качнув крыльями, пошел на резкое снижение. Земля приблизилась, показывая себя во всей щедрой красоте летнего убранства. Истребители пошли над дорогой.

Это была обычная широкая дорога, обсаженная акациями, чтобы защититься от ветров, пыльная дорога, прогретая южным солнцем. Люди шли тесно сбитыми, беспокойными рядами, опережая друг друга, заполняя сточные канавки на обочинах. Иные отставали и, присев под кроной дерева, растирали усталые и разбитые ноги. Отсюда, с малой высоты, было отчетливо видно, что толпа пестра. Мелькали цветные платочки женщин, шапки крестьян, фетровые шляпы горожан, простоволосые головы подростков.

Опытный глаз мог подметить, что этот человеческий поток образовался из многих ручьев и движется, гонимый единым чувством. Страха? Стремления пересечь границу?

Коробицын не сомневался бы в том, что эта толпа измученных людей — беженцы, решившие и рискнувшие покинуть страну, которой, как вотчиной, правит генерал Антонеску. Он не сомневался бы в этом, если бы среди людей не заметил солдатские мундиры. Солдаты в толпе! Это могло быть маскировкой, одною из уловок врага, который, не смоги взять в лоб, ищет окольных дорожек.

Решение нужно было принимать на «скорости истребителя». Руки стрелков лежали на пулеметах. Враги под самолетами, или друзья, замученные врагами? И капитан Коробицын принял решение: на дороге — друзья.

И он был прав. Увидя красные звезды на самолетах, толпа остановилась.

Те, кто кинулся к обочинам, призадержались, те, кто упал в придорожную, присыпанную пылью траву, вскочили на ноги. Женщины подняли на своих руках грудных детей, они протягивали их к красным звездам, как к звездам счастья, звездам защиты, звездам победы. Они веряли свою жизнь и жизнь своих детей, свою будущность советским летчикам, реющим над румынской истеганной, истоптанной землей.

И, крыльями самолета своего послав им привет брата и защитника, капитан Коробицын повел советских орлят бомбить мучителей, от которых, плача и падая, люди бежали, как от чумы.

5

Когда орлята уходят на задание без него, он тревожен. Он смотрит на небо, сощуриив свои голубые глаза, круглое лицо его немного бледно или — лучше сказать — принимает оттенок серый, землистый. Порою он нагибается и, сорвав травинку, оглядывает ее, близко поднося к глазам. Он крутит ее между пальцами. Движения его крепкого, не очень большого тела неторопливы. В присутствии этого человека всегда чувствуешь спокойствие; не говоря ни слова, он вселяет уверенность в том, что все идет отлично и так будет итти всегда.

Но в эти минуты ожидания с ним лучше не разговаривать. Он не волнуется, но закаленное сердце его болит за жизнь своих товарищей. Он никогда не падает духом, но в то же время он никогда не умаляет опасности, ибо это безрассудно, и не прячет ее в наигранной веселости, ибо в этом человеке нет никакой игры, а только трезвое мужество.

Техники — Новожилов, Трахтенберг, Горбунов, Демин, Буланов — сидят под крылом и тоже ждут своих летчиков. Они следят глазами за капитаном, чтобы в его выдержке почерпнуть уверенность в счастливом исходе вылета; опасность велика, но искусство коробицынских орлят выше опасности. Все они, техники, подражают Коробицыну. Говоря военным языком, они держат равнение на его отвагу, на его предан-

ность Родине, на его живой патриотизм.

Минуты тянутся, как лошади под кладью. Кладь тяжела, кладь — неизвестность. И мысленно техники проверяют машины, сейчас ушедшие в воздух, машины, проверенные перед вылетом тысячу раз. Все ли подтянуто, все ли отрегулировано, каждый ли винтик прочен и каждый ли точно пригнан?

Но вот голос капитана Коробицына:

— Наши идут!

Техники, подняв головы, считают с бьющимся сердцем:

— Один... второй... третий...

Вернулись все. За девятнадцать вылетов подразделение не потеряло ни одной машины. Вот они, коснувшись земли, бегут по аэродрому, распластав в воздухе крылья, напоминая танцующих птиц. Кабины открыты. Летчики снимают шлемы. Удовлетворенные лица людей, с блеском и отвагой выполнивших свой долг.

Нужно видеть, как Коробицын ходит

вдоль машин, нужно видеть, как он касается рукой отверстий, пробитых немецкими пулями. И лицо его болезненно морщится, словно он касается собственных ран.

Сейчас он примет донесения. А потом:

— Отдых! Отдых по способности!

И он будет слушать, как товарищи его рассказывают о румынских землях, охваченных полымем войны.

Цель нашей Отечественной войны священна и человечна — мы не только отстаим свою Родину, но мы вернем национальную свободу всем народам Европы, поработенным Гитлером, и Румынии в том числе. Мы выполем на ее полях терновник германского фашизма, опираясь на живые силы румынского народа.

И сделаем это, говоря словечком капитана Коробицына — героя и славного орденоносца, — крепко.

Хмурое утро

Третья часть романа «Хождение по мукам»

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

★

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ *

Неподалеку от Воронежа к Мамонтову присоединился кубанский корпус Шкуро. Теперь у него было шесть кавалерийских дивизий против двух у Буденного. Он остановился и стал поджидать его. Мамонтов был осторожен. Он выделил часть сил для укрепления обороны Воронежа; оба корпуса перестроил в три колонны и выбрал место для боя, где будет окружена и уничтожена красная конница, — огромное поле, упирающееся в полотно железной дороги, по которой крейсировал бронепоезд, — стальная черепаха с шестидюймовками.

Буденный был смел, но расчетлив. Все приготовления и махинации Мамонтова стали ему известны от многочисленных разведок и еще больше — от местных крестьян. Какая-нибудь девчонка, с коряво нацарапанной запиской, запрятанной под платок — под косу, или горемычная бабушка, с мешком для кусков, проходили через заставы белых, — мало кто польстится на шивую девчонку, а уж от бабуни отплетется всякий казак, — и они находили буденновских разведчиков и передавали им сведения.

Буденный остановился между лесом и болотами, не дойдя до широкого поля, предназначенного ему для гибели. Он приказал вволю кормить коней и хоро-

шо осмотреть подковы (кони были кованы только на передние ноги). Приказал пополнить огнеприпасы и взамен пшена да пшена, — приелось пшено, — выдать бойцам трофейной солонины с бобами, сладкого консервированного молока да разного рассыпчатого печенья и духовитого табаку, чтобы позабавиться у костров. Все это добывалось из «передвижного арсенала», как назывались богатые обозы белых. Сейчас они день и ночь тянулись из Воронежа к Мамонтову. Особенно наказывал Семен Михайлович — взять новенькие, японские карабины, чтобы заменить ими, насколько возможно, старые винтовки, расшлепанные в боях, а также — канцелярские принадлежности.

Прикрываясь лесом и болотами, можно было спокойно отоспаться перед серьезной операцией. Но она представлялась бойцам все же столь серьезной, — схватиться в рукопашную с шестью донскими дивизиями, — что мало у кого наблюдалось спокойствия. Они чистили коней не как-нибудь, а до белого платочка, чинили седла, точили шашки. Ни песен, ни гармошек не слышалось по эскадронам, — велись глубокомысленные разговоры. Завидят комиссара и машут, — поди сюда, коммунист... «Расскажи нам, товарищ дорогой: кончим Мамонтова — неужто не будем брать Воронеж, ведь эдакая сила у них там всякого добра?..» Комиссар отвечал, что насчет Воронежа Семен

* Окончание. См. «Новый мир», №№ 4—5 и 8 за 1940 г. и 1, 2, 4 и 6 за 1941 г.

Михайлович пока распоряжения не давал. Тогда начинались споры: можно ли кавалерией брать укрепленный район? Одни говорили, что можно при большом одушевлении, другие утверждали, что это противозаконно.

Телегинский эскадрон, назначенный в сторожевое охранение, стоял у края болота. На юг начиналось поле, где время от времени маячили белые разведчики. Было известно, что в той стороне группировалась одна из трех мамонтовских колонн. Там по ночам мерцал в тучах слабый отсвет костров. В эскадроне велись разговоры вокруг да около предстоящей битвы, на которую съехались такие небывало крупные и могучие конные массы. Старый кавалерист Горбушин рассказывал, как в четырнадцатом году был один такой бой под Бродами: австрийская гвардейская дивизия — четыре полка — лихо атаковала нашу легкую кавалерийскую дивизию, да после этого боя австрийки уж отвели всю свою конницу в тыл... Атаковали они сверху, с полугоры, рассчитывая опрокинуть наших в лощину. А наши вылетели навстречу из лощины в гору, — на флангах — по четыре казачьих сотни с пиками, в центре уланы с пиками же, да ахтырские гусары, с желтыми околышами, желтыми кантами, — лихие были гусары! Наши понимают, что австриякам с горы, с такого разгона, нельзя будет поворачивать, — как они начали с нами сближаться, не ожидали они такой нашей злости, сдерживают коней, — поздно! Наши их пиками — снизу вверх — очень способно: ткнет да пику-то бросит, да через строй проскочит да обернется и — рубит шашкой, да не по плечам, — у них под погонами подложены стальные пластины, — а поперек туловища... Так и остались лежать на полугоре все четыре гвардейских полка, порубленные, приколотые к земле пиками, — страховище!

Латугин, который не особенно любил, когда кто-нибудь при нем занимательно рассказывал, перебил этого старого рубаку:

— Ну да, было, было, мало что было, это игра случая... А ты Расскажи-ка про то, как трое наших красноармей-

цев германский батальон захватили... Не знаешь? А-а..! То-то, что надо бы тебе знать...

— А ну, рассказывай, Латугин, — раздались голоса. Он сидел на коленках у костра, у самых углей, озарявших его осунувшееся лицо, — на нем остались одни жилы после трех недель мотанья в седле. Он, Гагин и Задуйвитер с самого начала взяты были Телегиным в комендантский батальон и два месяца наедали щеки, а теперь числились кавалеристами в составе эскадрона.

— Был у нас в Десятой Ленька Щур, другого такого головореза едва ли можно найти, если даже хорошо искать, — начал рассказывать Латугин, положив руки на эфес шашки, упертой торчком. — Прошлой осенью, в бытность свою еще в одной украинской бригаде, выехал он в разведку с двумя товарищами. Едут они, ничего не думают и напоролись на немцев, на — без малого — целый батальон. Расположились немцы в глухой местности и варят себе суп...

— Ну, уж это ты врешь, — сказал кто-то из слушателей, — станет немец в глухой местности варить суп...

Латугин тяжело поглядел на этого человека:

— Объяснить тебе — почему они варили суп?... Хорошо... Немцы пробирались домой, углублять свою революцию... А на Украине кругом все села восстали, обгородились пулеметами, никуда не сунешься, германцы обголодались... Теперь понятно тебе...? Не успели немцы всполошиться, Ленька выхватывает из сумы чистую портянку, нацепил на шашку и смело едет к ним. «Сдавайтесь, говорит, вы окружены огромной силой кавалерии, мы даже и шашек кровянить не станем, потопчем вас одними конями...» Нашелся переводчик, эти слова его перевел. Командир батальона, унтер-офицер, плотный немец, отвечает Леньке: «Сомневаюсь, чтобы в ваших словах была правда...» А Ленька ему: «Это правильно, что вы сомневаетесь, садитесь на коня, едем в наш штаб, там предложат вам приличные условия...» Немцы серьезно посоветовались, командир говорит: «Гутмор-

ген, — ладно, — мы с вами поедem в тройном против вас количестве, в случае, — если будет коварство с вашей стороны, — по дороге вас шлепнем...» Ленька ему: «Пожалуйста, а коварства никакого не будет, вы имеете дело с бойцами революции...» Поехали. Приезжают в штаб. Начинаются с германцами переговоры. Они требуют пропустить их к железной дороге и хотят, чтобы дали им пшена пудов двадцать пять. А наши требуют, чтобы немцы отдали оружие и две пушки. Немцы уперлись, и наши уперлись. А Ленька тут же все время вертится и говорит: «Товарищ комбриг, они голодные — оттого несговорчивые, я их проагитирую, прикажи выдать доброго сала и пшеничного хлеба». О спирте он, сатана, официально не упомянул, а заведующий хозяйством был ему любезный кум, он у него и спроворил четверть. Сел он с немцами в хате, нарезал сала, хлеба, налил спирту в кружку и давай разговаривать о том и о сем, — как у нас на Украине хорошо едят да хорошо пьют, да и народ, вообще, располагающий к симпатии. Похвалил он и немцев за то, что они Вильгельма скинули. И, хотя разговор у них происходил без переводчика на этот раз, — немцы всё понимали: он их и кулаком по спине оглаживал дружески и, взяв за уши, целовал. Скоро за столом остались двое, — он да командир ихний, унтер-офицер. Ленька надывается, а немец только смеется, пальцем качает... Прислали от начштаба — узнать, как дела? Ленька отвечает: «Плохо, командир не поддается агитации, надо еще четверть...» Ну, уж когда кончили они эту вторую четверть, у стола остался один Ленька. Немцы переночевали. Утречком унтер-офицер оставил своих товарищей заложниками, — все равно они с перепою и на коня не могли влезть, — и вдвоем с Ленькой уехал. А к вечеру привел весь батальон, — человек четыреста, — с красным флагом... Так ему понравилась Ленькина агитация...

Когда Латугин кончил рассказ, — гораздо более выдающийся, чем у Горбушина, про бой под Бродами, — и красноармейцы дружно смеялись: кто ржал,

показывая все зубы, кто вытирал слезы, кто только охал, помахиывая рукой, — к костру подошел Рошин и, наклонившись к Латугину, сказал:

— Разыщите Гагина и Задуйвитра и с ними приходите к палатке.

В утреннем белом тумане, плотно лежащем по всему полю, мчались пятеро всадников, — на гнедой кобыле со стриженной гривой — Рошин, на полкорпуса впереди него, на вороном жеребчике, — маленький Дундич, серб, командир одного из буденновских эскадронов; на своем непримиримом пути Дундич нашел вторую родину и со всем пылом простодушного, жизнерадостного и отчаянно смелого человека полюбил необозримую Россию и ее необозримую революцию; он и Рошин были одеты в длинные офицерские шинели с золотыми погонами; позади, понукая, скакали, в лихо смятых фуражках с кокардами, в полушубках с урядническими погонами, Латугин, Гагин и Задуйвитер.

Им была поставлена задача: проникнуть в Воронеж, высмотреть расположение артиллерии и наличие конных и пеших сил, и напоследок вручить командующему обороной — генералу Шкуро — запечатанный пакет, в котором находилось письмо Буденного.

Дундич любил жизнь и любил играть с ней в опасную игру, а в эти бодрящие октябрьские дни, когда мускулы так и потягивались под гимнастеркой, — лишь потяни ядреный воздух утреннего тумана, полный всяких отличных запахов, — ему в особенности не терпелось без дела. Он сам вызвался передать Шкуро запечатанный пакет. Он пошел разыскивать Рошина и сказал ему:

— Вадим Петрович, вы очень подходящий человек для одного небольшого приключения, — вы знаете офицерские обычаи и всякую обходительность. Вы бы не согласились сбегать со мной в Воронеж? Это займет один день. Будет добрая проскачка. Буденный обещал нам личных коней, Петушка и Аврору...

Смешно было — соглашаться или не соглашаться. Вадима Петровича неприятно только кольнуло упоминание об

офицерской обходительности. Но, и вправду, ему пришлось провозиться весь вечер, обучая товарищей — как нужно нижним чинам тянуться, козырять и отвечать и какой должен быть внешний вид у офицера-добровольца: у дроздовцев — в лице ирония, любят носить пенсне — в честь их покойного шефа; у корниловцев — традиционно тухлый взгляд, и в лице — презрительное разочарование; марковцы шикарят грязными шинелями и матерщиной.

Было условлено, — если остановят и будут спрашивать, — отвечать: «Везем в Воронеж секретный пакет от командира резервного добровольческого полка, прибывшего с юга в район Касторной». Это и туманно и убедительно.

Часа через три хорошего хода в белесом свете, прорвавшемся ненадолго из-под свинцовых туч, показался Воронеж, — купола, пожарные каланчи, красноватые крыши. За все время пути не привязалась ни одна разведка, — посмотрят в бинокль на пятерых всадников, скачущих в направлении города, и шагом едут дальше. Первая задержка произошла на мосту. Деревянный, на живую нитку построенный, мост охранялся. По нему похаживали какие-то солидные люди в бескозырках, в белых нагольных кожаных, какие носят бабы на Украине, и все, почему-то, с окладистыми бородами. На той стороне около предместных окопов курила кучка юнкеров.

Дундич остановил коня, спрыгнул и начал подтягивать подпругу:

— Показывать липовые документы не совсем желательно, — сказал он вполголоса. — Река вздулась, переезжать где-нибудь в брод, — замочимся по шею, это еще более нежелательно. Придется ехать через мост.

— Ладно, отругаемся, — мрачно сказал Латугин.

Задуивитер тут же задавился смехом:

— Ой, товарищи, лопни глаза — так ведь это ж попы на мосту, жеребья команда...

— Шагом и весело, вперед, — сказал Дундич, как кошка вскакивая в седло. Бородатые люди на мосту разногласо

зашумели: «Стой, стой!» Дундич ехал на них, туго держа повод и щекоча шпорами Петушка. Но они подняли такой крик, размахивая винтовками, что конь под ним начал поджимать зад, зло охлестываться хвостом. Пришлось остановиться. Несколько рук потянулось, чтобы схватить за узду. Латугин закричал, напирая лошадю:

— Очумели, у его высокоблагородия повод трогать! Кто вы такие, вообще, — покажи документы!

— Молчать! Осади коня! — Спокойно — через плечо — сказал ему Дундич и — с белозубой под торчащими усиками улыбкой — нагнулся с седла к бородачам:

— Вы требуете пропуск через мост? — у меня его нет... Я подполковник Дундич, со мной — моя охрана... Вы удовлетворены? Благодарю вас...

И он, засмеявшись, послал Петушка так, что тот, храпнул, взвился, показывая серо-замшевое брюхо, и прыгнул мимо бородачей, едва отскочивших в стороны. Но сейчас же Дундич осадил его и перевел на шаг. На том берегу началась тревога. Юнкера побросали папироски и, путаясь в полах длинных до земли шинелей, побежали к глинистым окопам, откуда на всадников повели стволами два пулемета. Командир предместного укрепления, — высокий офицер с вялым усагим лицом, — крикнул, лениво растягивая слова, таким знакомо наглым голосом, что Рошин от омерзения стиснул зубы:

— Эй, там на мосту, спешиться, приготовить документы... По счету два — открываю огонь...

Дундич, — свернув рот в сторону Рошина:

— Ничего не поделаешь, придется атаковать.

Рука его потянулась к шашке. Рошин быстрым движением остановил его:

— Теплов! — крикнул он высокому офицеру. — Отставь пулеметы... Это я — Вадим Рошин...

И он неторопливо слез с лошади и, ведя ее в поводу, один пошел через мост. Офицер этот был тот самый Васька Теплов, — когда-то его однополчанин, — пьяница, хвастун и дурак, ко-

того Рощин однажды серьезно предупредил, что набьет ему морду, за сплетни и пошлость. Теплов подозрительно глядел на приближающегося Рощина, медленно пряча наган в кобуру.

— Не узнал... С перепою, что ли? Здравствуй, елки точеные... — Рощин, не снимая перчатки, подал ему руку. — Чего ты тут делаешь? Набрал себе команду пузатых бородачей, вот идиотина! Тебе же время полком командовать... Опять разжалован, что ли? За пьянство, конечно?

— Фу ты, елки точеные! — проговорил Теплов, шепелявя из-за того, что под усами у него чернела дыра вместо передних зубов. — Вадим Рощин!.. — И лиловые под глазами мешечки у него задрожали. — С неба свалился... Мы же считали тебя дезертиром...

— Спасибо!.. — Рощин взглянул упорно и горячо в глаза ему. (Теплов, чувствуя неудобство от этого взгляда, счел за лучшее не продолжать разговора о дезертирстве.) — Очень вы хорошего мнения обо мне... Я все время был в Одессе у Гришина Алмазова... А теперь начальник штаба Пятьдесят первого резервного... Может быть, тебе все-таки предъявить мои документы?... — вызывающе спросил он, обернулся и махнул: — Дундич, подъезжай, можешь не слезать с коня...

Теплов только сердито засопел, он всегда побаивался Рощина:

— Брось, в самом деле, дурака валять... Ты усвоил какую-то особую манеру со мной разговаривать, Рощин... Куда вы едете?

— К генералу Шкуро. Подошли с полком вам на выручку. Говорят, вы тут очень Буденного испугались...

— Да, понимаешь, такая у нас тут бардель... Всё гражданское население мобилизовали, оставших генералов, какую-то сволочь чиновников... Попов нарядили, мне прислали...

Рощин вынул портсигар, в нем были иностранные папиросы, захваченные вчера в штабном обозе. Теплов закурил, побросал себе на усы душистый дымок:

— Вот! — удивился. — Елки точеные, настоящие заграничные! Откуда? А

нам махру выдают... Адская изжога от нее... Дай, пожалуйста, хоть парочку, про запас...

— Ну, как, в общем, живешь, Васька?

— Живу сволочно, — денег нет... Все надоело... — Он исподлобья покосился на соскочившего с коня Дундича, на трех мрачных кавалеристов позади него. — Если рассчитываете в Воронеже повеселиться, — маком, господа... Краснопузая сволочь все вычистила, — ни одного кабака, ни одного заведения с девочками, — прямо отдохнуть негде...

— Познакомься, — сказал Рощин, — подполковник Дундич.

— Штаб-ротмистр Теплов.

Они откозыряли друг другу. Дундич, — морща смехом смуглое, быстроглазое лицо:

— Жалко, жалко, — сказал, — а мы на самом деле мечтали повеселиться... Деньжонок захватили...

— Да есть, конечно, по частным квартирам девчонки, и николаевку можно достать, и шампанское припрятано у спекулянтов... Пятьсот рублей бутылка! Ну, что это такое! — Припухшие, с постоянно набегающей слезой, глаза Теплова изобразили негодование. — Командатура, прямо как со святыми, носится с этими спекулянтами... Спасители отечества! В Тамбове, понимаешь, мы напились... Ну, — счет дикий, ну, — платить же нечем, ну, я в рожу и заехал... И разжаловали... Понимаешь, Вадим, у нас в частях очень подавленное настроение. В конце концов — отдаем жизнь... Уходит молодость... А что — впереди? Раззоренная Москва? Безденежье... Тебе хорошо, ты университет кончил, — снял к чорту шививый мундир и читай себе лекции какие-нибудь... А мне — тяни лямку... Да и армии-то настоящей нам не позволят держать...

— Штаб-ротмистр, вам необходимо рассеяться, — сказал Дундич. — Едете в город. Дела у нас только — передать пакет командиру и потом — на всю ночь... Я отвечаю шампанским...

— Чорт знает, что такое! — проговорил Теплов, потянувшись скрести за ухом. — Неудобно оставить пост, так — здорово живешь...

— А ты передай команду старшему по взводу, — сказал Рошин. — А коменданту скажешь, что у тебя закралось подозрение — не переодетые ли мы красные разведчики... На худой конец — обругают тебя дураком...

Теплов разинул беззубый рот и захохотал и, — вытирая глаза:

— Это — идея! И я еще даже хотел вас арестовать...

— Правильно...

— Старший унтер-офицер Гвоздев! — уже раскатисто-бодро крикнул Теплов, обернувшись к окопу, где опять скучали юнкера около пулемета. И когда старший унтер-офицер, лет восемнадцати мальчишка, с голубыми наглыми глазами, подошел и отчетливо, держа локоть вровень плеча, взял под козырек, Теплов ему передал командование и приказал подать лошадь.

По дороге к городу, ерзая от нетерпения в седле, Теплов рассказал все, что было нужно: какие в Воронеже воинские части, и сколько артиллерии, и где она расположена...

— Собачья паника и больше ничего... Извольте видеть, — у Кутепова под Орлом какая-то неудача — так наши в штаны валят... Никогда этого прежде не было... А помнишь, Вадим, ледяной поход! У нас теперь пошло одно словечко: «сердце потеряли...» Да, да, что-то утеряно, — прежний пыл... Да и мужики здесь сволочь, — волками смотрят... Прав, прав генерал Кутепов, — он, говорят, отрезал главнокомандующему: «Москву можно взять при условии, — дать населению земельную реформу и виселицу...» Чтобы ни одного телеграфного столба порожнего не осталось... Вешать, как при Пугачеве, — целыми деревнями... А, впрочем, все это скучная материя... Мне дали один адресок: две сестры, обязательнейшие девушки, играют на гитарах, поют романсы, с ума сойти, елки-палки! Знаете что, — давайте уж прямо сразу к ним...

Теплова, видимо, хорошо знали, — несколько встретившихся патрулей только откозыряли, даже и не покосившись на Дундича и Рощина. На главной ули-

це свернули к чугунному подъезду гостиницы, Теплов слез и, раздвигая ноги, сказал застенчиво:

— Не люблю лишний раз глаза мозолить, я лучше вас здесь подожду... Главный штаб — во втором этаже... Только, господа, скорее. — И — строго — рябому, с татарскими усиками, кубанскому казаку, стоящему в подъезде: — Пропусти, болван...

Дундич и Рошин поднялись по чугунной сквозной лестнице. На пакете Буденного стояло: «Генерал-майору Шкуро, лично, секретно...» Решено было — передать пакет через адъютанта. В зале ресторана с ободранными окнами помещалась канцелярия, — Дундич и Рошин вошли туда, и сейчас же перед ними в другие двери вошли два человека: один, длинный и громоздкий, с пышными подусниками на грубо красивом лице, был на костыле, топорщившем подмышкой его светлосерую генеральскую шинель. Рошин узнал Мамонтова. Другой — в коричневой череске — с воспаленным, скуластым, хулиганским лицом, с разинутыми ноздрями вздернутого носа, был генерал Шкуро. Войдя, они остановились около стола, где штабной офицерик в широких, как крылья летучей мыши, галифе диктовал что-то хорошенькой блондиночке, которая высоко подбрасывала руки, печатая на ундервуде.

Рошин глазами указал Дундичу на Шкуро, спрашивая: «Что же теперь делать?» Мамонтов в это время обернулся и, увидев двух незнакомых офицеров, басовито приказал:

— Подойдите, господа...

Рошин вытянулся, оставшись у дверей. Дундич подошел к Шкуро:

— Имею передать вашему превосходительству пакет.

Шкуро стоял почти спиной к Дундичу, он не обернулся, только повел крепкой, красной шеей, в которую врезался галунный ворот, и, не глядя в лицо, подняв по-волчьи верхнюю губу, спросил:

— От кого пакет?

— От командира Пятьдесят первого резервного, прибывшего на правый берег Дона в ваше распоряжение...

— Это что еще за Пятьдесят первый полк? — теперь уже повернувшись, но все так же неприязненно проговорил Шкуро, взял пакет и вертел его в пальцах. — Кто командир?

Вадим Петрович, стоявший в дверях, почувствовал неприятный холодок и опустил руку в карман шинели на рукоятку нагана. Получалось в высшей степени глупо, и неумело, и напрасно... Дундич сейчас брякнет какую-нибудь несусветную фамилию... Жаль! Могли бы привезти Буденному ценные сведения...

— Командует Пятьдесят первым полковник граф Шамберген, — не задумываясь, ответил Дундич и веселым взглядом поймал косой, налитый желчью, непрспаный взгляд Шкуро. — Разрешите итти, ваше превосходительство?

— Постойте, постойте, подполковник. — Мамонтов неуклюже начал поворачиваться на костыле. — Что-то знакомая фамилия, позвольте-ка... — Мясистое красивое лицо его вдруг болезненно исказилось, неловким движением он разбередил ногу в лубке, раздробленную пульей на прошлой неделе, когда он на тройке уходил от Буденного. — А, чорт! — пробормотал он, — а, чорт!.. Можете итти, подполковник...

Дундич, отковырнув, сделал четкий поуборот и пошел к двери. Рошин видел, как Шкуро, говоря что-то все еще сморщенному от боли Мамонтову, медленно разрывал пакет, в нем находилось письмо, подписанное Семеном Буденным; содержание было известно Дундичу и Рошину: «24 октября, в шесть часов утра, я прибуду в Воронеж. Приказываю вам, генералу Шкуро, построить все контрреволюционные силы на площади у круглых рядов, где вы вешали рабочих. Командовать парадом приказываю вам лично...»

Они спускались по чугунной лестнице. Навстречу им поднимались — гуськом — юнкера с винтовками. Рошину казалось, что маленький Дундич — впереди него, — задрав нос, отчетливо позвякивая шпорами, — идет слишком медленно... Ненужная и глупая бравада..! Наверху, — на втором этаже, —

раздался резкий, хриплый крик... Дундич и Рошин вышли в подъезд, где к ним с тротуара кинулся Теплов, — дряблое лицо его с висячими усами жаждало шампанского, романсов и девочек...

— Ну, слава богу, господа... Едем... Засунув сапог в стремя, он запрыгал на одной ноге около заартачившейся лошади. Рошин был уже в седле. Дундич вынул портсигар, закурил, — смуглые, сухие пальцы его слегка дрожали, — он бросил горящую спичку, взял у Латугина повод и — резко:

— В первый переулоч налево, рысью — марш!

До первого переулочка было всего десятков домов; Латугин, Гагин и Задуевитер, цокая копытами по булыжнику, первые свернули туда. Теплов завопил, сдерживая лошадь и оборачиваясь:

— Господа, господа, следующий — направо...

Но лошадь его занесла вместе со всеми налево. Рошин, сворачивая, на углу обернулся и видел, как из подъезда гостиницы выбегали юнкера, торопливо оглядываясь и шелкая затворами.

— Рошин, что за чорт! — едва не плача, кричал Теплов, переходя со всеми в галоп. Дундич на скаку плотно прижал к нему коня, перегнувшись, крепко схватил его за кисть руки и, обрывая шнур, выдернул у него из кобуры револьвер:

— Шампанское за мной! — крикнул он ему, скаля зубы. Теперь уже и он, и Рошин, и трое бойцов мчались по кривому переулочу во весь опор мимо домишек, заборов, старых лип, которые цепляли голыми сучьями за их шапки. Позади слышались выстрелы. Не сбавляя хода, они проскакали поле, близ моста опять перешли на рысь и уже шагом подъехали к предмостным окопам. Дундич позвал, похлопывая коня по дымящейся шее:

— Старший унтер-офицер Гвоздев! — и, когда тот, пряча в рукав папиросу, подошел: — Штаб-ротмистр Теплов просил меня передать, что вернется через полчаса. Двадцать четвертого утром мы опять будем здесь, так вы нас пулеметами не пугайте...

— Слушаюсь, господин подполковник...

Когда мост остался далеко позади и были уже сумерки, и взмыленным коням, начавшим спотыкаться, дали передышку, — Дундич сказал Рошину:

— Мне очень неприятно перед вами и перед товарищами... Много раз я ругал себя за щегольство... Опасность пьянит, ум обостряется, влюблен в самого себя, забываешь о цели и ответственности... И потом всегда раскаиваешься... Если бы сейчас товарищи слезли с коней, стащили меня за ногу и отколотили,—я бы не обиделся, даже почувствовал облегчение...

Рошин закинул голову и громко захохотал, — ему тоже нужно было освободить себя от длительного, сдавившего его всего напряжения.

— А и верно, Дундич, стоило вас хорошенько отдубасить — особенно за ту папиросочку в подъезде...

Хитрость Буденного удалась. Мамонтов и Шкуро, прочтя его письмо, переданное с таким неслыханным нахальством лично им в руки, пришли в неопишуемую ярость. Чтобы так писать, да еще назначить день и час взятия Воронежа, — нужна уверенность. Значит, она у него была! Генералы потеряли чувство равновесия.

Его план поражения белой конницы строился на контракте всеми своими сосредоточенными силами, последовательно против трех колонн донских и кубанских дивизий, стремившихся окружить его. Они медлили с наступлением и ограничивались разведкой. Теперь он был уверен, что они бросятся на него, очертя голову.

В ночь на девятнадцатое октября разведка донесла, что началось движение противника. Час кровавой битвы наступил. Семен Михайлович, сидевший со своими начдивами при свече над картой, сказал: «В час добрый» — и отдал приказ по дивизиям, по полкам, по эскадронам:

«По коням!»

В темной ли избе, или в поле, в окопчике, прикрытом ветвями и сеном, или просто под стогом зазвонили полевые

телефоны. Связисты услышали в наушники то, что все ждали с часу на час. Вестовые, кинувшись на коней, на скаку заправляя стремя, помчались в темноту. Бойцы, спавшие, не раздеваясь, в эту черную, как вражья могила, безветренную ночь, пробуждались от протяжного крика: «По коням!» — вскакивали на ноги, стряхивая сон, — кидались к коновязям и торопливо седлали, подтягивали подпруги так, что лошади шатались.

Эскадроны съезжались на поле, по крикам команды, перекатывающимся по фронту, находя в темноте свое место. Строились и долго ожидали, поглядывая в сторону, где должна вот-вот забрезжить заря. По-ночному тяжело вздыхали кони. Промозглый холодок пробирался под стеганные куртки, полушубки и тощие солдатские шинелишки. Молчали, не курили.

И вот, далеко раздался первый булькающий выстрел. Послышались голоса комиссаров: «Товарищи, Семен Михайлович приказал вам разбить противника... Наемники буржуазии рвутся к Москве, мечтая задушить революцию... смерть им! Покройте славою революционное оружие».

Заря не осветила поля. Лежал туман. С тяжелым топотом — стремя к стремени — мчалась, развернувшаяся на версты, лава восьми буденновских полков. В густом тумане было видно только — товарищ справа, да товарищ слева, да впереди конские зады, прыгающие в зыбком молоке.

Противник был близко — на сближении. Уже слышались его беспорядочные выстрелы. Уже бойцы, все посылая, все посылая коней, вытгивали шеи, сясь увидеть его... И вот, по всей лаве прокатился крик, — громче, злее, яростнее... Передние увидели его...

Из тумана стали вырастать тени заворачивающих всадников. Не выдержало сердце у донских казаков. Они такой же лавой мчались навстречу... Да, видно, чорт занес их так далеко от родных станиц — рубиться с этими красными дьяволами. Услышали, как гудит и дрожит все поле, поняли — какая страшная сила сшибет вот-вот ко-

ней и людей, смешает, закрутит, и повалятся горы окровавленных тел... Было бы за что! И понадеялись казаки на резвых донских скакунов, — стали осаживать, поворачивать... Разве только несколько самых отчаянных, пьяных от удали, врзались в буденновскую лаву, рубя шашками плеча и шаот-машь...

Не спасли донские скакуны. Те, кто уже повернул, сталкивались с теми, кто еще стремился вперед... Свои сшибали своих... Наскакивающие буденновцы рубили и топтали, и гнали... Начались дикие крики... В тумане только и видно было — прильнувшего к гриве всадника и другого, настигающего его, завалась в седле для удара шашкой... Визжали, хватая зубами, взбесившиеся кони...

Теперь уже все казачьи полки повернули наутек. Но глубоко с фланга им путь преградили пулеметные тачанки и огнем отбросили их в сторону. А там, в смешавшиеся в беспорядке кучки скачущих казаков, врзались свежие буденновские эскадроны.

До белого света продолжалось преследование двух мамонтовских дивизий. Тысячи трупов в синих казачьих бешметах, в шароварах с красными лампасами, лежали на поле, и носились испуганные кони без ездоков.

В обед буденновцы огромным табором на ровном поле толпились у хороших, из чистой меди, походных кухонь, отбитых у неприятеля. В них дымился кулеш, как полагается, из пшена с салом, и на этот раз с добавкой макарон, рису, бобов, солонины, и много еще такого для вкуса было намешано туда кашеварами.

Плотно поев, бойцы курили и хвалились друг перед другом: кто оружием, добытым в бою, — кавалерийской шашкой в серебре, японским карабином, — кто донским скакуном, — рыжим, с лысиной и в чулках.

Возбуждение от боя не улеглось, — куда там! Повсюду заиграли гармони. Гаркнули голоса с подголосками: «Все тучки, тучки повисли, на поле пал туман...» А кое-где под треньканье

балаалайки пошли стучать каблуками под присвист — взмахивать руками, как лебедь крыльями, — дробно бить землю вприсядку.

Но вот, протяжно заиграли рожки. Снова — в бой, на трудную работу! Вдали шагом проехал Буденный, в бурже и серебристой папахе, и с ним оба начдива. И снова начали строиться полки, и в гуще их поплыли, колыхаясь, восемь красных знамен.

Страшный разгром первой колонны заставил белых приостановить окружение Буденного, — первоначальный план был сорван, и он сейчас же воспользовался этим замешательством противника. В ту же ночь на рассвете буденновцы атаковали вторую колонну мамонтовцев, и она так же не выдержала удара и отступила к железнодорожному полотну, под охрану бронепоезда. Он шел из Воронежа, тяжело гроыхая через мосты. Под стальными башнями его у шестидюймовок и пулеметов артиллеристы-офицеры всматривались в медленно редеющий туман. Время от времени впереди на полотне появлялся машущий флажком связист. На минуту бронепоезд приостанавливался, принимая сведения. Так стало известно о тяжелом состоянии второй колонны, которую буденновцы гнали к полотну.

Бронепоезд развил скорость. Не умолая, ревел хриплый гудок на его паровозе, давая знать своим о близкой помощи.

Артиллеристы, глядевшие в башенные щели, различили неясную в тумане тень, — она неслась по полотну навстречу бронепоезду. Он застопорил и дал задний ход. По быстро вырастающей тени ударили из пушки. Но было уже поздно. Большой товарный паровоз, пущенный без людей, на полных парах налетел на передний стальной вагон бронепоезда. Паровоз был весь — спереди и с боков — обложен динамитом. Раздался взрыв. Тотчас от детонации рванулись снаряды в броневагоне. В вихре земли, песка, огня, дыма, пара броневагон встал торчком и опрокинулся, раздавливая и увлекая под откос всю великолепную стальную черепашу.

Вторая колонна мамонтовцев бежала на Воронеж. Туда же — без боя — начала отступать и третья колонна. Но ее заставили принять бой — на четвертые сутки этого неслыханного побоища — и наголову разбили ее, устлая на версты поля и холмы порубленными станичниками.

Растрепанные, потерявшие в иных полках до половины состава, все донские и кубанские дивизии ушли за реку. Туда же, — рано утром двадцать четвертого, — подступили главные силы буденновцев. Деревянный мост, охранявшийся поповской командой и тепловскими юнкерами, был брошен не взорванным. Со стороны города стреляло несколько батарей, взметая столбы грязи и воды... Буденный подъехал к мосту и увидел, что он построен на живую нитку. Он вызвал музыкантов с серебряными трубами и приказал им перейти на ту сторону реки и там играть самое веселое-забористое, — марши и польки. Ученики консерватории, — как были тогда взяты: в куцых шинелишках, с желтокрасными нашивками на плечах, — побежали через мост, и — едва только успели перебраться — в него ударил снаряд, и он рухнул. Под грохот взрывов, полуживые от страха, музыканты задудели и заревели в серебряные трубы...

Каждому конному бойцу был дан в руки артиллерийский снаряд. «Вперед, вперед!» — закричали комиссары и командиры и впереди эскадронов кинулись в ледяную воду, кипящую и взбаламученную от рвущихся снарядов. На глубине люди соскальзывали с седел иплыли, держась одной рукой за гриву, другой придерживая снаряд. Поскакали в сердитую реку артиллерийские запряжки, волоча пушки по дну. Переправившиеся буденновцы, злые и мокрые, на мокрых конях, горячо атаковали Воронеж. Но и здесь дивизии Мамонтова и Шкуро не приняли боя и поспешно ушли за Дон, в сторону Касторной.

Разгром лучшей конницы белых и занятие Воронежа входило одной из начальных операций в грандиозный воен-

ный план, созданный новым руководством Южного фронта.

Листки этого плана, на синеватой бумаге, подписанные Сталиным, были получены командармами, комкорами, начальниками, комбригами и командирами полков. В нем предусматривались в подробностях — понятные каждому красноармейцу и на деле осуществимые — операции всех частей Южного фронта, начиная от района Орла и Кром, откуда, под ударами особой группы, руководимой Серго Орджоникидзе, отступала растрепанная денкинская гвардия с генералом Кутеповым, поклявшимся первым ворваться в Москву, — от операций в районе Воронежа и Касторной, где корпусу Буденного была поставлена задача — расцечь белый фронт на стыке Донской и Добровольческой армий, кончая занятием Ростова на Дону, путь на который лежал в образовавшийся прорыв через пролетарский шахтерский Донбасс.

Неожиданно для всех, — кто в проплеванных гостиницах сидел уже налегке, с уложенными чемоданами, уверенный, что к Новому году в Москву французы привезут шампанское, устрицы и даже пармские фиалки, и для тех, кто в Париже, бывало, часами дождался в приемной у властителя Европы, а теперь с поднятым челом и почти, вот-вот уже, с конституционной Россией за плечами, не задерживаясь, входил в кабинет Жоржа Клемансо, где трещал камин и маленький, сгорбленный, с седыми бровями, нависшими над проектом мировой могильной тишины, сидел министр, и француз вставал, а русский в восторге сжимал его узловатые пальцы; наконец, неожиданно и для самого Антона Ивановича Деникина, который давно уже бросил играть по пятницам в винт и, будучи слабым, как все люди, начал верить в свое избрание свыше, — большевики, дышавшие на ладан, что-то такое сделали непонятное, в разгар сыпного тифа, острейшего голода и окончательной хозяйственной разрухи организовали мощное контрнаступление, и пошла трещать вся сложнейшая мировая политика удушения и расчленения красной России, всегда представлявшейся—

по правде говоря — загадкой для западноевропейских умов.

Загадкой казались источники воодушевления большевистской России. В этой отсталой стране, — во времена кино, радио и летающих двигателей внутреннего сгорания, — неграмотные мужики по деревьям рассказывали друг другу сказки про Ивана-царевича, бабу-ягу и ковры-самолеты, и нищие старики и старухи пели тягучие эпические поэмы о битвах, пирах и свадьбах богатырей.

Быстрое перераспределение денег из одних карманов в другие и сверхприбыли империалистической войны уничтожили последние пережитки морального торможения. Создавшаяся обстановка в Европе подготавливала гипертрофированный рост трестов тяжелой и легкой индустрии. Беспринципность и беспощадность были теперь единственными духовными качествами, о которых говорилось без улыбки, бизнес — единственной разумной идеей в черепной коробке «белокурой бестии» — этого, свободного от всяких принципов, героя новейшего варварства.

Растоптанные, расстрелянные, выброшенные за ненадобностью идеи всеобщего счастья и справедливого общественного порядка, идеи, в лучшем случае не приносящие их владельцу ни одного цента в неделю, перекинулись, — как будто вихрем взнесенные семена райского дерева, — в нищую, разоренную, сказочную Россию. Они резко изменили свое напряжение и свою направленность. Они стали идеями насильственного разрушения старого социального порядка, многих неизгладимых законов, в которых с доисторических времен росло, выросло и развилось человечество.

Эти идеи приобрели у народов России упругость и силу стального клинка. Мужики, рассказывающие сказки, и рабочие с давно уже переставших дымить, полуразвалившихся фабрик, преодолевая голод, сыпной тиф и полнейшее хозяйственное разорение, бьют и гонят первоклассную армию Деникина, остановили у самых ворот Петрограда и погнали назад в Эстонию ударную армию Юденича, разгромили и рассеяли в сибир-

ских снегах многочисленную армию Колчака и самого правителя всея России схватили и расстреляли, бьют и теснят японцев на Дальнем Востоке, и, одушевленные идеями Ленина, — одними только идеями, потому что в России было нечего кушать и не во что одеваться, — верят, что они сильнее всех на свете, и что на развалинах и без того нищего их государства они устроят в самом ближайшем времени справедливое общество.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

Кате казалось, что желудок у нее теперь, наверное, не больше маленького кошелечка для мелочи. Туда помещалась, как-раз, осьмушка хлеба, кусочек вареной воблы и несколько ложек супа. Беда была с юбками, они сваливались, перешивать было нечем и некогда. Зато катины глаза стали вдвое больше, чем прошлой осенью, когда Матрена нарочно откармливала ее жирными лепешками.

Девочки в школе, умильно морща голодные рты, иногда говорили ей:

«Тетя Катя, какая вы хорошенькая...»

Это Кате доставляло удовольствие, потому что вся жизнь была в будущем. Единственная память, — изумрудное колечко, зелененький огонек, подарок Вадима, — затерялось еще в селе Владимирском. Дорогие тени, населявшие этот ветхий дом в Старо-Конюшенном, ей больше не вспоминались. А будущее, куда устремлены все надежды, все помыслы людей, измученных голодом, стужей, разорением, войной, представлялось Кате широкой дорогой, сверкающей, как стекло под солнцем, среди зеленых лугов и дымных озер с томлящимися кущами деревьев, — дорога уводила к очертаниям голубоватого города, сложного, пышного, прекрасного, где все найдут счастье.

Однажды Катя рассказала об этом на уроке. Дети слушали, затихнув. Сентиментальным девочкам особенно понрави-

лось, что дорога в будущее вьется мимо зеленых лугов, где можно побегать за бабочками и собрать букетики крошечных цветов — в виде звездочек. Мальчики нашли рассказ неудовлетворительным: Катя ничего не сказала о поездках, мчащихся повсюду по этим лугам, мимо семафоров, через решетчатые мосты и туннели, не упомянула о громадных трубах, из которых весело валит дым. Все согласились на том, что город будущего — конечно, голубой, с такими домами, за которые задевают облака, со страшно быстрыми трамваями, с качелями на всех бульварах и лотках, где раздают булки и колбасы. Катя спросила: «А мороженое?» Но, оказывается — никто из детей никогда мороженого не пробовал, — может быть, и пробовали, когда были маленькими, но забыли.

Кате приходилось очень беречь силы. Недавно она несла на двор полное ведро и почувствовала, что не может его удержать, поставила на пол, — пришлось прислониться к стене, преодолевая темноту в глазах. К счастью, чтения лекций об искусстве так и не состоялись: Москва совсем опустела, — можно было пройти от Арбата до Страстной, не встретив прохожего. Но зато каждый день теперь в «Известиях» печатались победные военные сводки. Красные армии через разрыв фронта под Кастровой широким потоком вливались на Донбасс, и в тылу у белых полыхали крестьянские восстания. Теперь-то уже виделся конец войне и бедствиям.

Часов около восьми вечера Катя сидела дома, не зажигая коптилки. Топившаяся пчелка давала достаточно света через полуоткрытую дверцу. Сидя на низенькой скамеечке, Катя осторожно подкладывала лучинки, они ярко загорались и весело потрескивали, потому что были из той самой солнечной энергии, про которую Катя рассказывала в школе.

Катя читала «Преступление и наказание». Боже мой, до чего безысходна была та жизнь! Положив руку на книгу, Катя смотрела на огонь. До чего страшна ночь, проведенная Свидригайловым в

деревянном трактире, на Большом проспекте. Это был тот самый ресторан, где Катя всего один, всего один только раз за свою жизнь, была вдвоем с Бессоновым, и, может быть, в той самой комнате, где Свидригайлов оттягивал время, час за часом, уже зная, что не преодолеет ужаса и отвращения к жизни.

Это проклятие разбито, сожжено, развеяно. И можно — вот так сидеть, спокойно читать о прошлом, подкладывать лучинки и верить в счастье.

По коридору в разноразной затопали шаги, — должно быть, опять к Маслову пришли совещаться. За последнее время к нему постоянно в сумерки приходили какие-то люди, и злые голоса их слышались даже в катинной комнате. Когда бы ни кончалось совещание, Маслов, проводив до кухни людей, осторожно стучался к Кате:

«Неужели спать легли? Стыдно, стыдно рано заваливаться... А еще современная женщина... Ай, ай, ай...»

Он настойчиво вертел дверную ручку, и Катю трясло от негодования: Маслов был упрям и чудовищно самонадеян, он мог до утра стоять за дверью.

«Екатерина Дмитриевна, да хочу всего навсего тихо посидеть около вашей печурочки... Расходились нервы... Пустите по-товарищески...»

Было глупо — отмалчиваться, и Катя в конце концов отворяла дверь. Он садился перед пчелкой, подкладывал чурбашки, — а каждый такой чурбашек был дороже золота, — и, загадочно усмехаясь и протгивая узенькие ладошки над раскаленным железом, пускался в рассуждения о грозном, как космос, влечении полов... В послушании этому влечению — красота! Все остальное — гнусное пуританство. К тому же Катя — красива, одинока и «свободна от постоя», как он выражался. Он был непоколебимо уверен, что она, не сегодня — завтра, пустит его под свое одеяло...

Сегодня, начитавшись Достоевского, Катя с тоской прислушивалась к голосам в комнате Маслова. Там раздавались яростные восклицания и падали —

время от времени — какие-то предметы, будто на пол швыряли книги. Уж сегодня-то он непременно явится за успокоением...

В дверь поскреблись, в дверную скважину прошептал голосок: «Тетя Катя, вы дома?» Это была Клавдия в огромных, обвязанных бичевками, валенках.

— Чесночиха за вами прислала, у нее сидит Рошин с фронта.

— А что, — холодно на улице?

— Ужас, тетя Катя, ветрило так и порошит в глаза, хоть бы — снег, да вот нет и нет снегу... Что за зима скаженная. А у вас тепло, тетя Катя...

Кате очень не хотелось выходить на холод и тащиться к Чесночихе на Пресню, но еще более утомительным представился неизбежный ночной разговор. Она надела пальто и поверх на голову накинула теплую шаль. Осторожно, чтобы не услышал Маслов, они с Клавдией вышли на улицу. Ночной ветер рванулся на них из темного переулка с такой силой, что Катя прикрыла девочку концами платка. Пыль колола лицо, громыхали железные крыши. Ветер выл и свистал так, будто Катя и Клавдия последние люди на земле, — все умерло, и солнце больше никогда не взойдет над миром...

Около тускло освещенного окошка деревянного домика Катя повернулась к ветру спиной, чтобы передохнуть. В щель между неплотно задвинутыми занавесками она увидела комнату, заставленную вещами, черную трубу, протянутую коленом — в камин, посреди комнаты — огонек пчелки и в креслах — несколько человек. Все они, подперев головы, слушали юношу, стоявшего перед ними, — гордо приподняв вздернутый нос, он читал что-то по тетради. На нем было ветхое пальто, раскрытое на голой груди и обмотанные бичевками валенки, такие же, как у Клавдии. По движению его руки и по тому, как он героически встряхивал нечесанными густыми волосами, Катя поняла, что юноша читает стихи. Ей стало тепло на сердце, улыбаясь, она повернулась к ветру и, не выпуская Клавдию из-

под платка, побежала к Арибату.

У Чесночихи было много народу, — все жены рабочих, ушедших на фронт, и несколько стариков, сидевших в почете около стола, где приезжий рассказывал о военных делах. Сейчас его спрашивали, перебивая друг друга, о том — скоро ли полегчает с хлебом, можно ли рассчитывать к рождеству на подвоз в Москву топлива, о том — выдают ли в частях валенки и полушубки. Называли фамилии мужей и братьев, — живы ли, здоровы ли они? — как будто этот военный мог знать по именам все тысячи рабочих, дравшихся на всех фронтах.

Катя не могла протиснуться в комнату и осталась в дверях. Поднимаясь на цыпочки, она мельком увидела, что приезжий что-то записывает на бумажке, опустив голову, забинтованную марлей.

— Все вопросы, товарищи? — спросил он, и Катя задрожала так, будто этот негромкий, строгий голос вошел в нее, разрывая сердце. Она сейчас же повернулась, чтобы уйти. Ничто, оказывается, не забылось... Звук голоса, похожий на тот, родной, навсегда замолчший, встревожил в ней прежнюю тоску, прежнюю боль, ненужную, напрасную... Так, одинокому человеку придет во сне давно изжитое воспоминание, — увидит он никогда им не виденный домик в лесу, освещенный пепельным светом, и около домика — свою мать, — она сидит и улыбается, как в далеком детстве; он хотел бы к ней потянуться, вызвать ее из сна в жизнь, и не может ее коснуться, она молчит и улыбается, и он понимает, что это только сон, и глубокие слезы поднимают грудь спящего.

Должно быть, у Кати было такое лицо, что одна из женщин в дверях сказала:

— Гражданки, пропустите учительницу-то вперед, затолкали ее совсем...

Катю пропустили вперед, в комнату. Она вошла, и тот человек у стола поднял голову, обвязанную марлей, — она увидела его суровое лицо. Прежде чем радость осветила, расширила его темные

глаза, Катя покачнулась, у нее закружилась голова, в ее сознании все сдвинулось, поднявшийся гул голосов ушел вдаль, свет начал темнеть, так же как тогда в снях, когда едва не уронила ведро... Катя, виновато улыбаясь, часто задышала, бледнея — стала опускаться...

— Катя! — крикнул этот человек, расталкивая людей. — Катя!

Несколько рук подхватило ее, — не дали ей упасть на пол. Вадим Петрович взял в ладони ее поникшее, милое, очаровательное лицо, с похолодевшим полуоткрытым ртом, с глазами, — закаченными под веки.

— Это моя жена, товарищи, это моя жена, — повторял он трясущимися губами...

2

Они шли, ветер дул им в спину. Вадим Петрович прижимал к себе Катю за слабые плечи. Она всю дорогу плакала, останавливалась и целовала Вадима. Он начал было ей рассказывать — почему его все считают мертвым, тогда как он целый год по всей России ищет Катю. Но это вышло путанно, длинно да и совсем сейчас было не нужно. Катя иногда говорила: «Постой, мы совсем не туда зашли...» Они поворачивали и блуждали по темным и пустынным переулкам, где скрипели ржавые флюгера на трубах, скрежетали полуоторванные листы железа, или с надрывающим воем размахивала из-за разрушенного забора черными ветвями липа, помнившая, как здесь, быть может, в такую же ночь, боясь чертей, во взвивающейся шинели пробегал Гоголь.

На Старо-Конюшенном Катя сказала:

— Вот наш дом, ты вспоминаешь? Но только ты приходил с парадного. Я живу в той же комнате, Вадим.

Они пробежали через дворик. Дверь на кухне была заперта.

— Ах, неприятно... Придется стучать... Стучи, как можно громче...

Катя засмеялась, потом немножко заплакала, поцеловала Вадима и опять за-

смеялась. Вадим Петрович громыхнул в дверь обоими кулаками.

— Кто там? Кто там? — встревоженно спросил Маслов за дверью.

— Отворите, это я, Катя.

Маслов отворил, в его руке дрожала жестяная коптилка со стеклянным пузырем. Увидев позади Кати военного — он отшатнулся, щеки его собрались продольными морщинами, глаза ненавистно сузились...

— Спасибо, — сказала Катя и побежала к себе, не выпуская руки Вадима. Они вошли в комнату, где еще не остыл тепло. Катя шопотом спросила:

— Спички у тебя есть?

Он был так взволнован, что ответил тоже шопотом:

— Есть...

Она зажгла свет, маленький огонек в баночке, которого было вполне достаточно, чтобы всю ночь глядеть друг на друга. Разматывая шаль, она не сводила глаз с Вадима: он был совсем седой, даже в бровях — несколько седых волосков; его лицо возмужало, в нем было незнакомое ей выражение суровости и спокойствия. Это очаровывало ее, — он был моложе, и мужественнее, и красивее, чем тот, кого она помнила в Ростове. Она увидела его повязку, приоткрыла рот и вздохнула:

— Ты ранен?

— Царапина... Но из-за нее получил двухнедельный отпуск в Москву... Я знал, что ты здесь... Но как бы я тебя нашел? (Она радостно и лукаво улыбнулась, приподняв уголки рта.) Ты знаешь — я едва ведь не застал тебя в том селе... Я гнался за Красильниковым... (У Кати дрогнул подбородок, она сердито затрясла головой.) Катя, я его убил... (Она опустила веки и наклонила голову.) Катя, я начал тебе рассказывать — как это вышло, что ты получила известие о моей смерти... В сущности, моя смерть была... (Катя с тревогой начала глядеть на него, и опять ее большие глаза налились слезами.) Я ехал ночью в вагоне, — мне больше не зачем было жить, я ошибся в главном, мне было ясно, что подлежу уничтожению или самоуничтожению... Катя, прости, это — тяжело, трудно, но я хочу

рассказать... Только мысль о тебе, не любовь, нет, — любить уже нечем было, — но напряженная мысль о тебе, как о том, чего нельзя разорвать, отбросить, забыть, нельзя предать, — только это связывало меня. Эта ночь в вагоне была крушение всего себя... Сейчас, когда на конце мушки я узнаю знакомые лица, я понимаю — в какую черную, опустошенную душу я посылаю пулю...

Катя положила руки ему на плечи и щекой прижалась к его сильно и часто бьющемуся сердцу. Они продолжали стоять посреди комнаты, — он в расстегнутой шинели, она в шубке. Она понимала, что он говорит сейчас о самом главном... Дорогой, прекрасный человек... Он хочет поскорее оправдаться, чтобы она любила в нем его новое, честное, суровое, страстное... Когда он в Ростове сходил с ума и бросил ее, она знала, что он будет жестоко страдать и все поймет... Прижавшись к нему, она слушала его слова, неясные и отрывистые, будто он наспех чертил иероглифы своих огромных переживаний... Но и без слов Катя все понимала...

— Катя, задача непомерная... Нам не снилось, что мы будем ее осуществлять... Ты помнишь — мы много говорили, — какой утомительной бессмыслицей казался нам круговорот истории, гибель великих цивилизаций, идеи, превращенные в жалкую пародию... Под фрачной сорочкой — та же волосатая грудь питекантропа... Ложь! Пелена содрана с глаз... Вся наша прошлая жизнь — преступление и ложь! Россией рожден человек... Человек потребовал права людям стать людьми. Это — не мечта, это — идея, она на конце наших штыков, она осуществима... Ослепительный свет озарил полуразрушенные своды всех минувших тысячелетий... Все стройно, все закономерно... Цель найдена... Ее знает каждый красноармеец... Катя, теперь ты немножко понимаешь меня?.. Я бы хотел передать тебе всего себя... Моя радость, мое сердце, возлюбленная моя, звезда моя...

Он внезапно так стиснул ее в объятиях, что у Кати хрустнули все косточ-

ки, и она лишь крепче прижалась к его сердцу. В дверь постучали и — голос Маслова:

— Екатерина Дмитриевна, можно вас на минуточку... — И, так как никто ему не ответил, он принялся, как всегда, вертеть ручку двери. — Дело в том, что вам известно чрезвычайное положение в городе... У вас мужчина после десяти часов... Так как я ответственен...

— Подожди, я с ним сейчас поговорю, — сказал Рошин, снимая с плеч катины руки.

— Вадим, не сходи с ума, я сама поговорю... Умоляю тебя, пожалуйста...

Она сейчас же вышла за дверь, притворив ее за собой. Маслов стоял, усмехаясь, все так же с коптилкой в руке.

— Ко мне нельзя, товарищ Маслов, — сказала она твердо, как никогда с ним не говорила. Он начал, поманивая ее, пятиться от двери, глядя на Катю истерически пристально. Она, идя за ним, спросила:

— Ну? Что вам нужно? — не понимаю...

— Хочу предупредить, Екатерина Дмитриевна: чтобы вы не придавали особого значения моей катастрофе... Ее нет... Вам уже сообщили, конечно... По всему району — ликование и торжество... Рано, рано торжествовать и ликовать...

— Ничего не понимаю, — сердито ответила Катя. — Одним словом, прошу не стучать ко мне...

— Не врете! Все понимаете... Ах, как я вас проверил! Так вот, первое: продолжайте разговаривать со мной так, будто партийный билет у меня не отобран... Так будет дальновиднее... (У Маслова клочкотало в горле, хотя говорил он тихо и даже вяло.) Ничего не изменилось, Екатерина Дмитриевна!.. Второе: ваш ночной гость сейчас уйдет... Вы хотите спросить — почему я настаиваю на этом? Вот мой ответ... (Он запустил руку в боковой карман засаленного, с оборванными пуговицами, пиджака, вытащил плоский парабеллум и, держа его на ладони, показал Кате.) Затем, будем продолжать наши прежние отношения...

Катя была так потрясена, что только медленно моргала. Толкнув дверь, вышел Рошин:

— Что вам нужно от моей жены?

Лицо Маслова сморщилось до самых ушей, он присел, чтобы поставить коптилку на пол, револьвер вертелся у него в руке.

— Э, бросьте, — сказал Рошин, подходя к нему, дернув, вытащил у него из руки револьвер и положил в карман шинели. — Завтра я сдам его в районную Чека, там его можете получить. Если еще раз подойдете к нашей двери, я вам сломаю череп...

Они вернулись в комнату. Катя молча хрустела пальцами. Рошин снял с нее шубку.

— Катя, все понятно, и он больше сюда не сунется. Должно быть, про этого Маслова я слышал на фронте. Это из тех, кто разваливал армию...

Он снял шинель и опустился около Кати, растерянно сидевшей в кресле, — положил голову ей на колени. Ее руки стали скользить по его волосам, щеке, шее. Оба они сейчас же забыли глупую историю с Масловым. Они молчали. Новое волнение, — могущественное, всегда неизведанное, с девственной силой поднималось в них, — в нем радость желания ее, в ней — радость ощущения его радости...

— В миллион раз сильнее, Катя, — сказал он.

— Я тоже... Хотя, я — всегда, всегда, Вадим...

— Тебе холодно?..

— Нет, нет... Просто слишком тебя люблю...

Он сел рядом с ней в старое, широкое кресло и целовал ее глаза, ее рот, уголки ее губ. Он поцеловал ее в грудь, и Катя вспомнила, что на левой груди у нее — родимое пятнышко, которым он почему-то восхищался. Она расстегнула шерстяную кофточку, чтобы он поцеловал пятнышко.

Печурка, действительно, остывала, и в комнате становилось холодно. Вадим, все время поглядывая на Катю и открывая улыбкой ровные зубы, присел над

пчелкой, раздувая угли и подкладывая чурбашки, напиленные из ножек и спиннок кресел красного дерева. Снова стало тепло. Раздеваясь, Катя покраснела, и он засмеялся и, взяв в ладони ее лицо, целовал его.

Всю ночь ветер выл в трубе и громыхал железом. Катя несколько раз вставала, как Психея, поправляла огонек в коптилке и, не отрываясь, глядела на лицо спящего Вадима. Она была переполнена счастьем и знала, что и он полон счастьем, и поэтому лицо его так покойно и серьезно.

3

— Катя, Катя, — закричала Даша, врываясь на кухню. — Катя, моя Катя! — кричала она, топая обмерзшими валенками по коридору. Она налетела на Катю, схватила ее, целовала, отстраняя, — глядела неистово и опять прижимала и гладила. От Даши пахло снегом, овчиной, черным хлебом. Она была в нагольном полушубке, в деревенском платке, за спиной ее висел узел.

— Катя, голубка, милая, сестра моя... До чего я тосковала, мечтала о тебе... Нет, ты только представь, — мы идем пешком с Ярославского вокзала, Москва — как деревня: тишина, галки, снег, по улицам протоптаны тропинки... Далища, ноги подкашиваются... А у Кузьмы Кузьмича два пуда муки... Добрались до Старо-Конюшенного... Не могу найти дома! Три раза из конца в конец проходили весь переулочек... Кузьма Кузьмич говорит, не тот переулочек... Я просто в ярости, — забыла дом!.. И вдруг... Нет, ты представь! Из-за угла появляется человек, военный... Я — к нему: «Послушайте, товарищ...» А он на меня во все глаза уставился... А я только разинула рот и села в снег... Вадим! Думаю, — с ума спятила, покойники в Москве по переулочкам стали ходить... Он, как захочет, да — целовать... А я встать не могу... Катя, красивая, умная моя... Ведь нам рассказывать друг другу нужно десять ночей... Господи, узнаю комнату... И кровать, и Сири с Алконостом... Вадим рассказывал мне про Ивана. Я решила: на днях отпра-

ляется в их часть санитарный поезд, — еду санитаркой, и Анисья, и Кузьма Кузьмич со мной... Одного его мы здесь не оставим, избалуется... Катя, во-первых, хотим есть... Ставь чайник... Потом — мыться... Мы от Ярославля ехали в теплушке неделю... Все это с нас надо снять, осмотреть. Мы пока в комнату к тебе заходить не будем, мы на кухне... Идем, я тебя познакомлю с моими друзьями... Это такие люди, Катя! — Я им обязана жизнью и всем... Мы сами и плиту затопим, и воды накипятим, там куча всякой мебели... Катя, да неужели у тебя нет седых волос? Боже мой, ты моложе меня на десять лет... Я верю — скоро, скоро настанет день, когда мы все будем вместе...

4

В Москве по карточкам выдавали овес. Никогда еще столица Республики не переживала такого трудного времени, как в зиму двадцатого года. Наступление красных армий поглощало все жизненные силы. Захваченные у белых запасы хлеба и угля быстро растаяли. Богатые губернии, по которым прошли казаки и добровольцы, были разорены. Продовольственные рабочие отряды находили там лишь жалкие излишки хлеба.

В годовщину Ледового похода Доблестная армия бежала на Новороссийск, устилая непролазные кубанские грязи брошенными обозами, экипажами с имуществом, завязанными пушками и конской падалью. Все было кончено. Антон Иванович Деникин, поседевший, ссутулившийся, отплыл на французском миноносце в эмиграцию — писать свои мемуары. Жалкие остатки добровольческих полков на транспортах переправлялись в Крым. Донское и кубанское казачество поняло, наконец, что его жестоко одурачили, и они своими неизвестными могилами, — от Воронежа до Новороссийска, — заплатили за свое упрямство.

В Москве все еще стояла зима. Мартовские бури завалили снегами город. В пчелках уже были сожжены все заборы и лишняя мебель. Фабрики и заводы

стояли. В учреждениях служащие, сидя в шубах, дули на распухшие пальцы, чтобы как-нибудь удержать в руке карандаш, — чернила в чернильницах наотказ замерзли до теплых дней. Люди ходили медленно, не расставаясь с заплечными мешками, и мало кто мог пройти от своего дома до места службы, не отдохнув в сугробе или — за ветром, — прислонясь в воротах. Голод был ужасен, — люди видели во сне отварного поросенка на блюде с петрушкой в смеющейся морде, во сне пустыми зубами жевали жирную ветчину и крутые яйца. Но мысли у всех были возбуждены: упорная, кровавая, удушающая злорадия контрреволюции была сломлена, жизнь шла на подъем, еще немного месяцев лишений и страданий, и будет новый хлеб, и демобилизованные красные армии займутся мирным трудом, — восстановлением всего разрушенного и строительством того нового, в чем забудутся все страдания, вся горечь вековых обид...

Не так думали на Западе те, кому побеждающая российская пролетарская республика становилась серьезной помехой в их логическом развитии принципов обогащения и завоевания, таивших в себе фурий ненависти, зла и разрушения, диковолосых богинь войны, как тот легендарный ящик, подаренный на свадьбу своей незаконнорожденной дочери нимфе Пандоре громодержателем Зевсом, не обладавшим, как известно, чувством юмора.

Предприятие с белыми русскими генералами не удалось. Серьезную надежду подавал голод в блокированной России. Но голод, хотя и верный, но нетеропливый союзник, — поэтому подготавливалось новое крупное военное предприятие.

5

Дашино желание сбылось, — они все были снова вместе. Иван Ильич и Родин, получив короткий отпуск, приехали в дашином санитарном поезде в Москву — хмурым мартовским утром, когда над городом клубились сырые тучи, снег съезжал с крыш, падали ог-

ромные сосульки и тяжелый воздух был пахуч и тревожен.

Катя встречала их. Вадим Петрович первый увидел ее с площадки вагона и спрыгнул на ходу. Катя, светясь радостью, — глазами, улыбкой, — бежала к нему сквозь паровозный дым, путающийся между железными колоннами. Она показала ему еще милее, чем в ту встречу в декабре. Вся их любовная жизнь была в таких коротких встречах. Они сейчас же отошли в сторону, под часы. Но ревнивая Даша подтащила к ним своего Телегина. Ей было необходимо, чтобы сестра громко восхищалась Иваном Ильичом.

— Катя, гляди же на него... Ты замечаешь, как он переменился? В Петербурге у него в лице было что-то недоделанное... У него и глаза другие... Прости, Иван, но когда мы ехали в Самару на пароходе — у тебя были голубые глаза, даже глуповатые, и меня это даже смущало... Теперь, — как сталь...

Иван Ильич стоял перед Катей и сдержанно вздыхал от полноты чувств. Кате он тоже показался очень привлекательным, — родственник, спокойный, тяжеловесный...

— И вот тебе весь его портрет, Катя... Во время походов, — нет, ты вдумайся! — даже когда он верхом преследовал Мамонтова, он возил с собой в заседельном мешке, — угадай — что? — вот такие маленькие фарфоровые кошечку и собачку, которые он мне подарил в день нашей второй свадьбы в Царицыне... Потому что, видишь ли, они мне очень нравились...

Подбежал к Кате Кузьма Кузьмич, на минутку выскочивший из вагона. Обими руками он долго тряс катину руку и тряс красным, наголо обритым лицом; голова у него была обрита наголо, в белом халате он казался до того раздобревшим, что проходившие по перрону худые люди враждебно оглядывали его...

— Полюбил вас за короткие дни тогда, Екатерина Дмитриевна, не меньше, чем Дарью Дмитриевну... Всегда говорю: нет прекраснее женщин, чем рус-

ские женщины... Честны в чувствах, и самоотверженны, и любят любовь, и мужественны, когда нужно... Всегда к вашим услугам, Екатерина Дмитриевна... Вот — только управлюсь, — в обед забегу, занесу кое-какие приношения из Ростова... У нас там весна... А, все-таки, на севере — слаще сердцу... Ну, извините...

Подошла Анисья, тоже в халате. Большеглазое лицо ее было разочарованное: ей хотелось с этим рейсом остаться в Москве, но старший врач, — прямо уже не по-советски, — даже не захотел ее слушать: «Какие там еще театральные училища! Скоро опять большие бои, подсыпят раненых... Не пушу!»

— Что ж, подожду до осени, — сказала она Даше и концом косынки вытерла носик. — Года идут, года теряю, вот что обидно... Латугин здесь, пришел меня встречать, — тоже чортушка... Приехал делегатом на съезд. Гордый стал, серьезный... Третий день, говорит, бегаю на вокзал — встречаю ваш санитарный... Пошел уламывать старшего врача, чтоб отпустил меня на сутки... Дарья Дмитриевна, он про Агриппину рассказал: она в Саратове, родила, — мальчика ли, девочку, — не знает. Долго хворала... Вернулась с ребенком в полк... Жалко ее, тяжелый характер у нее, — однолюбка...

С вокзала пошли пешком через всю Москву на Старо-Конюшенный, — там для Даши и Телегина была приготовлена комната, где раньше жил Маслов. Вот уже два месяца его больше не было, — сначала он увез книги, потом исчез сам... Шли медленно из-за Кати. Вадиму Петровичу хотелось бы взять ее на руки и нести под этими весенними, лохматыми тучами, клубившимися над Москвой. Телегин и Даша немного отставали, чтобы не мешать им. Даша говорила:

— Я боюсь за Катю. Москва и эта школа ее доканают. Она ничего не ест... За три месяца стала совсем прозрачная... Ее нужно к нам в поезд... Я бы ее подкормила... А то — живет одним духом, на что это похоже...

Телегин, — тихо и значительно:

— Да и Вадим без нее тает, вот что...

Их скоро догнали Латугин и Анисья. Она была уже без халата, и щеки ее розовели. Латугин, нахмуренный, серьезный, сдержанно поздоровался и вынул из-за обшлага шинели четыре билета для гостей, в Большой театр, на самый верхний ярус.

— Да, на фронте легче, чем у вас в Москве, — сказал он, раздавая билетки, — крупный бой пришлось выдерживать из-за этой петрушки... Хорошо — комендант попался наш морячок, с крейсера «Аврора»... А то бы меня повели. Так что, не опаздывайте, заседание важное сегодня... Ну, Анисья, пойдете...

6

В пятиярусном зале Большого театра в тумане, надышанном людьми, едва светились сотни лампочек красноватым накалом. Было холодно, как в погребке. На огромной сцене, с полотняными арками в кулисах, сбоку, близ тусклой рампы, сидел за столом президиум. Все они, повернув головы, глядели в глубь сцены, где с колосников свешивалась карта Европейской России, покрытая разноцветными кружками и окружностями, — они почти сплошь заполняли все пространство. Перед картой стоял маленький человек, в меховом пальто, без шапки; откиннутые с большого лба волосы его бросали тень на карту. В руке он держал длинный кий и, двигая густыми бровями, указывал время от времени концом кия на тот или иной цветной кружок, загоравшийся тотчас столь ярким светом, что тусклое золото ярусов в зале начинало мерцать, и становились видны напряженные, худые лица, с глазами, расширенными вниманием и волнением.

Он говорил высоким голосом в напряженной тишине:

— У нас в одной Европейской России — десятки триллионов пудов воздушно-сухого торфа. Запасами его мы обеспечены на столетия. Торф есть топливо на местах. С одной десятины торфяного болота получается в двадцать пять раз больше энергии, чем с десяти-

ны леса. Торф — в первую голову, за ним — белый уголь и черный уголь решают стоящую перед нами проблему революционного строительства. Ибо революция, которая победила только на поле брани и не перешла к реальному осуществлению своих идей, утихает, как налетевшая буря. Сидящий здесь, среди нас, Владимир Ильич Ленин, вдохновитель моего сегодняшнего доклада, указал генеральную линию создающей революции: коммунизм, это — советская власть плюс электрификация...

... — Где Ленин? — спросила Катя, глядя ввысь с высоты пятого яруса. Рощин, державший, не отпуская, ее худенькую руку, ответил так же шопотом:

— Тот, в черном пальто, видишь — он быстро пишет, поднял голову, бросает через стол записку... Это он... А с краю — худощавый, с черными усами — Сталин, тот, кто разгромил Деникина...

Докладчик говорил:

— Там, где в вековой тишине России таятся миллиарды пудов торфа, там, где низвергается водопад или несет свои воды могучая река, — мы сооружаем гигантские электростанции — подлинные маяки общественного труда. Россия освободилась навсегда от ига эксплуататоров, наша задача — озарить ее немеркнущим заревом электрического костра. Былое проклятие труда должно стать счастьем труда.

Поднимая кий, он указывал на будущие энергетические центры и описывал по карте окружности, в которых располагалась будущая новая цивилизация, и кружки, как звезды, ярко вспыхивали в сумраке огромной сцены. Чтобы так освещать на коротенькие мгновения карту, — понадобилось сосредоточить всю энергию московской электростанции, даже в Кремле, в кабинетах народных комиссаров, были вывинчены лампочки, все, кроме единственной — в шестнадцать свечей.

Люди в зрительном зале, у кого в карманах военных шинелей и простреленных бекеш было по горсти овса, выданного сегодня вместо хлеба, не дыша, слушали о головокружительных, но ве-

щественно осуществимых перспективах революции, вступающей на путь творчества...

Телегин тихонько говорил Даше:

— Дельный доклад. Я этого инженера хорошо знаю. Вот, кончим войну, — вернусь на завод, у меня тоже кое-какие соображения... Ужасно хочется, Дашенька, работать... Если они такую электрическую базу подведут, — ужас что можно развернуть... Чорт знает — какие у нас богатства! Поднять на настоящую работу такую машину, — что тебе Америка! — Мы богаче... Поедем с добой на Урал...

Даша — ему:

— Будем жить в бревенчатом доме, чистом, чистом, с капельками смолы, с

большими окнами... В зимнее утро будет пылать камин...

Рошин — Кате на ухо шопотом:

— Ты понимаешь — какой смысл приобретают все наши усилия, пролитая кровь, все безвестные и молчаливые муки... Мир будет нами перестраиваться для добра... Все в этом зале готовы отдать за это жизнь... Это не вымысел, — они тебе покажут шрамы и синеватые пятна от пуль... И это — на моей родине, и это — Россия...

— Жребий брошен! — говорил человек у карты, опираясь на кий, как на копье, — мы за баррикадами боремся за наше и за мировое право — раз и навсегда покончить с эксплуатацией человека человеком.

22 июня 1941 года. Барвиха

Конец

Патриот

Ф. П., Н. С., А. П. ГАСТЕЛЛО

★

Люди, хорошо знающие капитана Гастелло, сражаются сейчас на трех фронтах Отечественной войны. Они делают то же, что делал до последней минуты своей жизни командир бомбардировочной эскадрильи, летчик-большевик Николай Гастелло. Друзья и соратники героя промят скопления вражеских танков, взрывают цистерны с нефтью, переправы вместе с бронемашинами, пушками, штабными автомобилями. Товарищи летчика Гастелло уничтожают тайные аэродромы, смешивают с землей фашистские полки, развеивают в пыль и прах все, что отмечено черным знаком свастики. Вот почему не могут они сейчас рассказать о капитане Гастелло.

Это имя мы услышали на тринадцатый день битвы. Оно прозвучало в сводке Информбюро, прокатилось по фронтовым и тыловым газетам. Вскоре мы нашли это имя в Указе Верховного Совета среди имен других бойцов, награжденных высоким званием Героя Советского Союза.

Летчик Николай Гастелло! Сталинский сокол. Воин, воспитанный большевистской партией. Старый комсомолец. За скупыми строками военной сводки угадывались его спокойные и мужественные черты. Таким мы и увидели капитана Гастелло, когда в «Правде» был напечатан портрет.

Но ведь мало одной фотографии. Хочется знать, как прожил жизнь этот бесстрашный и жизнерадостный человек.

Герой Советского Союза
Николай Францевич Гастелло.

Придет время: его соратники подробно расскажут о нем. Сегодня пусть расскажут о нем три самых близких человека: отец Франц Павлович, мать Настасья Семеновна, жена Анна Петровна. В записи мы старались как можно точней и бережней донести до читателя простые, от сердца идущие слова.

★

С ОГНЕМ СРОДНИЛСЯ

Фамилию нашу правильнее писать «Гастылло». Это потом уж, когда я в тысяча девятисотом пришел на заработки в Москву, меня по-московски стали называть «Гастелло», — московский выговор нашего белорусского мягче.

Происхождение наше из-под города Новоградок, деревенька Плужины.

В старое время какие белорусские деревни были: бедность, солома, хата по самую крышу в землю вросла, издаля и не скажешь, хата то или кочка болотная. И земли удобной мало, все леса и леса. А посередь леса — Свитязь сияет — озеро большой глубины.

Сырая земля в тех местах, — крови очень много пролилось. В девятьсот четырнадцатом и в гражданскую тоже фронт был, как теперь.

Я все думал — нашу деревню сравнивали с землей. Нет, стоит. Летом перед войной Николаю случилось над теми местами летать. Прислал письмо:

— Ну, — пишет, — папа, вчера Плужины с воздуха разглядел. Только очень высоко летел: вот какими они показались мне.

И внизу кружочек обвел. Всегда любил пошутить. Но, заметно, шутит, — а самому приятно, что увидал, наконец, отчий край.

(Он этих Плужин и не знал до того, он в Москве, на Красной Пресне рожден.)

А Ворончу не увидал. Ворончу в революцию, наверно, сожгли. Имение было. Там на панской конюшне моего отца и мать секли в крепостное время. Там и я смолоду батрачил.

Если б не панские мучительства, мой отец больше бы жил. У нас в роду все долго живут и болеть не болеют, — лесовики, лесная порода. Мне пошел шестьдесят восьмой, а я ни одного прогула не сделал и ни разу бюллетеня не взял.

Вот умер отец и, как в сказке говорится, «осталось после отца три сына»: Винцесь, старший, Михась, средний, и я — Франц, младший.

Разделились: по десятинке на брата. Это мало, это — и с голоду не помрешь, и сыт никогда не будешь.

Пришлось младшему — котомку за плечи и в Москву, судьбу искать.

Я свою судьбу подле вагранки нашел. Больше двадцати лет проработал на Казанской железной дороге в литейных мастерских, состоял при огне. Сначала страшно было, — казалось, ад. Потом приловчился, понравилось.

Искры брызжут. Чугун в ковши пошел. Белой струей хлещет. По-моему, ничего красивее нет. «Святое дело — чугун», — такая среди рабочих поговорка была.

И сыны мои, Николай и Виктор, с детства приучены были не бояться огня.

Николай, как подросток, тоже в литейную определился, к огню поближе. Сначала стерженщиком, потом формовать стал. Я из вагранки сливаю, а он формует, металл от отца к сыну плывет.

Пощабашили, сидим, он просит:

— Теперь, расскажите, папа, как вы с Лениным одной артелью работали.

Очень любил слушать про это.

А я, верно, с Владимиром Ильичом работал вместе на субботнике. Первые субботники ведь с нашей Казанки пошли.

Как-то стали мы убирать в цеху хлам, видим — приехал Ленин. Не в пальто, в курточке коротенькой, ватной и в варежках, как рабочий. Взялся нам подсоблять. Улыбается. «Дружней, — говорит, — дружней. Для себя стараемся теперь, сами хозяева!»

Это у нас в семье была гордость, как же, — отец, мол, с Владимиром Ильичом артелью работал. Николай хвалиться не любил, а этим перед товарищами хвалился:

— Мой батька, знаешь, какой! С самим Лениным в одном цеху...

А в двадцать первом дали мне Героя Труда. Чествовали хорошо, подарили костюм синий, тройку. Он и сейчас цел, костюм, хоть двадцать лет прошло. Я его берегу, — память. Надеваю редко, в год раза три: на Октябрьскую рево-

людию, на Первое Мая и когда Николай — он летчиком стал — в гости приезжал.

Он хороший сын, заботливый. Приедет, сейчас же на Ленинские горы везет меня гулять. Сидим там на траве. В небе кружат самолеты. Николай рассказывает:

— Это истребитель, папа. А это бомбардировщик. Я летаю на таком.

— А страшно тебе, — спрашиваю, — там, наверху?

Засмеялся.

— Сначала было страшно, потом привыкся. Когда работу любишь, страха нет. По себе знаете.

Его партия в воздух послала, летчиком сделала, — он по партийной мобилизации в школу шел. Знали: и в воздухе будет мой Николай примерный коммунист.

— Степенный у тебя сын, Франц Павлович, — бывало, скажет секретарь парткома. — Хоть и молодой, а уважение от всех...

Он у меня до партии еще в комсомоле гремел. А двадцать сравнялось, стал Николай коммунистом. Мне, отцу, приятно — вышел сын в люди.

А меня тогда аккуратно на пенсию перевели, но я от работы отстать не мог. В старое время и разговаривать не стали бы со мной, вытолкали бы взащей. Советская власть к печам приставила истопником, все равно хлопочу подле огня.

Меня к себе Николай звал жить.

— Приезжайте, папа, — писал. — Тут хорошо, вольный воздух. Заведете огород, будете курами заниматься. Пора вам на отдых, папа.

— Я еще при деле нахожусь, — отвечаю я. — Я печи в цеху топлю. Спасибо за твое согласие. Когда уже не смогу и печи топить, тогда, пожалуйста, бери к себе.

Я к нему этим летом собирался в отпуск. Сколько годов Николай в авиации служил, ни разу у него не был в части. Он в день своего рождения в начале июня прислал нам фотографию и напоминание: пусть же папа приезжает, ждем.

А двадцать второго объявилась война.

Когда сказали по радио, что наш Николай сгорел, все были у репродуктора, вся семья, — каждое утро слушали, не будет ли о Николае вестей.

Поплакали и на работу пошли. Жена на «Красный Богатырь», дочь на Ленинскую железную дорогу, а мы с младшим сыном на свой военный завод, — я с ним, как с Николаем, тоже на одном заводе работаю, только Виктор не формовщик, — модельщик.

Пришел я, никому ничего не сказал, затопил свои печи, где сушатся формы для отливки. Пока топил, будто отлегло от сердца. Потом перед печью сел и смотрю в огонь.

— Эх, Николай, — думаю, — сыночка мой, сгорел, сгорел в огне...

Вспомнил тут, как мы с матерью просили его не идти в плен.

— Не сдавайся, Коленька, — просила мать. — Остерегайся, не садись на вражью территорию. А если подобьют тебя, ты из револьвера семь пуль на них истрать, а восьмую себе оставь.

Улыбнулся Николай.

— Скажете, мама, такое. (И нас обоих, как малых детей, к себе пригорнул.) Зачем это я буду садиться на их территории, патроны тратить. Я другой выход найду...

— Что ж, Николай, — думаю. — Не зря ты погиб. Сколько фашистов сжег. Сколько горючего фашистского за-раз извел. Сколько танков и самолетов немецких затормозил... Дорогая твоя смерть!..

Ходят, слышу, за спиной товарищи по цеху, переговариваются, а я глаз от огня стель не могу. Вижу, как огненный столб летит, как нефть в цистернах запылала, как расплавленная фашистская сталь ручьем потекла. Вижу, Николай мой из последних сил рукоять сдвигал, и не зажмурил глаза в дыму. С открытыми глазами встретил смерть.

— Так их, Николай, так! Огнем их, проклятых! Пусть пеплом развеются по нашей земле!..

СВОЕМУ САМОЛЕТУ ПОДСТАТЬ

Мне он больше маленьким представляется: глазенки такие темные, брови низко нависшие, очень густые, как у отца. И характером в него: спокойный, настойчивый.

Помню, — ему тогда еще восьми лет не было, — прибежал домой, руку на голове держит, вся рука в крови.

Я к нему:

— Что с тобой, Коленька?

— Не плачь, мама, ничего. Идем в больницу скорей.

— Да кто тебя так?

— Ничего, ничего, идем.

А в больнице его сразу на операционный стол. Три шва наложили на рану. Я стою рядом, плачу, дрожу, а он не застонал даже, сморщился только весь, бедненький мой.

— Это вот характер, — говорят врачи с удивлением.

Он был с детства очень самостоятельным. Его восемнадцатый год научил.

Тогда детей из Москвы эвакуировали в Уфу. И Колю моего тоже увезли. Вдруг узнаем, белые обстреляли один пароход с московскими детьми и пустили ко дну. Слез было тут пролито в нашем Сокольническом районе!..

Потом приходит письмо: сокольнические дети живы, затонул другой пароход с детьми из Баумановского района, а наших белые разогнали. Учителя в уфимской тюрьме сидят, дети по крестьянам разбрелись, работают за кусок хлеба.

«Ничего, мама, — писал мой Коля. — Я теперь всю крестьянскую работу узнал: и косить умею, и жать».

Сам о себе заботился, а ведь ему всего-то одиннадцать лет было тогда.

Вернулся в Москву, стал мне помогать по дому. Скажет, бывало, самому младшему брату: «Ну-ка, Минька, лезь на плечо», схватит солдатский котелок и айда за своим детским пайком.

Он был на все руки: рисовать, строгать, обувь починять. Потом уже, капитаном, приедет на побывку к нам, скажет вдруг:

— А у вас, мама, замечаю, левая туфля подгуляла. Дайте-ка, я быстренько подметку прибью.

Не отпросишься никак. Засядет в уголок, вытащит из-за сундука сапожничью железную ногу и, пожалуйте, через несколько минут готова туфля.

Со второго класса он стал больше всего самолетами увлекаться. Делал их хитро, с пружинкой, но доволен ими не был. Они у него по полу сами собой бегали, а летать не могли. Только подпрыгнут и опять на пол. Как стрекозы, стрекотали. А на ночь, — у нас комната тесная, — Коля всю свою авиацию к потолку подвешивал.

С пятнадцати лет стал по полю мяч гонять. Приходят как-то ко мне его друзья, мальчики со Второй Сокольнической.

— Что надо, шайка-лейка?

— Мы не шайка-лейка, мы футбольная команда. Сделай нам трусы, тетя Настя, а?

Пришлось шить, очень вежливо просили.

Отец ругал Колю за футбол, — обувь быстро снашивал, а тогда достать было трудно. И мне попадало заодно:

— Знаю тебя, потатчица.

А я признаюсь, я сама любительница футбола. Всегда ходила смотреть, когда мой Коля играл. Публика кричит: «Браво, Гастелло! Гляди, как мяч идет». А мы — весь наш двор — громче других: «Колечка, хорошо!»

Тогда только перестал в футбол играть, когда учился в летной школе, — мало было времени. Но кончил школу — и снова на футбольное поле.

Сам о себе, о своих полетах, об учебе, о боевых действиях Коля скупое писал. Нас всегда его жена Аня оповещала, чтобы порадовались за сына:

«Вчера Коля сдал мертвую петлю».

«Прыгнул с парашютом на «отлично».

«Поздравьте Колю, он теперь капитан».

О фронтах его Аня писала совсем коротко. И всегда одно. «Коля — в служебной командировке». А какая командировка — это уже сами догадывались.

из газет. Где фронт, там и Коля на своем тяжелом бомбардировщике.

Я, конечно, просила его беречь себя, не рисковать зря. И слезу пролила над ним, как мать.

Он улыбнется, широко так, светло, и скажет:

— Что вы, мама, милая. Знаете ж своего Николая. Он — мужик спокойный, уравновешенный, своему самолету подстать.

Когда он на финском фронте был, мне снилось часто, что он падает. Темно так, темно в ночи, и вот горящий самолет летит. По всему небу огненный след. Проснусь, вся исплаканная. Мой старик бурчит рядом:

— Что ты, Настя, что ты! Коля приснился опять?

Он и в эту войну снился мне. Вижу, вдруг открылась дверь, входит он, молча взял племянника, ложится с ним на диван. Я подошла, спрашиваю:

— Коленька, ответь мне, сынок, жив ты, или убит?

Он молчит. Я его по голове глажу, а у него лоб горячий, горячий.

Что ж — сон. Думаешь об одном и день, и ночь, — вот и чудится во сне.

Все о Коле мысли были, а утром, когда сводку Информбюро передавали, я и не дослышала. Задремала, наверно, — мне было во вторую смену заступать. Обнял меня старик за плечо. Смотрю, на нем лица нет.

— Настя, слышала? Настя, Коля-то наш!..

...В тот день попозже ко мне с «Красного Богатыря» комсомольцы и комсомолки пришли. Смущаются, в глаза так участливо засматривают:

— Извините, тетя Настя, что пришли, — говорят. — Мы навесить. Как вы тут, может, нуждается чем...

Сидят за столом, притихли, лица молодые, хорошие у всех. Тут не сдержалась я. Крепилась весь день, а тут не сдержалась.

— Дети, — говорю — и заплакала, — дети мои!..

★

ПОЛЕТАЙ СО МНОЙ!

Двенадцать лет прожила я с мужем моим Николаем Гастелло. И за все эти годы только раз расставались надолго. Было это в 1932 году, когда партия послала его учиться в летную школу. Как изменился Коля за несколько месяцев, как возмужал. Военная гимнастерка легко и плотно обтягивала сильные плечи. Лицо стало еще спокойнее, фигура коренастее. Не верилось, что это тот Коля Гастелло, с которым я познакомилась на спортивной площадке три года назад.

Вся жизнь летчика-бомбардировщика Гастелло прошла у меня на глазах, но, если подсчитать, не так уж много прожили мы вместе. Часто мне приходилось выходить на крыльцо и, закинув голову, долго смотреть в небо. Кто еще смотрит так в небо, как мы, жены летчиков?

Надолго улетал Николай Гастелло. Тень его самолета скользила и по даль-

невосточным сопкам, и по склонам северных гранитных скал, и по южной бессарабской земле. Эти отлучки и называла я «командировками» в письмах к родителям.

Вспоминаю сейчас нашу жизнь, и кажется мне, что вся она прошла на аэродроме под взмах флажка стартера, у посадочной буквы «Т». Неожиданные проводы. Неожиданные встречи. Долгие дни ожидания, когда все кажется: летит! Волнующие минуты, когда самолеты уже заходят на посадку, а ты не знаешь, есть ли среди них самолет мужа. И нет сил бежать к аэродрому, стоишь и ждешь у крыльца.

Свою жизнь в авиации Гастелло начал с постройки нового аэродрома, на котором должен был учиться летать. Снова пригодились его умелье и ловкие руки. Курсанты Ворошиловградской авиационной школы корчевали пни, выравнивали площадку, а потом высажи-

вали вокруг аэродрома парк. Должно быть, разросся он уже, — сколько лет прошло.

От земли, которую когда-то Ворошилов со своими шахтерами защищал от немцев, оторвался и полетел Николай Гастелло. Он не знал, что такое усталость, он мог работать с утра до вечера без передышки. И вот он приезжает в Москву, и на петлицах у него по четыре треугольника. Он пилот.

Началась наша военная жизнь. Николай Гастелло создан был для вождения больших и мощных кораблей. Весь склад его души и тела, его коренастая сильная фигура, его невозмутимо-спокойный характер словно приспособлены были для «ТБ», — так зовется у нас в авиации тяжелый бомбардировщик.

Товарищи его все рвались в истребительную. (Какой молодой пилот не мечтает об «ястребке».) А Коля не мечтал. Твердо знал: его место за штурвалом ширококрылой многомоторной машины.

Николай летал, учился, я работала в штабе, — весь день рокот моторов в ушах.

Ночью — частые учебные тревоги. Кажется, будь я на месте Гастелло, сломя голову, помчалась бы к дверям. А он встанет, посмотрит на часы, оденется и все это спокойно, будто не торопясь. Потом выглянешь на аэродром, смотришь: Коля у своего самолета первый.

Удивительно развито было у него чувство времени. Это, должно быть, осталось с той поры, когда он работал хронометражистом на заводе. Никогда Николай не опаздывал. А когда видел, что люди суетятся, говорил:

— Что за суматоха у вас. Медленнее спешите!..

Бывало, вернется с аэродрома вечером и сразу за письменный стол. Раскроет книги, тетрадки, начнет вычерчивать схемы. А если на огонек заглянет знакомый, из-за стола не встанет, двумя словами перемолвится и снова уткнется в книги. Мне, как хозяйке, неловко: гость повертится и к дверям. Ну, и скажешь:

— Коля, это же не гостеприимно.

Он в ответ:

— У меня для гостеприимства выходной отведен.

Каждый выходной Гастелло отправлялся в город за книжками. Его уже знали в книжном магазине, все новинки по авиации откладывали для него.

Его рабочее место было за штурвалом самолета, но и за своим письменным столом он чувствовал себя, будто в воздухе за работой. Здесь он учился летать. На столе стояла чернильница, выточенная Николаем из эбонита после чкаловского перелета в Америку. Вокруг земного шара летел чкаловский самолет, а внизу стояли самолетники в ожидании.

Этим он хотел показать, что вслед за Чкаловым готовы к подвигу и другие советские летчики. Чкалов был его любимым героем.

На стене перед столом висела начерченная им схема летного района. Все там было помечено: и речки, и холмы, и дороги.

Иногда он просил меня:

— Полетай, Аня, со мной. — Покажет пальцем, а сам отвернется, как честный школьник от шпаргалки. — Спрашивай, какие по пути есть ориентиры.

Когда спать ложился, всегда напевал «Любимый город может спать спокойно». Иногда заснешь, не дождавшись, когда он закончит свою работу. И сквозь сон слышишь голос: «... может спать спокойно». Это значит, Коля закончил трудовой день.

Но ему самому не часто удавалось спать спокойно. И, когда его поднимала ночная тревога, нельзя было угадать: вернется ли он домой утром, или через несколько месяцев.

Однажды весенней ночью 1939 года Николая Гастелло подняли с постели, а утром мы увидели опустевший аэродром.

Не каждый может понять, как грустно выглядит покинутое летное поле. Придет изредка телеграмма. Прочтешь: «Жив, здоров. Николай». И снова тянутся дни.

Только через четыре месяца он вернулся. О многом хотелось спросить. Но посмотрела в его спокойные, веселые глаза и поняла: спрашивать бесполезно, все равно не скажет, как воевал.

Только мельком, со слов товарищей узнала, как бились они в далекой Монголии, как вели тяжелые машины брешущим полетом между сопками.

Глубокой осенью под утро снова сирена подняла Николая. Поцеловал, сказал:

— Еду в правительственную командировку. Родителям ничего не пиши.

— Куда же ты?

— Следи за газетами.

И улетел.

По военным сводкам я следила за работой Николая Гастелло. Когда в газетах сообщалось, как взлетают в воздух белофинские доты, знала, над ними пролетал Гастелло и его товарищи. Когда читала о том, как разбегаются вражеские лыжники, завидев над головой красноразведные машины, знала, здесь пролетал со своими друзьями Николай Гастелло.

Мы часто всматривались в небо: не летят ли? И вот, апрельским утром, видим: летят!

Летят с севера боевые эскадрильи.

Выбежали из квартир и смотрим. Если наши, то начнут сейчас расходиться для посадки. В самом деле, корабли изменили походный строй, уже гудят над головами. Другие женщины побежали на аэродром встречать. Я не пошла. Боялась — не вернулся, не найду его машины среди других.

Но он вернулся. Коренастый, спокойный, лицо красное, словно не морозом, огнем обожжено.

Снова ничего не рассказал Гастелло. Улыбается:

— О чем же говорить? Ты же газеты читала?..

В апреле вернулись с севера, а в июне улетели на юг. Снова пуст аэродром.

На этот раз, когда вернулся Гастелло, я сказала:

— Можешь не рассказывать, — знаю, что делали в Бессарабии.

— Вот и хорошо, что знаешь.

Только головой кивает и поддакивает.

Лето 1941 года застало нас под Смоленском. Гастелло получил эскадрилью легких бомбардировщиков. Это легко сказать: эскадрилья легких бомбарди-

ровщиков. Ведь все эти годы Гастелло летал на тяжелых самолетах. Выработалась уже привычка к этим степенным машинам. А тут надо заново учиться.

Вернется Николай с аэродрома усталый, озабоченный, а я не удержусь и начну расспрашивать. Меня все шасси волновало. На прежней машине шасси не убиралось. Пока не привыкнешь, можно забыть выдвинуть при посадке колеса.

— Ну, как? Вылетел? (Вылетел — значит, получил право на самостоятельное вождение.)

— Не совсем.

А на следующий вечер приходят товарищи, поздравляют Колю.

— Как же ты мне сказал, что не вылетел?

Засмеялся:

— Вчера нет, а сегодня да.

И стал Гастелло летать на скоростном легком бомбардировщике над западными окраинами Советского Союза.

По вечерам долго сидел над картой, изучал свой район. Чаще обычного говорил:

— Полетай со мной!

Летними вечерами изучали новый район его работы. И радостно было, что помогаю летчику Гастелло изучать новые места, над которыми, может быть, ему придется сражаться.

Так летала я рядом с этим человеком, всегда рядом, где бы он ни был.

Далеко за полночь, отложив карты и схемы, он любил повертеть рычажок радиоприемника. Все волны испробует, а потом скажет:

— А сейчас давай Болгарию. Послушаем, о чем сплетничает.

Радио трещало в нашей комнате, насыщая ее грозowymi разрядами. Вопили немецкие дикторы, ворковали французы, и упрямо, грудью пробивались сквозь эту какофонию англичане.

Нахмурившись, вслушивался Николай в яростные звуки радиовойны, — весь внимание. Потом рывком выключит радио, головой покачает, скажет:

— И куда немцы суются. Ведь головы не соберут.

И возьмет за книжку.

Больше всего Джека Лондона любил.

Воздухом борьбы веяло на него от страниц. А из всех рассказов больше всего нравился ему рассказ «Воля к жизни».

Вечером двадцать первого июня мы смотрели картину «Фронтные подруги». Возвращались домой молча. Видимо, у него в памяти возникли дни суровой зимней войны, будто увидел себя на экране.

Пришли домой.

— Ты меня завтра часов до девяти не буди. — Эти слова Николая до сих пор у меня в ушах звенят. — За неделю отоспаться хочу.

В пять утра его подняла тревога. В полдень я услышала речь товарища Молотова.

Потом инженер эскадрильи приходит: понадобились Николаю часы. Часов у него было две пары. Ручные в полет никогда не брал. Раструб авиационных перчаток мешал смотреть.

— Какие часы просил капитан?

— Карманные.

Ну, значит, в полет.

Только в одиннадцать ночи возвратился домой.

— Ну, как там, Коля?

— В порядке, — отвечает. — В порядке все. Ты, Аничка, не тревожься, за мной ночью ординарец придет.

И ночью стук в дверь.

Может быть, это мужчинам непонятно будет, — женщины меня поймут. Я подбежала к окну, распахнула настежь и долго стояла, провожала мужа взглядом, пока не скрылся за углом...

Нам комиссар сказал, чтобы летчикам создать все условия. Мы и старались, как могли, кормили их получше, не хныкали.

А утром, на третий день войны, сидим с сыном Витей за завтраком (Николая на аэродром проводила уже). Вдруг Витя к окну.

— Ты что?

— Мама! Самолет какой странный!

Из кухни соседка бежит.

— Аня, смотрите скорее. Что у него черное на крыльях?..

И — очередь с воздуха по авиагородку.

Это был фашистский разведчик. Налетел, стал по женщинам и детям бить,

хотел этим отвлечь мужчин с аэродрома.

Пострелял немного, — мы все в щели укрылись, — повернул и к аэродрому. Вот когда нам страшнее всего стало. Знаем, мужья еще в воздух не успели подняться, все машины на поле стоят.

Услышали: садит и садит из пулемета. Страшно! И вдруг — второй голос с аэродрома: другой пулемет заговорил, наш.

Прошло минут пятнадцать, бегут мимо крыльца женщины, кивают мне, улыбаются:

— Поздравляем, Аничка. Твой муж немца подбил.

Фашист так внезапно налетел, что ни один из самолетов не встретил его в воздухе. Наш аэродром — перед ним, как на ладони.

Полковник закричал:

— Стреляйте!

Тогда, видят, один человек кинулся к своему самолету и в кабину стрелка-радиста. Застучал пулемет. А кабина стрелка открыта, сверху человек виден весь, удобная мишень.

— Нагнись, — кричат. — Нагнись, Гастелло!

А он стоит во весь рост и вращает пулемет.

Вечером мы, женщины, обступили Николая.

— Расскажи, да расскажи!

Отмалчивается, улыбается.

Когда гости ушли, я пристала к нему.

— Нет, должен мне объяснить.

Он подумал, положил руку на стол, сжал кулак.

— Вот так и в душе все собралось. Поняла?..

Двадцать шестого июня он не вернулся из полета. Комиссар успокаивал меня:

— Вернется. Он на нашей территории сел.

А в тот же день приказ: женам отъехать километров за пятьдесят в тыл, временно, — так нам сказали.

Как же я? Он вернется, — меня дома нет. Кто ж его снова в полет соберет?

Я хотела в лесу спрятаться, пере-

ждать, пока все жены уедут. Потом решила: нельзя, нет, — дисциплина.

Но мы не вернулись обратно.

И до самой Москвы я ничего не знала о муже. На станции Мичуринск, когда должны были передавать сводку Информбюро, мои женщины заволновались, зашумукались.

— Аничка, пойдй насчет билетов узнай. (А подле кассы не было репродуктора.) Поди, милая, поди.

Я вернулась, вижу: все плачут.

Чувствую: что-то неладно. А что?

Летчик, который нас сопровождал, стал прощаться. Вдруг подошел к моему Вите, обнял и руку ему поцеловал. И быстро так повернулся, ушел, чтоб я лица его не увидела.

Приехала в Москву. Мне Настасья Семеновна открыла. Я взглянула на нее и... поняла.

— Мама?!

— Да, Аничка, да!..

Обнялись и заплакали обе.

Ведь он третьего июля погиб. Значит, тогда-то, после двадцать шестого, вернулся, как комиссар говорил. Вернулся домой, а квартира пуста, — нет никого. Может быть, перед новым полетом оставил записку на столе. Все бы, кажется, отдала, чтобы эту записку, его последний привет, увидеть...

— Полетай со мной, — говорил мне

когда-то Николай, сидя в нашей комнате у зеленого светящегося абажура.

Да, в каждом полете мысленно я сопровождала его. И в этом последнем полете я была с ним.

Всегда перед глазами останется его лицо с сурово сжатым ртом и глазами, устремленными вниз, в хаос сгрудившихся танков. И жар от горящего бака будет обжигать мой лоб. И ветер будет свистеть в ушах, ветер стремительного падения.

На костре из вражеских танков и цистерн закончил свой последний полет Николай Гастелло.

Но я, Анна Гастелло, попрежнему — в боевом полете. Нет у меня других стремлений сейчас, кроме одного: помочь Родине в борьбе с фашизмом.

Мне трудно было найти утешение в горе. Я нашла его. Я нашла его у изголовья раненых летчиков, в госпитале. Я пошла в госпиталь волонтеркой, добровольно и провожу там все дни, забываясь в работе.

А вечером, когда я прихожу к старикам в маленькую комнату, где на стенах — фотографии Николая, ко мне возвращается мечта: вернуться в полк, к людям, которые сражались рядом с Гастелло, которые сражаются сейчас и, как он, готовы отдать свою жизнь, чтобы вечно жил советский народ.

Герои одной стрелковой дивизии

ОРЕСТРОВИНСКИЙ

★

Энская стрелковая дивизия была расположена на самой границе с Германией. На это соединение правительство СССР возлагало почетную и ответственную задачу: охранять вместе с пограничниками покой нашей Родины на ее западном рубеже.

В ночь на 22 июня 1941 года бойцы спали в лагерях. Но, когда в 4 часа утра, нарушив ночную тишину, с границы докатились первые орудийные раскаты и пулеметная трескотня, вся дивизия, как один человек, поднялась по боевой тревоге. Без суеты, организованно и спокойно, по заранее намеченным путям, полки выходили на предназначенные для боя рубежи.

Вероломный враг просчитался. Встретив ожесточенный отпор в местах, где фашисты рассчитывали на отсутствие войск и на легкую победу, они вынуждены были попятиться назад, оставив на полях боя горы своих трупов.

Дивизия во-время пришла на помощь героически дравшимся пограничникам Энского погранотряда под командой майора Малого. Действуя на широком фронте, до 48 км, она с первого же момента боевого соприкосновения с врагом взяла инициативу в свои руки. Были захвачены решающие оборонительные рубежи. Во многих местах, как например, под местечком Л., противник был отброшен за госграницу.

Части соединения в течение пяти дней без сна и отдыха сдерживали главные силы немцев на их основном оператив-

ном направлении. Оборонительные бои свелись к активным наступательным действиям со стороны отдельных подразделений и частей дивизии. В результате многих жестоких боев были разгромлены три немецких стрелковых дивизии; полностью уничтожена одна дивизия, переброшенная на Восточный фронт из Франции. А в районе К. дивизия сдерживала атаки целого мотехкорпуса противника.

Ожесточенный упорным сопротивлением частей Красной Армии враг все время вводил в бой свежие свои силы. Он сосредотачивал массу артиллерийского и минометного огня. Концентрировал удары бомбардировочной и истребительной авиации по боевым порядкам и тылам дивизии. Выбрасывал авиадесанты и диверсионные группы. Использовал свою агентуру в пограничной полосе. И, несмотря на все это, стойкость бойцов и командиров дивизии не была поколеблена. Боевое и политическое руководство частями неизменно находилось в твердых руках.

Все попытки врага окружить и уничтожить дивизию не увенчались успехом. Разведка своевременно вскрывала вражеские замыслы, и части соединения во-время отражали удары противника, нанося ему колоссальные потери. Недаром Энскую дивизию называют героической. Даже враги вынуждены были признать, что столкнулись неожиданно для себя с таким противником, которого они не встречали нигде в другой, захваченной

ими стране. Энскую дивизию в своей радиосводке немецкое командование назвало «железной дивизией», которая не сдастся, находясь даже, казалось бы, в безвыходном положении, а дерется до последнего человека.

Дивизия, действуя наступательно, несмотря на временное многократное превосходство противника — в артиллерии, в танках и авиации, — крепко удерживала вверенные ей рубежи. Она организованно отошла на новые рубежи только по приказу высшего командования.

Боевые эпизоды правдиво, без прикрас показывают часть славных бойцов и командиров дивизии и их действия в дни самых яростных схваток с отборными фашистскими войсками.

1. ПЕРВЫЕ СХВАТКИ

Казалось, ночь кончится спокойно. Тихий ветер шевелил листья деревьев, журчала речка. Чуткий слух пограничников не улавливал никаких посторонних шорохов.

Мирно спала наша великая страна.

Командант погранучастка Строков, проверив заставы, решил хоть немного отдохнуть на рассвете.

Но не успел он раздеться и лечь в постель, как раздался телефонный звонок. Голос дежурного по комендатуре звучал в трубке громче обыкновенного.

— Товарищ капитан, немцы перешли государственную границу и ведут огонь по нашим заставам.

Через несколько минут Строков был уже в штабе и руководил обороной. Одна мысль владела им, выраженная в священных словах военной присяги: «Ни пяди родной земли врагу».

Комендатура находилась в одном километре от границы, — три двухэтажных, только-что отстроенных кирпичных здания у околицы села, окруженные садом, забором и окопами. Немецко-фашистские бандиты приближались к селу. Строков, быстро собрав сорок бойцов и командиров, занял окопы.

Фашисты натолкнулись на сосредоточенный и меткий ружейно-пулеметный огонь. Первые ряды их смялись, по-

ползли обратно. Но сзади шло два батальона отборных гитлеровцев. Окружая комендатуру, они повели яростную атаку. Их поддерживала артиллерия.

Однако тщетны были все потуги врага. Пограничники стойко отражали его натиск. А когда стало невозможным обороняться в окопах, они отошли и засели в домах. Продолжали уничтожать врагов из окон, дверей, с чердаков. Хладнокровно, расчетливо, — по выбору.

Служба на границе — постоянная настороженность, опасность, стычки с диверсантами, одиночные действия в любую непогоду — выковала из пограничников отважных, сметливых, выносливых бойцов. Они умеют драться. Один не растеряется и против десяти.

Даже повар комендатуры Якимюк, и тот в час решительного испытания оказался таким же предприимчивым и смелым, как все. Он залез на чердак и устроился со снайперской винтовкой у слухового окна. С высоты он видел все. Он выбирал наиболее важные цели — фашистских офицеров — и поражал их почти без промаха. В разгар боя Якимюк не забыл и о своей обязанности. Он спустился с чердака на первый этаж, приготовил обед и накормил бойцов и командиров. Ели, не отрываясь от оружия.

В бою участвовал двенадцатилетний сын помощника начальника штаба комендатуры Шура Голубев. Он подносил бойцам патроны, гранаты. По тревоге многие выбежали полуодетые. Шура разыскал их гимнастерки, сапоги и каждому принес, что нужно. Он разносил фляжки с водой. А когда не было поручений и иных забот, он сам брался за винтовку, становясь на место выбывших из строя.

— Шура... — раздавался стон.

Он бежал к раненому, делал перевязку.

— Шурок!.. Еще лимончиков...

И он изо всех сил тащил на второй этаж целый ящик с гранатами.

Немцы пытались использовать забор как прикрытие. Они раздвигали доски и в образовавшиеся щели стреляли, думая, что их не видят.

Но Шура хорошо знал забор, через который столько раз перелезал. Он подметил в нем новые щели и указывал на них бойцам. Уловка врага не удалась.

Тринадцать часов держалась группа смельчаков. До последней возможности. Фашисты, разъяренные упорным сопротивлением, начали расстреливать здания комендатуры в упор из подошедших бронемашин.

Капитан Строков решил вырваться из окружения. Но как это сделать? Как связаться с частями притренированной дивизии, чтобы сдержать дальнейший натиск врагов.

Связист Разумов вызвался выйти из окружения первым и все это устроить. Умело маскируясь, он прополз на животе по канаве, между кустами, через расположение немцев. Вскоре к комендатуре подошли на выручку два наших танка. При их поддержке группа пограничников удачным маневром вышла из окружения, понеся лишь небольшие потери.

В это время бой на другой пограничной заставе лейтенанта Морина еще продолжался.

Коварный враг, пользуясь тем, что застава расположена в лесу, неожиданно напал на нее, окружив плотным кольцом. На заставе находилось всего десять пограничников. Горсточка патриотов, защищая родную землю, билась до последнего дыхания. Прорываться было бесполезно. Каждый понимал, что смерть неминуема. И все решили продать свою жизнь как можно дороже.

Фашисты были изумлены, взбешены. Их офицеры, наверное, говорили между собой:

— Если большевики будут сопротивляться так в каждом домишке, то нам не пройти много по этой земле.

Они приказали поджечь заставу. Деревянное здание вспыхнуло ярким пламенем. Но винтовочный огонь из окон не прекращался.

Наконец оружие выпало из опаленных рук лейтенанта Морина. Он встал во весь рост, в горячей одежде и громко запел гимн своей Родины «Интернационал». Вслед за ним запели пограничники, оставшиеся в живых.

Так и погибли они все в пламени с пением «Интернационала», вместе со своим командиром и другом — коммунистом Мориним.

Гитлеровцы с суеверным страхом обошли груды дымящегося пепла — могилу героев, каких они не видели ни в одной, побежденной ими стране.

2. ЧУВСТВО ДОЛГА

Безмятежно спал в эту ночь танкист, младший лейтенант разведывательного батальона Василий Калашников. Рядом ровно дышала его жена. Рука ее свисала у борта люльки: заснула, качая грудного ребенка. Василию снился широкий Днепр возле Черкасс, горячий песчаный пляж, вишневые сады в родном селе. Он собирался ехать туда с семьей в отпуск.

Вдруг он проснулся. Его разбудили какие-то гулкие удары, от которых дрожали стекла в окне. Он приподнялся. В комнате стоял бледный предутренний сумрак.

— Что же это?

Это не пулеметная стрельба, к которой Василий привык, живя в двух километрах от немецкой границы, а что-то большее.

Он наспех оделся, взглянул на жену, ребенка и на цыпочках вышел из комнаты.

Гул не прекращался. Все отчетливее слышались взрывы снарядов, вперемежку со сплошным стрекотанием тяжелых и ручных пулеметов.

В штабе на зимних квартирах находился один дежурный. Плотно прижав к уху телефонную трубку, он с кем-то говорил. С его губ срывалось:

— Так... Так...

Потом он долго кричал: «Алло, алло!..», но ответа не было. Связь прервалась.

— В чем дело?—спросил Калашников.

— С заставы передали: немецкие войска перешли границу. Есть убитые и раненые.

Калашников вышел со двора к аллее каштановых деревьев.

Отсюда, как на ладони, виден луг вплоть до пограничной заставы. По луку, отстреливаясь, медленно отходили

пограничники. За часовой, под прикрытием артиллерийского огня, спустились с высот фашистские авангарды.

Война!..

— Надо действовать! — решил Василий.

Части находились в пятнадцати километрах от деревни, в лагерях. На зимних квартирах оставался один караульный взвод. Калашников быстро собрал около двадцати бойцов и с ними решил оборонять фольварк до тех пор, пока из него и из деревни не эвакуируются в тыл семьи командного состава.

Старший сержант Кравченко побежал по квартирам будить семьи. Женщины и дети, кое-как одевшись, многие босиком, стали отходить через лес, в сторону города Р. Унесла на руках своего ребенка и жена Калашникова. Она хотела увидеть мужа, но противник приближался, — нужно было спасать сына.

Советские пограничники мужественно отражали натиск фашистских разбойников, превосходивших их численностью в несколько сот раз. Отрядом пограничников командовал майор Малый. Двухкилометровое расстояние от границы до фольварка отряд прошел с боем, задержав противника на три часа.

У фольварка на линии караульных постов бойцы Калашникова присоединились к погранотряду.

Пройдя с потерями долину, немцы встретили новое упорное сопротивление. Тогда они начали обходить фольварк слева, отрезая путь отхода на юг, в лес.

В это время Калашников был в штабе у телефона. Он доносил в лагерь командованию дивизии о силе, составе и направлении движения противника. Он оборвал телефон и ушел из штаба в последний момент, когда фашисты, обойдя деревню, уже вступали в нее. Василий присоединился к отходившим пограничникам и бойцам караульного взвода на противоположной стороне деревни.

Майор Малый приказал отойти в лес через поле и занять новый рубеж для обороны.

Дорого доставался гитлеровцам каждый метр советской земли. Но их было много. По пути убитых офицеры посылали вперед новые части из чехов и су-

детских немцев. Заняв фольварк, фашисты выместили свои потери на беззащитных женах и детях командного и начальствующего состава, не успевших уйти из своих квартир. Остались жена и двое детей младшего лейтенанта Грищенко, больная жена младшего лейтенанта Синезенко, часть семей пограничников. Все они были вырезаны. Головоурезы не пощадили даже детей...

В глубине леса Калашников встретил разведывательный батальон. Он направлялся к фольварку с задачей выбить из него противника и удерживать правый фланг дивизии.

Уверенно шли малые танки и бронемашины. Сердце танкиста радостно забилось. В голове колонны он увидел свой танк. Колонна задержалась. Калашников объяснил командиру майору Лятовскому обстановку и занял место водителя своей головной машины.

Колонна быстро тронулась навстречу врагу.

3. НАВОДЧИК БАЙДА

Широкоплечий красноармеец с серыми глазами и загорелым лицом, всегда улыбающийся, бодрый, — любимец минометной роты. Это Григорий Байда. Он ничем не выделяется среди других бойцов. Биография его проста.

Родился он в 1913 году. Учился. Потом работал счетоводом в колхозе. А в 1940 году был призван в Красную Армию и зачислен в минометную роту. Считался дисциплинированным красноармейцем. Командир назначил его наводчиком миномета.

Байда встревожился.

— Товарищ младший лейтенант, — говорил он. — Справлюсь ли я с этим делом. Ведь быть наводчиком, это не так легко.

Штерлих успокаивал.

— Ничего. Уверен, что справитесь. Работайте хорошо. Я вам помогу!

И Байда начал постепенно овладевать сложной специальностью артиллерийского наводчика. Целыми днями и по вечерам он изучал миномет по наставлениям и на практике. Было трудно. Нередко Байде казалось, что наводчика из него не выйдет. Но он не терялся, упорно

работал, веря, что добьется своей цели. Командир помогал ему, разъяснял все, что было неясно.

Так проходили месяцы. Байда любил миномет, гордился своей специальностью и собирался перед всеми показать искусство наводчика.

Настали инспекторские стрельбы. Байда тщательно подготовился к ним, еще и еще раз проверил свои знания и оптический прицел миномета. Он немного волновался и думал только о том, как бы положить мины точно в цель.

...Минометы на огневой линии. Поставлена задача. Байда, не торопясь, внимательно навел орудие на мишень.

Выстрел. Другой. Третий... Все мины легли в цель. Байда посмотрел на командира роты. Тот улыбался, довольный.

— Вот так, Байда, надо разить и врага!

— Будет выполнено! — ответил наводчик.

Когда германская армия внезапно нарушила советскую границу, Байда поднялся по тревоге вместе со всей ротой.

В выходной день 22 июня он собирался пойти на спортивную площадку гарнизонного дома Красной Армии, а вечером послушать музыку, посмотреть кино.

Но пришлось провести день иначе.

Рота взяла минометы и быстро направилась со своей частью в указанный командованием район обороны.

С рассветом всюду уже кипел бой. Крупные силы противника, пользуясь своим превосходством и преимуществом внезапного нападения, яростно напирали на дивизию.

Минометная рота достигла рубежа и установила минометы.

— Сейчас фашисты испытают силу наших мин! — сурово сказал Байда, наводя свой миномет.

Бой усиливался. Красноармейцы стали медленно отходить, нанося врагу большие потери.

Пьяные немцы лавиной лезли через горы трупов своих. Казалось, им нет числа. Красноармейцы, отступая, спрашивали друг друга:

— Почему же молчит наша минометная рота?

Младший лейтенант Штерлих хладнокровно выжидал удобного момента для открытия огня. Вот фашисты совсем близко.

Отчетливо видны их озверелые лица.

— По фашистам огонь! — раздалась команда.

Мины разом вырвались из стволов минометов и с воем понеслись прямо на вражеские головы. Столбы дыма, пыли и огня взметнулись среди немцев. Было видно, как их разорванные тела летят вверх и в стороны. Оставшиеся в живых метались по полю. Бесперывные залпы минометов навсегда приковывали их к земле.

Байда работал безошибочно, почти автоматически. Ни одна мина с его миномета не упала зря.

Мало гитлеровцев сумело удрать с поля боя.

Кончилась минометная канонада. Несколько минут стояла тишина.

— Вот мы им и показали, как на нас нападать, — сказал Байда, вытирая рукавом пот с лица. А про себя подумал: «Не напрасно я трудился в мирное время».

Подожел командир роты.

— Поздравляю, Байда, с первым боевым крещением. Молодец! Но это только первая схватка с врагом, — продолжал он. — Таких схваток впереди еще много.

— Знаю, — тихо ответил боец. — Поэтому...

Он не договорил...

Только на другой день Байда застенчиво подошел к командиру роты и просто сказал:

— Товарищ младший лейтенант, в следующий бой я хочу пойти коммунистом.

Штерлих пожал ему руку.

— Рекомендацию дам!

4. БАТАЛЬОННЫЙ КОМИССАР

Пасмурное утро. По низинам еще стлался ночной туман, а бой уже разгорался. Повсюду в районе расположения дивизии слышались разрывы снарядов,

пулеметная и ружейная стрельба. Противник действовал сегодня особенно активно. К нему подошли свежие силы и начали яростные атаки против наших частей.

Батальонный комиссар Власовец и политрук Селява получили задание отправиться в часть майора Коркина, чтобы вместе с командованием организовать крепкую оборону.

— Умереть, но не отходить! — сказал им полковой комиссар Антонов.

Это стало лозунгом всей части. Бойцы хорошо понимали важность своей задачи. Удержать противника на участке полка — значило, не пустить его в тыл к нашим войскам. На этом направлении участка врагу удалось слегка потеснить наш левый фланг.

В три часа дня Власовец и Селява уже шагали по пустынной шоссейной дороге. Изредка по ней проходили машины, подвозившие боеприпасы на передовую линию. Дойдя до местечка Р., они свернули вдоль железнодорожного полотна.

Дул легкий, прохладный ветер. По обеим сторонам пути шумела высокая рожь.

Селява мял в руке увесистый пшеничный колос, щекотал лицо его твердыми усиками.

— Замечательный в этом году урожай, — сказал он. — Неужели же эти тучные хлеба будут топтать немецкие сапоги? Обидно даже подумать об этом.

Власовец нахмурился. Его серые глаза сузились. Как всегда, спокойно и уверенно он ответил:

— Не бывать этому. Во всяком случае, мои глаза этого не увидят.

Вошли в лес. По лесной дороге двигались к передовой линии группы красноармейцев. Лошади тянули тяжелые зарядные ящики. Изредка между деревьями разрывались снаряды врага. Чаща тогда наполнялась звоном и треском. Казалось, снаряды рвутся везде.

Пробежали связисты, разматывая телефонный провод.

Навстречу вели двух раненых бойцов. Они лежали на повозке с закрытыми глазами. Их губы посинели, лица осунулись. Они молча переносили боль.

Власовец нагнулся к одному из них, поправил изголовье и тихо сказал:

— Выздоравливай! За тебя отомстим!

Вот и линия огня. Комиссар и политрук связались с майором Коркиным. Передали ему приказание держаться до последней возможности.

— Вы вовремя пришли, — сказал Коркин. — Трудно нам...

Власовец и Селява легли возле бойцов в передовой цепи.

В воздухе, точно тучи шмелей, свистели пули и осколки снарядов. С гулким треском рвались мины. Противник вел огонь из нескольких пулеметов и минометов. С воздуха, пикируя, обстреливали бойцов вражеские самолеты. Они носились низко, никто им не мешал. Наши истребители запоздали.

Казалось, что при таком обстреле невозможно долго удержаться на открытой местности. Но никто из бойцов и не думал об отходе. Зарывшись, кто как смог, в землю, они вели меткий огонь, нанося врагу большой урон.

Фашисты усилили обстрел. Снаряды ложились один возле другого. Огненный шквал сметал все на земле. Отдельные бойцы не выдержали ураганного огня и начали отходить в лес.

— Куда? — крикнул им Власовец. — Ни шагу назад! Ложись! На места!

Порядок был восстановлен.

После тщательной артиллерийской подготовки противник предпринял атаку. Стреляя на ходу из автоматов, враги ринулись на наших бойцов. Настал критический момент.

Власовец поднялся во весь рост.

— Вперед! — громко крикнул он. — За мной!

С пистолетом в руке он пошел навстречу немцам. Бойцы, увидев это, вскочили и с криком «ура, за Сталина!» двинулись в контратаку. Схватка была яростной. Красноармейцы дрались врукопашную. Как и Власовец, никто не щадил своей жизни. Каждый с налету колот штыком, бил прикладом. Красноармеец Ларин дрался рядом с Власовцем. Богатырскими ударами приклада он разможил голову четырем гитлеровцам. Потом подбежал к комиссару и, указывая на разбитую винтовку, крикнул:

— Я разбил ее о головы врагов. Разрешите заменить?

Заменив винтовку, Ларин снова кинулся в бой.

Враг не выдержал контратаки советских богатырей и в беспорядке стал откатываться назад. Чтобы быстрее удирать, солдаты сбрасывали с себя сапоги, одежду. Многие скрывались во ржи в одном белье и носках.

Власовец усмеялся:

— А здорово мы им дали. Видите, как бегут. Так их надо встречать всегда!

В этот момент просвистел снаряд и разорвался возле Власовца. Комиссар упал на опушку леса, обливаясь кровью. Когда Селява и Ларин подбежали к нему, он был мертв. Селява, склонившись над ним, не хотел поверить, что его лучшего друга — батальонного комиссара — нет уже в живых. Он думал, что комиссар только ранен и лежит — спокойный, уверенный в победе.

Бойцы долго молча смотрели на того, кто вел их в славный бой, и каждый в душе поклялся жестоко отомстить за смерть славного большевика.

5. ЛИЧНЫЙ ПРИМЕР

Противник пустил в бой три лучшие свои дивизии. Эти «чистокровные арийцы» заранее готовились к вторжению в Советскую Россию.

Фашистское командование доверяло проверенным солдатам. Каждый из них знал свою обязанность и свои «права»: взять такой-то город, а потом в нем три дня грабить все, что попадетсЯ под руку и насиловать любую девушку, несмотря на возраст. От шпионов немцам было известно расположение советской дивизии, которая стояла на пути к городу Р. Против этой дивизии враг наметил свой главный, рассчитанный удар. Он намеревался прорвать линию обороны на стыке двух дивизий и создать видимость окружения.

Наша разведка еще с вечера донесла, что фашисты готовятся к атаке. Весь день они сидели смиренно и даже не бомбили, как обычно, — видимо, подтягивали силы. Зато особенную активность

проявляла авиаразведка. Самолеты-разведчики то-и-дело носились над районом обороны дивизии.

Со следующего утра до самой ночи немцы вели усиленный артиллерийский огонь, стремясь порвать связь штаба с частями.

Начальник отдела политической пропаганды штаба дивизии, полковой комиссар Антонов созвал вечером работников отдела политпропаганды. Они сошлись в окопе возле командного пункта. Еще было светло. Антонов, как обычно, шутил, смеялся. Но все догадались, что дело, для которого он их собрал, очень важное. Комиссар коротко объяснил обстановку и сказал:

— Товарищи, задача ответственная. Мы должны обеспечить отпор противнику. Ни шагу назад. Контратаками только вперед! Ни одного бойца, болтающегося в тылу. Всех — в бой. Уверен, что скорее умрем, чем отступим. В два часа ночи всем отправляться по частям. Сам я пойду на левый фланг в соседнее соединение.

Ночь выпала исключительно темная. Мрак дополняли сырость и испарения болот. В указанное время политработники, захватив автоматическое оружие и гранаты, разошлись по частям. К вечеру они снова собрались возле командного пункта и доложили Антонову о том, что части упорно обороняют занятый ими рубеж и контратаками задерживают продвижение противника, нанося ему большие потери. Не вернулся только батальонный комиссар Власовец. Он вместе с политруком Селявой находился в Энском полку. Выполняя указание Антонова, они лично повели бойцов в контратаку. В бою Власовец пал смертью храбрых. Так же самоотверженно, не щадя себя, действовали работники отдела политпропаганды: старший политрук Мироненко П. И., батальонный комиссар Богданов П. И., политрук Кляцкий Т. А. и старший политрук Гаркуша В. И. Личным примером они обеспечивали за частями упорство в обороне и ярость в контратаках.

Антонов внимательно выслушал всех. Его серые глаза покрылись влагой при

известии о героической гибели Власовца, этого тихого и скромного большевика, которого все так любили!

— Жаль,—промолвил Антонов, стиснув зубы,—надо отомстить.—И, помолчав, продолжал:—Значит, у вас в частях все в порядке. Народ дерется крепко. А мне вот похвалиться нечем. В соединении, где я был с политруком Горошковым и замполитруком Гусевым, нужна большая работа по повышению дисциплины. Поэтому, друзья, все наше внимание должно быть обращено на соседа слева...

Антонов не успел досказать... Внезапно артиллерийский и пулеметный огонь со стороны противника резко усилился. Все прислушались. Огонь нарастал. Слышались близкие разрывы мин. В вечернем небе с глухим гулом носились эти мины, похожие на пороссячи тела. Пули звенели в лесу, расщепляя стволы высоких сосен и обрывая ветки. Птицы с жалобным криком покидали свои гнезда.

Комиссар молча стоял на опушке леса. Он видел, как с позиции соседнего соединения отступали группы бойцов, ища укрытия в лесу. Было ясно, что отдельная часть соединения, не выдержав ураганного огня противника, начала отход. Немцы могли этим воспользоваться — ударить по ослабшему флангу и прорваться в тыл.

— Стой, ребята! — закричал комиссар. — Вы ошиблись. Противник там, а не здесь. Ко мне! Строиться! Быстро!

Отходившие остановились. Только один, низкий, рябой, бежавший без винтовки, пытался улизнуть и скрыться в кустах. Антонов его задержал. Рябой увидел, что все бойцы начали выстраиваться и тоже хотел было стать в строй, но комиссар не допустил его. Он сказал громко:

— Эти люди пойдут в бой за Родину, за Сталина. А вы — трус. Вам не место в бою.

И, обернувшись к строю, скомандовал:

— Ровняйся! Смирно!

В течение нескольких минут, под непрерывным обстрелом врага, толпа была

приведена в боевой порядок, разбита на взводы. Антонов назначил командиров взводов, командира и политрука роты. Всем бойцам он объяснил задачу.

По лицам людей он видел, что они сознают недопустимость неорганизованного отхода и готовы на любой подвиг, чтобы оправдать доверие.

— Ведите! — сказал комиссар командиру роты.

Часть двинулась на линию огня... Антонов шел впереди. Он не склонялся перед пулями и не бежал от падавшего снаряда. Бойцы это видели и дружно шли вслед за ним. Его горячий призыв «За Родину!» отозвался у всех в сердцах.

Враг не прорвался к городу Р. Он натолкнулся на стальную лавину бойцов, шедших в решительную контратаку.

Личный пример комиссара, непримиримость к трусам и железная дисциплина обеспечили успех боя.

6. ВЫХОД ИЗ ОКРУЖЕНИЯ

Пять дней дивизия сдерживала у госграницы яростный напор трех немецко-фашистских дивизий. Много жарких схваток было в эти дни. Ни численное превосходство противника, ни атаки танков и налеты авиации не сломили мужество советских патриотов. Бой все время происходил у самой границы. Враг не продвинулся.

Дивизия отошла на новый участок обороны только по приказу высшего командования. Меняя командный пункт, генерал-майор приказал старшим лейтенантам Старжинскому и Грабаку сообщить Энскому полку новый рубеж. Оседлав лошадей, два приятеля, в сопровождении двух конников, отправились выполнять задание.

День был на исходе. Солнце уходило за гребень леса. Там слышался треск пулеметов, звонкие разрывы гранат и снарядов. Шел бой. Просочившиеся группы и высаженные в тылу десанты противника пытались окружить отдельные части дивизии.

Медлить было нельзя. Рысистые кони быстро мчали по полевой дороге прямо к

лесу, где оборонялся Энский полк. На встречу стали попадаться орудия противотанковой артиллерии, отходившие на новые огневые позиции. Из расспросов прислуги выяснилось, что полк в лесу уже окружен и попасть к нему дорогой, по которой двигались старшие лейтенанты, невозможно.

Старжинский и Грабак быстро приняли решение повернуть на восток и добраться до полка обходным путем.

Пришпорили коней. Слева из-за бугорков раздались выстрелы, шмелями просвистели пули. Старжинский и Грабак свернули вправо за кусты и поехали дальше. Змей вилась к селу тропа.

Стемнело. Впереди продолжался жаркий бой. Отблески выстрелов желтым пламенем озаряли деревья. Глухо лязгало железо танков. Время от времени взвивались ракеты, синевато-голубой свет куполом опускался на отдельные участки боя. Но что это? Все сильнее и сильнее артиллерийский и пулеметный огонь по выходам из села. Становилось ясно, что с этой стороны к полку также не добраться.

— Может быть, все-таки ложиной... — вслух высказал Старжинский свою мысль.

— Попробуем как-нибудь, — ответил Грабак, давая коню шпоры.

Лошади вязли в болотистой почве на дне ложины. Пришлось двинуться дальше по склону. Сначала укрывали большие кусты, но потом они кончились. От опушки кустарника всадники пустили коней рысью. Но не успели проскочить и ста метров, как противник открыл по ним ружейно-пулеметный огонь. Выстрелы вспыхивали у выхода из ложины. Лошади шарахнулись в сторону: испугались бурного свиста пуль.

Всадники остановились. Значит, выход к полку по ложине тоже отрезан!..

Решили пробраться окольной дорогой к шоссе — единственному пути отхода на город Л. По нему, наверное, будут двигаться части, выходящие из окружения. Их надо встретить. Инициативные командиры правильно рассудили: если нельзя сообщить частям новый рубеж, то надо им его показать.

Объехали болото и направились по

шоссе к городу Ж. Расчет оправдался: вскоре же встретились прорвавшиеся из окружения группы бойцов Энского полка. Грабак с одним конником собрал их и повел на новый рубеж обороны. Старжинский подъехал к окраине Ж.

Город был объят пламенем. Уцелевшие кварталы и особенно выход на шоссе фашисты засыпали градом снарядов. Разрывы эхом отзывались в перелесках.

Поздно ночью, наблюдая за шоссе, Старжинский заметил плывущие наперерез дороги огоньки. Они вспыхивали и гасли.

«Что бы это значило?..»

По шуму догадался — мотоциклы. Видимо, вражеские мотоциклисты, чтобы отрезать отход нашим частям, пробирались к шоссе полевой тропинкой и не могли обойтись без включения, по временам, света фар.

Старжинский быстро собрал вокруг себя несколько оставших бойцов, объяснил им задачу: отрезать фашистам дорогу раньше, чем они подойдут к шоссе и отрежут отход нам. А как только появятся — уничтожить их гранатным огнем.

Бегом кинулись наперерез врагу. Старжинский громко скомандовал:

— Занять огневые позиции!

Мотоциклисты были уже близко. Услышав команду, они, очевидно, решили, что выход на шоссе будет стоить им жизни, и отказались от своего намерения. Огоньки потухли и больше не появлялись.

На рассвете из ближайшего к городу Ж. леса показался силуэт колонны. Старжинский покакал навстречу. Сомнений не было — это колонна наших войск. Впереди знакомые лица. Вот и отважный командир полка, подполковник Чумарин. Как всегда, спокойный, рассудительный.

— Что же вы раньше не выбрались из окружения, товарищ подполковник? — спросил Старжинский.

— А я за эти дни уже изучил фашистов, — ответил Чумарин. — Они ночью действовать боятся. Вот я и решил: обороняться до ночи, а ночью они сами разомкнут кольцо, боясь попасть

в ловушку. Так и случилось. Как видишь, вышел из окружения без боя и без потерь...

По шоссе, в полном порядке, полк направился к новому рубежу обороны, готовый к дальнейшим схваткам с врагом.

7. ХИТРОСТЬ ТАНКИСТА

У лейтенанта Кротюк было всего два малых танка и одна бронемашина, а задача перед ним стояла большая. Он должен был прикрывать правый фланг дивизии. К его отряду присоединилось еще тридцать пограничников. Решили действовать дальше сообща.

Натолкнувшись после перехода госграницы на упорное сопротивление пограничников и передовых частей дивизии, противник остановился и стал укрепляться по долине речки С.

Разведка донесла, что в деревне П. находятся рота фашистской пехоты, батарея противотанковых орудий и несколько танков.

Кротюк решил выбить противника из П. Под прикрытием утреннего тумана два танка и бронемашина быстро и бесшумно выдвинулись на высоту возле самой деревни. Внезапный и точный орудийный огонь — и пушки противника перевернулись, разлетелись на куски. Фашисты этого никак не ожидали. Из поповской хаты доносились пьяные голоса офицеров. Только залп по этой хате окончательно их отрезвил. Они побежали на улицу в одних сорочках. Фашистский отряд в панике оставил деревню.

Неиспользованный успех — половина дела. Кротюк сел на броневик и, двинувшись вперед, занял новую высоту с отметкой 223. Она господствует над всей окрестностью. С нее хорошо видна железнодорожная станция на неприятельской территории. К станции подходил немецкий эшелон с воинским грузом.

Кротюк сам навел орудие. Первый же снаряд врезался в головной вагон поезда. Вагон охватило пламенем. Чтобы избежать потери всего состава, немцы, отцепив горящий вагон с паровозом, мгновенно оттянули его. Еще два осколоч-

ных снаряда — и эшелон разорван пополам. Побежали под уклон уже не вагоны, а реки огня и дыма...

Кротюк с улыбкой взглянул на горящий вражеский груз. Он уже не будет угрожать Родине!

Броневик вернулся к танкам. Отряд Кротюка немедленно отъехал в сторону и замаскировался ветками на опушке леса.

А противник из района станции открыл ураганный, но бесполезный артиллерийский огонь по высотам. Он пускал при этом сигнальные ракеты, давая понять, что собирается перейти в наступление.

Кротюк в это время молчал, но, как только фашисты кончили свою «демонстрацию», он тотчас же начал орудийный и пулеметный разговор. Ловко маневрируя двумя танками и бронемашинной, он вел огонь с разных мест. Этим он вводил врагов в заблуждение. Они, вероятно, думали, что в лесу находится много советских танков, и не решались наступать.

Так, смелыми и искусными маневрами трех машин лейтенант Кротюк пять дней удерживал рубеж, нанося гитлеровцам ощутительные потери.

8. ВЗАИМНАЯ ВЫРУЧКА

Противнику удалось охватить фланги нашего полка. Полк оказался в полукольце. Немецкая пехота заняла лесистые высоты, непроходимые для колесных машин. А мелкие группы солдат перерезали шоссе и захватили деревню. Командир разведывательного батальона, майор Лятавский в четыре часа дня послал по шоссе броневик лейтенанта Боровикова с задачей разведать силы противника. Вслед ему, для поддержки, пошел другой броневик под командой лейтенанта Андрея Ларионова.

Механик-водитель, старший сержант Копытов сразу включил четвертую скорость. Машина ринулась вперед. Никто из четырех человек экипажа не промолвил и слова. У всех была одна мысль: скорее вперед! Люди как бы интуитивно чувствовали, что ушедшей вперед машине угрожает опасность.

У дороги, против роши, горели грузовая и легковая машины, подожженные минометным огнем врага. Стался черный дым. Пламя жадно лизало краску и пропитанное маслом железо. Когда первый броневик подошел к горевшим машинам, возле него начали рваться снаряды. Выстрелов из-за шума мотора не было слышно.

«Наверно, из роши бьют» — подумал Ларионов.

Но через узкую щель в люке, при быстром движении, он не мог определить, есть ли в роше орудие. Заметил, как блеснули орудийные вспышки. На окраине деревни дым от разрывов снарядов еще гуще окутал передний броневик. Внезапно он пошел зигзагами, потерял управление и через мгновение перевернулся вверх колесами, упал в ров. Шасси отделилось от брони. Машина застыла неподвижно. Казалось, что внутри ее нет никакой жизни.

Броневик Ларионова, стреляя по деревне, подошел ближе. Вздох облегчения вырвался у лейтенанта. Он заметил в щель, что экипаж его товарища Боровикова, выбравшись через люк из разбитой машины, пригнувшись, отходил на высоту в сторону нашего расположения. По нему фашисты открыли яростную орудийную стрельбу.

— Усилить огонь! — приказал Ларионов.

Башенный стрелок, осетин Нуретдинов, сидя в своей башне, удвоил силу огня. Снаряд за снарядом он посылал прямо на противотанковое орудие, возле крайней избы. Соломенная крыша избы вспыхнула. Орудие на некоторое время замолкло. Механик-водитель Копытов крикнул спокойно:

— Разворачиваюсь!..

Броневик, медленно маневрируя на узкой дороге, стал поворачивать назад. Нуретдинову пришлось замедлить огонь, так как нужно было повернуть башню. Используя это, фашисты возобновили огонь из орудия, стоявшего впереди горевшей избы. В задней части броневика раздался звон и треск. Ларионов инстинктивно повернул голову. У ног стреляющего в башне расчета и по

внутренности машины полетели белые искры. Лейтенант встревожился.

«Неужели попал снаряд» — мелькнула мысль.

Но броневик продолжал движение. Потом оказалось, что прямым попаданием снаряда была пробита броня сзади машины. Против пробоины лежали два запасных стекла триплекс, непробиваемые пулей. Стекла и спасли экипаж от верной гибели.

Развернувшись, броневик медленно пошел назад. Нуретдинов повернул башню. Еще два его метких выстрела, и фашистское орудие замолчало.

Ларионову удалось выйти из-под вражеского обстрела. Задача была выполнена: противник обнаружил себя. Броневик прошел рошу и выехал на высоту к своим.

Ларионов вышел из машины. Он был доволен, что выручил в бою товарища, и что его собственный экипаж цел, а машина еще способна двигаться. Он медленно обошел броневик, ища пробоину, и вдруг удивился: на броне бензинового бака, около башни, сидел запыленный красноармеец. Он ехал на бронемашине во время похода и при внезапном выезде в разведку остался на своем месте. На его почерневшем лице блестели зубы. Он улыбался.

— Как ты тут усидел? — спросил Ларионов.

— Жарко было, — ответил пехотинец. — Так вот и сидел. Спереди стреляли, — я сзади башни прятался, а когда сзади стали стрелять, то я вперед перелез, так и ехал.

Нуретдинов и Копытов засмеялись. Красноармеец стал вдруг серьезным.

— Товарищ лейтенант, — сказал он, — а я вот что заметил: по первому броневнику стреляли-то из роши. А как мы подъехали, так немцы оттуда утек.

— Учту это, — ответил Ларионов, с улыбкой глядя на хабрца.

Через несколько минут, когда по обходной дороге шли вперед наши части, замаскированное в роше вражеское орудие снова заговорило: безавшая прислуга вернулась к нему. Но говорило оно недолго. Тремя меткими выстрелами

Нуретдинов уничтожил фашистов с их орудием.

Броневик Ларионова прикрывал дальнейшее движение части. На броне около башни сидел все тот же пехотинец, которого стали называть в шутку «танкистом».

9. ДЕСАНТ В ТЫЛУ

Враг во что бы то ни стало хотел отрезать командный пункт дивизии от частей. Он действовал методически, упорно вводя в бой все новые свежие силы.

Приближался вечер. Накрапывал мелкий дождь. Мгла окутывала рощу. В глубине ее на небольшой высоте был вырыт блиндаж, в котором находился командный пункт. Невдалеке от опушки расположился наблюдательный пост командира артиллерийского полка подполковника Пучева.

Пользуясь предвечерней видимостью, Пучев внимательно осматривал местность вокруг рощи.

В тылу населенный пункт, тянется лес. Противника там раньше не было. Но Пучев знает его коварные методы. И, в самом деле, подозрения оправдались. Он заметил, как от домов и из лесу появились немецкие солдаты. Они шли развернутым фронтом, направляясь прямо к командному пункту дивизии. Их было около 150 человек.

«Десант» — подумал Пучев и стал наблюдать дальше.

Вскоре он увидел, как с западной окраины селения вышло около пятидесяти мотоциклистов. Они двигались пешей колонной, ведя двадцать пять машин, маскируясь в кустах вдоль опушки рощи. Все, вооруженные автоматическим оружием и гранатами. Это была поддержка десанту.

Пучев угадал замысел немцев — отрезать от частей полевой штаб дивизии и принял решение: самостоятельно организовать оборону штаба. Телефонная связь с частями была порвана в жестком бою, длившемся весь день. Пришлось вызвать конного связного. Пучев написал приказ командиру отдельного артдивизиона о высылке в его распоря-

жение взвода противотанковых орудий, находившихся в резерве командира дивизии.

Конный помчался в глубь рощи. Противотанковые орудия стояли в двух километрах от наблюдательного поста. Фашисты тем временем продолжали приближаться и уже спускались в балку против рощи.

Приказ был выполнен точно и быстро. С двумя противотанковыми орудиями прибыли командир артдивизиона капитан Подольный и старший адъютант лейтенант Поприенко.

Пучев поставил перед ними задачу: занять оборону, не допустить противника к командному пункту, уничтожить его. Подольный отправился на тягаче в разведку, чтобы выяснить силы противника. Командование взводом взял на себя лейтенант Поприенко. Он вывел орудия на огневые позиции и, не медля, приказал открыть огонь по врагу, спускавшемуся в балку. Сам же лег за пулемет и командовал остальным пулеметчикам:

— По пехоте противника — огонь!

Как всегда, лейтенант личным примером увлекал бойцов. Лежа на открытой местности, под вражеским обстрелом, он спокойно вел меткий огонь из своего пулемета, приговаривая:

— Идите, черти!.. Патронов на вас хватит. Ребята, уже второй диск выпускаю. Дуй на-гора, ребята!

Пулеметчики следовали примеру отважного командира. Его спокойствие и шутки действовали на всех ободряюще.

Трупы немецких солдат устлали скат балки. Фашисты залегли и усилили свой огонь.

С нашей стороны вдруг замолчал пулемет. Пулеметчика Паршина тяжело ранило. В это время соседнее орудие меняло позицию. Наводчик Костюк заменил раненого Паршина. Он поставил на свое место у орудия замкового Ещенко, а сам подобрался к молчавшему пулемету и возобновил огонь.

— Товарищ лейтенант! — крикнул он. — Пулеметчик Паршин ранен. Я заменил его.

— Молодец! — отозвался Поприенко. — А ну, теперь...

Тут из лесу выехал тягач, на котором находился капитан Подольный. Он возвращался с разведки. Возле тягача взорвался снаряд. Трактор остановился. Порвалась гусеница. Экипажу угрожал плен. Водитель Рогатинский не растерялся. Он сказал капитану:

— Разрешите начать ремонт, — и, не дожидаясь ответа, прыгнул к гусенице.

Фашисты открыли по тягачу шквальный огонь, — считали его уже своим. Не обращая внимания на свистевшие вокруг пули и разрывы снарядов, Рогатинский быстро клепал гусеницу.

Бойцы взвода, заметив тяжелое положение тягача, еще больше усилили свой огонь, чтобы взять трактор под огневое прикрытие. Через двенадцать минут гусеница была заклепана, и тягач вышел из сферы вражеского огня. Капитан Подольный отправился к Пучеву с докладом о результатах разведки.

Сплошной артиллерийский и пулеметный огонь взвода поражал каждый метр поля и балки, по которой двигался враг. Однако огромные потери не останавливали пьяных фашистских солдат. Они упорно пробирались через балку. На помощь сброшенному десанту и мотоциклистам подошли минометные батареи.

Бой разгорался. Сила врагов далеко превосходила силы взвода лейтенанта Поприенко. Но у наших бойцов кипела в груди ненависть к наглым захватчикам. Мозг их не был отуманен алкоголем. Они действовали хладнокровно и с полным сознанием того, что выполнят священный долг перед Родиной. Пятьдесят минут бесстрашные артиллеристы, взаимно помогая друг другу, сдерживали натиск озверелых фашистов, пробравшихся к штабу.

Капитан Подольный, находясь в разведке, выяснил, что парашютный десант и мотоциклистов поддерживают крупные пехотные части противника с артиллерией.

На помощь взводу прибыли две зенитных установки по четыре спаренных пулемета. Храбрые зенитчики умели, в

случае нужды, метко бить и по наземным целям. Силы бойцов взвода Поприенко увеличились. Артиллеристы стали драться еще бодрее, увереннее и разбили врага. Прорваться к штабу ему не удалось.

Лейтенант Поприенко доложил подполковнику Пучеву:

— Задача выполнена. Противник уничтожен. С нашей стороны трое раненых.

Пучев, выслушав доклад, сказал:

— Ловко, ребята. А я вначале считал, что из взвода только единицы останутся в живых.

10. СЛУЧАЙ В РАЗВЕДКЕ

По полевой дороге пылили две грузовые машины. На них ехало одиннадцать саперов и младший политрук Карпенко под командой воентехника второго ранга Демина. Они разведывали пути для продвижения частей дивизии: исправляли разрушенные деревянные мосты, засыпали на дороге воронки.

Стоял жаркий июльский день. Пыль из-под машин неподвижно висела в воздухе, серым налетом покрывая лица. Зноем несло от колосившихся полей. Было трудно дышать. Томила жажда.

Но саперы не задерживались ни в тени деревьев, ни у подозрительных колючек, — спешили дальше.

Машины подъезжали к селу В. Предостерегающий знак у дороги показывал впереди крутой поворот. Водители машин, сбавив газ, затормозили и на тихом ходу стали поворачивать вправо. Неожиданно, на самом повороте, Демина, сидевший в кабине передней машины, увидел прямо перед собой, в каких-нибудь пяти метрах, группу немецких самокатчиков — двенадцать вооруженных автоматами солдат. Впереди ехал офицер среднего роста, гладко выбритый, в стального цвета мундире со свастикой. А на голове была советская военная каска со звездой. Такие же каски носили и некоторые солдаты.

Заметив красноармейцев, офицер поднял правую руку, а левой несмело стал снимать с шеи автомат:

— Halt! (Стой!) — скомандовал он машине.

Но грузовик уже стоял. Демин мгновенно понял, что выиграет тот, кто первым откроет стрельбу. Выскочив из кабинки, он приказал своим бойцам:

— В ружье! Огонь!

Младший политрук уже прыгнул из кузова на землю и первым дал очередь из пистолета-пулемета. За ним открыли винтовочный огонь все саперы.

Офицер повалился со своего моторного велосипеда. Он был убит наповал. Упало на дорогу еще несколько солдат. Остальные побросали свои мотовелосипеды и разбежались в укрытия, — кто за хату, кто за дерево, справа от дороги, а затем, придя в себя, пытались перебежать дорогу влево, чтобы пробраться в лес.

Демин хладнокровно руководил короткой схваткой. Он сейчас же выслал трех саперов в обход беглецам, а сам направился прямо на одиночного немца, который без автомата метался у дороги, не зная, куда ему бежать.

Подняв на него винтовку, Демин рукой стал звать его к себе. Немец нерешительно оглянулся. Тогда Демин затопал ногами и замахал рукой, давая ему понять, чтобы он скорее бежал. Солдат поднял руки и подбежал к Демину, глядя на него испуганно и умоляюще.

— Садись! — скомандовал ему воентехник, показывая на землю.

Солдат сел. Младший сержант Чеканов приступил к его обыску. Вытащил у него из кармана две гранаты, снял подсумок, штык с пояса.

В это время слева от опушки леса показались немецкие машины с высокими бронированными бортами, из-за которых выглядывали только стальные каски. Это в их сторону, отстреливаясь, перебежали оставшиеся в живых немецкие самокатчики.

Демин приказал саперам не прекращать огня, а шоферам развернуть машины в обратном направлении. А затем скомандовал:

— По машинам!

Смелые саперы, захватив с собой пленного, успели ускользнуть от окружения.

Проехав пять километров, Демин остановил машину и решил допросить пленного. Младший сержант Райхман умеет кое-как говорить по-немецки. Он спросил:

— Что у вас за группа была?

Немец немного помялся, поглядывая на всех колючими голубыми глазами, и ответил:

— Разведчики.

— Чьи? Кто выслал?

— Колонна, которая движется вдоль леса. Там две тысячи человек.

Демин, выслушав перевод, удовлетворенно улыбнулся. Хотя он и не разведчик, а только сапер, но понимал, что добыл для нашего штаба ценные сведения. Из любопытства он еще спросил немца:

— Почему вы носите наши каски?

— Они лучше защищают от пуль.

— А кто вы сами?

Пленный, не моргнув глазом, ответил:

— Фашист.

Имя и фамилия — Рудольф Бахер. 28 лет. Холост. Из Силезии. Крестьянин. Имеет шесть коров и восемь лошадей.

Саперы улыбнулись: им стало понятно, почему Рудольф Бахер фашист.

Правда, он тут же стал говорить, что хотел сам перейти к нам, но ему никто не верил.

Демин заехал в ближайший по пути штаб корпуса и сдал пленного начальнику разведывательного отдела. Майор более подробно допросил немца, а потом позвал к себе в кабинет Демина и сказал ему:

— Спасибо, товарищи саперы. За два дня до этого разведка донесла о планах продвижения мотопехоты противника. Этот пленный подтвердил данные разведки. Намерения фашистов нам теперь совершенно ясны.

Тотчас же выступили части для окружения колонны противника. В течение полутора часов она была разбита. В плен попали сотни гитлеровцев.

И в этом была доля заслуги отважных саперов-разведчиков пути.

11. ПОДВИГ СВЯЗИСТА

Лейтенант батальона связи Ильин получил приказание провести проволочную связь на высоту 327. Здесь должен был разместиться командный пункт полка. Высота находилась в семи километрах от полевого штаба дивизии. Ильин взял с собой пять связистов. Катушки с кабелем нагрузили на себя.

Стоял пасмурный день. Крупные капли дождя стучали по стальным каскам бойцов. Сначала они шли напрямик, пробираясь через густой ельник, переходя глубокие овраги, топкие болота, быстрые речки. Метр за метром разматывался провод, повисая на деревьях, кустах, ложась на полях пшеницы и гречки.

Связь навели быстро — раньше, чем к высоте прибыл полк. Лейтенант Ильин выполнил свою задачу и тут же отправился с четырьмя бойцами в обратный путь. На высоте у телефона остался связист Малахотько. Ему было приказано дожидаться прихода полка и соединить его с командованием дивизии.

Дождь вскоре прекратился. Небо прояснилось. Малахотько вырыл на склоне высоты окопчик и залег в нем. От аппарата он не отходил. Кутался в мокрую шинель, зорко смотрел по сторонам.

Неожиданно из ближайшего леса глухо затрещала автоматная очередь, за ней вторая, третья. Пули засвистели над высотой. Малахотько стало ясно, что в тыл просочились или были брошены на парашютах диверсионные группы противника. Он сообщил об этом по телефону в штаб дивизии. Начальник штаба полковник Еремин, выслушав доклад связиста, приказал:

— Высоту 327 не оставлять. Наблюдайте за диверсантами. Лично мне сообщайте о всех их передвижениях. Высоту оставить только по моему распоряжению. При отходе наблюдения за противником не прекращать. Подключаться в линию и докладывать обо всем замеченном.

— Есть, — ответил Малахотько.

Не отрывая трубки от уха, он продолжал наблюдать. Стрельба в лесу не прекращалась. Через некоторое время от

края ржаного поля ударил пулемет. Под прикрытием его огня, диверсанты мелкими группами стали перебегать из лесу по направлению к высоте 327. Они, очевидно, думали, что там расположенлевой штаб части.

Малахотько немедленно доложил полковнику Еремину о движении фашистов.

Полковник приказал ему не бросать трубки, все время докладывать о замеченном, уйти с высоты только тогда, когда противник подойдет совсем близко.

Связист, лежа в своем окопчике, докладывал начальнику штаба о всех действиях врага. Его не смущали ни жестокий обстрел, ни приближение немцев. Он честно выполнял свой воинский долг.

Наконец он сообщил, что диверсанты подошли к подножию высоты.

Еремина поразил спокойный тон его голоса. Он сказал:

— Отходите. Подключайтесь в провод. Докладывайте о противнике дальше.

Малахотько снял аппарат и, маскируясь, незаметно для немцев спустился с высоты. Он шел по линии, задерживаясь там, откуда можно было укрыто от противника вести наблюдение. Он не выпускал из виду его отдельных групп, передвигавшихся в разных направлениях.

Штаб дивизии получал от связиста самые точные сведения о враге.

И вот... диверсанты окружены, уничтожены.

Малахотько снова у аппарата на высоте 327.

12. СИЛА ШТЫКА

Это было возле села С. Красноармеец Мойсенко, находясь в разведке, попал в окружение врага. Незаметно ускользнуть не удалось. Со всех сторон к нему спешили немцы. Он насчитал их двенадцать человек. Каждый из них хотел первым схватить русского солдата, рассчитывая за это получить от офицера лишний стакан водки.

Чувство страха за свою жизнь у Мойсенко прошло быстро, — как толь-

ко он близко увидел торжествующие лица наглых фашистов. Вот когда они смело идут в атаку — на одного! Они уверены, что он, Мойсеенко, будет у них в лапах!..

«Пусть-ка попробуют взять, — подумал боец. — Живым все равно не дамся!»

Сначала он принял вид человека, понявшего безнадежность положения. Затем вдруг юркнул в воронку от снаряда. Высунул дуло винтовки, прицелился. Первым выстрелом уложил ближайшего гитлеровца. Остальные тотчас же залегли и открыли огонь из автоматов, стали бросать гранаты.

Мойсеенко притаился, но через минуту, уловив момент, убил еще одного врага.

Фашисты убедились, что взять русского в плен не так-то легко.

Они начали ползком подбираться к разведчику. Остановятся — бешено стреляют, а потом опять ползут. Все ближе и ближе...

Еще двое из фашистов не поднялись с земли. Но и Мойсеенко становилось все труднее держаться в воронке. Ее засыпало осколками гранат и комьями земли.

В это время позади кто-то крикнул по-русски:

— Отходи сюда!

Мойсеенко, выглянув из-под стального шлема, увидел несколько человек в красноармейской форме. Они лежали в 40 метрах от него и знаками звали к себе.

В пылу боя, не подумав, Мойсеенко решил, что это свои. Выскочив из воронки, он отбежал немного в их сторону и в придорожной канаве перевел дух. Хотел было сделать еще одну перебежку, но тут донеслось к нему:

— Сдавайся, русский!

Боец понял: враг схитрил. Хочет вывести его из выгодной для обороны позиции, приблизить к себе, еще теснее сжать кольцо окружения.

— Сдавайся, не уйдешь! — кричали переодетые фашисты.

Видно, они настолько были уверены, что красноармеец от них, в самом деле,

не уйдет, что не считали нужным маскироваться.

— А вот уйду, — вслух думал Мойсеенко. — Уйду! — крикнул он врагам в ответ и послал очередную пулю в лоб фашиста.

Но тут он заметил, что патроны у него на исходе. Другого выхода ему не оставалось, как пустить в ход любимое русское оружие — штык.

«Пуля умница, штык молодец» — вспомнилась ему поговорка командира. Он тронул четырехгранный, с блеском на конце, штык: «Выручай, молодец!»

Прижавшись щекой к траве, он жадно вдохнул в себя острый аромат земли и вдруг выскочил из канавы. Согнувшись, в одном могучем порыве, с винтовкой наперевес, он бросился на группу из пяти немцев, стоявших на пути к лесу. Из груди бойца вырвался хриплый высокий крик: «Ура-а!»

Фашисты не успели опомниться, как трое из них уже лежали приколотые на земле... Остальные двое в смертельном ужасе перед стремительным русским штыком бросали оружие и подняли руки вверх.

— Вперед! — быстро приказал им Мойсеенко. — Бегом!

И они побежали, чувствуя за собой, точно загипнотизированные, этого, подавившего их своей волей, могучего человека.

Так, силою морального превосходства и при помощи штыка, Мойсеенко не только вырвался сам из вражеского окружения, но и привел в свою часть двух пленных.

13. КОНТРАТАКА

В лесу среди высоких густолистных дубов вырыт блиндаж. Он едва заметен. Свежая земля присыпана листьями, травой. В блиндаже находится полевой штаб дивизии. Столбы по углам землянки подпирают толстый слой земли поверх бревен накатника в три слоя. Свет проникает сюда через открытый узкий проход.

Вечерело. В блиндаже загорелась свеча. На походном столике появилась карта. Концы ее свисали до пола.

Над картой склонился человек в синем комбинезоне, плотный, низкого роста. Глаза его внимательно следили за пальцем начальника штаба полковника Еремина. Показывая на карте, Еремин докладывал обстановку:

— Прорвавшийся противник несет очень большие потери. Все противотанковые рвы заполнены трупами немцев. Наши бойцы дерутся, как богатыри. Красноармеец Чернов, стреляя поочередно из двух пулеметов, один задержал продвижение целой роты фаши-

— Противник деморализован большими потерями и стойкостью нашего сопротивления. Вряд ли он решится скоро повторить свои атаки. Поэтому предлагаю до наступления темноты закрепиться на занимаемых рубежах. Установить связь с пехотой и артиллерией на ее новых позициях. За ночь необходимо произвести перегруппировку сил, а с рассветом самим перейти в решительную контратаку.

Генерал улыбнулся. Он доволен своим начальником штаба, его сметливостью, прозорливостью. Его предложения редко приходится отвергать. Между ними с самого начала войны установилось полное взаимопонимание.

— Правильно, — сказал генерал. — По-суворовски, лучший способ обороны — напасть самому. Немцы — трусы. В борьбе с ними надо дерзать и дерзать. Разобьем мерзавцев здесь, а добивать будем на их территории.

Вблизи разорвался снаряд. Посыпались сбитые осколками листья с деревьев и ветки.

Генерал сидел еще немного, задумавшись над картой, потом вдруг встал и резко бросил:

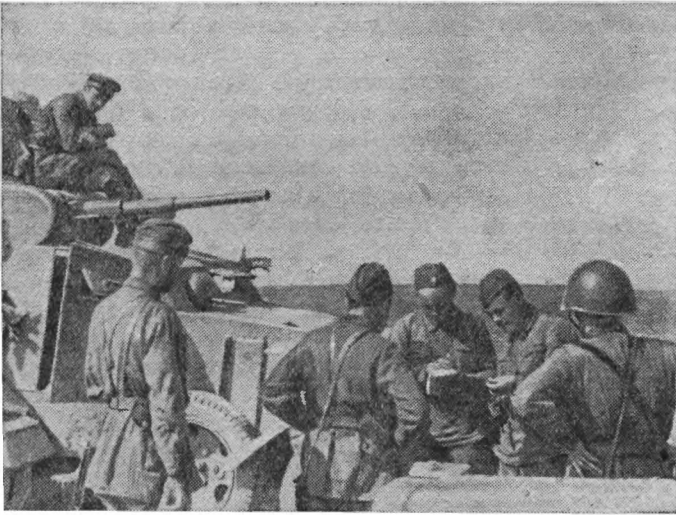
— Отдайте приказ по частям! Наступать!

★

Полковой комиссар Антонов собрал работников политотдела дивизии. Объяснил им боевую задачу и коротко сказал:

— Идите в полки и батальоны! Воодушевляйте бойцов. Организуйте победу!

Политработники и командиры штаба пробирались в районы расположения частей, кто как мог — на танкетке, пешком, верхом. Через зоны вражеского огня по лесам и болотам — напрямик, чтобы скорее добраться. Темной ночью они легко ориентировались. Местность

Полковник Еремин ставит боевую задачу танковому экипажу¹.

стов. Младший сержант Гончаров со своим орудийным расчетом шестью снарядами разбил шесть немецких танков. Но, несмотря на возрастающие потери, противник пытается нас атаковать в направлении села Т. Сейчас он занимает опушку леса у деревни Х, и развивает усиленное наступление. Создается, товарищ генерал-майор, угроза окружения дивизии по частям.

Командир дивизии Микушев поднял глаза на Еремина.

— Угроза? — тихо спросил он. — Впрочем, положение, в самом деле, тяжелое... Что вы предлагаете?

Начальник штаба, немного подумав, ответил:

¹ Фотография к статье О. Ровинского выполнены автором.

была им знакома по полевым учениям. Эти люди, доводя боевой приказ до штабов частей и красноармейцев, обеспечивали организацию боя и своевременную подготовку всего соединения к атаке.

Забрезжил бледный рассвет. Бесшумно, сохраняя боевые порядки, батальоны выдвигались к переднему краю противника. Бойцы, пригнувшись, шли по лесу, осторожно ползли по межам, среди высокой росистой ржи.

Стало совсем светло. Ровно в четыре часа тридцать минут без всякого сигнала и без артиллерийской подготовки полки поднялись и бросились на врага. С полком майора Еченка шел полковой комиссар Антонов. Это он первый крикнул:

— За Родину — ура!

Фашисты никак не ожидали от обороняющихся столь активных действий. Они были уверены, что их ураганный артиллерийский и минометный огонь в течение дня навел ужас на лежавших в окопах красноармейцев. А тут, прямо перед ними, выросла щетина блестящих штыков. Гитлеровцы были ошеломлены. Они не выдержали штыкового удара, бросили свои позиции и, отстреливаясь на ходу, стали поспешно отступать. Многие из них, подняв руки вверх, испуганно кричали «русс» или просто стояли с разинутыми ртами. Один белокурый немец из судетской Чехии, показывая медальон с портретиками своих двух детей, улыбался и повторял: «Я только вас и ждал».

С началом штыкового боя наша артиллерия открыла меткий огонь по отступающим. Неприятель бежал без оглядки. По словам пленных, фашисты потеряли в этом бою до 75 проц. своего состава. Пленный обер-ефрейтор Курт Клеуренс из Бремена заявил, что вся 416-я дивизия, прибывшая на Восточный фронт из Франции, полностью уничтожена русскими.

Ожесточенные отходом и огромными потерями, фашисты решили выместить свою злобу на мирном населении. Они открыли из дальнобойных орудий жестокий огонь по местечку Р. На улицах и

в сожженных домах местечка красноармейцы подобрали немало убитых женщин и детей.

Город Л. вновь стал советским. Красноармейцы погнали немцев. Подполковник Чумарин со своим полком гнал их дальше всех. Выражая волю бойцов, он спрашивал у командования разрешение развивать наступление.

Генерал-майор Микушев выслушал доклад начальника штаба:

Генерал-майор Микушев — командир Энской дивизии.

— Противник отброшен за Л. Командиры частей, выполнив свою задачу, просят разрешения продолжать преследование.

— Не нужно, — ответил генерал. — Пока остановиться. Привести части в порядок, подготовить огневые средства, наладить связь. А наутро снова вперед!

14. ПУЛЕМЕТЧИК ЧЕРНОВ

Части дивизии отходили на новые позиции. Введя в бой свежие силы, фашисты пытались окружить группу наших войск. Путь этой группы лежал через село В. Тут немцы рассчитывали сомкнуть кольцо окружения.

В это время в саду одного крестьянина, в тени вишневого дерева, стоял на посту красноармеец Чернов. Ему было поручено охранять оставленные в саду боеприпасы до тех пор, пока они не будут вывезены. Конечно, Чернов предпочел бы вместе с товарищами драться с врагом, слышать свист пуль и снарядов над головой, испытывать трепет, волнение, быть в движении. Но пост есть пост. Чернова не соблазнили ни красневшие на дереве вишни, ни мягкая густая прохладная трава, на которой так приятно растянуться в жаркий день. Он зорко смотрел по сторонам, не доверяя наступившей тишине.

Но что это? Часовой вдруг ясно увидел, как к нему, прячась за яблоневыми деревьями, из соседнего сада подбираются немцы. Оглянулся. С другой стороны, в огороде, тоже голубые мундиры. Вот уже слышны пьяные крики:

— Русский, сдавайся, живым останешься!

— Русский солдат, иди к нам, не бойся!

Чернов недолго думал, что ему делать. В его распоряжении было два тяжелых пулемета. Он быстро установил их рядом, но дулами в противоположные стороны — в направлении наступающих фашистов. Подтащил ближе коробки с патронами, заложил в оба пулемета концы лент. А когда противник подошел еще ближе, открыл по нему огонь сразу длинной очередью.

Больше десятка фашистов, пробиравшихся по огороду, уткнулось в землю. Остальные опрометью убежали за строения. В соседнем саду началась беспорядочная стрельба. Чернов переполз к другому пулемету и запустил длиннейшую очередь по яблоневному саду. Немецкие солдаты и оттуда бросились наутек. Но потом опомнились: ведь перед ними всего только один красноармеец, а их целая рота. Офицеры выходили из себя: что за позорная история, начальство этого не простит. В спины солдат они направили дула пистолетов.

Пятнадцать минут продолжался неравный бой. Смелый и решительный боец, выполняя приказ командира, один задерживал продвижение целой немецкой

роты. Он выбивался из последних сил, ведя огонь поочередно из двух пулеметов. Над ним пронеслись сотни пуль, но они его не задевали. Видимо, фашисты стреляли, не целясь, рассчитывая, что он все равно будет убит. Однако Чернов и не думал оставлять своего боевого места и порученного ему поста.

Через четверть часа с улицы подбежали наши бойцы. Они погрузили все боеприпасы и пулеметы на машины. Чернов метким огнем из ручного пулемета прикрывал погрузку, а затем отход из села. Немцам не удалось сомкнуть кольцо окружения.

В части Чернова спросили:

— Как же ты так: один дрался против роты и живой остался?

— Главное, не растеряться, — ответил пулеметчик, — и тогда из любого боя можно выйти живым.

На другой день в дивизионной газете была помещена передовая статья под заглавием: «Точно выполнять приказ командира». В этой статье было написано:

«Там, где властвует железная воинская дисциплина, сражение непременно кончается победой, даже если силы неравные. Так, красноармеец тов. Чернов с двумя пулеметами сдерживал наступление целой роты немцев.

Товарищ боец! Будь таким, как товарищ Чернов! Помни, что железная дисциплина — залог нашей победы над врагом.»

15. КОМАНДИР ПОЛКА

Полк находился на левом фланге боевых порядков дивизии. Он вел упорные бои с противником — до двух полков пехоты и до пяти дивизионов легкой артиллерии, поддерживаемых бомбардировочной и истребительной авиацией и тяжелой артиллерией. Под натиском превосходящих сил врага полк был вынужден несколько отойти. Создалась угроза выхода немецких частей к городу Р. и окружения нашей дивизии. Такова была боевая обстановка к тому времени, когда полк занял исходное положение для атаки с целью захвата рубежа В. и предотвращения угрозы окружения.

Батареи начали артиллерийскую подготовку. Целый час над полем стоял сплошной гул. Фашисты отвечали сильным артиллерийским и минометным огнем.

Смелой атакой полк занял местечко П. и вышел в район высоты с отметкой 212. Атака этой высоты пехота не имела. Из строя выбыл командир полка. Некоторые роты также остались без командиров. Полк стал отходить к городу Р.

Командир дивизии генерал-майор Микушев вызвал к себе начальника первого отделения штаба майора Соколова. Перед Микушевым стоял невысокий подтянутый командир-орденоносец с умными серо-голубыми глазами.

— Вы назначаетесь командиром Энского стрелкового полка, — сказал генерал-майор. — Положение полка вам известно. Немедленно отправляйтесь туда и восстановите полный порядок. Приказываю занять высоту с отметкой 303 и не допустить продвижения противника к городу. Уверен, что вы, как опытный боевой командир, эту задачу выполните.

Соколов, четко повторив приказ, тут же сел в броневик и прямо с командного пункта отправился навстречу отходившему Энскому полку.

Проявив обычную свою кипучую энергию, с веселыми остротами, новый командир полка через час уже собрал все подразделения на опушке леса.

— Становись! — подал он команду.

Выровняв строй, он разбил бойцов на батальоны, роты и взводы, назначил командиров подразделений, сформировал штаб полка, выделил начальника тыла.

Обращаясь ко всему полку, майор Соколов сказал:

— Товарищи бойцы, командиры и политработники! Ваш командир выбыл из строя, командовать полком приказано мне. Наша задача: немедленно занять рубеж с отметкой 303 и перейти к обороне. Нужно задержать продвижение противника. Наш долг — точно выполнить приказ командира дивизии.

Майор внимательно посмотрел на бойцов и командиров. Выражение их заго-

релых, огрубевших на ветру, лиц говорило ему: мы все желаем одного — разбить врага, отстоять наш родной город.

Командир полка улыбнулся. У него хорошая широкая улыбка, от которой морщится и кажется смеющимся все лицо.

Выйдя вперед, он скомандовал:

— За мной, бегом марш!

Полк броском двинулся на противника. Ошеломленные внезапностью контрудара, немцы растерялись и поздно открыли огонь. Наши бойцы штыками вышибли их с высоты 303. Немецкие пулеметчики, в панике, открыли огонь, по своим же, убегающим в кусты, солдатам.

Заняв высоту, полк направился к северо-восточной окраине села П. Там стояли противотанковые орудия и пулеметы врага. С каждой минутой усиливалось напряжение их огня. Он стал, наконец, ураганным.

Полк остановился. Нужно было немедленно уничтожить огневые точки немцев на окраине села.

— Открыть орудийный огонь из броневика! — приказал майор. — Пулеметчикам подавить противника!

Скоро огневые точки фашистов замолчали. Полк смог двинуться вперед. Окопавшись, он прочно занял оборону на рубеже отметки 303 возле села П.

Приказ генерала был выполнен. Отправив в штаб дивизии донесение, майор Соколов решил произвести разведку местности. В районе высоты 303, уже заканчивая рекогносцировку, он неожиданно наткнулся на германскую часть, занявшую оборону на опушке густого тенистого леса. Из этого леса фашисты открыли сильный пулеметный огонь. Он удивил Соколова своею необыкновенной слаженностью. Пулеметы стреляли одновременно из многих мест. Казалось, их было десятка два, и все они действовали так, словно управлялись одним человеком.

«Видно, это какая-то замечательно обученная часть» — подумал майор.

Он выслал вперед разведчиков. Они подползли к вражескому рубежу и обнаружили... только одну огневую точку.

Пулеметный расчет был ими тут же уничтожен. В лесу сразу наступила тишина... Возле замолкшего пулемета висел на колу микрофон. От него шли провода в стороны — к деревьям и кустам, на которых были подвешены маленькие репродукторы.

Хитрая уловка врага была раскрыта. Соколов взял в «клещи» немецкую часть, и в горячей штыковой схватке бойцы ее разгромили.

Получив отпор на участке майора Соколова, фашисты начали активные действия против соседнего стрелкового полка.

Разведка донесла, что этот полк, под напором моторизованной пехоты немцев, начал отходить на новый рубеж обороны. Для полка Соколова складывалась тяжелая обстановка. Противник угрожал обходом с фланга. Он мог нанести удар с тыла, отрезать полк от других частей дивизии.

Дальнейшая оборона рубежа являлась бесцельной. Оставался один правильный выход — сохранить материальную часть и живую силу, отвести полк в район города Р. и соединиться с частями дивизии.

Таково было решение майора Соколова.

Организованно, с боем, полк стал отходить к городу Р. Роты шли расчлененно. Отдельные группы красноармейцев просачивались кустарником, оврагами. Они беспокоили неприятеля, внезапно открывая огонь из разных мест. Немцы пустили в ход бронемашин. Их наступление поддерживалось артиллерийским и минометным огнем.

Хорошо организованная противотанковая оборона полка подпустила бронемашину на близкое расстояние. Кинжальный огонь пушек, замаскированных на берегу неглубокой речки, быстро вывел из строя несколько немецких бронемашин. Три из них вспыхнули ярким пламенем. В фашистской колонне началось замешательство.

Советские артиллеристы и минометчики, выкатывая орудия на открытые позиции, били врага прямой наводкой.

Враг не выдержал. Он повернул об-

ратно, оставляя на шоссе горящие броневые автомобили...

Пример стойкости показывал сам майор. Его властный голос слышался всюду. Бойцы и командиры чувствовали его твердое, спокойное руководство. Телефоны, радио, посыльные — конные и пешие — связывали Соколова со всеми подразделениями.

На одну из рот неприятель бросал батальон за батальоном, поддерживаемые сильным пулеметным и минометным огнем. По ложине у села М. фашистам удалось просочиться в наш тыл.

Майор приказал отвести эту роту на новый рубеж, разорвать окружение и затем взять в кольцо противника. В этот трудный для роты момент Соколов находился на огневой позиции. Присутствие майора подбадривало усталых бойцов, придавало им новые силы. Все более мощными становились их удары, яростнее дрались они в рукопашных схватках, уничтожая фашистов.

Выставив сильные пехотные заслоны с приданными им пушками и пулеметами, майор Соколов умело руководил отходом. Все попытки фашистов уничтожить окруженный ими полк ни к чему не привели. Не помогла им и авиация, вихрем налетевшая из-за леса.

Зенитчики полка должным образом встречали фашистских налетчиков. Две подбитые машины, прошитые бронебойными пулями, грохнулись на землю.

Соколов удачно вывел полк из окружения. Умело маневрируя расчлененными силами соединения, он полностью сохранил материальную часть и живую силу.

На следующий день полк в составе Энской дивизии был готов к дальнейшей борьбе за отчизну.

16. ОДНО ОРУДИЕ ПРОТИВ БАТАРЕИ

В жаркий летний день батарея, где командиром орудия младший сержант Тихомиров, выехала на боевые стрельбы. Первым открыл огонь Тихомиров. Эту честь он заслужил своей отличной стрельбой.

Опытные руки сержанта быстро и уверенно управляли механизмами пушки.

Наводку он сделал за несколько секунд. Огневая точка была поражена двумя снарядами.

Командир дал две новые задачи. Оставшимися четырьмя снарядами Тихомиров выполнил их на «отлично».

Это было за несколько дней до начала Отечественной войны. Когда фашисты напали на нашу страну, батарея по боевой тревоге выступила на передовые позиции.

Младший сержант, внимательно осматривая поле боя, заметил немецкую батарею. Она готовилась уже открыть огонь.

Но Тихомиров предупредил неприятеля. Он молниеносно навел свое орудие в цель и выпустил несколько метких снарядов. Вражеское орудие взлетело на воздух.

Фашисты увидели, что по ним бьет только одно орудие. Чувствуя превос-

Горит колонна германских танков и грузовиков, подожженная нашими бомбардировщиками.

В этот день младший сержант Тихомиров подал заявление в партийное бюро части:

«Прошу принять меня в кандидаты партии Ленина—Сталина. Желаю итти в бой коммунистом. В бою свою честь командира я не опозорю. До последней капли крови буду биться с подлым врагом. Постараюсь, чтобы каждый выпущенный мной снаряд разил без промаха гитлеровских молодчиков!»

...Артиллерийская канонада нарастала. Фашисты яростно атаковали наши позиции, но их встречали шквальным огнем артиллерии, минометов и пулеметов. Четко работало орудие Тихомирова, нащупывая и уничтожая германские огневые точки.

ходство своих сил, они открыли ураганный огонь.

В этом неравном бою Тихомиров и бойцы его расчета—Дранный, Андреев и Шевченко — показали себя доблестными сынами Родины. Исключительно точная наводка самого сержанта и отличная слаженность в работе при стрельбе бойцов-артиллеристов решили участь еще одного немецкого орудия. Подбитое метким снарядом, оно опрокинулось кверху колесами.

Тогда фашисты решили перебраться на новые огневые позиции. Батарея снялась с места. Тихомиров заметил это. Меткие советские снаряды настигли мчавшихся фашистов. Одно за другим, расколотые советскими снарядами, ору-

дия выбывали из строя. Через несколько минут от германской батареи осталось одно воспоминание.

Когда Тихомирова поздравили с боевым успехом, он покраснел от радости. Его глаза заблестели.

— Это работа всей нашей батареи, — сказал он взволнованно, — а я только выполнил свой долг.

17. В ТЫЛУ У ВРАГА

Серебристой лентой вьется тихая илистая речка, заросшая камышом. Луг. Копны сена с порыжелыми от солнечного загара верхушками. А дальше лес, знойные поляны. По тропе к селу идут две девушки с кувшинами, полными пахучей земляники.

Сержант Власенко отложил в сторону кружку с недопитым молоком и задумался, глядя на загорелое лицо сидевшего перед ним крестьянина Степана Щербины.

Подожли девушки. Одна из них, дочь Щербины, шестнадцатилетняя Катя, смеясь, всыпала в кружку сержанта горсть земляники.

— Пейте молоко с ягодами, — сказала она. — Полезно. Вы что-то такой бледный, худой. Наверное, из госпиталя?

— Нет, — ответил Власенко. — Я вчера пришел оттуда. — И показал рукой на запад. — У немцев был.

Пришлось рассказать. Девушки такие любопытные...

Батальон Энского полка попал в окружение германских войск. После двухдневных упорных боев он разорвал вражеское кольцо и соединился с полком. Отход батальона прикрывала группа из восьми бойцов под командой сержанта Власенко. Огнем единственного пулемета она сдерживала большие силы противника. Власенко делал так: постреляет из ржи, отойдет к лесу и строчит оттуда. Фашисты, уверенные, что огонь ведут, по крайней мере, несколько тяжелых пулеметов, продвигались очень осторожно, и это дало батальону возможность без потерь выйти из окружения.

Но группе Власенко уйти вместе с частью не удалось. Немцы перехватили

путь отхода. Власенко отвел бойцов в лес и сказал:

— Выход один, ребята: идем в тыл к немцам и проберемся к своим через линию фронта в другом месте. Тут — стена! Немцы думают, что мы ударимся прямо в сторону наших и караулят опушку леса, а мы — в обратную сторону. Вот и обманем их!

— Веди! — ответили бойцы. — Пройдем!

Шли долго, день и ночь, пробираясь оврагами, кустарником, руслом высохшего ручья — подальше от дорог.

На задворках хутора задержались. Хутор оказался занятым немцами. Прячась в густом малиннике, Власенко увидел такое, что у него волосы стали дыбом и кровь застыла в жилах.

Хутор наполняли отчаянные душераздирающие вопли, крики женщин и плач детей. Большой отряд немецких солдат из «дивизии смерти» — с изображением белого черепа на рукавах мундиров — наводил в селении свой «новый порядок». Фашисты согнали к танкам всех оставшихся на хуторе стариков и о чем-то их настойчиво спрашивали. Старики, видимо, не хотели отвечать. Тогда одного из них, самого седого, они привязали к двум танкам. Машины стремительно пошли в разные стороны и разорвали старика надвое.

Затем они принялись ловить кур, свиней и тащить из хат к танкам все, что им вздумалось — холст, девичьи наряды, одеяла, занавески...

Больно до слез было смотреть на все это. Ненависть и злоба закипали в душе Власенко, комом подходили к горлу...

«Отплатим за все! За каждую слезу, за каждую пролитую каплю невинной крови, — думал он. — Скорее к своим.»

Сделав большой крюк по пересеченной местности, группа бойцов вышла, наконец, к линии фронта.

Огромное ржаное поле отделяло немецкие позиции от переднего края обороны русских.

Под утро бойцы перебрались из леса в рожь. Осторожно раздвигая руками ее густые гривы, поглядывая на звезды, гуськом двинулись прямо на восток.

Только вышли они из ржаного поля, как услышали лязг тягачей, стук тяжелых колес и чужой разговор. Германская артиллерия занимала на поле огневую позицию.

Власенко приказал бойцам зарыться в землю и замаскировать себя рожью.

Немцы ходили совсем близко. Отчетливо слышались их резкие голоса, команды.

Прошел день — томительный, длинный.

Лежа во ржи, Власенко всем сердцем чувствовал, с какой жадностью фашисты смотрели на море созревающей ржи, пшеницы, свеклы, белоснежной гречки... Видно, давно им мерещились во сне и на яву широкие украинские поля... И вот они дорвались до них, уверенные, что соберут богатый урожай с советской земли...

Наступила темнота. Бойцы, обойдя вражеские позиции, перешли линию фронта и прибыли в свой полк. Четверо суток, находясь в тылу у противника,

они питались колосьями ржи, незрелым горохом, пили росу вместо воды...

— Вот так было, — закончил Власенко свой рассказ и замолчал.

Он мял в руке увесистый пшеничный колос, вдыхая его сухой медовый запах. Девушки, побледнев, не сводили с Власенко широко раскрытых глаз.

Щербина взял у сержанта пшеничный колос и любовно разгладил его.

— Не дадим! Ничего им не дадим! — сказал он слегка охрипшим от волнения голосом и тут же через силу рассмеялся, давая этим понять: мол, чего эти немцы захотели, даже смешно, в самом деле!

— Главное, я вот что заметил, — сказал Власенко после паузы. — У немцев в тылу можно работать. Они движутся только по дорогам. Понятно?

— Понятно, — таким же серьезным тоном ответил на вопрос Щербина, сдвигая густые брови.

Девушки понимающе качнули головами и улыбнулись...

Рассказы участников Отечественной войны*

★

МОИ ПОЛЕТЫ

КОНСТАНТИН ЧУЕВСКИЙ

Летчик-бомбардировщик

Командованию нашего корпуса стало известно, что неподалеку от линии фронта, в городке Е., сосредоточено внушительное количество фашистских танков, орудий, самолетов и живой силы. Скопление образовалось из-за отсутствия у врага горячего. Ясно, что нашей авиации нельзя было терять ни минуты.

Рано утром, 27 июля, группа наших бомбардировщиков, среди которых находился и я, получила приказ вылететь к месту скопления вражеских сил и уничтожить их с воздуха.

Мы разбились на несколько звеньев и двинулись к цели «от солнца», то-есть удаляясь от его утренних, ослепляющих лучей. Мы шли на высоте 2 500 метров и могли наблюдать за происходящим внизу. Вот мы над лесом, в котором скрыты бронетанковые части противника. Казалось, вот-вот затрещат зенитки и навстречу нам поднимутся «мессершмитты». Но внизу было попрежнему тихо. Видимо, наше появление оказалось для врага настолько неожиданным, что предпринять сопротивление он уже не успел.

Я спокойно выбрал цель и стал метать на голову вражеских сил бомбы большой разрушительной силы. Мне хорошо видно было, как взлетали огромные черные снопы земли и дыма, как

бросались в рассыпную толпы немецких солдат.

Когда наша задача была выполнена и мы взяли курс назад, захлопали за-поздалые зенитки. Это было жалкое маханье кулаками после драки. Я еще раз с удовлетворением посмотрел вниз на произведенный нами ералаш и, не обращая внимания на уханье зениток, полетел к нашей базе.

На следующий день я снова вылетел к тому же месту. Задача была — окончательно разбомбить и уничтожить засевшего здесь врага и его бронетанковые части.

Мы шли шестеркой на высоте, примерно, 2 000 метров. Нас сопровождало звено истребителей. На этот раз мы уже не могли рассчитывать на безмолвие врага, у него было достаточно времени, чтобы подготовиться к нашему налету.

Вел нашу шестерку капитан-орденоносец Новиков, летчик испытанный, знакомый со всеми уловками противника. В моем самолете, кроме меня, находились молодой штурман Ахматов и стрелок Миронов. Вдали возникла темная полоска леса — цель нашего полета.

Как и следовало ожидать, немцы встретили нас ошестинившись. Затрещали зенитки, навстречу нам взвились фашистские истребители. А мы все шли к цели. Мы видели впереди себя городок Е. и лес, куда стремились.

* Записал А. Вербницкий.

Над самой целью завязался воздушный бой. Фашистских истребителей было несравненно больше, чем у нас, их атака сразу же приняла свирепый и ожесточенный характер. Часть их ринулась на нас, бомбардировщиков, часть — на наших истребителей.

Несмотря на серьезность положения, мы не растерялись, не обратились в бегство, а сосредоточенно и обдуманно стали выбирать хорошую цель для бомбометания. Ускользая от хищных «мессершмиттов», я принялся метать бомбы. Я видел, как ложились наши фугасные снаряды в гущу вражеского скопления.

Трудно было отказать себе в удовольствии посмотреть вниз на результаты нашего бомбометания. Обстановка была не весьма благоприятная для любования эффектом бомбежки, однако искушение было чересчур велико, и я несколько раз окидывал взглядом раскинувшуюся внизу картину.

Были видны столбы дыма и огня, люди, метавшиеся во все стороны. Люди бежали, падали, поднимались и вновь падали. Это была одна из характернейших картин воздушного разгрома гитлеровских частей.

Первая наша задача была выполнена. Оставалось справиться со второй, не менее серьезной, — вырваться из окружения взбесившихся «мессершмиттов» и уйти на свой аэродром.

Ведущий, капитан Новиков, нырнул в облака. Я и еще один-два из наших бомбардировщиков последовали его примеру. Однако серые, довольно плотные облака не смогли оградить нас от яростного нападения вражеских истребителей. Я уже видел за своей спиной неистовствующий, захлебывающийся от непрерывной пальбы «Мессершмитт-109».

Преследуя меня, он строчил по моему самолету зажигательными и трассирующими пулями. Он атаковал то справа, то слева, то с хвоста, то сверху. Оторвавшись от своих, я оказался в очень невыгодном положении: фашистский истребитель мог преспокойно, никем не преследуемый, атаковать мою машину с любого положения. Это было даже не единоборство, так как нападал и палил он один. Мне же оставалось только ла-

вировать, ускользать и стремиться, как можно скорее, достигнуть родной земли.

Между тем, фашистский истребитель прибавил к пулеметным своим очередям пальбу из орудия. Снаряды визжали вокруг меня, некоторые разрывались, не причиняя, впрочем, ощутительного ущерба моему самолету. Несколько пуль врзало в кабину, осколки снарядов ударили по бортам и оперению. Мое обоняние уловило то, чего я больше всего опасался, — дым! Пока еще невидимый, но уже ощутимый, он напомнил мне о надвигающейся катастрофе.

Были минуты, когда я сомневался, доберусь ли до земли. Но успокаивало сознание, что свое задание я выполнил.

Между тем, атака немецкого истребителя не унималась. Зловещий дым становился гуще, чернее. Я пустил самолет почти во все газы. Но «Мессершмитт» не отставал, посылая в мою машину то очередь пуль, то разрывной снаряд.

Обидно, что поблизости не было ни одного нашего истребителя, которого так боятся фашистские летчики. Я неоднократно был свидетелем того, в какой панике бросались наутек немецкие самолеты, завидя наших юрких ястребов. Если в первые дни Отечественной войны «мессершмитты» смело и безбоязненно бросались в бой с нашими истребителями, то теперь, когда они вкусили «прелесть» схваток с нами, они рещались вступать в бой только при численном своем превосходстве.

Мой самолет был уже на нашей территории. Я реял над родными советскими полями, казалось, тихими и спокойными в этот вечер. До земли оставалось не более 400 метров. Из-под крыши кабины вырвался черный дым, а затем и сноп пламени. В кабине стало невыносимо жарко, что-то обжигало лицо, дышать становилось все труднее.

Внезапно я почувствовал удар в голову и руку. Мысль работала ясно, и я понял, что ранен. Руки крепко держали штурвал. Я ничего уже не видал перед собой, кроме желто-зеленого поля, звавшего меня на посадку.

Вражеский истребитель прежде, чем повернуть обратно, обдал меня последней очередью пуль. Пули прошли мимо.

Мы уже были совсем близко от родной земли. Каждую секунду самолет мог воспламениться. Я ничего уже не видел впереди — глаза заволокло сперва черной, а затем молочно-белой пеленой.

Земля была, очевидно, в нескольких метрах от нас. Я выключил мотор, закрыл газы и, планируя, пошел на снижение. Непреодолимо хотелось узнать, что с Ахматовым и Мироновым, но крикнуть или обернуться я не нашел в себе сил. Языки огня тем временем уже лизали стенки самолета, обжигали мне руки и лицо, прикасались к одежде.

Внезапно — легкий удар, знакомый приятный удар по земле. Самолет сел на шасси. Но от скорости его снова взмыло. Это отняло несколько дорогих секунд. Короткий сдержанный бег по полю, и самолет остановился. Я рванулся в дверцы и выпрыгнул на землю.

Первым делом надо было спасти товарищей. Ахматов выскочил почти одновременно со мной. Внутри самолета уже полыхало пламя. Стрелок Миронов метался в пламени, не находя выхода из машины. К нему кинулся через огонь Ахматов и помог выскочить на землю. На Миронове горел комбинезон. Нам удалось быстро потушить пламя и отскочить в сторону.

Едва мы сделали несколько шагов, как в нашем самолете раздался лопающийся звук, и величественный бомбардировщик превратился в большой и

шумный костер. Дым и пламя взвились высоко к небу.

Мы услышали недалеко шум приближающихся людей, голоса, милую русскую речь. Это были колхозники. Но почему их голоса звучат так грозно? Почему они так злобно и неистово размахивают вилами, косами, лопатами? Их вид ничего доброго не предвещал. Не ошиблись ли мы?

— Да это же свои! — крикнул один. — Наши!

Оказалось, что колхозники приняли нас за немецких фашистов. Узнав своих, нам пожимали руки, нас обнимали.

Пока мужчины перевязывали нам раны и помогали сбросить одежды, женщины принесли свежей воды, молока, какой-то еды. Девушка принесла булавки для скрепления перевязок. Нас отвели в избу и всячески старались облегчить наше положение.

Колхозники дали знать находившейся неподалеку воинской части Красной Армии, и нас доставили в госпиталь. Наши раны оказались легкими, поддающимися быстрому излечению. Уверен, что погибший наш самолет обойдется гитлеровцам дорого.

Товарищи обрадовали меня интересным сообщением: 29 июля, на следующий день после нашей последней бомбардировки врага, наши части двинулись в наступление и окончательно разгромили фашистов, находившихся вблизи городка Е.

★

КАК БЕГУТ „НЕПОБЕДИМЫЕ“

АЛЕКСАНДР СКЛИФАСОВСКИЙ

Минометчик, мл. сержант

Бой кипел всю ночь. Три наших полка в течение многих часов сдерживали натиск фашистских орд, численно превосходивших наши части. Немецкие захватчики то-и-дело бросались, как озверелые, в атаку, но тут же падали сотнями, чтобы никогда больше не встать. Атаки отбивались одна за другой.

Меня, молодого бойца, впервые получившего боевое крещение и сразу же после полковой школы попавшего на фронт, поразило то, с какой необдуманностью и легкомыслием бросаются фашисты в смертельные атаки. Одно поражение за другим, сопровождающееся сотнями жертв, не останавливает их. Подгоняемые кем-то, они с дикими

криками бросаются в атаку, тотчас же падают под сокрушающими ударами наших войск, бегут вспять, бросая оружие и снаряжение.

Секрет этих атак я разгадал позже.

Мы расположились у опушки молодого леса, укрепились и в течение ночи отразили не менее десяти вражеских атак. Мой минометный расчет наносил удар за ударом фашистским частям, уничтожив за ночь два броневика, несколько танков и немало пехоты.

Когда наступил рассвет, нам стало известно, что фашисты прибегают к спайванию своих частей, но я не подозревал, что это практикуется в таком массовом масштабе и в любое время дня и ночи.

В тот же день я увидел множество убитых солдат и офицеров, расластавшихся на поле боя, и мог воочию убедиться, что водка такая же неотъемлемая часть фашистского арсенала, как, например, патроны.

Поголовно у всех убитых и раненых немцев, наряду с личными документами, лежала в кармане плоская треугольная фляга с недопитой водкой. В пьяной одуре идут они вперед, в атаку, чтобы лечь под первые пули. Много раненых было в состоянии сильного опьянения.

Так строится титлеровская «патриотическая» отвага на обыкновенном немецком «шнапсе», которым одурманивают смертельно усталых и не желающих воевать солдат.

Вблизи города С., по приказанию дивизионного командования, мы перешли в наступление. Двигались мы быстро и планомерно по всему фронту. Время от времени мы переходили в атаки. Я увидел, с каким ужасом воспринимают фашисты наш русский штыковой бой. Одно тулкое и раскатиное «ура», предвещающее атаку, приводит их в трепет.

Мы двигались вперед несколько часов под ряд, упорно преследуя ненавистного врага. Дрались за каждый метр земли. То-и-дело мы переступали через вражеские трупы, оставляли позади разгромленные танкетки, броневики, мотоциклы, орудия. На одной лужайке стояли два опрокинутых танка, они дымились.

На рассвете мы остановились и заняли линию обороны. Мы укреплялись, ожидая указаний командования.

Что бы это могло быть, думалось мне: они идут прямо в огонь, их косят наповал, задние вновь движутся, чтобы вновь лечь под наши пули. Было известно, что фашисты прибегают к спайванию своих частей, но я не подозревал, что это практикуется в таком массовом масштабе и в любое время дня и ночи.

В тот же день я увидел множество убитых солдат и офицеров, расластавшихся на поле боя, и мог воочию убедиться, что водка такая же неотъемлемая часть фашистского арсенала, как, например, патроны.

Поголовно у всех убитых и раненых немцев, наряду с личными документами, лежала в кармане плоская треугольная фляга с недопитой водкой. В пьяной одуре идут они вперед, в атаку, чтобы лечь под первые пули. Много раненых было в состоянии сильного опьянения.

Так строится титлеровская «патриотическая» отвага на обыкновенном немецком «шнапсе», которым одурманивают смертельно усталых и не желающих воевать солдат.

Вблизи города С., по приказанию дивизионного командования, мы перешли в наступление. Двигались мы быстро и планомерно по всему фронту. Время от времени мы переходили в атаки. Я увидел, с каким ужасом воспринимают фашисты наш русский штыковой бой. Одно тулкое и раскатиное «ура», предвещающее атаку, приводит их в трепет.

Мы двигались вперед несколько часов под ряд, упорно преследуя ненавистного врага. Дрались за каждый метр земли.

То-и-дело мы переступали через вражеские трупы, оставляли позади разгромленные танкетки, броневики, мотоциклы, орудия. На одной лужайке стояли два опрокинутых танка, они дымились.

На рассвете мы остановились и заняли линию обороны. Мы укреплялись, ожидая указаний командования.

Между тем, вражеские части получили значительное подкрепление и вскоре ринулись вперед, пытаясь всеми средствами выбить нас из занятых позиций. Возобновился жаркий бой.

Я убедился, что германские фашисты прибегают всякий раз к излюбленному способу психического воздействия на наши части. Раньше, чем перейти в атаку или в наступление, они делают «подготовку», — интенсивно палят из всех орудий, мечут мины, бомбят с самолетов.

Эта подготовка, как правило, не причиняет нашим войскам большого ущерба. Весь этот хаос, со всем его грохотом и кутерьмой, рассчитан на то, чтобы оглушить наши войска, вызвать панику, а затем ринуться в атаку.

В первые дни войны такая «психическая» атака действительно удавалась. Но очень скоро мы разгадали хищные уловки противника.

В то утро началась пресловутая вражеская подготовка, рассчитанная на внешний эффект. Нам был дан приказ укрепиться и дать ответный огонь. Мой минометный расчет посылал в стан врага одну смертоносную мину за другой. С минуты на минуту надо было ожидать вражеской атаки.

Но наше командование опередило врага. Был отдан приказ снова перейти в наступление. И мы пошли. Враг оторо-

пел и под нашим натиском обратился в бегство.

Опыт военных действий убедил нас, что вражеская канонада и весь его арсенал психических приемов очень удобен нашим войскам для перехода в атаку и наступление. Лучшим моментом для перехода в атаку может служить не затишь, а вражеская орудийная канонада и бомбежка с воздуха. В такие минуты быть в движении выгоднее, чем застыть на месте.

Тесня врага, мы часто наталкивались на их окопы, из которых не успели или не хотели выйти немецкие солдаты. Их одолевала апатия, и они охотно сдавались в плен. Реакция опьянения также играет в этом какую-то роль.

Первые недели великой Отечественной войны показали, что немецкие фашисты беспрерывно изобретают все новые методы «психического воздействия» на наши войска. Но их происки с грохотом разбиваются о мужество и трезвость наших воинов. Встречи с немцами убеждают, что обещанный Гитлером молниеносный успех вызвал у многих солдат раздражение и горечь. Ни в какой молниеносный удар они больше не верят, жадуют бросить оружие и вернуться к своим семьям.

Таковы мои боевые впечатления от немногих дней Отечественной войны.

✽

СХВАТКА В ЛЕСУ

НИКОЛАИ ИВАНОВ

Политрук-танкист

В 4 часа наше подразделение получило приказ двинуться к деревне М. на подкрепление пехотному полку, отражающему второй день натиск вражеской дивизии. Через десять минут мы уже двигались в направлении М.

Я находился в своем танке и время от времени осматривал окружающую местность. Посланная вперед разведка донесла, что недалеко расположился довольно обширный состав немецких войск. Стало ясно, что пробраться к

заветной деревне мы сможем, лишь приняв предварительно бой со встречной фашистской частью.

Место было гористое, кругом леса, кое-где виднелись болота. Наша танковая колонна двигалась по шоссе, все приближаясь к окопавшемуся противнику. Шоссе, по которому мы шли, было невыгодной позицией для танковых действий; развернуться в такой местности было трудно.

Внезапно над нами появился враже-

ский самолет. На горизонте выползали уже первые ряды вражеских танков и пехоты. Командир батальона капитан Маслов приказал остановиться, по возможности укрепиться и подготовиться к бою. Противник шел нам навстречу. Когда расстояние сократилось до 300 метров, наши орудия и минометы дали первый залп.

Вспыхнул и быстро разгорелся ожесточенный бой. На нас летели снаряды, мины и пули, однако, мы не терпели почти никакого урона. Враг палил беспорядочно, в лихорадке, готовясь, очевидно, к атаке. Мы развернулись, как могли, нащупали врага и открыли огонь. Мой танк бил по пехоте и коннице, уничтожая ряд за рядом. Немецкие танки начали ползти на нас с флангов, прикрывая идущую позади живую силу.

Назревала атака. Перед нами возник вопрос: отступить и быть смятыми врагом, или перейти в контратаку с целью разгромить врага? Мы выбрали последнее.

Вся наша живая и бронетанковая сила обрушилась на противника. Не ожидая столь сокрушительного удара, враг приостановился и топтался на месте. Мы ждали этого замешательства и лавиной устремились вперед. Фашистские пушки поочередно замолкали, танки и танкетки пытались отойти в сторону, но тут же разрушались нашей артиллерией и минами.

Наш командир приказал двинуться вперед, и мы пошли, чтобы окончательно смять и разгромить вражеское соединение. Немцы рассыпались по сторонам, оставив на поле боя несколько орудий, около сотни лошадей, разрушенные танки и много раненых.

Этот короткий, но яркий фронтový эпизод явился промежуточным боем на пути к месту, куда мы следовали. Не задерживаясь, мы пошли к деревне М., чтобы поскорее присоединиться к ожидавшему нас полку. Потерь мы почти не имели.

Через час мы приблизились к нашей цели и присоединились к героическому полку, отважно отбивавшемуся от намного превосходившего противника.

В бой мы включились тотчас же после прибытия на место. Враг еще не знал о подкреплении и был, очевидно, ошарашен новой и сильной волной огня. Мы стали теснить немцев без всякой подготовки.

Я непрерывно палил из своего танка по метавшимся мотоциклистам. Они дважды пытались рвануться против нас и расчистить дорогу пехоте. Но я и мои товарищи по танку уничтожали авантюристов десятком за десятком. Некоторые из них беспорядочно бросали мотоциклы и во всю прыть рассыпались по сторонам.

Наиболее активные батареи врага уже были подбиты, несколько танков замертво склонилось в сторону. Я видел, как командир нашей танковой роты, товарищ Тубатулин, сам подбил два орудия.

Наступало время двинуться вперед, хотя приказа о наступлении еще не было. Тем временем я выбрал новую мишень: где-то в стороне, в прикрытии, стоял транспорт с боеприпасами, я принялся громить эту точку. Вскоре транспорт был разбит полностью.

Мне видно было, как фашистские офицеры свирепо толкали оставшиеся части вперед, в атаку, надеясь каким-то образом заставить нас замолчать, но солдаты противились и в панике покидали свои позиции.

Наконец наше командование отдало приказ об атаке, которая перешла в стремительное наступление по всему фронту. Мы не давали врагу ни секунды передышки. Преследуя немцев, мы громили их, уничтожали, брали в плен.

Бой закончился, и мы залегли в укрепленное место, ожидая нового приказа нашего командования.

Первое боевое крещение прошло хорошо.

Стихотворения

АРОН КОПШТЕЙН

★

ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОД

1

Падает тень бомбовоза на черную землю крестом.
Всадники скачут. Пыль пролетает степная.

2

У самого Черного моря раскинулся город Херсон —
Детство мое, улица Насыпная.
Что я запомнил?

Серую воду Днепра,
Взрывы снарядов, плач сумасшедшей старухи.
Кровь на прибрежном песке, хриплые крики «ура»,
Сырость подвала, матери теплые руки.
Над городом хмурым собираются тучи и гром,
На расстоянии годов кажутся тучи стальными.
Так начинается память о детстве моем:
Тяжко топочут солдаты. Дети бегут за ними.
Так начинается память о детстве моем.
Глупое сердце мое сжимается острой бедой.
Остроконечная каска, штык за плечом,
Фляга, налитая нашей днепровской водой.
Как тяжело восходить раненой, алой заре.
Звезды на штык напоролись, в небе снарядная копоть.
Стража на Рейне, зачем ты стоишь на Днестре?
Стража на Рейне...

Тучи. Ветер. И топот.

3

Память моя, посмотри не глазами ребят,
Память моя, отчетливей будь и огромней.
Говорит немецкий солдат, слушает тоже солдат:
— Товарищ, но что я запомню?
Ночи холодные, четкий, холодный расстрел
На рассвете,
погрузку шеницы в вагоны.

(Молнии в небе — сверканье невиданных стрел.
 С запада — туч эшелоны.
 По крыше стучит однообразно вода,
 Только и слышишь, что капли бегут да бегут.)
 Вот говорит солдат, слушает тоже солдат:
 — Товарищ, и я не могу.
 Я не могу, мой товарищ. Ты слышишь, ты слышишь —
 довольно!
 Зачем мы, как тучи, проходим в солнечном этом краю?
 (В казарме — казенная полночь.
 Солдаты заснули — сто десять голов
 Однообразных, — стриженных, бритых, квадратных.)
 Слышишь, — сгущается шопот, уже не услышишь слов.
 Медленно слушает ратник.
 Солдаты спокойно лежат — к голове голова.
 Шепчут они. Офицер не услышит слова.

4

И вот в приднепровский город приходят красноармейцы.
 Наши простые ребята в порванных сапогах.
 И нам показалось — солнцу скажешь: «Засмейся!»,
 И ляжет улыбка на наших сыпучих песках.
 Красноармейцы ушли. С ними пошел мой брат.
 Красноармеец Кошштейн не возвратился назад.
 Яков, мой брат, ты в Варшавском уезде зарыл,
 В польской земле, в неоплаканной братской могиле.
 Яков, мой брат, твое тихое имя звенит
 В сердце моем, в поступи нашей и силе.
 Ты лежал не в гробу, ты без гроба лежал на земле,
 На зеленой земле ты лежал и как будто смотрел в облака.
 Вот я вырос, и детство мое кажется в пасмурной мгле.
 Но тебя я забыть не могу, и тревога моя высока...
 Я присягаю тебе, Яков, убитый мой брат,
 Сердцем моим и стихом, пушкой моей и мотором,
 Что никогда не пройдет немецкий солдат
 Над нашей рекой, по нашим горячим просторам.
 Я присягаю тебе, Яков, убитый мой брат.

ТОРПЕДА

Лейтенанту Заболотскому

Когда каюту колошматит
 Волной развинченной, крутой,
 Когда всего тебя охватит
 Непостижимой быстротой,
 Когда волнуется фарватер,
 Свинцовой накипью покрыт,
 Когда торпедоносный катер
 Живою молнией летит, —
 Она скользнет из аппарата
 И поведут ее рули,

Чтоб поразить стальной расплатой
 Чужие, вражьи корабли.
 Она низвергнется сурово
 В броню, в сплетенье грозных сил,
 И скажет правильное слово
 Неразговорчивый тротил.
 Опять торпедоносный катер
 Рванется, быстротой томим,
 И разорвется, словно кратер,
 Стальное море перед ним.

Рассказ про доты

ВЛ. СТАВСКИЙ

★

1

За окнами наступал оранжевый вечер. На Неве, около Республиканского моста, вода шла поверх льда, и ветер с Балтики гнал против течения ершистую рябь. Вдали, у заводских причалов, подъемные краны казались стадом слонов, выкинувших хоботы вверх.

В комнате секретаря парткома нас было двое. Мы говорили о жизни, мы вспоминали про войну. Карие глаза Андрея Нестеровича Цуканова блестели строго и весело; светилась широкая розовая лысина от большого лба и прямо до затылка. От всей его фигуры — широкоплечей и крепкой — веяло уверенной силой и простотой. На нем было далеко не новое, но очень опрятное пальто, в отвороте пиджака виднелись две аккуратно обшитые дырочки — от орденов «Знак Почета» и «Трудового Красного Знамени».

В голосе его — ровном и негромком — тоже слышались сила и ясность, привычка распоряжаться и руководить. Андрей Нестерович Цуканов, начальник технологического процесса в цехе № 26 завода имени Орджоникидзе, говорил неспеша, и было понятно, что он сейчас видит все то, о чем ведет рассказ.

— Я только 7 февраля из Kisловодска приехал. Ехать на курорт, когда под Ленинградом война в разгаре, понятно, не хотелось. Но пришлось подчиниться врачам. Мне уже шестьдесят первый год идет, а жить, жить очень

хочется, участвовать в больших делах и победах. Ясно, за своим здоровьем надо смотреть!

В Kisловодске собирались мы у карты, обсуждали оперативные сводки. Многие даже возмущались:

— Что там такое? Почему заминка? Какие-то доты взять не могут!

Я Финляндию немного знаю: после службы во флоте остался работать в Гельсингфорсе. И леса, и скалы, и болота финские знаю, — сколько раз грибы собирал. Я думал так: заминка у нас на фронте вышла потому, что наши механизированные части без дорог пройти не могут, а пехоту нашу укрепления вражеские не пускают; финны, наверняка, здорово укреплялись. Про линию Маннергейма каждый ребенок в нашем городе уже слышал. Нашим аэропланам сверху не видно в лесах, — куда бомбы бросать. И заминка получилась потому, что наше командование что-то придумывает, что-то готовит для врага.

Вернулся я с курорта домой и почти и не выходил с завода, дел накопилось немало.

Слушаю разговоры, новости. Про финские доты говорят и на заводе, и по городу. Чего только про эти доты ни говорили: и что резиной они обложены, и что снаряды от этих самых дотов отскакивают. Ну, всякие нелепые разговоры были. Конечно, как говорится, это дядя нашептывал!

А все-таки — думается и думается, что же это такое — доты?

Девятого февраля слушаю по радио — взяли наши войска тринадцать дотов!

Десятого — одиннадцатого февраля слушаю — на фронте ничего существенного. Опять заминка?

Двенадцатого февраля сообщает сводка, что взято шестнадцать дотов. Пошло, думаю, дело!

А четырнадцатого узнаю, что как-раз двенадцатого наши взяли 32 дота, 280 пулеметов и 82 орудия.

У всех у нас повеселело на душе! Шестнадцатого февраля было у нас в цехе собрание, сообщалось о прорыве линии Маннергейма. Радости было! Все улыбаются, друг друга поздравляют. И тут меня выбрали делегатом — на фронт с подарками славной 123-й дивизии, а заодно — и доты осмотреть.

В ночь на восемнадцатое февраля, под воскресенье, собрали нас, шестьдесят пять делегатов с четырнадцати ленинградских заводов и фабрик, в Смольном. Составился целый отряд — четырнадцать легковых и четырнадцать грузовых машин. На грузовиках — подарки разные: музыкальные инструменты, теплые вещи, табак, папиросы, конфеты.

По городу мы ехали — еще темно было. С нами были провожатые — из 123-й дивизии.

На весь наш отряд была одна женщина — шофер с вашего завода Лиза Федорова. На сборе у нас разговоры были — женщину на фронт нельзя. А она у нас боевая. Воспитанница детского дома, пионеркой была, машину любит, всегда у нее грузовик в порядке. И сама — живая такая, серьезная. И ничего не боялась.

Ехали мы приморской дорогой. Утро наступало погожее, ясное. Скоро взошло солнышко. А все-таки — зима, ветер, мороз. Не раз я спасибо своей жене сказал за то, что хорошо, тепло собрала меня в дорогу, дала теплую рубашку, валенки.

За Сестрорецком недалеко граница. Тут начался другой мир: рвы, проволочные заграждения, рогатки. На столбах — не наши надписи. Дорога узкая, тоже не по-нашему.

Местность живописная. Леса, дачные

домики, покрашенные масляными разными красками.

Смотрел я на эти буржуйские дачки, нарядные, веселые, и думал: «Ну, крепко тут белофинны удирали — даже не успели ничего сжечь!»

А дальше, от Куоккалы, жутко было.

В Териоках — тут и там — горелые дома, пожарища. Белофинны жгли их сами. Если бы наша артиллерия стреляла — снаряды трубы разбили бы. А то смотрю: трубы стоят целехоньки, в два-три этажа.

По тому, как финны сжигали все, я заключил, что они не рассчитывали возвратиться назад. За Райволой в сарае, на бугре, мы видели порезанных коров и разрубленного пополам быка, тут же картошка, сено разбросанное. Вот до чего остервенели белофинны!

Дальше, до самого фронта, домиков не было — все было сожжено.

Еще перед Териоками видели мы и окопы, и рвы, и завалы — подпильенный на высоте груди человека лес, сваленный и связанный проволокой. Показывали нам, где были минные поля. Все это нагородили враги, чтобы задержать наши войска.

На льду Финского залива видели мы наши самолеты. Они улетали, возвращались, опять взлетали. Все небо гудело. Радостно нам было смотреть: где же устоять финнам против нас?

По дороге шло непрерывное движение: и пешие части шли — красноармейцы веселые, бодрые, одеты хорошо, тепло; и артиллерия двигалась с грохотом. Тягачи и тракторы тянули огромные орудия. Но хоть и большое было движение, а всюду был порядок, регулировщики управяляли, саперы расчищали путь. Мне это понравилось.

По обе стороны дороги мы видели склады боеприпасов, наши землянки. Я обратил внимание: очень уж часто по дороге встречались белофинские бензиновые колонки. Для чего их так много настроили? Ясно, задолго белофинны готовились воевать против нас! И колонки они настроили в расчете, что придется снабжать бензином свои машины.

Вдоль дороги шли новенькие телеграфные столбы — это уже была наша

работа. И мосты почти по всей дороге были новые, — тоже наша работа!

В Бобошине очень хорошо встретил нас товарищ Штыков, ленинградец, секретарь обкома ВКП(б).

— Как, товарищи, будем обедать или доты поедем смотреть?

— Ехать! Пока светло, до захода солнца! — дружно ответили мы товарищу Штыкову.

Оставили мы грузовики с подарками в Бобошине. Поехали дальше. Дорога шла лесом. В лесу во всех направлениях прочищены дорожки.

Движение по шоссе все больше и больше. Двигутся войска — пехота, артиллерия — сплошным потоком. И все на фронт, все на фронт. И с фронта тоже движение: везут трофеи — орудия, винтовки, имущество всякое. А дорога разбитая, временная. Тут же катки ее укатывали.

По сторонам дороги в лесу пошли землянки, блиндажи, навесы из сосновых и еловых лап для лошадей, склады разные. Вижу — могилы наших товарищей, столбики на могилах, надписи, венки из сосновых веток. Чувствую — это уже тылы наших действующих частей. Стало быть, совсем близко и передовые линии. Товарищи командиры говорят, что до них еще километров десять—двенадцать, и нам уже ясно: там бой идет жаркий. Слышно — разрывы ухают. Наша тяжелая артиллерия бьет, снаряды через нашу голову летят, воют.

Лес кончается. Видим — дальше открытое место, поляна. Вдали какие-то серые бугры, груды камней. Неужели это и есть доты?

Скоро мы и ехать дальше не могли. Кругом вся земля изрыта огромными ямами, воронками, траншеями. И снег — черный, грязный. Поперек поляны и наискосок тянутся целые полосы кольев, опутанных колючей проволокой. За этими полосами — черные ряды гранитных надолб. И всюду — куда ни глянешь — следы артиллерийского огня: земля разрыта, проволочные заграждения прорваны, надолбы разбиты. Везде падали и рвались снаряды, — ну, ноги негде поставить.

Встретили нас два полковника — сапер

и артиллерист. Пригласили дальше идти пешком. Предупредили, чтобы мы шли только по тропе, гуськом, так как в снегу еще есть необнаруженные мины.

— Малейшая неосторожность, и можно подорваться! — сказал командир: — У нас вчера двое неаккуратно шли, подорвались и погибли.

По всей поляне осторожно ходили саперы с миноуловителями, очищали местность, сложили целые штабеля мин.

Итти нам пришлось метров триста. Увидел я неподалеку в глубокой яме разбитый танк.

Как он туда попал? Не полез же он сам в эту яму? Присмотрелся я и понял: танк с ходу попал на фугас, взрывом его разбило и закопало в эту огромную яму.

Поблизости рассмотрел я освинцованные провода — рваные концы. Мне стало ясно, что эти провода шли из дотов к фугасам и минным полям, этими проводами и взрывали белофинны свои фугасы и мины.

Поднялись мы на гору. Тут была деревня Сумма, вернее — три деревни: Сепенмяки, Хоттинен и Турку. От жилого места тут и следа не осталось. Как будто тут и жилья никогда не было. Впереди тоже поляна, а за ней лес. Да какой там лес — обглоданные снарядами стволы, и на снегу щепки. Были елки, стали палки!

Влево бугор снижается, там идет лощина, на лощине бугры, и дальше — озеро, под снегом.

И влево и вправо видны развалины дотов: серые груды железобетона, щеткой торчит железная арматура. Подошли мы к доту — левее дороги.

Вершина дота и половина боковой стены взорваны. Наши саперы постарались. Подтащили взрывчатку и взорвали. Но каково же было им тащить взрывчатку по этой изрытой огнем поляне!

Сам дот — квадратное помещение. Росту чуть выше человека, внутри можно ходить. Стены его из железобетона, в полтора метра толщиной. Мы спустились по камням и обрывкам арматуры внутрь дота, другие товарищи вошли в пролом в стене.

Это был большой дот. В нем было четыре 75-миллиметровых орудия и шесть станковых пулеметов. Для каждого орудия и пулемета — свой каземат с амбразурой и свой сектор обстрела. Мы осмотрели фундаменты для орудий — орудия выдвигались для стрельбы и опять убирались в глубину дота.

В амбразурные щели было видно больше, чем на полкруга. Вся местность перед щелями простреливалась из пушек и пулеметов.

На бетонном полу валялись разбитые винтовки, каски, противогазы, патроны. Много этого добра было!

Наверху дота был уцелевший броневой купол. В куполе — маленькие щели, через них белофинны наблюдали и вели огонь из автомата или пулемета. Толщина стенки его составляла не менее 150 миллиметров. К куполу вела отвесная железная лестница, такая же лестница вела вниз, во второй этаж. Там, под землей, было помещение для солдат, откидные койки в два яруса, как в вагонах. Вдоль стен — стеллажи для снарядов. Тут же рубильник, приборы, водопроводный кран, раковина. Были там трубы и батареи парового отопления. Вот откуда пар поступал — я не разобрал.

Немалых денег все это стоило.

Командиры нам рассказали, что весь дот был очень искусно замаскирован. Над железобетоном было метра три земли и гравия. Вся эта насыпь разлетелась от наших снарядов.

Второй дот был рядом с этим, правее шоссе. Он был такой же, только взрывом у него вырвало весь перед, а броневую плиту разворотило и купол разбил.

Третий дот мы осматривали, спустившись по пологому откосу вниз, на лощину. Мы прошли тропой мимо глубоких извилистых траншей, в которых были поделаны гнезда с броневыми щитками для пулеметчиков и стрелков. Мы прошли полем, через воронки, через проволочные заграждения и две полосы гранитных надолб.

Третий дот тоже был искусно замаскирован: бугор, как бугор, а наверху

деревья растут. Но это был большой артиллерийский дот. Сами финны называли его «миллионным», видно, потому, что стоил он миллионы золотом. Смотрел я и не верил: что настроили враги, сколько денег вбили! И как только эти доты взяли!

Отсюда, с этого дота можно было обстреливать первые два дота у дороги, а мертвого пространства уже не получалось. Между этими большими дотами были еще мелкие, — от них остались только ямки. С третьего дота виднелись и еще доты — там, там и там. Все они были подорванные, только серые груды остались.

Третий дот тоже был взорван саперами. Его пришлось подрывать три раза, на взрывы пошло около пяти тонн взрывчатки. Взрывами были разбиты броневые плиты, все казематы. Взрывом было уничтожено помещение рядом с дотом — тоже под землей; оттуда был выброшен огромный паровой котел.

Внутри этого дота, как и в других, еще валялось оружие, патроны, всякое имущество.

В подземном помещении уже разместились красноармейцы, сидели около костра, обогревались. Поговорили мы с ними хорошо, по-дружески. А ведь только позавчера здесь бой кипел!

Из этого помещения в лес, метров за триста, шел подземный ход. Но мы туда не пошли.

Выбрались мы на воздух. Снова огляделся я вокруг и подумал: «Трудно было такие вот крепости врага одолеть!»

Вернулись мы к своим автомобилям и поехали в другое место, — где 123-я дивизия линию Маннергейма прорвала. Здесь, на Сумме, действовала 100-я ордена Ленина дивизия.

Проехали мы кругом, километров семь — через Бобошино. По прямой линии было всего около четырех километров. Дорога вначале шла лесом. Как и под Суммой, в лесу было много землянок, блиндажей, навесов для лошадей, лес этот кончался рощей, наши товарищи прозвали ее «Зубом».

Вот роща кончилась, пошло открытое место, километра на полтора. За нею

бугры, на буграх серые груды — развалины дотов. Это и была знаменитая высота 65.5. Справа от дороги виднелось озеро под снегом. Слева, в сторону Суммы, где мы были, тянулся откос — голый, а дальше — поросший кустарником, березняком и ольшаником. Между этой высотой и Суммой озеро было там, внизу.

А за высотой, дальше, виднелась сосновая роща «Фигурная»; правее ее — роща «Молоток».

На эту поляну наши части вышли в декабре 1939 года. Тогда еще было не известно, что здесь как-раз и находятся доты.

Седьмого декабря, сбив боевое охранение противника, наши танковые и пехотные части прорвались через проволоку и надолбу и выскочили на высоты, не зная, что под землей — белофинские доты, тщательно замаскированные.

В этот момент белофинны и пустили в ход всю свою огневую систему дотов, всю свою артиллерию, все минометы и пулеметы.

Части немного отошли и окопались. Всем стало понятно: вот тут, по этим высоткам, и проходит линия Маннергейма. Как же ее взломать? Лбом ее не прошибешь!

И вот, наши части стояли перед линией Маннергейма. Нам это время казалось заминкой. Многие не понимали, почему эта заминка получилась. Оказывается, наши части за это время белофиннам житья не давали: авиация наша их сверху бомбила, артиллерия бомбардировала днем и ночью, и разведчики наши кусали тоже днем и ночью. А тем временем командование Красной Армии изучило все хитрости и уловки противника, всю его огневую систему. И вело подготовку к решительному наступлению.

Одиннадцатого февраля начался штурм, — неделю тому назад.

Едем дальше, к высоте. На снегу, на земле, — как в книге напечатано.

Вправо от дороги по бугорку тянулись блиндажи. Тут размещалось командование 123-й дивизии, совсем близко от линии Маннергейма. Рядом, по ложине, были артиллерийские позиции.

Впереди — в километре от дотов — были блиндажи командира Энского полка, Героя Советского Союза майора Рослого.

Перед штурмом, в четырехстах метрах от дота, помещался командир батальона, Герой Советского Союза капитан Сорока.

Его батальон наступал как-раз вдоль дороги. И в двухстах метрах от дота — в ложине, в вырытой ночью траншее, находились роты.

Тут же рядом были надолбы, противотанковый ров противника, проволочные заграждения. Левее дороги тянулся дальше лес колючей проволоки — сорок пять рядов на железных кольях. И колья были вделаны в бетон.

Меня очень поразило: как это шли на страшный дот прямо в лоб? Не лучше ли было его обойти? Но командир разъяснил мне, что обойти доты было просто невозможно. Доты были размещены по всей линии от Финского залива до Ладожского озера. Все они были связаны траншеями, поддерживали друг друга огнем. Вся местность была пристреляна. Где же тут обойти!

Но как же действовали наши части, как они прорвали линию Маннергейма? — хочу я дознаться, понять. Командиры объясняли. Великий Сталин лично занимался этой задачей. Он научил армию, чтобы дорогу нашей пехоте прочистила техника — артиллерия, танки, авиация, чтобы в армии было строгое взаимодействие между родами оружия.

В ночь на одиннадцатое февраля наша пехота засела в траншеи перед самыми дотами. И артиллерия и танки подтянулись. С утра одиннадцатого февраля, ровно с 9 часов 40 минут ударила наша артиллерия. До 12 часов шла артиллерийская подготовка. В начале войны как было? — Сначала артиллерия ведет огонь, потом идет пехота. Белофинны узнали этот порядок и стали хитрить. Когда наша артиллерия бьет, они залезают в убежища, в свои глубокие норы, и отсиживаются там. Как только артиллерия перенесет свой

огонь дальше, в глубину, а пехота наша пойдет в атаку, белофинны выбегают из убежищ, занимают огневые позиции в траншеях и открывают огонь по пехоте. Ну, наше командование эту хитрость белофиннов разгадало и поймало врага его же уловкой. Вот, артиллерия дала огневой налет по траншеям врага, по всему его переднему краю. Белофинны по-старому залезли в убежища. Наша артиллерия перенесла свой огонь дальше. Белофинны — бегом в траншеи. А наша артиллерия опять обрушилась огневым налетом на траншеи, на передний край, и давай их утюжить! Белофинны опять — бежать в убежища. Артиллерия опять переносит огонь в глубину. Белофинны думают: на этот раз пойдет пехота! Они бегут в траншеи, в окопы, и опять их накрывают снаряды. Да так несколько раз! А пехота наша с ночи подобралась совсем близко, дожидается своего срока.

К 12 часам наша артиллерия крепко протюжила белофинские позиции. В траншеях было полно трупов. Славно поработали герои-артиллеристы! Герой Советского Союза товарищ Егоров со своим расчетом выкатил орудие на 100 метров перед дотом № 006 и метким огнем бронейными снарядами заклепал амбразуру этого дота. Да так, что и стрелять изнутри нельзя. Я пошел к этому доту, броня его из шести плит, по пятьдесят сантиметров каждая, плиты эти сболчены — в нашу сторону смотрят. Вся она в отметках, вмятинах, один снаряд прошел прямо в дот, угодил в амбразуру, другие снаряды другие амбразуры, как я уже сказал, заклепали.

Ну вот, в 12 часов наша артиллерия перенесла свой огонь в глубину врага, чтобы он не сумел подбросить резервы. Наши танки и пехотные батальоны бросились в атаку на доты. Два танка наших подбитых я увидел у самого дота, вот куда они забралась! Белофинны, оставшиеся в живых, бросились в траншеи и открыли огонь из пулеметов и автоматов. Но наши герои уже ворвались в траншеи и уничтожили врага.

Батальон Героя Советского Союза капитана Кравченко первый овладел дотом № 0021 — правее дороги, у роши «Молоток».

В 12 часов 28 минут и батальон товарища Сороки овладел центральным дотом № 006.

Вышли мы из автомобилей, поднялись на дот № 006. Его взорвали саперы вместе с его гарнизоном. Тоже нелегко было саперам под огнем взрывчатку целыми тоннами таскать. К полюто подвозили, а здесь, по воронкам, на руках подносили. Кругом дота и внутри дота, в казематах валялись разбитые орудия, винтовки, патроны. Железная арматура торчала, как щетина. А кругом — перепутанная проволока, воронки, перепаханная снарядами земля, осколки, — ноги негде поставить.

Невдалеке за этим дотом — был огромный артиллерийский дот, тоже взорванный. На него и взорванного смотреть было жутко.

Какая это картина! Она так и стоит перед глазами. Разбитые доты, поле смерти, впереди ободранные, обглоданные снарядами деревья роши «Фигурная». Дальше — лес, за лесом кипит бой, очень ясно видны разрывы снарядов, и над нами наши тяжелые снаряды воют. А тут же, в развалинах дотов, сидят красноармейцы.

— Холодно вам?

— А мы не чувствуем, Выборг вам скоро возьмем!

И тут же умываются снегом, утираются — здоровые, крепкие. Улыбаются.

Мне в их улыбке — вся моя Родина улыбнулась.

Хотели мы дальше проехать к передовым позициям, да пришлось вернуться в Бобошино. Дальше и войска наши — пехота в белых халатах — шли по одному по тропинкам. И поздно уже было — солнце садилось.

Предложили нам пообедать. Мы сказали:

— Давайте нам, что сами едите.

Нам подавали сало, борщ, какао, и «спецпак» — водки по сто грамм — тоже предложили желающим. Я спрашивал красноармейцев — хорошо

ли с питанием. Они отзывались с одобрением. И верно — питание отличное. Хлеб очень хороший. Сами его там на фронте и выпекали.

После обеда собрались мы в бывшей белофинской столовой. Светло, своя электростанция энергию дает. Тепло, буржуйки топятся. Разговоры между нами горячие. Наши — с завода «Большевик» — все вспоминали броневые плиты и колпаки на дотах. Они говорили, что сталь там отличная, каленая. И разбить ее, расколоть те самые колпаки под силу не маленьким снарядам!

Вскоре начался в столовой митинг. Один из командиров сделал нам обстоятельный доклад.

Сначала он говорил так:

— Наверное, ленинградцы ругались, что задержалось войско перед линией Маннергейма.

Мы все улыбаемся. А он продолжает. Он говорит, что вот пришлось перестраиваться, переучиваться. Прямо скавал: «С вашей помощью армия перестроилась. И в этом большая заслуга ленинградцев. Ленинград играл очень большую роль, заботился о фронте каждый день и каждую ночь, все это знали и видели».

Я слушал слова командующего, и гордость у меня была. А он докладывал, как готовились части штурмовать доты, как разведывали белофинские позиции, как научились справляться с крепостями и с врагами.

Конечно, было очень трудно, я же сам видел. На дот № 45 — первый, который мы осматривали, — пришлось подтаскивать через сугробы под огнем целых четыре тонны взрывчатки, чтобы уничтожить его.

Подробно рассказал докладчик о помощи, которую оказали фронту ленинградцы.

Писать обо всем этом ни к чему, понятно. Кое-что известно народу.

Началось у нас митингом, а потом вышла сердечная беседа.

Много нам порассказали товарищи из фронтовой своей жизни. Помню рассказ, как красноармейцы подползали к дотам на лыжах со щитками.

Один лейтенант с бойцом забрался на дот. Белофинны высунутся — он же в них гранаты бросает, обратно их загоняет. Долго ему там пришлось сидеть, пока красноармейцы подтаскивали взрывчатку. И этот дот тоже был взорван.

Наши ленинградцы на фронте действовали отважно, героически. Один капитан мне рассказывал:

— Были у меня ленинградцы в роте. С такими все можно сделать. Находчивые. Герои бесстрашные.

Заверили, что ленинградцы еще лучше будут работать. Мы фронтовикам благодарны: ведь в городе и не ощущали войны, ни одного выстрела не слышали.

Хотели мы свои подарки отвезти прямо на передовую линию, но товарищи не пустили.

Сложили мы подарки, сдали их по списку. Попрошались и вскоре поехали домой в Ленинград. Ночь была ясная, лунная. Я видел большие зарева в районе Койвисто и к Выборгу. И огонь красный вымахивал. Освещал все. Там бой и ночью шел.

Закрывал я глаза — так и стоят передо мной: надолбы, колья с проволокой, броневые плиты и купола, доты.

Немало прожил я на свете, немало видел я на своем веку! Плавал я на Каспии, на Балтике, выдерживал бури и штормы, все выплывал. В наши советские годы довелось мне плавать в Немецком море, в Бискайском заливе нас однажды мотало. И Атлантику видел, и Средиземное море, и Черное. Когда Ивана Дмитриевича Папанина ледокол «Ермак» снимал со льдины, я там тоже был. «Ермак» мы на своем заводе отремонтировали за неделю вместо двух месяцев. Сделали быстро, и сразу под уголь. И я пошел на «Ермаке» в Ледовитый океан гарантийным механиком. Я за свою работу постоянно буду отвечать! Всего посмотрелся я тогда в Арктике. Большую победу над стихией одержала Родина.

Но как все это сравнить с той победой, которую завоевали наши бойцы,

командиры и политработники на Карельском перешейке? Никак не сравните!

Все это мне в голову пришло по дороге с фронта в Ленинград. И вот тут, в дороге, взяла меня обида. Большая у меня беда — родился не в советское время. Хочу больше пожить. Постигнуть, что будет дальше и участвовать в великой борьбе. Мы знаем — будет война. Нужна техника и люди. С техникой у нас дело идет, в своих ведь руках. А людьми мы уже обогнали за границу.

Ну, а насчет дотов — почему они не устояли против нас?

У нас каждый знает, за что воюет. За великое святое наше дело жизни на фронте не жалели. Побеждает тот, за кем опора. А за Красной Армией — весь советский народ.

Наша Красная Армия хорошо вооружена, и тут я вижу победу индустриализации нашей страны; победу политики Ленина — Сталина.

Командование у нас хорошее.

И всех нас учит и ведет к победам наш великий дорогой Сталин!

Партизаны

ЮР. ЖУКОВ

★

Пройдут десятилетия, пройдут века, но из памяти человечества никогда не изгладится прекрасная и величественная дата 3 июля 1941 года. Мир особенно настороженно прислушивался в это утро к грохоту канонады, оглашавшей равнины Восточной Европы. Занималась заря двенадцатого дня войны, — закован-ная в броню фашистская армия, не считаясь с потерями, лезла напролом через советские рубежи. Огненный вал уже прокатился через всю Литву, опалил своим дыханием значительную часть Латвии, Западную Белоруссию, часть Западной Украины. Пылали десятки городов и селений, никли к земле подсе-ченные снарядами леса, увядали истер-занные танками луга и нивы, и пчелы жужжали над расстрелянными ульями.

Еще ни разу, ни в одной стране, куда бы ни вторгались германские танки, им не приходилось сталкиваться со сколько-нибудь серьезным сопротивлением, — громили всегда предпочитают нападать на беззащитных. Но здесь, на востоке, вышло иначе. В болотах Бело-руссии, в лесах Литвы, в отрогах Кар-пат немецкая армия впервые узнала, что такое настоящая война. Каждый метр захваченной ими земли пропитался кро-вью, как губка, и тысячи танков и са-молетов, отмеченных свастикой, уже об-ратились в груды исковерканного ме-талла. Но наступление все еще продол-жалось, — 170 дивизий, ринувшихся че-рез границу без объявления войны, ис-

пользовали последние преимущества вне-запного удара, и Берлин сулил скорое взятие Москвы, умалчивая о своих огромных потерях и растущем сопротив-лении советских войск.

И вот, в 6 часов утра 3 июля 1941 года советские радиостанции оповестили мир о выступлении Иосифа Сталина, и миллионы людей услышали такой зна-комый и близкий, задушевный голос:

«Товарищи! Граждане! Братья и се-стры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!..»

Прямо и смело говорил Сталин о смертельной угрозе, нависшей над Роди-ной. Уверенно и спокойно указывал пу-ти к спасению от этой угрозы. Он не обещал быстрой и легкой победы над врагом. Но ни у кого из слушавших его не оставалось и тени сомнения, что победа эта обеспечена, — все силы наро-да подняты на разгром врага, а такой народ, как наш, сломить невозможно.

Сталина слушали не только по эту сторону фронта. Его слова воспринима-ли, как боевой приказ, и граждане, от-сеченные вражескими танками от Моск-вы. Ведь это к ним обращался вождь:

«В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные груп-пы для борьбы с частями вражеской ар-мии, для разжигания партизанской вой-ны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов.

В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия...»

И районы, временно занятые врагом, ответили Сталину:

— Слышим и действуем!

И завтра же, 4 июля, как могучий салют в честь единства героического народа, в честь вождя, воспитывающего поколения бесстрашных, прогремели первые взрывы во вражеском тылу. В этот день Советское Информбюро сообщило в своей очередной сводке:

«Начинают поступать сообщения о действиях партизанских отрядов в советских районах, захваченных противником. Вот один из таких фактов. По узкоколейной ветке по направлению к фронту продвигался состав с боеприпасами для германской артиллерии. На пути продвижения состава охрана заметила густой дым, а затем и пламя, бушевавшее по обе стороны железнодорожного полотна. Желая проскочить опасную зону на полном ходу, машинист развил большую скорость. Маневр не удался. В самом центре лесного пожара путь оказался заваленным горящими деревьями. Когда охрана поезда стала разбрасывать преграду на путях, раздались выстрелы из дробовиков и ручного пулемета. Смелое нападение партизан увенчалось полным успехом. Поезд с боеприпасами взорвался. Команда, сопровождавшая поезд, уничтожена. Партизаны — отважные советские патриоты — успели во-время скрыться...»

Так началось великое всенародное движение, открывшее новую страницу в летописи Отечественной войны.

1

Мир знает цену оружию нашего партизана. Самое слово «партизан», пущенное в ход солдатами Наполеона, заставляет любителей прогулок по чужим землям боязливо поживать, — достаточно напомнить хотя бы имена легендарных партизан Отечественной войны 1812 года крестьянина Герасима Кури-

на или старостихи Василисы Кожинной. А ведь Наполеон был разгромлен в те времена, когда, по меткому слову современника, «еще Россия не подымалась во весь исполинский рост свой»!

Внуки Герасима Курина и Василисы Кожинной, сыны Василия Чапаева и Сергея Лазо — партизаны наших дней — сумеют дать и уже дают достойный ответ на пророческий вопрос, поставленный отважным партизаном 1812 года Денисом Давыдовым в работе «О партизанской войне»:

«Не разрушится ли, не развеется ли, не снесется ли прахом с лица земли все, что ни повстречается, живого и неживого, на широком пути урагана, направленного в тыл неприятельской армии, занятой в то же время борьбой с миллионной нашей армией, первого в мире по своей храбрости, дисциплине и устройству?..»

Фашисты, верные своей тактике подавления психики противника страхом пытаются залить кровью очаги партизанского движения. Поистине ужасы средневековья кажутся невинными шалостями рядом с теми сообщениями, которые мы читаем теперь изо дня в день в хронике войны.

Общеизвестный закон механики гласит: «Действие равно противодействию». Жизнь внесла поправку в этот закон: противодействие во много раз сильнее действий фашистского зверья. Все попытки запугать, застрашать ужасами и пытками советский народ возымели обратное действие, — колхозники, покинув сожженные немцами дома, берутся за топоры и уходят в лес, чтобы громить интервентов; жители городов, по улицам которых текут реки крови, вооружаются бутылками с бензином и засыпают огненным градом немецкие танки; в лесах, в глухих пловнях и среди болот ширится и крепнет миллионная армия красных партизан.

В историю великой Отечественной войны золотыми буквами будет вписан текст присяги партизана, которую в эти дни принимают отважные белорусские рабочие, колхозники, интеллигенты, добровольно оставшиеся в тылу врага для борьбы с ним. Вот этот текст:

«Я, гражданин великого Советского Союза, верный сын героического белорусского народа *клянусь*, что не выпущу из рук оружия, пока последний фашистский гад на нашей белорусской земле не будет уничтожен.

Я обязуюсь беспрекословно выполнять приказы своих командиров и начальников, строго соблюдать воинскую дисциплину. За сожженные города и села, за смерть детей наших, за пытки, насилия и издевательства над моим народом, я *клянусь* мстить врагу жестоко, беспощадно и неустанно.

Кровь за кровь и смерть за смерть!

Я *клянусь* всеми средствами помогать Красной Армии уничтожить бешеных гитлеровских псов, не щадя крови и своей жизни.

Я *клянусь*, что скорее умру в жестоким бою с врагом, чем отдам себя, свою семью и весь белорусский народ в рабство коварному фашизму.

Если же по моей слабости, трусости или по злой воле я нарушу эту свою присягу и предаю интересы народа, пусть умру я позорной смертью от рук своих товарищей...»

...Партизанские отряды возникают быстро. Вот фашисты приблизились к живописному украинскому селу Н., славящемуся своим изобилием и богатством. Еще вчера вокруг села зеленели фруктовые сады. На полях созрел прекрасный урожай. Радовали глаз опромные стада породистого скота колхозных ферм...

Отдать все это фашистам? Покориться помещикам и царю, которого везут в своем обозе немцы? Лучше смерть, чем такой позор! И колхозники начинают яростно уничтожать свое добро, нажитое ценой огромных трудов. Они скашивают незрелые хлеба, сбивают с ветвей деревьев завязи плодов, режут скот, поджигают фермы. Все жители села — старики, дети, женщины — уходят в дремучий лес.

Вечером в село входят фашисты. Они голодны, злы, оборваны, — нелегко дается им захват украинской деревни. Теперь-то они попируют! Но ни в одном дворе им не удается найти ни куска хлеба, ни стакана воды. Весь хлеб вы-

везен, все колодцы завалены. Фашистам не на ком даже выместить свою злобу — в селе не осталось ни одного живого существа.

Тем временем в глубине леса уже собирается на свой первый сбор только что возникший партизанский отряд — пастух Максим В., помощник колхозного садовода Иван М., однорукый зоотехник Гавриил Н., птичница Шура Д... Командование отрядом принимает пожилой колхозный плотник Степан Михайлович К., который участвовал в партизанской войне с немецкими оккупантами в 1918 году, — тогда партизанский отряд, которым командовал матрос Приходько, оперировал в этих же самых лесах.

Вооружен колхозный партизанский отряд пока небогато — у колхозников всего 10 винтовок и несколько гранат. Но молодежь не унывает, — она рассчитывает пополнить запасы вооружения при первой же встрече с немцами.

И вот, наступает боевое крещение «Летучего отряда», — так называли свое подразделение партизаны. Пастух В., пробравшись знакомыми улицами к колхозу, где расположились немцы на ночлег, доносит командиру плотнику Степану К.:

«Фашисты у фермы. Спят. Танков нет. Одна пушка и два пулемета. Двое часовых...»

По команде командира двадцать во семь отважных партизан молниеносно обрушиваются на врага. Раздаются выстрелы. Гремят разрывы гранат. Немцы предполагают, что их окружила крупная военная часть, и теряются.

Исход боевой схватки решен — немцы разгромлены; партизанами захвачены богатые трофеи — много винтовок, два пулемета, патроны. Все это бережно уносится в лес. Теперь отряд обеспечен боеприпасами и может приниматься за решение более сложных тактических задач. Не станет дело и за пополнениями — со всех концов к «Летучему отряду» стекаются добровольцы, жаждущие получить оружие для борьбы с врагом.

В эти же дни за тысячи километров от села Н. на другом участке фронта

возникает другой партизанский отряд. Состав его несколько иной: железнодорожники, учащиеся, колхозники. Среди партизан отважная девушка из Ленинграда Вера З. Она случайно оказалась в этих местах: проводила отпуск в селе. Могла бы эвакуироваться к родным в Ленинград, но предпочла остаться и вступить в партизанский отряд. Здесь же — пожилая жена паровозного машиниста, убитого фашистами. С нею — двое ее детей Виктор и Анна.

Небольшой партизанский отряд ведет тяжелую и упорную борьбу с врагом. В его активе — целый ряд блестяще проведенных боевых операций. В селе Н., например, партизаны атаковали и забросали гранатами штаб вражеской части. Немцы подняли по тревоге всю часть, но партизан не обнаружили. Когда немцам показалось, что опасность уже миновала, партизаны на противоположном конце села взорвали фашистский зарядный ящик с боеприпасами. Снова немцы объявляют тревогу, и снова поиски партизан оканчиваются безрезультатно. Трое суток крохотный отряд смельчаков держал в страхе и тревоге большую, отлично вооруженную воинскую часть фашистов!

Партизаны сбивают выстрелами вражеских мотоциклистов, поджигают склады, совершают успешные налеты на коммуникации врага. Они действуют смело и бесстрашно, так как убеждены в правоте великого дела, которому они посвятили свои жизни. Нельзя без волнения читать их письмо в ЦК ВЛКСМ, переданное корреспондентом «Комсомольской правды» Р. Июльским, которому удалось перейти линию фронта и побывать в лагере партизан.

«Мы, комсомольцы Энского партизанского отряда Виктор К., Анна К., Иван М., Григорий В., Никита Л., Иван Д., Вера З. и Лида М. заверяем Центральный Комитет Ленинско-Сталинского комсомола, что будем драться до последней капли крови — будем уничтожать фашистов, где бы ни встретили их. Не будет им пощады...»

Мы рассказали здесь только о возникновении двух партизанских отрядов.

А ведь счет их теперь ведется на сотни и тысячи. Найдется ли эпопея, с которой можно будет сравнить летопись подвигов красных партизан, когда закончится война и можно будет узнать все подробности изумительной по своему мужеству и упорству боевой деятельности этих героев?

2

Иосиф Сталин сказал 3 июля: «Великий Ленин, создавший наше Государство, говорил, что основным качеством советских людей должно быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей родины. Необходимо, чтобы это великолепное качество большевика стало достоянием миллионов и миллионов Красной Армии, нашего Красного Флота и всех народов Советского Союза.»

Эти волнующие слова прозвучали по всей стране, как властный призыв к великим народным подвигам. Весь мир знает, на что способен советский боец, не знающий страха и презирающий смерть. Но не только на линии фронта, но и далеко за ней, во вражеском тылу, где действуют наши партизанские отряды, граждане СССР совершают чудеса храбрости и отваги.

Героями становятся простые рядовые люди, которые еще вчера ничем не выделялись.

Указом Президиума Верховного Совета СССР присвоено звание Героев Советского Союза руководителям одного из партизанских отрядов: Тихону Павловичу Бумажкову и Федору Илларионовичу Павловскому. Группа их ближайших друзей и соратников награждена орденами и медалями. Этот героический отряд творит чудеса смелости и отваги.

В одном из боев отряд Бумажкова и Павловского уничтожил 18 вражеских танков и машин. Не так давно этот отряд устроил налет на штаб фашистской дивизии. Партизаны захватили богатейшие трофеи — 25 автомобилей, много мотоциклов, велосипедов, ценные документы. Операции проведены блестяще,

хотя и товарища Бумажкова, и товарища Павловского до войны никто не знал как полководцев.

А кто знал до войны скромного председателя сельсовета, который теперь прославился под именем «Деда»? Этот человек не имел никакого военного опыта, — лишь два года он служил рядовым бойцом в кавалерии. Но грянула война, родное село оказалось за линией фронта, и этот человек стал выдающимся водителем партизан. Организованный «Дедом» партизанский отряд стал подлинной грозой для фашистов. Он уже уничтожил семь вражеских танков, ликвидировал группу немецких мотоциклов, уничтожил на большом протяжении телефонные и телеграфные провода.

В другом районе партизанский отряд возглавил бывший секретарь райкома партии тов. К. Этот отряд за короткий срок истребил несколько фашистских автоколонн с боеприпасами и горючим.

В третьем районе партизанский отряд был создан старшим конюхом Горкоммунхоза, который завербовал группу людей, умеющих ездить верхом, и роздал им коней из конюшни коммунального отдела. Этот кавалерийский отряд совершенно неуловим. Как ни стараются немцы поймать его в западню, им это не удается. А партизаны тем временем беспощадно истребляют немецких солдат и офицеров всюду, где их ни встретят.

Надо обладать незаурядным мужеством для того, чтобы сражаться в рядах этих летучих отрядов, действующих в тылу врага, изо дня в день становящихся лицом к лицу с превосходящими силами коварного и злобного противника. Партизаны хорошо знают: попасть в лапы к немцам — значит погибнуть самой тяжкой, мучительной смертью. И, тем не менее, немецкий террор бессилен угасить деятельность партизан. Наоборот, каждая новая расправа своей бессмысленной жестокостью усиливает тягу населения в партизанские отряды. Ненависть к врагу удесятерит силы героев великой всенародной войны с фашистами.

Пример Ивана Сусанина стал образцом. Народ свято чтит память отважного костромского крестьянина, который завел врагов в непроходимые дебри, чтобы их погубить. Мы привыкли к образу Сусанина, сжились с ним, он стал родным и близким каждому из нас. Но вот оказывается, что подвиг Сусанина жив не только в памяти народной, — он повторяется в боевых делах партизан...

Дело было на Украине. Мимо одного из лесов проходил немецкий кавалерийский отряд. Им повстречался Ваня С. — самый юный из партизан «Летучего отряда». Немецкий унтер-офицер скомандовал:

— Стой!

Мальчик послушно остановился.

— Признавайся, — ты большевик! — воскликнул унтер-офицер, заглянув в свой походный словарь.

Ваня С., сделав испуганное лицо, оборотомал:

— Ні, пану. Ні, пану!..

Унтер-офицер продолжал допрос:

— А кто твой отец?

Ваня С., не задумываясь, ответил:

— Мой батька давно помер, я один с матерью. Лесник я, живу вон там, — и он указал в сторону леса.

Унтер-офицер подумал и спросил:

— А не знаешь ли ты дорогу в город?

Ваня С. обрадовался, но не подал виду и с деланным безразличием сказал:

— А як же! Добре знаю.

Унтер строго сказал:

— Веди нас! Только смотри, — если обманешь, получишь вот это, — и он потряс револьвером.

Ваня С. повел немцев по извилистой лесной дороге. Лес становился все гуще. Немцы начали тревожиться, — куда приведет их этот паренек? Унтер-офицер то-и-дело останавливал его и поучал с револьвером в руке:

— Смотри, не туда поведешь, — застрелю...

Шли долго. Наконец, уже в сумерках, Ваня С. вывел отряд немецкой кавалерии к опушке леса. Впереди широкой полосой стлались топкие болота.

— Теперь сюда, — хладнокровно сказал Ваня С., указывая в сторону болота.

И в этот же миг затрещали выстрелы, загредел пулемет. Лошади немецких кавалеристов шарахнулись в сторону и увязли в болоте. Ловкий проводник привел немцев прямо к засаде партизан...

...Недаром известный шведский военный публицист полковник Братт пишет в газете «Дагенс Нюхетер»:

«Все говорят о том, что русские ведут партизанскую войну дьявольски искусно. Русский солдат оказался способным к партизанской войне, требующей индивидуальных действий. Немцы подчеркивают, что «малая война», ведущаяся за линией основного фронта, тяжела, жестока и приносит огромные потери...»

Почтенный полковник ошибается в одном: партизанскую войну ведет не «русский солдат», а весь народ — от подростков до глубоких стариков. Вряд ли даже самый пристрастный военный наблюдатель причислил бы к солдатам седого старика-колхозника из деревни Б. Житомирской области, который выбежал навстречу немецким танкам с криком «смерть фашистам» и метнул под гусеницы головной машины подобранный им где-то гранату, обрекая себя на верную смерть. Вряд ли можно причислить к солдатам мирного пчеловода К. из украинской деревни Н., который собственными руками разбил все ульи на созданной им многолетними трудами пасеке, выпустил пчел в лес и ушел в партизанский отряд. Вряд ли можно назвать солдатами работников Энского сельмага, которые сожгли все, что было в магазине, выбили крышку из бочки с морсом, уцелевшей от пожара, — чтобы и кружка морса не осталась фашистам, — и присоединились к партизанам.

Отдельные герои выдвигались во все времена. Но особенность нынешней войны состоит именно в том, что сейчас, как никогда, героизм становится массовым явлением, повседневностью.

Вот поистине трагическая и прекрасная история о том, как оборонялся от

врага маленький, а в былом очень тихий и мирный город В. К этому городу прорывались крупные фашистские силы. Прежде всего его атаковали с воздуха. Смертоносный град бомб обрушился на город. Фашистские летчики швыряли свой страшный груз куда попало — первыми приняли удар городская библиотека, школы, больницы. Жители города не испугались бомб. Они мужественно тушили пожары, быстро уничтожали очаги огня.

Тогда немцы усилили бомбардировку. Им казалось — должен же быть предел человеческой выдержке! Зажигательные бомбы падали на каждую крышу. Сильный ветер раздувал пламя. Деревянные строения вспыхивали, словно порох. И все-таки люди не прекращали борьбу с огнем. Город удалось и на этот раз отстоять.

Несколько дней продолжалась эта страшная война нервов. Немцы первыми отказались от ее продолжения, увидав, что жителей В. не удастся запугать

бомбежкой; они бросили в атаку на город крупное войсковое соединение.

Вначале был высажен десант. Несколько десятков танков, сотни мотоциклистов-пулеметчиков ворвались в город. Их встретило народное ополчение, главным оружием которого были бутылки с бензином, — бензин разливали по бутылкам на пивоваренном заводе. Горящими бутылками ополченцы буквально забросали вражеский отряд. Больше половины танков сгорело. Мотоциклистов сбивали с линии этими же самыми бутылками. Десант был уничтожен.

Но неравенство сил было слишком явным. По стратегическим соображениям наши регулярные войска выравнивали линию фронта и не могли сохранить за собой город В. Само же ополчение не могло бы длительно оборонять его, — немцы бросили против В. тяжелую артиллерию, тяжелые танки, моторизованную пехоту.

И все мужчины города ушли в леса, в партизанские отряды. Старики, дети, женщины также покинули родные дома и ушли по шоссе на восток. Их преследовали фашистские летчики. Они расстреливали бегущих инвалидов, женщин, детей, думая хотя бы теперь запугать жителей В., сломить их волю к борьбе.

Но воля советского человека не ломается, она лишь напрягается, как пружина. Как мощный ответ на эту варварскую расправу, прогремели взрывы в оставленном городе. Как только немцы вступили в его опустевшие улицы, их опалило пламя пожаров, — весь город горел, рвались нефтехранилища, взрывались склады.

Немцы пытались пробраться через реку по мосту, который каким-то чудом уцелел за городом В. Тяжелые танки, цистерны с горючим, отряды мотоциклистов ворвались на этот мост. Но в тот момент, когда фашисты уже готовы были поздравить себя с удивительно легкой переправой, кучка партизан, притаившихся под мостом, подошла на себе бикфордовы шнуры, и вся эта железная машина вместе с безыменными героями взлетела в воздух.

Партизаны пошли на верную гибель во имя победы, — они опасались, что на большом расстоянии дымок от бикфордова шнура немцы заметят и сумеют предотвратить взрыв...

Весь народ воюет с фашистами, — вот в чем особенность этой необыкновенной войны и вот где причины поистине изумительных побед партизанского оружия.

3

Партизанскую войну военные авторитеты толкуют различно. Одни придают ей большое значение, другие, — в первую очередь фашистские, — склонны ею пренебречь. Нам кажется нелишним напомнить здесь замечательное определение, данное партизанской войне великим знатоком ее Денисом Давыдовым, имя которого упоминалось выше:

«Односторонний взгляд на предмет или суждение о нем с мнимой предусмотрительностью есть причина того понятия о партизанской войне, которое не престаёт еще господствовать. Схватить языка, предать пламени несколько неприятельских хранилищ, недалеко отстоящих от армии, сорвать неожиданно передовую стражу или в умножении партий видеть пагубную систему раздробительного действия армии — суть обыкновенные сей войны определения. И то и другое ложно! Партизанская война состоит ни в весьма дробных, ни в первостепенных предприятиях, ибо занимается не сожжением одного или двух амбаров, не сорванием пикетов и не нанесением прямых ударов главным силам неприятеля. Она объемлет и пересекает все протяжение путей, от тыла противной армии до того пространства земли, которое определено на снабжение ее войсками, пропитанием и зарядами, чрез что, загрожая течению источника ее сил и существования, она подвергает ее ударам своей армии обессиленною, голодною, обезоруженною и лишенною спасительных средств подчиненности. Вот партизанская война в полном смысле слова!..»

Красные партизаны великой Отечественной войны 1941 года на практике осуществили то, о чем мечтал сто трид-

цать лет назад Денис Давыдов. На всем пути от границ Восточной Пруссии и до линии фронта «заграждено течение источника сил и существования» фашистской армии. Каждый день происходят тысячи нападений красных партизан на автоколонны врага, на мосты, на связь, на склады. По всему Варшавскому шоссе, от госграницы и до самого Бобруйска, валяются железные скелеты разбитых и сожженных партизанами автомашин.

Координируя свои действия с частями Красной Армии, красные партизаны решают сложные тактические задачи, решительно и смело дезорганизуют вражеский тыл.

Недавно, например, партизанский отряд под руководством секретаря К-ского райкома КП(б) Белоруссии Максима Ивановича Жуковского, ныне награжденного орденом Ленина, захватил с налету город С., уничтожил посты, выбил из города вражеский гарнизон. Отсюда лихой партизанский отряд перебросился на новое направление и захватил районный центр К., уничтожил и здесь германский гарнизон.

Другой партизанский отряд захватил крупные населенные пункты С. и Л., оккупированные немцами. Фашистские гарнизоны были уничтожены, склады боеприпасов взорваны. Немцы вынуждены усиливать свои гарнизоны в захваченных городах, оттягивая войска с фронта для их обороны. В сущности, каждый город и каждое село, захваченные ими, превращаются в осажденные крепости.

Еще тяжелее положение фашистских коммуникаций, находящихся под постоянными ударами партизан, смело атакующих даже такие колонны, которые идут под охраной танков.

Так Энский объединенный партизанский отряд уничтожил огнем и в волчьих ямах 30 танков и бронемашин противника. Три броневика, брошенные бежавшими в панике фашистами, были приняты партизанами на вооружение и успешно действуют теперь против немцев. Этот сильный отряд успешно занял города Наричи и Глусск, разгромив фашистские гарнизоны.

Партизанский отряд, которым руководят секретарь Р-ского райкома КП(б) Белоруссии и директор одного из спиртозаводов, успешно атаковал германскую автоколонну. Пехоту партизаны уничтожили. Были захвачены один танк, десять броневиков и одна противотанковая пушка. К рулям машин партизаны посадили колхозных трактористов, и теперь в составе этого отряда действует целое подразделение бронемашин.

Особенность народной партизанской войны, между прочим, состоит в том,

что именно здесь открываются исключительно широкие возможности для личной инициативы, сметки, изобретательности бойца. Военная наука всегда черпала ценнейшие новшества из практики партизан. Так были открыты пулеметные тачанки во времена гражданской войны, бутылки с бензином как средство борьбы с танками в Испании. Так в наши дни партизаны изобретают новые и новые средства для борьбы с техникой противника.

В одном из лесов Украины, например, орудует партизанский отряд, специализировавшийся на истреблении фашистских автоколонн с боеприпасами. Их

оружие элементарно простое — партизаны заготовили брусья, в которые вбиты железные шипы. Эти брусья с настилением темноты раскладывают по дороге. Автомобиль, наскакывая на такое препятствие, немедленно останавливается с проколотыми шинами. Партизаны атакуют машину и уничтожают боеприпасы вместе с охраной.

Другой партизанский отряд придумал простое и остроумное приспособление для борьбы с вражескими мотоциклистами. Через дорогу протягивается тонкий стальной трос. Если приближается большая колонна противника — трос лежит, зарытый в дорожной пыли. Но как только на дороге появится отдельный мотоциклист—дозорный или связной — трос мгновенно натягивается перед самым носом у фашиста, и он кубарем летит с седла. За короткий период времени партизаны уничтожили таким способом 17 мотоциклистов врага!

А вот любопытный документ, который распространяется среди партизан и бойцов народного ополчения Энской области:

ПАМЯТКА

Как бороться с танками противника

Бойцу надо знать, что водитель и наблюдатель танка через щель видит очень узкую полосу местности. Находясь в укрытии (щели, скопе и т. д.) или же немного уклонившись в сторону от пути следования танка, боец может остаться совершенно незамеченным. Танк противника не страшен и может быть легко уничтожен следующими средствами:

- 1) Метким огнем по щелям танка.
- 2) Связкой гранат из 5 штук, брошенными под танк.
- 3) Бутылками с зажженным бензином.

Бутылки заранее должны быть наполнены бензином и закупорены так, чтобы не вытекал бензин. Горлышко или же нижнюю часть бутылки обвязать быстро воспламеняющимися материалами (марля, лен, куделя, пакля и т. п.). Перед

бросанием в танк материал, привязанный к бутылке, смочить бензином и зажечь (спичкой, зажигалкой). Зажженная бутылка должна быть немедленно брошена в танк, с таким расчетом, чтобы она попала на переднюю часть танка — место нахождения щелей для наблюдения, т. е. перед башней. В случае нахождения бойца сбоку или сзади танка, бутылку бросать в башню.

При ударе о танк бутылка разбивается, бензин воспламеняется от горящего материала и, проникнув внутрь танка, поражает экипаж и танк. Если экипаж танка начнет вылезать, его необходимо уничтожать оружием. Уничтожайте также пехоту противника, следующую за танками, оружием, гранатами и другими средствами.

Товарищи! Смело и решительно истребляйте танки и живую силу врага.

Областной штаб Народного Ополчения.

Всюду, неутомимо, всякими средствами партизаны промят врага, не давая ему покоя ни днем, ни ночью, не оставляя ни часу отдыха, умело и ловко расстраивая его тылы. Авантюристическая тактика германской армии, рассчитанная на психологическое подавление противника, строится на полном пренебрежении к собственным тылам. Практика первых недель войны на Восточном фронте показала, что подобная тактика весьма дорого обходится немцам. Всюду, за каждым деревом и за каждым камнем, подстерегает авантюристов смерть!

В районе Бояновичи, например, Энский партизанский отряд выследил идущую вперед немецкую пехоту. Партизаны пропустили ее через реку Птичь, вызвали на помощь советскую воинскую часть, затем взорвали все четыре понтонных моста, наведенных немцами, и вместе с бойцами Красной Армии атаковали врага. Свыше 1 000 фашистов поплатились

своей жизнью за попытку врезаться «клином» на советскую землю.

Другой партизанский отряд обнаружил в лесу какой-то вражеский штаб. Он усиленно охранялся. Партизаны справедливо решили, что здесь сконцентрирован какой-то важный узел управления. Они вызвали на помощь воинскую часть и совместно с нею атаковали штаб. Много солдат и офицеров, в том числе генерал, было убито. Важные штабные документы и группу пленных офицеров партизаны доставили нашему командованию.

Жертвами своей собственной авантюристической тактики оказались наилучшие водители фашистских танковых войск — генерал Шмидт, командир 39-го танкового корпуса, и генерал Гудериан, командир 19-го танкового корпуса. Генерал Шмидт был убит, а штаб генерала Гудериан разгромлен отважными партизанами.

По сведениям иностранных газет, генерал Гудериан пытался бежать, но был убит. Германская печать утверждает, что этому генералу удалось бежать. Во всяком случае, судьба обоих «светил» германских бронетанковых войск — Шмидта и Гудериана — достаточно красноречиво говорит о том, что представляет собой сейчас тыл германских армий в оккупированных ею областях. Партизаны с честью выполнили сталинский наказ и создали поистине «невыносимые условия для врага и всех его пособников».

Немецкие генералы, напыщенно декларирующие «войну нервов», все чаще и чаще теряют присутствие духа и нервничают сами. Недавно, например, немецкое командование разослало войскам приказ, запрещающий останавливаться в лесах. Войскам предложено располагаться на отдых только в поле, маскируясь и выставляя большую охрану. «В крайнем случае, — сказано в приказе, — перед остановкой в лесу, лес надо простреливать из пулеметов и, если возможно, из орудий». За каждым деревом фашистам мерещится вездесущий и всесильный партизан.

Терроризованные частыми внезапными атаками, немцы теряют свою стой-

кость при встречах с партизанами на марше. В колоннах все чаще возникает паника и давка. Лучшее представление о воздействии партизанских атак на психику германских солдат и офицеров дает донесение в штаб 18-й немецкой танковой дивизии от командира танковой колонны майора Ф. Мельцер, захваченное при взятии связной танкетки партизанским отрядом председателя сельсовета т. Ю.:

«Ставлю в известность о том, что многие солдаты высказывают в личных беседах друг с другом недовольство нехваткой продовольствия. Ваши указания о необходимости добывать продовольствие на месте выполнить не представляется возможным. Русское крестьянство, вопреки всем нашим предположениям, оказалось настолько фанатичным, что уходит вместе с Красной Армией, уничтожая все свое имущество. За последние 6 дней я потерял еще около 20 своих лучших людей, посланных на автомашинах в расположенные вокруг нас села добывать продовольствие. Из 23 солдат вернулись, и то ни с чем, только трое. Остальные, очевидно, убиты или захвачены в плен партизанами, которые не дают нам покоя ни днем, ни ночью. Настоятельно прошу о скорейшей присылке продовольствия. Желательно, чтобы транспорт сопровождался сильным охранением, иначе он неминуемо попадет в руки партизан. Майор Т. Мельцер.»

В день объявления войны Гитлер истошно кричал в микрофон, обращаясь к солдатам:

«Немцы! Мы идем собирать урожай на Украине...»

Фашисты думали поднять дух у голодной, истощенной армии обещаниями пухлых, сдобных украинских булок. Все книжные магазины были завалены литературой, показывающей изобилие в СССР. Чего проще? Ты голоден — пойди и отними хлеб у соседа! Но собрать богатый урожай на Украине оказалось для немцев не так просто. Каждый колос на украинских полях превратился в штык и каждое зерно — в пулю!

Вначале немецкие генералы радовались: они наступали. Берлинское радио

трубило о неслыханных победах. Потом радость сменилась озабоченностью: наступление давалось слишком дорогой ценой, не оправдывающей достигнутых результатов: тысячи жертв за каждый погонный метр обожженной, мертвой земли! Захваченной территории едва хватало для могил. Берлинское радио заговорило о том, что эта кампания не похожа на французскую и что по некоторым причинам в ближайшее время оно не может давать подробных сообщений с фронта. Наконец озабоченность сменилась унынием, — планы молниеносной войны провалились, и даже дворовый пес Гитлера — итальянский офицер

«Мессаджеро» — пролаял, что «стойкое сопротивление советских войск остановило германское наступление».

Растет и крепнет наш отпор врагу. Его бьют и с фронта, и с тыла доблестные советские патриоты. Как ни сильна адская машина германского милитаризма, как ни совершенна ее организация и техника, — ее ждет один конец, предначертанный логикой событий, — гибель и уничтожение. И когда историки будущего возьмутся за составление истории этой беспримерной войны, они отведут достойные страницы мужественным и стойким помощникам Красной Армии — советским партизанам.

Против фашистского варварства

З. РАБИНОВИЧ

★

I

В январе 1933 года обманным путем, пустив в ход террор и самую разнузданную демагогию, палач Гитлер пришел к власти в Германии. Открылась самая черная полоса в истории германского народа. Началась дикая расправа над его лучшими людьми, над самыми верными его сынами, — массовые аресты, пытки, истязания, безмерные издевательства, подобных которым не знало человечество.

Фашисты убивали и калечили людей и на улицах, и в смрадных тюремных застенках. Отряды фашистских псов рыскали по всей стране в поисках жертв. Террор, провокация и шпионаж — все было пущено в ход против германского народа.

Сотни тысяч людей были замучены в подвалах гестапо — этой тайной полиции германского фашизма, самой грязной и кровавой во всем мире. Гестапо содержит тысячи тайных агентов. Он опутал шпионажем весь германский народ. Он создал свою агентуру в других странах.

Несколько лет тому назад германские антифашисты собрали новые материалы о фашистских зверствах и о преступлениях гестапо. Эти материалы были напечатаны на всех языках, под названием «Германский народ обвиняет».

Вот некоторые выдержки из этой книги, в которой приводятся письма арестованных или свидетельские сооб-

щения тех, кому удалось вырваться из фашистского плена.

К «обычной практике» гестапо относится пытка голодом, — повествует книга.

«Во время пыток в казарме на улице Саармюнде, продолжавшихся свыше 90 часов, мне не давали ни пить, ни есть».

Узники гестапо терпят жестокие мучительства.

«...Лейпциг. На лестнице до самого низу стояли попарно палачи. Каждый из них держал в руках мокрое полотенце, скрученное узлами. Когда я поднялся наверх, меня погнали вниз, нанося мне в это время удары в спину и в затылок. После того, как я три раза пробежал таким образом по лестнице вниз и вверх, вся свора начала гоняться за мной, непрерывно обрушивая на меня удары, а затем бросили в подвал, где подвергли новым и страшным избиениям.»

Гестапо применяет пытки, которые всегда уродуют людей, превращают их в беспомощных и больных калек.

Рабочий Альфред Рерихт, обвиняемый в пропаганде против войны в Гальдице, получал по 50 ударов палками в день. В отчаянии, защищая себя, он ударил одного из своих мучителей. Штурмовики сломали ему обе руки.

Бреславль. Гестапо арестовал 50 рабочих. Трое из них обвиняются в распространении революционных листовок.

Их допрашивают, — они молчат. Никакие мучения не могут заставить их говорить. Тогда гестапо прибегает к новому средству — допросу семей. Арестовывают всех членов семьи этих троих заключенных — женщин, детей, стариков. У инструментальщика В. — 68-летняя мать. Приводят и ее. Попытки над заключенными возобновляются в присутствии их семей. У женщин начинаются судороги, дети кричат душераздирающими голосами. Бьют не только самого инструментальщика. У его семилетней дочери течет кровь из головы. Лицо его жены в синяках и полосах. Его престарелая мать лежит на каменном полу без сознания.

Фашисты покрыли Германию сетью концентрационных лагерей. Всю страну они превратили в сплошной концентрационный лагерь.

Крупных концентрационных лагерей в Германии насчитывается более 300. Вот некоторые данные о фашистском терроре в Германии за период с февраля 1933 года по июнь 1937 года.

1 300 000 человек были арестованы.

335 000 были осуждены на долгие годы тюрьмы и каторжных работ.

225 000 человек были лишены права гражданства.

220 000 ожидали суда в тюрьмах.

140 000 человек было изгнано за границу.

Сотни тысяч были убиты или покончили с собой в результате страшных пыток и истязаний.

Чтобы представить себе положение заключенных в фашистских концлагерях, приведем рассказ антифашистского писателя Вилли Бределя из его романа «Испытание».

«С часу ночи до четырех, по распоряжению начальника штурмовиков Дунзеншена, избивают арестованных. Штурмовики сменяются, они устают. Палки и деревянные доски разбиты в щепки, они бьют обрубками.

Под утро замученных арестованных загоняют обратно в помещение. Тех, которые не в состоянии ходить, хватают за ноги, волокут по коридору и бросают к остальным.»

Другой узник германского фашизма

рассказывал о мучениях в концлагерях Саксенбурга: «Даже в госпитале мне надели кандалы, хотя я лежал в гипсовых повязках после перенесенных пыток. Рядом со мною лежал заключенный, у которого был вырван язык самым зверским образом: у основания языка ему привязали веревку, а к концу веревки тяжелый камень, затем камень с силой бросали вниз».

II

Пресса, школы, университеты, театры, все что помогает росту культуры и человеческого сознания, — ненавистны фашизму, ибо фашизму нужен не сознательный и культурный человек, а машина, готовая без рассуждений и беспрекословно выполнять все, что ей прикажут. После прихода к власти фашизм начал систематическое уничтожение культурных кадров немецкого народа. До прихода Гитлера к власти в Германии насчитывалось 5 тыс. профессоров и 120 тыс. учащихся высших учебных заведений. Раньше германский народ справедливо гордился своими университетами. Только за первые пять лет господства фашизм изгнал 2½ тысячи профессоров, наполовину уменьшил количество студентов, 1800 лучших профессоров Германии были вынуждены бежать за границу. Замечательнейшие представители науки и культуры заточались в тюрьмы, в концентрационные лагеря, подвергались пыткам и издевательствам. Фашисты даже не скрывают своего грубого пренебрежения к культуре. Один из этих бандитов, Йохим Петцольд, совсем недавно, отмечая «отрадный», по его мнению, факт падения на 30 проц. количества печатаемых в Германии книг, заявил: «Откуда, в конце концов, взять столько умов, чтобы каждый мог выдумать и написать что-нибудь полезное, и к чему, наконец, вообще, тратить столько сил на печатные произведения».

Всему миру известно о массовом уничтожении книг в Германии. На больших площадях городов фашисты сжигали книги гениальнейших ученых и писателей, как некогда, в средние века, сжи-

гали еретиков. Великие произведения Гете, Гейне, Лессинга, Толстого, Горького, Ромэн Роллана, лучшие творения германской и иностранной литературы были варварски истреблены. Захватив столицу чешского народа — Прагу, фашисты уничтожили неугодные им книги в чешских библиотеках, закрыли университеты, школы, взорвали замечательный памятник, поставленный в центре города германскому поэту Лессингу.

Варварски разрушая достояния человеческой культуры, фашисты пытаются замаскировать перед народом свои преступления. Фашистские главари делят людей на «низшие» и «высшие» расы. Низшей расой или так называемыми «неполноценными» людьми являются, по мнению фашистов, все те народы, которые не хотят фашистского ига с его зверствами и мучениями.

Фашистские выродки кричат, что только «высшая» германская раса имеет право на жизнь, что именно она должна командовать всем человечеством. Эти нелепые и дикие выдумки нужны германскому фашизму для борьбы за мировое господство. Германские фашисты кричат, что только «высшие» классы сохранили в чистоте свою расу, и потому только они должны господствовать над всем остальным германским народом. Людей другой расы фашисты называют низшими, неполноценными людьми, ублюдками, животными. В фашистских газетах, выходящих ныне на территории порабожденной Польши, можно встретить дикие по своей наглости приговоры германских судов над польскими гражданами. Эти приговоры неизменно начинаются следующими выражениями: «Такой-то поляк, зверь и животное», — и далее следует текст приговора.

Дикие сказки о превосходстве одного народа над всеми другими нужны фашистам для того, чтобы «обосновать» варварскую практику уничтожения целых народов. «Мы, немцы, будем ли мы в меньшинстве, или в большинстве, мы, как немцы, все равно на первом месте, — писал один из фашистских мерзавцев. — Если бы во всей Польше

было только два немца, они все равно значили бы больше, чем миллион поляков, только потому, что они немцы».

Жестокие гонения обрушили фашисты на еврейское население. Еврейские погромы не являются изобретением фашистов; не раз этим подлым и грязным орудием пользовались реакционные правительства и в России, и в других странах для того, чтобы отвести гнев народа от истинных виновников его страданий, чтобы одурачить массы, посеять сомнение, недоверие людей разных наций друг к другу и потом без особого труда разбить революционное движение.

Фашисты убивают ни в чем не повинных людей, заставляют еврейских девушек ходить по площади с позорными плакатами на спине, ввели смертную казнь за брак между евреями и немцами. Дикие антисемитские погромы вызвали бурю негодования во всем цивилизованном человечестве. Фашисты создали средневековые еврейские «гетто», т.-е. районы, отведенные исключительно для еврейского населения, вне которых евреи не имеют права селиться. Особенно свирепые преследования евреев проводят фашисты в оккупированных странах.

Уничтожая подлинную человеческую культуру и искусство, фашисты разжигают самые животные и низменные чувства и страсти. Вот «стихотворение» Б. Фонзельхова, помещенное в центральной фашистской газете «Фелькшпер Беобахтер»: «Я ненавижу массу, мелкую, низкую, которая гнет спину, ест, спит и рождает детей; ненавижу массу, инертную, покорную, которая сегодня верит в меня, а завтра выпустит из меня последнюю каплю крови».

В этих словах мы слышим не только изуверское презрение этих господ к народным массам, но и неприкрытый страх перед гневом и справедливой мстостью народа.

Другой «стихотворец», Лерш, пишет: «Мы солдаты коричневой армии, колонны стального века. Мы несем с собой кровь и страдания».

Палач и убийца Шуман воспевает свою страшную профессию: «Излиш-

них людей мы уничтожаем, преследуем и ослепляем. Мы никого ни о чем не спрашиваем».

III

Фашистские варвары придумали еще один изуверский способ издевательств и глумления над человеческой личностью, это — стерилизация.

Фашистские изуверы утверждают, что посредством стерилизации они борются за «очищение» и «улучшение» расы, лишая «неполноценных людей» возможности иметь потомство. Но это наглая ложь. Наука отвергает такой зверский способ «улучшения» расы. На самом деле, принудительная стерилизация в руках фашистских варваров является орудием террора против народа. Фашистские законы о принудительной стерилизации нарочито составлены таким образом, что каждого противника фашистского режима можно подвергнуть этой зверской операции. Одна английская буржуазная газета, приводя данные об этих изуверствах, подтверждала, что стерилизации подвергались люди, подозреваемые во враждебном отношении к фашистскому режиму.

Даже по официальным, т.-е. лживым, преуменьшенным данным, только за 1939 год было подвергнуто стерилизации 85 тысяч чел. Бредом и изуверством кажутся каждому здоровому человеку писания фашистских извергов о «пользе» стерилизации.

Германский «специалист по вопросам стерилизации» Тетт хочет подвергнуть стерилизации 1 200 000 человек, т.-е. около двух процентов германского населения, а фашистские звери в Рейхенбахе (Саксония) додумались до того, что предложили стерилизовать всех детей, проявляющих в школе признаки отсталости. Некоторые фашистские прохвосты предлагают ежегодно стерилизовать 25 процентов «неполноценных» детей.

Английская газета «Манчестер Гардиен» сообщает, что недавно в г. Киле была стерилизована девушка 15 лет только за то, что она, по мнению фашистских учителей, «плохо училась», т.-е. была настроена против фашизма.

О положении народных масс ярко свидетельствует усиление заболеваемости в фашистской Германии. В 1939 году в Германии были опубликованы данные о росте заболеваемости среди 150 тысяч жителей одного немецкого города. Оказывается, что только с 1935 по 1938 год заболеваемость увеличилась почти вдвое. При этом заболеваемость мужчин поднялась гораздо резче, чем заболеваемость женщин. Любопытное объяснение этому дает фашистская газета «Дейче Альгемейне Цейтунг»: «Мужчины, уже продолжительное время работающие на производстве, более восприимчивы к болезням, чем женщины, которые только недавно поступили на завод». Фашистская газета нечаянно проговорила, что каторжный труд в фашистской Германии быстро подрывает силы и здоровье рабочих.

Как плохо поставлено дело здравоохранения в Германии, показывает, например, следующее признание доктора Конти: «Что касается нашей борьбы с болезнями и высокой смертностью, — заявил Конти, — то дело обстоит далеко не блестяще. Во многих индустриальных центрах Западной Германии смертность новорожденных резко увеличилась. Надо констатировать и тот факт, что заболевания туберкулезом в последние годы не уменьшаются».

Тяжелые условия жизни германских трудящихся, их сверхчеловеческая эксплуатация не могут не вести к заболеваниям и высокой смертности. К тому же состояние фашистской медицины отражает общий упадок культуры в Германии. Многих лучших представителей медицинской науки фашизм изгнал, уничтожил, а полуграмотные коновалы, пошедшие в услужение к фашизму, в угоду ему разрабатывают особую систему «расовой медицины», т.-е. заняты выискиванием наиболее утонченных методов издевательств над людьми, вроде принудительной стерилизации и тому подобных зверств.

Фашизм принес массам зверскую эксплуатацию, насилие, глумление над человеческой личностью, вымирание. Фашизм принес человечеству кровавую войну.

IV

Ликвидируя культурные и демократические завоевания, фашистская власть ставила перед собой определенную цель — притупить и подавить сознание народа для того, чтобы сделать массы послушными, превратить их в армию бессловесных скотов для войны за покорение всех других народов. Основная цель фашизма — это захватническая, грабительская война. Гитлер с циничной откровенностью заявляет: «Я — это война».

«Фашизм не верит, — писал главарь итальянских фашистов Муссолини, — что возможен мир и что мир может пойти нам на пользу. Фашизму чуждо всякое учение, опирающееся на требование мира.»

Объявив все народы мира низшими расами, фашизм в своей ненасытной алчности к новым завоеваниям открыто заявляет о своих претензиях господствовать над миром.

Их господство над миром должно, как они заявляют, спасти Европу от «нашествия цветных рас». «Европа находится сейчас в трагическом положении перед лицом наступления цветной расы, — писал один из фашистских бандитов. Желтая раса начинается после Варшавы, а авангард черной расы уже утвердился в Париже».

Сколько отвратительного человеконенавистничества в этих высказываниях, сколько поистине звериного отношения к другим народам!

Но, тем не менее, тут целая платформа, целая программа действия. Французский народ объявлен «онегритянившейся» и потому неполноценной «нацией негроидов». Великий русский народ и народы, населяющие СССР, объявлены «неполноценными азиатами цветной расы».

Таковы бредни зарвавшихся фашистских бандитов.

Фашистские бандиты откровенно заявляют, что они не считаются с международным правом, с договорами, пактами и т. п. Они нападают на другие народы без всякого объявления войны,

как заправские бандиты с большой дороги.

Сегодня фашисты подписывают договоры с тем, чтобы завтра разрывать их.

Заключая те или иные договоры и соглашения с другими странами, Гитлер стремится к тому, чтобы обмануть народы, чтобы лучше напасть на них из-за угла.

Фашизм проповедует и проводит на деле «теорию» так называемой «тотальной войны», т. е. самой зверской и самой жестокой войны на истребление целых наций и народов. Эта война, — говорят фашистские мясники, — означает уничтожение, полное и решительное изгнание побежденного народа с исторической арены.

90 млрд. марок затратил фашизм на то, чтобы создать армию для выполнения своих грабительских, захватнических целей. Фашизм дочиста обобрал немецкий народ, обрек его на голод и нищету. Фашистская армия держится свирепой палочной дисциплиной, которая не имеет ничего общего с дисциплиной бойцов передовых армий, знающих, за что они сражаются.

Палочная дисциплина в фашистской армии призвана прикрыть глубокую пропасть, отделяющую фашистских командиров от солдат, набранных из гущи немецкого народа, из рабочих и крестьян. Как ни стараются фашисты скрыть дикие порядки, царящие в фашистской армии, сведения о них просачиваются наружу. Вот, например, немецкий антифашистский журнал «Дейче Информацион» опубликовал письмо бывшего летчика германской армии Альфреда Готлиба, в котором он рассказывает жуткие нравы, господствующие в германской армии.

«Многие солдаты, — пишет Готлиб, — не переносят издевательств и кончают жизнь самоубийством. Один солдат, с которым я был в хороших отношениях, рассказывал мне, что он знает пять человек, которые покончили жизнь самоубийством.

Солдат из гарнизона Швейдевиц покончил самоубийством, бросившись на штык. В Плауне повесились четыре сол-

дата, а пятый выстрелил себе в ухо. Наиболее яркие случаи самоубийства, свидетелем которых я был сам, произошли в 103-м пехотном полку, расположенном в Рудольфтане. Унтер-офицер вызвал солдата, находившегося на четвертом этаже; так как ему показалось, что солдат спустился недостаточно быстро, он снова послал его наверх и снова приказал ему спуститься вниз. И так он гонял его 16 раз. Когда унтер-офицер заставил бежать в 17-й раз, солдат выбросился из окна и разбился насмерть. Германские солдаты ненавидят офицеров и фельдфебелей. Последние отлично знают об этом. Фельдфебель Редерер однажды заявил: «Когда вспыхнет война, мне выстрелят в спину». Нынешний режим, — продолжает Готлиб, — не имеет никакой другой возможности поддержать дисциплину, кроме муштры. И с такой армией хотя бы победить!»

Особенно зверскую дисциплину, систематические издевательства и насилие фашистское командование применяет в механизированных частях, куда в силу необходимости приходится набирать наиболее сознательных рабочих. В книге Реймана приводятся интереснейшие свидетельства одного германского военного, который рассказывает: «Солдаты моторизованных частей — это наиболее обученные рабочие; среди них много металлостов. Служба в этих частях крайне тяжела физически и морально.

Дисциплина поддерживается наказаниями, оскорблениями, муштрой и разнообразными упражнениями по приказанию офицеров и сержантов. Солдаты часто говорят: «Это хуже, чем в старой прусской армии». Солдаты ненавидят систему муштры, механической дисциплины и наказаний. Сержанты пытаются разрушить спайку и солидарность среди солдат, натравливая их друг против друга».

Фашистская армия — это армия антинародная, армия, которая держится на обмане, на терроре.

Фашистской военщине чуждо чувство чести солдата, понятие настоящей солдатской доблести. Культивируются самые зверские методы расправы, кото-

рых всегда гнушались армии цивилизованных народов.

Один американский журналист, долго живший в Германии, рассказывает такой случай. Однажды он ехал в поезде, напротив него сидело двое немцев, один из них армейский офицер с фашистским значком. Немцы заговорили о том, почему Германия потерпела поражение в войне 1914—1918 годов. «Понятно, — объяснял своему собеседнику фашистский офицер, — Германия потерпела поражение потому, что нас обвели пленные. Мы брали пленных и, вместо того, чтобы уничтожить их, мы их кормили. Нас погубила гуманность. Вот почему нам нехватало продовольствия, народ стал голодать, и Германия проиграла войну». Можно ли представить себе более людоедские рассуждения?!

Во второй империалистической войне звериное лицо фашизма сказалось в возмутительном отношении к пленным. Доподлинно установлено, что германские фашисты, вопреки международному праву, обращаются с пленными с невероятной жестокостью. Газеты всего мира сообщают о массовых расстрелах пленных поляков, французов, сербов, греков. Германские фашисты совершенно сознательно размещают лагеря военнопленных именно в тех пунктах, которые благодаря своей стратегической важности подвергаются усиленным бомбардировкам. Они сознательно стремятся истребить военнопленных.

Польские солдаты превращены в рабов и используются на самых тяжелых работах. Тем военнопленным, которых фашистские власти размещают на работы вне лагерей, на фабриках и в сельских местностях, приходится испытывать систематический голод, невероятные унижения и оскорбления.

Фашистские власти официально запретили германскому населению иметь какое-либо общение с военнопленными, даже разговаривать с ними.

В фашистских газетах нередко встречаются сообщения о тяжелых приговорах по отношению к тем, кто осмелился «иметь общение» с военнопленными.

Вот заметка в одной фашистской газете, ярко рисующая человеконенави-

стнические нравы, прививаемые населению по отношению к военнопленным. Заметка озаглавлена «Никакого общения с военнопленными». Вот, что мы читаем в ней:

«Херхорд, 56-летний Вильгельм Д. Лаар привез картофель в Билефельд. При разгрузке ему помогал один военнопленный, который находился во дворе. Когда Лаар после окончания работы пошел в харчевню, военнопленный остался около повозки и стал мирно разговаривать с детьми. Против Лаара было поднято дело. Его обвинили в том, что он совершил преступление, дав возможность военнопленному общаться с детьми. Лаар подал апелляцию, где он объяснял, что он действовал именно согласно инструкции, так как, если бы он его не оставил во дворе, то ему пришлось бы самому общаться с ним. Он далее заявил, что он неоднократно оставлял военнопленного около повозки, когда ходил рассчитываться с покупателями. Лаару было сделано строгое внушение впредь подобных проступков не делать. Кроме того, надо полагать, что подобные вещи больше не будут случаться, так как в школах детей инструктируют и строго предупреждают о том, что с военнопленными не следует общаться». («Оссенер Националь Цейтунг» от 12/IV 1941 г.)

М

Фашистская армия — коварный противник: она использует самые провокационные, самые гнусные методы борьбы. Фашисты переодевают свои части в военную форму своих противников, применяют самые мерзкие провокации и диверсии.

Но фашистская армия далеко не так сильна, как об этом кричат фашисты. За ее кажущейся силой таится внутренняя слабость, слабость всего кровавого фашистского режима.

Прибегая к методам террористической диктатуры, фашизм, естественно, имеет лишь крайне узкую базу, на которую он может опираться. Уничтожая демократические завоевания, культурные ценности, стремясь повернуть историю

назад, ко временам средневекового варварства, фашизм восстановил против себя немецкий народ и народы всех других стран. Политика неудержимых захватов, политика кровожадной войны проводится фашистскими заправилками для того, чтобы при помощи войны спастись от внутреннего врага, чтобы раздавить растущее недовольство рабочих, крестьян, всех честных людей против фашизма.

Но война вскрыла новые зияющие слабости фашистского режима, поставила его перед новыми неразрешимыми трудностями. Для осуществления своих воинственных планов германский фашизм до крайности усилил эксплуатацию масс, мобилизовал все свои экономические ресурсы. Это страшное перенапряжение людей и машин приводит к тому, что еще быстрее растет возбуждение и гнев широких народных масс, еще ближе полная катастрофа хозяйства страны, еще ближе гибель фашистского режима. Внутреннее положение фашизма напоминает туго натянутую струну, струну, натянутую до отказа. Гремит такая струна, но на ней нельзя играть долго, ибо она может лопнуть каждую минуту.

Фашизм начал кровавую войну. Его главари хвастливо кричат о «блестящих» победах фашистской армии. Но если вдуматься в эти «победы», то станет ясно, что они мало чего стоят и не спасут фашистских налетчиков от позорной гибели. До сих пор так называемые легкие победы фашизму удавались потому, что он воевал поочередно со слабыми противниками, что он опирался на свою заграничную агентуру, использовал предательство и измену, которые насаждала эта агентура. Так было в Польше, Голландии, Бельгии, Франции и других странах.

Фашистская Германия покорила и ограбила эти страны, но это не решило исхода войны. Более того, планы фашистских поджигателей войны оказались сорванными. Фашисты надеялись провести «молниеносную войну», сделать «двухнедельную прогулку». Конечно, только при такой молниеносной войне фашистские заправилы могли расчи-

тывать на то, что им хватит далеко не достаточных экономических ресурсов Германии. Молниеносная война, рассчитывали фашисты, подправит их дела, укрепит экономические позиции и отдалит неминуемый внутренний взрыв против их господства. Эта главная ставка германского фашизма бита.

Охваченные звериной ненавистью, фашистские бандиты напали на священные рубежи нашей великой Родины.

И сколько бы ни метался фашистский зверь, дни его теперь сочтены. Он встретился с огромной военной мощью славной Красной Армии, с великим русским народом, с великой семьей народов СССР.

Начав войну против нашей Родины воровским, предательским нападением, фашистские главы пошли на авантюру отчаяния. В тылу у фашизма немецкий народ, который устал от голода, издевательств, насилия, народ,

который хочет мира и ждет только случая, часа, чтобы свергнуть ненавистный фашистский режим. В тылу у фашизма покоренные им народы. Поляки, австрийцы, датчане, голландцы, норвежцы, бельгийцы, французы, чехи, сербы, греки стонут под фашистским игом, горят желанием сбросить иноземное господство и вернуть себе национальную свободу и независимость.

Фашистский тыл многонационален. Фашистский тыл — это каторжная тюрьма народов. С таким тылом победить нельзя. Вспомним историю. Вспомним, какую огромную роль играл национальный вопрос в освободительной борьбе русского народа.

«Не забудьте, товарищи, — указывал товарищ Сталин, — что если мы с развернутыми знаменами шли против Керенского и свалили Временное правительство, то, между прочим, потому, что там за спиной мы имели доверие тех угнетенных народов, которые ждали от русских пролетариев освобождения. Не забудьте о таких резервах, как угнетенные народы, которые молчат, но своим молчанием дают и решают многое. Часто это не чувствуется, но они, эти народы, живут, они есть, и о них нельзя забывать. Да, товарищи, опасно о них забывать. Не забудьте, что если бы мы в тылу у Колчака, Деникина, Врангеля и Юденича не имели так называемых «инородцев», не имели ранее угнетенных народов, которые подрывали тыл этих генералов своим молчаливым сочувствием русским пролетариям, — товарищи, это особый фактор в нашем развитии: молчаливое сочувствие, его никто не видит и не слышит, но оно решает все, — если бы не это сочувствие, мы бы не скovyрнули ни одного из этих генералов. В то время, когда мы шли на них, в тылу у них начался развал»¹.

Власть русской белогвардейщины тоже была свирепой властью, но тыл у нее горел, и она рухнула под ударами народов СССР, которые мужественно вели священную отечественную войну против своих заклятых врагов.

¹ Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос. М. 1934, стр. 116.

Под ударами могучей Красной Армии все больше будет всплывать наружу вся внутренняя гнилость фашистского режима, все больше будет разлагаться его тыл, все скорее будут сплачиваться и подниматься на борьбу поработанные народы.

Изнуренные войной, не знающие, за что они проливают свою кровь, все больше будут колебаться и солдаты фашистской армии. Раньше солдат фашистских армий обманывали. Им говорили, что война идет только против несправедливого Версальского договора, что война будет «легкой военной прогулкой», что война будет короткой. Все это оказалось ложью. Солдаты фашистской армии поймут грабительский характер войны, они видят страдания своего народа и страдания народов, покоренных фашизмом. Германский фашизм боится своей собственной армии: все чаще фашистам приходится сменять «ненадежные» части, особенно в оккупированных странах.

Недавно в Америке вышла книга американца Ларса Моэна. Он жил в оккупированной германскими войсками Бельгии и имел возможность беседовать с германскими солдатами и летчиками. Его наблюдения очень показательны. Приведем некоторые выдержки из его книги о настроениях германских солдат в оккупированной Бельгии.

«В сентябре (1940 г.) уже не говорили о том, что войну можно закончить в «две недели», — рассказывает Моэн. — Все большее число солдат и даже офицеров и летчиков говорили мне, напротив, что в 1940 г. война еще не будет закончена. Такое радикальное изменение настроений, в сравнении с тем, которое наблюдалось в самом начале оккупации, имело решительное неблагоприятное влияние на моральное состояние, так как все солдаты мечтали больше всего о возвращении домой... Здесь я снова должен подчеркнуть, что я не хочу создать впечатления, будто гитлеровская армия была или сейчас готова к восстанию, однако, исключительно показательным является тот факт, что даже немецкие солдаты делали замечания такого рода, в отличие от всего, «Новый мир», № 7—8

что говорилось несколько месяцев назад. Солдаты начали более откровенно критиковать фашистский режим».

Вот еще очень интересное свидетельство Моэна о том, что возмущение против войны, против кровавого фашизма зреет в сердцах солдат фашистской армии:

«Я твердо убежден, — говорит он, — что моральное состояние германской армии никогда больше не подыметя до того уровня, на котором оно находи-

лось летом 1940 г. Здесь не место говорить об отдельных показателях ухудшения морального состояния. Бесспорно, однако, что это ухудшение имеет место и что оно серьезно.

Более решающим, естественно, является вопрос: восстанет ли германская армия? Было бы преждевременно давать прямой ответ на этот вопрос; однако имеются явные признаки того, что при известных обстоятельствах она могла бы восстать. Труднее сказать, какое направление приняло бы это восстание. Молодой германский морской

офицер сказал мне однажды вечером: «Помните, где начались волнения в Германии в 1918 г.?» Я ответил, что, насколько я помню, они начались в германском флоте, в Киле. «Да, — сказал он, — там же они начнутся и на сей раз. Я не знаю, сколько еще пройдет времени, но я вижу, что это приближается». Заметьте, что значительный процент экипажа германского флота в мирное время служил на торговых и пассажирских судах. Эти люди привыкли ездить по всему миру. Они знают несколько больше того, что им рассказывает министерство пропаганды.»

Большой интерес представляет и следующее свидетельство американского наблюдателя:

«Однажды, незадолго до моего отъезда, — рассказывает он, — через Антверпен, по дороге в Германию, вели около 200 солдат со связанными на спине руками. В таких случаях мы не задавали нескромных вопросов; не приходилось, однако, сомневаться, что, по крайней мере, эти немногие люди уже восстали. Бывали случаи, что летчики, отказывавшиеся вылетать с Антверпенского аэродрома, расстреливались своими офицерами.. В некоторых случаях летчиков обвиняли в том, что они, сбросив бомбы над Северным морем, возвращались обратно и давали сенсационные отчеты об ущербе, который они нанесли в Англии. Стали совершать специальные полеты для того, чтобы проверять данные, сообщаемые

летчиком»¹. Это конечно, только начало. Чем дольше будет идти война, тем больше будет внутренне разлагаться фашистская армия.

Но каждый из нас должен твердо помнить, что колебания в войсках противника будут тем сильнее, чем более серьезные поражения мы нанесем фашистской гадине и чем сильнее, сокрушительнее будут наши удары на фронте.

Эти удары наносит фашистским бандитам героическая Красная Армия великого советского народа. Наш советский народ и его славная Красная Армия ведут Отечественную освободительную войну против иноземного коварного врага, вторгшегося на нашу землю. Советский народ защищает свою родную землю, свою честь, свою свободу.

В этой Отечественной войне советский народ ведет в бой великая большевистская партия, гениальный вождь народов товарищ Сталин.

Под его водительством мы победили в гражданской войне. Под его водительством мы преобразили старую Россию, и наша Родина стала прекрасной и чудесной страной, страной народного счастья и свободы. Под водительством Сталина мы разгромим и сметем с лица земли фашистских кровавых варваров.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.

¹ Цитировано по американскому журналу «Infantry Journal», № 5, 1941.

Как немецкие оккупанты грабили Украину в 1918 году*

★

РАССТРЕЛЫ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН

Объявление немецкой окружной комендатуры в Смеле

Следующие лица Военно-полевым судом при немецкой комендатуре в Смеле 10 и 12 июля приговорены к смерти:

Ксенофонт Власович Кулибабенко из Ольшаны,

Семен Самойлович Иваненко из Ольшаны,

Григорий Федорович Мачула из Ольшаны,

Федосий Степанович Здоренко из Вербовки,

Онисий Степанович Гулак из Вербовки,

Гавриил Лазаревич Лосенко из Вербовки, так как они 7 июля 1918 года, вооруженные огнестрельным и холодным оружием и амуницией, принимали участие в восстании против немецких войск и Украинской милиции.

Приговоры суда 14 июля 1918 года приведены в исполнение посредством расстрела.

Смела. 14 июля 1918 года.

И. о. коменданта капитан Кнаак.

ПЕРЕД ОКНАМИ ШКОЛЫ — ВИСЕЛИЦА

Донесение инспектора Петраковской школы в Екатеринославскую губернскую земскую управу

Довожу до сведения Екатеринославской Губернской зем. управы, что занятия во вверенной мне школе прекращены, ибо карательной экспедицией перед самыми дверьми и окнами школы повешено и расстреляно несколько чело-

век, трупы которых не были убраны на протяжении трех дней.

Кроме того, занятия не могут состояться из-за того, что помещение школы было занято карательным отрядом и скоро убрать его невозможно, так как туда нанесено много сору, попорчены замки и т. п.

Инспектор школы Олексенко.
5 ноября 1918 г.

* Из подлинных документов, опубликованных в свое время нашей печатью.

„ДОГОВОРЫ“ О ГРАБЕЖЕ УКРАИНЫ**Соглашение о поставке хлеба****I**

Украинское правительство обязывается до 31 июля 1918 года обеспечить центральным державам 60 млн. пудов зерна и изделий из него, кормов, стручковых овощей, семян и масличных семян.

трали в Киеве или ее доверителям будет передано:

6 млн пудов	— до 30 апреля	1918 г.
21 » »	— » 31 мая	1918 г.
41 » »	— » 30 июня	1918 г.
60 » »	— » 31 июля	1918 г.

II

Из этого количества германско-австрийско-венгерской хозяйственной цен-

Украинское правительство, однако, будет стараться по возможности повысить поставки в апреле и мае сверх установленных минимальных количеств.

Представители украинского правительства: Н. Порш, Н. Гаврилов, П. Линниченко, В. Тимошенко.

Представители немецкого правительства: Ф. Браун, Михелис, Видфельд, Манке, Майер.

Представители австрийско-венгерского правительства: Вильднер, Кнефельд, Гертнер, Льорант, Райф, Ленох.

Вена, 9 апреля 1918 г.

Соглашение о поставке скота**I**

Украинское правительство обязывается до 31 июля 1918 года поставить центральным державам 2.750.000 пудов живого рогатого скота. Минимальный живой вес отдельной штуки составляет 15 пудов.

трали в Киеве или ее доверителям будет передано:

Скота общим весом на 920.000 пудов — до 31 мая 1918 г.

Скота общим весом на 1.840.000 пудов — до 30 июня 1918 г.

II

Из этого количества германско-австрийско-венгерской хозяйственной цен-

Скота общим весом на 2.750.000 пудов — до 31 июля 1918 г.

За правительство Украинской народной республики: С. Фридолин, д-р Л. Франкфурт, П. Линниченко, Н. Гаврилов.

За имперско-германское правительство: Ф. Браун, Майер.

За имп. и корол. об'ед. австрийско-венгерского правительства: Вильднер, Мазанец, Льорант, Руд, Липман.

Киев, 13 апреля 1918 г.

ОПИСЬ КРАДЕНОГО**Отношение министерства продовольствия Центральной Рады в министерство иностранных дел**

В ответ на ваше отношение от 30 июня с. г. за № 2 министерство продовольствия сообщает, что по имеющим-

ся в министерстве сведениям до 20 июня отправлено за границу в контингент торгового договора с центральными

державами следующие продовольственные грузы:

Хлеба	6.345	вагонов
Яиц	402	»
Скота	29.479	шт.

Кроме того:

Сахару	1.684	вагонов
Картофеля	327	»

Овощей	144	»
Разных жиров	307	»
Лошадей	2.851	»
Кож	66	»
Фуражу	259	»

и разных грузов, меж которыми есть и хлебные, отправлены австро-венгерскими властями, как воинские и интендантские грузы 8.676 ваг.

Министр (подпись)

Из отношения министра финансов к министру иностранных дел

Отношением от 10 августа за № 2963 министерство финансов извещало министерство иностранных дел о самочинных реквизициях германскими и австро-венгерскими военными властями.

С тех пор реквизиции не только не уменьшаются, но даже увеличиваются и становятся угрожающими, так как сразу забираются громадные количества сахара. Так на сахарных заводах Буринском на Куршине реквизировано 150.000 пудов, на Верхнячском на Киевщине 75.000 пудов, на Вороновицком в Подоли 50.000 пудов.

Реквизиции не имеют никакой связи с тем сахаром, который Украина обязалась дать центральным государствам по договорам. На этот сахар уже давно министерство продовольственных дел выдало наряды и до настоящего времени по имеющимся еще неполным данным уже вывезено 2.275.368 пуд. 7 ф. Путем же реквизиции забрано: по первой ведомости 2.048.234 пуд. 11 ф. и по другой к сему приложенной 501.606 пуд. — всего 2.549.840 пуд. 11 ф.

17 сентября 1918 г.

За министра финансов товарищ министра (подпись).

ТЕЛЕГРАММА

Шифр. Строго секретно

...Как только наши войска покинут страну, какое бы то ни было экономическое использование Украины станет совершенно невозможным и все наши хозяйственные органы должны будут из соображений безопасности эвакуироваться вместе с войсками. Во всяком случае,

следовало бы заранее, т. е. в самые ближайшие недели, всеми средствами усилить экспорт, особенно хлеба, чтобы своевременно успеть переправить через границу сколько-нибудь существенное количество...

Киев, 20 авг. 1918 г.

Граф Форгач.

ЗАХВАТ ЗАВОДОВ

Объявление николаевского губернатора

Заводы Общества Николаевских заводов и верфей «Наваль», заводы «Русского Судостроительного Общества» («Руссуд»), отделение Балтийского Су-

достроительного и Механического завода «Балтвод», Пловучий Док на Буге в 30.000 тонн, а также все принадлежащие вышеназванным заводам или нахо-

дящиеся на территории завода, на суше и на воде всякого рода суда, понтоны, лодки, землечерпалки, буйки и т. п. с 5 мая 1918 г. перешли во временное владение германских военных властей и находятся под военной охраной.

Считается перешедшим во временное владение германских военных властей все имущество вышеуказанных заводов со всеми строениями, машинами, подвижным составом, движимыми и недвижимыми сооружениями и приспособлениями, всякого рода материалами и запасами, а равно со всеми полуготовы-

ми фабрикатами в виде судов, машин, вагонов и т. п., а также со всем живым и мертвым инвентарем заводов.

Без точного и определенного письменного разрешения германского губернатора в Николаеве воспрещена разборка, с'емка, вывоз, трата или продажа перечисленных в сем объявлении предметов...

Вход на завод разрешается исключительно только тем лицам, которые имеют на то особый пропуск, выписанный германским губернаторством в Николаеве.

Моргенштерн-Деринг генерал-майор и губернатор.

Николаев, 27 мая 1918 г.

КАК ПРЕВРАЩАЛИ ИНСТИТУТЫ В КОНЮШНИ

Письмо ректора Екатеринославского горного института городскому голове

Сообщаю Вам, г-н городской голова, что после освобождения подвальных помещений нового главного корпуса Екатеринославского горного института от первой партии лошадей, немецко-австрийские войска разместили 29 сего апреля в тех же помещениях новую партию лошадей приблизительно в том же количестве, что и первая.

На основании мотивов, уже известных вам из моего отношения за № 1752, и во избежание излишних ходатайств, которые пришлось бы возбуждать по поводу каждой, вводимой в институт, партии лошадей, убедительно прошу вас, господин городской голова, принять меры к тому, чтобы здания института вообще были бы освобождены от занятия их лошадьми.

*Исп. об. ректора института профессор Н. Лебедев,
Секретарь Совета С. Данилевский.*

30 апреля 1918 г.

РАСПРАВЫ С РАБОЧИМИ

Из приказа губернатора Одессы

1) Возникший 28 июня на заводе аэропланов «Анатра» пожар, причинивший Им. и Кор. казне убыток в сумме около — 7.000.000 крон, есть без сомнения дело рук рабочих.

2) Утром 29 июня будут подозрительные элементы из среды рабочих на заводе «Анатра» заарестованы и безотлагательно переданы полевому суду, который на месте (немедленно) произведет расследование.

3) Я приказываю:

а) 16 гаубичный полк должен утром в 8 ч. дня явиться около завода на

стрельбище, окружить завод со всех сторон и собрать рабочих. Подход сконцентрировать к заводу.

в) Одновременно прибудет к заводу комендант полевой жандармерии подполковник фон-Фокри с 40 жандармами. На его обязанности лежит в согласии с чиновниками завода и с привлечением надежных рабочих означить лиц, подлежащих немедленному аресту и

с) передаче полевому суду 2-й кав. дивизии, который должен немедленно предпринять расследование. Об этом

заботится командование 2-й кав. дивизии.

Командованию 2-й кав. дивизии сообщить немедленно результаты судебного производства и ускорить исполнение на случай вынесенного приговора по полученным для этого от меня указаниям.

4) Всякое сопротивление надлежит сейчас сломать силой оружия.

Одесса, 28 июня 1918 г.

5) Руководство над всеми действиями возлагается на командира 16 гаубичного полка.

6) Окончание действия сообщите немедленно по телефону, потом письменно.

7) Всех арестованных посадить по одиночку под строгим караулом, приготовить списки фамилий...

Ф. Бельц. Губернатор Одессы.

ПОРКА КРЕСТЬЯН

Из протокола крестьян села Ташино, Анатольевской волости, Одесского уезда

В понедельник 10-го июня германский отряд в 50—60 человек при трех офицерах и многих немцах-колонистах прибыл в Ташино, оцепил село и один из офицеров отдал приказание, чтобы все мужчины от 15 до 70 лет немедленно вышли за деревню на выгон. Приказание это было исполнено и все, как один человек, явились в указанное место. Их окружили пулеметами и начали вызывать по списку, заранее ими приготовленному.

При германском офицере находились переводчик немец-колонист Яков Мок, каковой вызвал Кузьму Кацафан и потребовал у него старый долг, который Кацафан не признавал и не признает, но видя перед собой такую страшную картину, как пулеметы, вооруженные солдаты, вынул 25 рублей и вручил ему. Немцы-колонисты предупредили его, что если не заплатит, то с ним расправятся.

За ним был вызван Демьян Гончаренко, которому было предъявлено аналогичное требование. Гончаренко также подчинился и заплатил 23 рубля 60 коп. Третьим был вызван Даниил Слипенко, но его не оказалось дома. Германский офицер что-то сказал по-немецки Якову Моку, и Яков Мок вызвал десятского Алексея Сюрбу и приказал препроводить германских солдат к дому Слипенко.

После вызова Слипенко начали вызывать многих и ставили по два в ряд.

Вызвано было 24 человека, затем

брали по 3—4 человека в ближайшие хаты, требовали оружия, а когда им отвечали, что оружия у них нет, клали на скамью, держали за голову и ноги, подымали рубахи и били резинами, палками и чем попало. В побоях принимали участие солдаты-немцы и немцы-колонисты. В числе принимавших участие в побоях потерпевшие опознали родственника Габриеля Дукарта, сына владельца хутора при с. Суворовка, и сына Мартына Вольфа — Франца из Цветовки. Избивали до усталости, били в два—три перерыва.

Когда немцы оканчивали бить, то приказывали становиться в угол молиться богу, а затем требовали благодарности за нанесение побоев. После того как разделались с мужчинами, колонист Мок вызвал человек 15 женщин и потребовал от них сведений, кто был зачинщиком разборки экономии Габриеля.

Одна из вызванных женщин Пелагея Заяц, служившая в деревне Цветовке, пояснила, что Мок с другим немцем-колонистом вместе с германскими солдатами зазывали их в хату Саввы Манзарука, клали на скамейку, поднимали платье и били всех по очереди и в заключение требовали благодарности.

Часов в 11 дня три офицера поехали обедать на хутор Габриеля. Через час 3—4 вернулись обратно. Один из офицеров вынул из кармана какую-то бумажку, развернул и передал остав-

шемуся немцу-колонисту, которого называли Дукартом. Этот колонист просмотрел бумажку и вызвал по ней еще человек 7, всего оказалось на выгоне человек 30. Все вызванные были разбиты на две категории и им было отдано приказание быть внимательными и слушать команду.

На выгоне было положено 3 мешка с овсом и на эти мешки клали людей и били беспощадно. Старики, женщины и дети начали просить пощады, тогда колонист Дукарт сказал: «А что вы не скажете у кого есть оружие?» Затем поставили им ультиматум, что если через два дня не будет возвращено Габриелю все то, что было взято, и 133.000 рублей штрафа и Цветовке

5.285 рублей за сенокос, то с ними будет еще не то. Кацафан пояснил, что на мешках подвергались побоям 19 человек.

Все пали на колени и начали просить об отсрочке уплаты, ввиду отсутствия у них денег...

Население, не желая подвергаться зверским обращениям немцев-колонистов, начали за бесценок продавать весь свой живой и мертвый инвентарь и к моменту составления протокола внесли Габриелю деньгами около 100.000 рублей.

Остальная сумма должна быть внесена до 12 часов дня 18 июня. Население продало свое имущество, и многие разъехались...

Подписал:

Начальник милиции 3-го участка Одесского уезда Самочинский.

Показания давали:

Григорий Кацафан, Василий Мок, Павел Сушков, Кузьма Иващенко, Петр Сандул и Пелагея Заяц.

При составлении протокола присутствовали:

Священник Андрей Липский, Учительница Н. Пашкина.

Горький в борьбе против фашизма

И. НОВИЧ

★

Как всегда в час грозных исторических испытаний, громко звучит голос великой литературы народов Советского Союза.

Нет среди нас сегодня нашего Максима Горького, друга Ленина и Сталина, величайшего писателя современности, поднявшегося из глубины народной жизни на самые вершины культуры, чтобы возвестить: «Человек — вот правда», «Человек — это звучит гордо!»

Но Горький — с нами.

Горький — писатель, художник, публицист-революционер и демократ — своим бессмертным творчеством, своей неутомимой деятельностью на благо человечества давно уже по праву снискал себе безграничный авторитет человека, чье пламенное слово мощно раздавалось во всем мире в защиту свободы, счастья народов и расцвета культуры всегда, когда над миром нависала опасность.

Как же может не звучать слово Горького в защиту свободы, культуры и демократии сегодня, когда человечеству угрожает коричневая чума?

Горький жив, и мощно звучит его голос, голос великого сына своего народа, пламенного патриота Родины, бесстрашного борца против фашизма.

Как большинство великих писателей мира, Горький был блестящим публицистом, политическим деятелем, революционером-борцом против рабства и унижения человека.

Ни на миг не затихала вдохновенная борьба Горького за освобождение человечества. Неутомимым возвышением человека, его разума и воли полна вся полувековая бурная творческая жизнь великого писателя.

С ненавистью обличал Горький эксплуатацию и угнетение народов, основанные на физической власти и порабощении. Это — одна из основных тем горьковского творчества.

Горький горячо любил свою Родину, свой народ и учил советских людей этой священной любви.

Он непоколебимо верил, что можно устроить на земле прекрасную жизнь без угнетения человека человеком, без социальной несправедливости, без грязи, лжи и лицемерия, без страданий и всего того, чем характеризуется идеология и практика изуверского фашизма.

Верный сын своей Родины и своего народа, Горький проникался священным и благородным патриотическим чувством всегда, когда говорил о Союзе Советских Социалистических Республик.

Горький гордился новым человеком Советского Союза, в напряженном труде и в борьбе с многочисленными врагами построившим новое государство.

Еще в девяностых годах прошлого столетия в начале своего замечательного пути Горький показывал в своих бунтарских произведениях людей, подобных его легендарному герою Данко.

Данко отдает самое сердце свое для блага человечества, сердце, которое горит, как яркий факел, чтобы осветить людям путь из темного леса несправедливой и грязной жизни. Горький восторженно писал о людях, которые служат истине, справедливости, красоте. «Освещая жизнь ярким светом, они заставляют прозревать даже слепых, — говорил Горький. — Да здравствует человек, владыка своих желаний! Весь мир — в его сердце, вся боль мира, все страдания людей — в его душе. Зло и грязь жизни, ложь и жестокость ее — его враги... Не жаль себя — это самая гордая, самая красивая мудрость на земле... Есть только две формы жизни: гниение и горение... Каждому, кто любит красоту, ясно, где величественное».

Человек, — учил Горький, — «инстинктивно стремится к лучшему — все выше! Сделайте это стремление сознательным, учите людей понимать, что только в сознательном стремлении к лучшему — истинное счастье!» «Да здравствуют сильные духом, мужественные люди!» — возглашал Горький.

Горький видел, как после Октября 1917 года чудодейственно преобразались люди, и он радовался этому, как гражданин своей прекрасной страны.

Не раз говоря об этой своей счастливой радости, он подчеркивал: «Я говорю... как человек, для которого счастье и радость его родного народа — его счастье и радость»¹.

Он говорил, что только концентрированная энергия многомиллионной массы рабочих и крестьян, организованная гением Ленина и Сталина, смогла создать такую передовую могучую страну.

С гордостью называл Горький трудящегося Советского Союза сказочным Атлантом, — силой, создавшей свободное государство. Старые Окуровы превратились в культурные города. «Это похоже на сказку, — писал Горький, — но это факт. Башкирия и Узбекистан, глухая тайга Сибири и Карелии, Мол-

давия и Чувашия, — все в один голос радостно и гордо заявляют: воскресли к новой жизни, встали на ноги»¹.

Рабочий класс Советского Союза, — говорил Горький, — гигант, обладающий неисчерпаемым количеством трудовой, физической энергии, которую до Октября 1917 года бездарно и бесчеловечно грабили и растрачивали угнетатели Азии и Европы. И, когда трудящиеся взяли в свои руки политическую власть и стали всевластно хозяйствовать в своей стране, они показали миру чудеса трудового героизма, созидającego изумительные образцы материальной и духовной культуры.

Наша страна, — говорил Горький, — стала яркой точкой на земле. Сбылись, наконец, и стали реальной, зримой и осязаемой правдой слова героя знаменитого горьковского романа «Мать»: «Россия будет самой яркой демократией земли».

Горький не раз говорил о своей радости жить в стране, «освященной гением Владимира Ильича Ленина, в стране, где неутомимо и чудодейственно работает железная воля Иосифа Сталина»².

О Союзе Советских Социалистических Республик Горький с гордостью писал в 1935 году Международному конгрессу писателей в защиту культуры от фашистского варварства: «Существует страна, где воля и разум всей массы рабочих, крестьян возбуждаются и воспитываются государственно необходимым трудом, равнополезным для каждой рабочей единицы, и где вся масса трудовой энергии вовлекается в разнообразную работу создания новой условий жизни, т.е. новой социалистической культуры».

Где пролетариат, следуя учению Маркса — Ленина и руководимый Иосифом Сталиным, освободил крестьянство от идиотической «власти земли», от покорного подчинения капризам природы, от уродующего влияния собственности, где пролетариат сделал собственника коллективистом.

¹ Там же, стр. 231.

² М. Горький. Литературно-критические статьи, стр. 632.

¹ М. Горький. Публицистические статьи, стр. 147.

Где пролетарий, чернорабочий буржуазного общества, доказывает, что, будучи вооружен знанием, он вполне способен быть отличным мастером культуры и творцом ее.

Где культурная работа личности ценится всей массой трудового населения так высоко, как она никогда еще и нигде не ценилась, и где эта оценка непрерывно повышает рост личности и героизм работы.

Где женщины — половина населения страны — равноправны мужчине, героически работают вместе с ним на всех точках применения разумной энергии, преобразующей мир, и где даровитость, смелость, трудовой энтузиазм женщин растет с фантастической быстротой.

Где дети воспитываются вне уродующего влияния церкви, которая ставит целью своей воспитание в человеке терпения, кротости, подчинения «власть имущим».

Где множество различных, даже численно мелких, полудиких племен, не имевших своей письменности, ныне вооружены ею, получили право свободного развития и показывают миру примитивную свежесть своего жизнеощущения, трудовую даровитость свою и прекрасную своей простотой поэзию.

Где древние племена, чья культура была подавлена колониальной политикой лавочников и царя, ныне великолепно обнаруживают свои таланты и сокровища освобожденного духа¹.

Так восторженно и гордо писал Горький о нашей стране за год до своей смерти. В этих замечательных словах — великая, безграничная правда, высказанная гениальным писателем, отдавшим всю свою жизнь для блага своего народа, своей Родины. Любить ее, оберегать ее, беречь ее, защищать ее от всех врагов, — завещал нам наш Горький, — любить

... землю,
 которую
 завоевал
И полуживую
 вынянчил,

где с пулей встань,
 с винтовкой ложись,
где каплей
 льешься с массами,
с такою
 землею
 пойдешь
 на жизнь,
на труд,
 на праздник
 и на смерть!

(Вл. Маяковский)

Беззаветно защищать нашу Родину от врагов-интервентов в устах Горького — это, прежде всего, означало защищать ее от двуногих зверей из оголтелой фашистской банды, предводительствуемой обер-бандитом Гитлером.

Горький неустанно клеймил и обличал фашизм. Он хорошо знал, что исторические сроки решающего столкновения всего прогрессивного человечества с изуверским фашизмом приближаются. Ныне они пришли.

Октябрь 1917 года принес России и всем народам, ее населяющим, не только свободу внутри страны, но и действительную независимость вне ее, перед лицом всего мира. Горький всегда указывал, что с этим не хочет считаться грабительский фашизм, который пытается подкрепить свой гнуснейший, беспримерно подлый обман германского народа наглым грабежом чужого добра.

С самого первого дня прихода гитлеровцев к власти в Германии Горький, всегда поразительно верно и точно чувствовавший врагов демократии, культуры и прогресса, вел кипучую идейную борьбу с фашизмом.

В каждой своей новой статье он писал о фашизме, клеймил и обличал его, обращался с письмами к передовым деятелям науки и искусства стран Западной Европы, Америки, Востока и участникам международных конгрессов писателей и общественных деятелей.

Посвятив всю свою жизнь борьбе за свободу и счастье человечества, как же мог Горький не восстать против гитлеровских варваров, жалких пигмеев, обезумевших от огня зажженных ими пожаров, от пролитой ими крови людей?

С негодованием и ненавистью клеймил и обличал Горький сумасшедшую, бре-

¹ М. Горький. Если враг не сдается, его уничтожают. Сборник, стр. 324.

довую фашистскую «теорию» о господстве немецкой нации над всем миром.

«Фашизм Италии,— писал Горький,— мечтает о власти Рима над миром. Гитлер проповедует, что фашизм «вознесет народ Германии над всем человечеством... нет слов, чтобы выразить, до чего все это нищенски гнусно, как это бессмысленно и противно»¹.

Как комически звучат сумасшедшие притязания итальянского фашизма после понесенных им многочисленных военных поражений... Как гнусно звучат сумасшедшие претензии германского фашизма, ненавидимого всем прогрессивным человечеством, всеми свободолюбивыми народами!

Горький хорошо знал, что «теория» фашистских маньяков о «мировом господстве» «идейно» подготавливала войну, небывалую еще войну, ужасы которой во сто крат превосходят все известные донныне войны.

Германский фашизм в своей «идеологии» в значительной мере опирается на большую философию Фридриха Ницше. Для этого есть основания. У Ницше фашисты действительно могли кое-что «позаимствовать». Но вот, что говорил их учитель-философ о пресловутой старенькой идейке «господства» немецкой нации над всем миром:

«Немецкий дух есть несварение, он ни с чем не справляется». «Те немногие случаи высокой культуры, которые я в Германии встречал, были все французского происхождения». «Куда бы ни простиралась Германия, она портит культуру». Ницше говорил о себе: «Первое нападение (1873 г.) было на немецкую культуру, на которую я тогда уже смотрел сверху вниз с беспощадным презрением». «Немецкий дух» — это мой дурной воздух: я с трудом дышу (в этой, ставшей инстинктом нечистоплотности...)» «Немцы для меня невозможны. Когда я придумываю себе род человека, противоречившего всем моим инстинктам, из этого всегда выходит немец»².

Мы не можем согласиться с этой оценкой немецкого народа, ибо помним, что как русский народ дал миру Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Толстого, Горького, английский — Шекспира, Байрона, Диккенса, французский — Бальзака, Гюго, Флобера, Франса, Роллана, испанский — Сервантеса, так и немецкий народ дал культуре Шиллера, Гете, Гейне, Бетховена. Мы привели высказывания Ницше, чтобы лишний раз наглядно показать, как жульнически крапят карты современные фашистские горе-проповедники бредовой идейки о мировом господстве немецкой нации, идейки, которая вызывала у Горького — пламенного гуманиста и друга всего человечества — яростный гнев и беспощадное презрение.

Фашизм в каком-то пьяном угаре вопит о том, что душа не равна душе, человек не равен человеку, есть низшие расы и народы — они должны быть навечно превращены в рабов, и есть высшие расы — они должны стать господами во всем мире.

«Профессор» истории искусств учит немецких студентов: «Господа, вы плохие немцы, если вы не рассматриваете все соборы, прежде всего, как прекрасные наблюдательные пункты для нашей артиллерии».

Другой «профессор» учит: «У человека не северной расы корни зубов расположены, как у животного. Человек северной расы пережевывает пищу с закрытым ртом, люди других рас жуют, как животные. Человек не северной расы плотоядно чмокает губами, это его характерная черта. Он представляет собою переходную ступень от животного к человеку. Он ближе к обезьяне, чем к человеку. Его нельзя назвать человеком в полном смысле слова». Таковы откровения фашистской науки, фашистской «философии».

Поистине становится жутко, когда вспоминаешь, что в том же берлинском университете, с кафедры которого раздается эта бездарная «научная» брехня, некогда читал свои бессмертные философские лекции Гегель...

Каким-то тяжелым кошмаром кажется словоблудие нынешних фашистских «уче-

¹ М. Горький. Публицистические статьи, стр. 391.

² Ф. Ницше. Эссе homo, стр. 26, 32, 33, 65, 110, 111.

ных» воспитателей немецкой молодежи. Впрочем, вспомним, что фашистская идеология изобреталась наспех, в пожарном порядке, из первой попавшейся под руку идеологической трухи. Муссолини еще на заре фашизма говорил, что фашизм должен обзавестись («да, так и говорил «обзавестись!») «комплексом доктрин». «Я хотел бы, — говорил предводитель итальянских бандитов, младший, но достойный единокровный брат Гитлера, — чтобы в течение двух месяцев до созыва национального съезда была создана философия фашизма». И она в два счета была создана, эта омерзительная «философия» — недоносок, уродина, хвастуливо объявившая ныне поход на культуру человечества, выработанную тысячелетиями, длинным рядом поколений всего цивилизованного человечества.

Горький обличал фашизм как организацию морально больных подонков общества, организацию истерических людей с больной психикой дегенератов. Еще семь-восемь лет тому назад Горький приводил неопровержимые свидетельства своих слов. К ним присоединяются факты неслыханного порабощения и грабежа целых народов и стран, насилий, осуществляемых фашистскими гангстерами в последние годы.

Много времени прошло с тех пор, как Горький писал свои статьи.

... Но слова Горького сохраняют всю свою силу грозного обличения.

Горький гневно обличал бесчеловечное фашистское варварство, написавшее на своем черном, обрызганном кровью знамени проповедь массового истребления людей, свой волчий «закон жизни».

Борьбу за существование, — говорил Горький, — фашистские негодяи и разбойники не могут понять иначе, как борьбу человека против человека. Борьба коллективной воли людей и их коллективного разума в процессе обладания силами природы, ради освобождения людей от условий каторжного подневольного труда, — эта благородная борьба, заполняющая всю историю человеческой культуры, фашистским варварам органически непонятна. Горький писал: «Основной принцип бытия негодяя, его вера, его духовный мир выражается в

простых словах: «Я хочу жрать». Все другие тоже хотят есть, но негодяйство неспособно считаться с таким фактом, негодяй — существо узко и уродливо ограниченное своими индивидуальными желаниями. Мир для него место, где жрут и где он хочет жрать больше и вкуснее других. На эту задачу зверя и направлены вся его воля, весь разум, все то, что он именует своим «духовным миром»¹. На борьбу с этой идеологией фашистских грабителей звал Горький всех трудящихся, все прогрессивное человечество.

Благодушный гуманизм мещан, по мнению Горького, зовет к состраданию, к примирению с унизительным делением людей на высшие и низшие расы и племена, на белых аристократов и «цветных» рабов. Не сострадать и примиряться, а бороться против угнетателя звал Горький. Он звал к лютой ненависти против фашистских врагов человечества, против наглешего фашистского разбоя. К уничтожению фашизма звал Горький.

«Дело, конечно, не в том, — писал Горький в одной из своих еще неопубликованных статей, — чтоб уговорить зверя вести себя милостиво по отношению к человеку, попавшему в его лапы, а чтоб вырвать лапу из плеча вместе с головой зверя.

Фашизм, практикуя террор, организует в массах ненависть к нему, ненависть организует массы на неоспоримо справедливую месть врагу. Враг осужден и погибнет»².

Фашизм, этот новейший, позорнейший продукт гниения и распада, по словам Горького, — раковая опухоль, которую надо вырезать без остатка.

Чудовищно обманули германские и итальянские фашистские заправилы свои народы, которым Гитлер и Муссолини обещали благоденствие, а принесли неопишемые ужасы и бедствия.

Германский фашизм избрал официальным гербом своей ублюдочной «третьей империи» свастику, во времена

¹ М. Горький. Если враг не сдается, его уничтожают. Сборник, стр. 45.

² Архив А. М. Горького. Институт мировой литературы Академии наук СССР.

средневековья встречавшуюся на надгробных плитах и на священнических облачениях. В идеологии христианства свастика символически обозначала ниспослание благодати. Какую страшную «благодать» зверей и людоедов принес с собой фашизм, хорошо знают ныне народы Германии и Италии, где властвуют фашисты, и народы Польши, Франции, Чехии, Сербии, Норвегии, Бельгии, Дании, Голландии, Греции, — стран, захваченных в нынешней войне оголтелой кликой фашистов.

Вместо благодати фашисты принесли и несут народам беспримерную нищету, голод, одичание, кровавые пытки и неисчислимые бедствия, грабеж и зверство. Все в фашизме ложь и обман. Они начинаются уже с самого государственного герба фашистской Германии.

Страна, в которой некогда звучали благородные драмы адвоката человечества Шиллера, мудрые стихи гетевского «Фауста», непримиримые ко всякому мракобесию песни Гейне, — теперь слышит лишь одни бездарные солдатско-фашистские вирши о строящемся в ряды гитлеровском племени, готовом к расовой бойне.

«Мы не являемся и не хотим быть страной Гете» — заявляют фашисты.

Стонущая под гнетом и истекающая кровью фашистская Германия не является ныне страной Гете и Шиллера. «Дон Карлос» еще идет на подмостках берлинского театра. Но где слова благородного маркиза Позы: «О, государь, свободу мысли дайте!» — шиллеровские слова, с которыми неразлучна память всего культурного человечества? Их нет больше в «Дон Карлосе». Они выброшены на свалку, как лам, как мусор, как грязная тряпка. Вместо них по стране зловещим эхо разносится изуверский афоризм какого-то безвестного фашистского «барда». «Когда я слышу слово «культура», я спускаю предохранитель своего браунинга».

Но они вернутся, вернутся на свою измученную родину — и Гете, и Шиллер, и Гейне!

Мир ничего не забыл. Не забыл он и варварских костров 10 мая 1933 года на площади берлинской оперы, костров,

на которых фашисты сжигали книги переловых мыслителей, ученых, поэтов, писателей.

Площадь перед университетом, на которой жгут книги, пользующиеся мировой славой и всеобщим признанием — это «новое» слово Гитлера, выученика шекспирова дикаря и урода Калибана, учившего:

Во сне ему ты череп раздробишь,
Но раньше книги у него возьми...
Тут разможжишь ты лоб ему бревном,
Иль брюхо ты колом ему распорешь,
Иль в горло всадишь нож... Но помни:

книга!

... Сожги ты книги.

Калибан у Шекспира существо не реальное, а созданное фантазией художника. Художникам настоящего и будущего уже не надо воображать себе Калибанов, писателям не надо будет затрудняться перед художественным изображением варваров и дикарей, теперь поэтическому воображению не надо улетать в глубь веков, — перед художником есть живая натура — Калибан-Гитлер.

Как же мог Горький не обратить всю силу своего гнева против фашистских душителей культуры, которая всегда была для Горького лучшим, что создано человеком на земле?

Труд, разум и воля человека создали, по Горькому, все, чем по праву гордится человек.

Человека-творца воспел Горький. Стремление к труду — благороднейшая черта человека. Все творчество Горького проникнуто высокой поэзией труда.

«Мою душу, — писал Горький, изображая вдохновенную картину труда, — озаряло желание прожить всю жизнь в этом полубезумном восторге делания», то-есть труда, который творит чудеса.

«Всю мою жизнь, — говорил Горький, — я видел настоящими героями только людей, которые любят и умеют работать, людей, которые ставят целью себе освобождение всех сил человека для творчества, для украшения нашей земли, для организации на ней форм жизни, достойных человека».

Как же мог Горький не возвысить свой могучий голос протеста и призыва к борьбе против фашистских варваров, порабащивающих человека и его труд, убивающих творчество?

Каждая мысль, всякое проявление чувства, каждая страница и строка гениальных горьковских произведений обращена всем своим острием против зверской, варварской человеконенавистнической идеологии фашизма и его кровавой практики.

Непримиримо враждебны — горьковская борьба за свободу и расцвет человеческой личности, с одной стороны, и, с другой стороны, — подлое фашистское деление людей на низшие расы — рабов и немцев — «господ».

Идея равенства всех рас и наций, за которую боролся оружием своего творчества Горький, обличает лживую, изуверскую пропаганду «расовой теории»; непримиримы горьковская беспредельная любовь ко всему человечеству и — наглое фашистское презрение к массам,

горьковская беззаветная борьба за новый расцвет культуры и искусства и — фашистское варварство, мракобесие, разнузданная проповедь бескультурья, невежества, мистики...

Все, все в бессмертном творчестве Горького клеймит, обличает и разоблачает фашизм, помогает объединению нашего могучего народа и всего прогрессивного человечества, поднявшегося на священную борьбу против своего смертельного врага — фашизма, на борьбу, в которой наш народ, как сказал в своей речи по радио Иосиф Виссарионович Сталин, не будет одинок, ибо наш народ ведет великую освободительную войну.

«... Если вспыхнет война, я тоже пойду рядовым бойцом... потому что великое справедливое дело Союза Советов — это мое законное дело, мой долг», — писал Горький.

Благородные слова истинного патриота! Они звучат для нас как заветное звание учителя и друга, как пароль испытанного в боях воина, как боевой клич!

Антифашистский фильм

(О фильме Чарли Чаплина «Диктатор»)

Х. ХЕРСОНСКИЙ

★

Фильм «Диктатор» Чарли Чаплина, крупнейшего деятеля искусства современной Америки, говорит об очень многом. Кто не помнит хорошо знакомого всему миру постоянного героя Чаплина, маленького человеколюбивого, но робкого «Чарли»?.. Долгое время «Чарли» не отличался особенной общественной активностью. Напротив, в характере Чарли, этого трагикомического героя, преобладали пассивность, стремление уйти от бурь действительности в скорлупу маленького личного счастья, неумение широко видеть мир. Чарли до последнего времени был очень молчалив, слишком молчалив. Он был, прежде всего, трогателен и даже не протестовал против своей беззащитности. Никогда раньше он не звал на сознательную борьбу, и сам, как только мог, уклонялся от нее. Это было, конечно, не случайно. В образе Чарли отразилась довольно распространенная общественная пассивность тех, чье мироощущение он выражал. И вот, наконец, Чарли заговорил и заговорил решительно, без колебаний.

Страдания, горе и гнев при столкновении человечества лицом к лицу с фашизмом заставили заговорить. И это уже не прежние выкрики, обрывки слов, как было в знаменитой песенке танцующего Чарли в «Новых временах». Ненависть к фашизму, ненависть и гнев придали ему силы, и Чарли заговорил разумно и страстно об этой своей

ненависти, о своем гневе и о том, что никому нельзя теперь перед лицом фашизма оставаться слабым, неразумным, беззащитным.

Чарли Чаплин в своем последнем фильме «Диктатор» зовет на войну с фашизмом. Устами маленького, преодолевшего, наконец, испуг и нерешительность, Чарли, популярнейший драматург и артист современной Америки, обращается ко всему миру с призывом свергнуть фашизм.

«Смелее! Смелее, ибо надежда не умерла... Где-то снова взойдет солнце и для тебя, и для нас, и для всех страдающих на этой земле... Человечество не будет побито!» — говорит Чарли перед микрофоном. Его слушают толпы народа. Его голосом говорят миллионы людей, униженные, разоренные.

Человек зовет на борьбу с чудовищем—фашизмом, глубоко вгрызающимся в семью человечества, в общую жизнь народов.

Фашизм несет людям кошмарные муки, одичание, смерть. Но победа не будет за ним.

«Нет, человечество не будет побито!» — твердо говорит маленький Чарли и зовет к единению против общего врага.

Нет сомнения, что фильм «Диктатор» знаменателен для настроения самых широких слоев общества и не только Америки. Он знаменателен для роста их сознания. Для преодоления индивидуали-

стических пережитков. Для нового ощущения, о котором один из героев американской литературы говорил:

«Человек один не может. Человек не может один. Не может один ни черта. Нельзя теперь, чтобы человек один».

Чарли Чаплин понял это и заставил своего героя, закоренелого в прошлом индивидуалиста, наивно и тщетно прятывшегося от жестокой судьбы и закрывавшего глаза, как страус закрывается крылом, — заставил посмотреть прямо в глаза действительности и выйти навстречу своей судьбе. Судьба эта — борьба. Необходимая борьба, чтобы жить, дышать, сохранить достоинство человеческих чувств и совести, за которые ратовал Чаплин. Чаплин и его герой Чарли последовательно освобождаются от иллюзий.

А сегодня борьба — это война!

Еще в фильме «Новые времена» знаменательно прозвучал конец. Перед Чарли открывалась уходящая дорога. Много, много раз Чарли уходил вдаль по этой дороге, не зная, куда идти, что делать, как отстоять себя, не умея бороться, даже не думая о борьбе. И вот опять перед ним был тот же путь. Это стало бы слишком безрадостным, если бы не забрезжила новая надежда.

И Чарли сказал тогда своей подруге Полетте:

— Будем бороться теперь по-инному за наше счастье!

Чарли, неизменный герой его автора Чарли Чаплина, это образ-символ. Образ-символ, выражающий мироощущение и судьбу миллионов маленьких людей. И потому этот образ больше четверти века пользовался необычайной популярностью на всем земном шаре.

На всех перекрестках, где шумела, волнуясь, и замирала в горе или гневе толпа, от Сан-Франциско до Лондона и Парижа и в тесных кварталах Шанхая, и в Мадриде, везде можно было в кино-театрах встретить «Чарли» — несчастного большого ребенка. Он шагал по экранам, как по островкам мечты среди океана горя и бедствий, спотыкался, падал, поднимался, сутулился от оплеух

судьбы, поднимал плечи, улыбался и плелся, неловко семеня ногами. Плелся все дальше, почти без цели, со слабой надеждой. Он улыбался, несмотря ни на что, и, пошатываясь, шел и шел, куда глаза глядят... Французы ласкательно звали его «Шарло». Его имя можно перевести по-другому. Всем знакомый, он имел миллионы близких ему людей.

Сейчас всем своим друзьям и от имени их всех Чарли говорит: «Смелее! Где-то снова взойдет солнце». От имени их всех Чарли призывает к священной ненависти к фашизму, и голос художника Чаплина приобретает новую силу, встречая отклик, единодушные у всего прогрессивного человечества.

Ведь тем же чувством ненависти к фашизму движимы и все передовые люди Америки. Писатели и ученые, общественные организации, политические деятели обращаются к Советскому Союзу с выражением готовности оказать нам помощь в борьбе против озверелого фашизма.

Чаплин не отказался в новом фильме от своего превосходно разящего орудия — смеха. И никогда еще его талант эксцентрика, скептически и иронически наблюдающего уродливые явления, не достигал такой силы и остроты мысли. Никогда еще вдохновение и юмор художника не были у него такими могучими и покоряющими зрителя, как сейчас, когда Чаплин работал над уничтожением диктатора, уничтожением его иронией, сатирой, смехом. Вдохновение, настоящее вдохновение пришло вместе с ясной политической идеей и отчетливой целью, — целью борьбы, взамен расплывчатых и донкихотствующих призывов к жалости и прекраснодушью. Об этом говорит вся американская пресса. Чаплин нашел в творчестве самое главное, он заговорил не только о том, за кого должен выступать художник демократ и гуманист, — но и с кем, и с чем конкретно он должен сегодня бороться на политической, общественной арене. Куда уж тут до сентиментальности и до ноток примирения!.. И, действительно, смех Чаплина в фильме «Диктатор» не знает колебаний и компромиссов. Это смех, который убивает. Он заряжен ненавистью и бьет в цель, как снайперская пуля. Такой насмешкой расстреливают.

Один из американских критиков пишет: «Если бы когда-нибудь показали этот фильм Гитлеру, он бы, вероятно, вышел из себя, бранясь, брызгая слюной и рыча от злости, когда увидел бы Чаплина с его крохотными усиками (которые он носил задолго до того, как Адольф пришел к власти), важно выступающего на экране, с грудью, увешанной орденами и встречаемого возгласами «Хейль!» («Да здравствует!»), диктатора, которого маленький еврей-парикмахер, случайно заняв его диктаторское место, превращает в самого настоящего шута».

Самое разительное в фильме — его абсолютная убедительность. Искусство Чаплина глубоко реалистично.

Сюжет фильма прост.

В стране Томании живут два, как две капли воды, похожих человека.

Один — еврей-парикмахер. Другой — диктатор этой страны «Фурор Гинкель» (fureur — ярость, бешенство, лютость, жестокость). Чаплин играет обоих. Парикмахер заключен в концентрационный лагерь, но ему удается бежать в украденной форме штурмовика. Спасаясь от преследования, он достиг Остерлиха (Австрия), но тут все принимают за Гинкеля. Используя это неожиданное положение, брадобрей у микрофона произносит антифашистскую речь, обращаясь к своей подруге Ханне и к народу: «Смелее!»

Разумеется, брадобрей переживает много приключений — простых и замысловатых, милых и смешных, трагических и трогательных. Все они говорят об одном: всякое человеческое чувство, всякое его проявление, естественное стремление человека к свободе, сталкиваются с фашизмом, как с антиподом всего человеческого, естественного, необходимого, необходимого просто, чтобы «дышать и жить»... В каждой сцене, в любом неожиданном повороте фабулы, в щедро разбросанных чаплинских «шутках» — один смысл: фашизм — это чудовищное мракобесие.

Итак, брадобрей, оказавшись в роли, мнимого диктатора, говорит разумно, по-человечески... Наконец-то Чаплин заговорил с экрана полным голосом.

В связи с этим очень существенно понять, как это произошло в сознании самого художника и почему Чаплин прежде упорно избегал, чтобы его Чарли говорил с экрана. Нет, это не было слабостью или прихотью великого мастера пантомимы, как некоторые пытались объяснить. Причина немоты Чарли лежала глубже. Она коренилась в прежней ограниченности и условности образа Чарли, в самом его существовании.

Сам Чаплин раньше писал: «Я не думаю, чтобы мой голос мог прибавить что-либо к какой-нибудь из моих комедий. Наоборот, он разрушил бы иллюзию, которую я хочу создать, иллюзию символического бедного и нелепого маленького человека, который даже не является реальным персонажем, а юмористическим образом, комической абстракцией».

В самом деле, что получилось бы, если бы заговорил прежний Чарли, комический, нелепый Чарли, символ незащищенности человека при всей его душевной отзывчивости, чувствительности, нежности. Если бы он заговорил, исчезла бы иллюзия... Ведь и совсем маленькие дети, пока они не заговорят о недоступных им вещах, могут казаться

условным существом с мнимой богатой «душой» и робким сознанием, он не мог, не умел заговорить. Чтобы заговорить и не утратить своего обаяния, он должен был начать иначе мыслить, мыслить разумно! И нужна была новая основа, новая философия всего поэтического образа Чарли. На такую революцию внутри образа Чаплина долго не

мудрецами. Но только казаться! Иллюзия прежнего образа Чарли того же происхождения... А ведь Чарли не был ребенком. Образ все время жил условной поэтической жизнью. Заговори прежний Чарли так, как он думал (а слово всегда выражает мысль!), и все увидели бы, что это бедный, жалкий недоумок. Исчезло бы заключенное в юмористическом образе Чарли большое человеческое обаяние и обобщение! Заговори же он умно — и это был бы уже не тот Чарли. Нет, пока Чарли оставал-

шел... Почему?.. Да потому, что он не видел к этому достаточных оснований в жизни миллионов тех маленьких людей, которых он условно поэтически представлял.

Чаплин всегда оставался по существу реалистом и народным художником и не хотел отрывать философию образа Чарли от философии всех тех, чьим полпредом и любимцем он был больше четверти века.

Но времена меняются, и наступили действительно «новые времена». Времена

бешеного наскока фашизма на народы Европы и всего мира.

Раньше на экране Чаплин всегда творил сказку. Его герой Чарли никогда не переступал грани, лежащей между «реальным персонажем» и поэтической «комической абстракцией». Он жил в условном мире, созданном фантазией. Отражение действительности в этом мире было не непосредственным, не прямым, а очень сложным и тоже абстра-

гированным. Вся эта иллюзия зиждилась на простом и вечном поэтическом приеме, очень распространенном в фольклоре у всех народов. Вспомним хотя бы Иванушку-дурачка, или, с другой стороны, одержимого одной фантастической идеей Дон-Кихота. Выбрав для своего героя только простейшие душевные движения, Чаплин раскрывает их настолько верно, глубоко, естественно, тонко и даже изощренно, что мы почти забывали, что перед нами всегана-всего одностороннее и символическое изображение только некоторых качеств

реального человека, а не весь реальный характер в целом.

И вот, наконец, Чарли заговорил. Сразу, сознательно обратился ко всему миру.

Что это значит?

Это значит, что если бы Чаплин не сделал этого, жизнь теперь далеко обогнала бы его, как художника. Даже жизнь самого «среднего» и самого «маленького» американца. Это значит, что наступают времена, когда в искусстве недостаточно показывать только эмоциональные и только простейшие душевные движения. Наступают времена, когда для сохранения жизни человека он нужен весь, целиком. Нужно его гордое сознание, его интеллект. Фашизм жестоко бьет по прежним маленьким «Чарли» в жизни. И они понимают, что человек «не может один», больше того, что народ Америки тоже не может один победить в борьбе с фашизмом. Они теперь понимают, что для того, чтобы отстоять себя, они должны стать сознательнее, умнее, решительнее, должны бороться и сплотиться.

Об этом говорит не только новое содержание образа Чарли. Об этом также говорит сейчас волна сотен и тысяч митингов по всей Америке. Об этом говорят обращения к Советскому Союзу, письма, приветствия, желание оказать нашей стране реальную помощь в борьбе с фашизмом.

Настроения лучших ученых и художников мира выражают поднимающееся во всем мире единодушное негодование и протесты против фашистского варварства, против клики палачей, стремящихся поработить трудящееся человечество.

А в то время, как маленький бывший немой Чарли-парикмахер заговорил разумно, другой горе-герой фильма, мнящий себя властителем мира, вожак фашизма Гинкель совсем не говорит в фильме, как человек, а захлебывается бредовой «речью», состоящей из воплей, нечленораздельных выкриков, осколков слов, напоминающих по интонациям немецкую речь. Но только напоминающих! В речи Гинкеля в исполнении Чаплина нет ни одного человеческого слова.

Так Чаплин всеми художественными

средствами сатирика-реалиста выражает правду нашего времени, отказывая Гинкелю-Гитлеру в последних, простейших признаках человечности.

Художник с гордостью, гневом и негодованием ставит бедного «маленького человека» Чарли неизмеримо выше диктатора, мечтающего о мировом владычестве.

Смелей, дружище Чарли!

Еще взойдет солнце! Нет, надежда теперь ни для кого не потеряна, когда в бой вступил героический Советский Союз!

Товарищ Сталин сказал:

«В этой великой войне мы будем

иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, поработанного гитлеровскими заправилками. Наша война за свободу нашего отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера.»

Фильм Чаплина «Диктатор» — одно из свидетельств этого единства народов в их борьбе против кровавого фашизма. Народы, борющиеся против варварства, победят!

Великий русский поэт-патриот

★

В блистательном созвездии имен, украшающих культуру великого русского народа, имя Михаила Юрьевича Лермонтова занимает одно из самых видных мест. Всего двадцать шесть лет прожил поэт, но столь грандиозны были его творческие силы, что и за немногие годы своей литературной деятельности он успел создать бессмертные художественные ценности. Кто хоть раз прикоснулся к чудесному роднику лермонтовской поэзии, тот уже никогда не забудет прекрасных творений поэта: и «Мцыри», и «Демона», и «Героя нашего времени», и «Маскарада»; тот всегда вспомнит и «Бородино», и «Кинжал», и «Родину» и многие другие шедевры Лермонтова.

Сто лет прошло с тех пор, как от предательской руки убийцы пал гениальный поэт. Эта смерть, как многие другие, стоит в черном списке злодеяний полицейского самодержавия. Как установили в последние годы советские ученые, в гибели поэта повинны те, кого он неустанно обличал с могучей силой страсти и вдохновения: они расставляли злодейские сети, они направляли руку убийцы.

Погиб поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид.
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!

Так написал Лермонтов о смерти своего великого предшественника, но слова эти можно повторить, говоря о гибели автора «Героя нашего времени». И он «жаждал мести», и он «восстал против мнений света», и вот и с ним расправились «толпой стоящие у трона, Свободы, Гения и Славы палачи!» После Пушкина — Лермонтов...

Угас, как светоч, дивный гений...

Но живут и вечно будут жить изумительные создания его творческого пафоса. Освобожденный советский народ, строитель нового общества, понимает, ценит и любит своего поэта, его гордый мятеж против угнетения и рабства, его благородный протест против лицемерия, лжи и фальши, его яркий гимн смелому человеку, исполненному силы и воли к борьбе...

Годы творчества Лермонтова падают на глухое время, когда реакция жестоко расправилась с дворянскими революционерами, поднявшими восстание в декабре 1825 года. Уважением, сочувствием и любовью к этим замечательным деятелям России той эпохи проникнуты стихи Лермонтова. Ученик знаменитого русского шеллингианца М. Павлова, Лермонтов стоял на уровне самых передовых идей своего времени. Он был верен идеалам революционного декабризма и в стихах своих выражал их воззрения. В прекрасных лирических

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

В. Г. Перов, 1870-е гг. Масло.
Государственная Третьяковская галерея.

строфах, в первых романтических поэмах Лермонтова, в его ранних драматических опытах, в его первых прозаических произведениях — везде вырисовывается своеобразный облик мятущегося и протестующего поэта. Он видит, как угнетена его родина, и уже в одном из

Когда ж, опомнившись, обман я узнаю,
И шум толпы людской спугнет мечту мою,
На праздник незваную гостью,
О, как мне хочется смутить веселость их,
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

Поэт любит вольность, и мотивы борьбы и бури, сокрушения и уничто-

Валерик.

Акварель М. Ю. Лермонтова из альбома М. М. Лермонтовой.

самых ранних своих стихотворений (1829 год) восклицает:

Там рано жизнь тяжка бывает для людей,
Там за утехами несется укоризна,
Там стонет человек от рабства и цепей!..
Друг! этот край... моя отчизна!

Лермонтов восстает против порабителей, против угнетателей его свободного духа. Против них направляет он свои огненные строки в известном стихотворении «Как часто, пестрою толпою окружен...» Гневными строками заканчивается этот поэтический памфлет:

жения ненавистного строя социальной несправедливости господствуют в его стихах. Он приветствует июльскую революцию во Франции 1830 года, он увлекается темой крестьянского восстания в России, ему нравится образ Пугачева, он полон сочувствия ко всем, поднимающим оружие против угнетателей. Он воспеваает борцов за независимость своей родины, за ее честь, за ее свободу. Он предан своему оружию и верит в его силу. Поэт любит свой кинжал: «Да, я не изменюсь и буду тверд душой, как ты, как ты, мой друг железный».

Страстно переживавший все события своего времени, Лермонтов горячо откликался на нужды и требования народа. Его стих:

Звучал, как колокол на башне вечевой
Во дни торжеств и бед народных.

Так было в 1837 году, когда Лермонтов одним из первых заклеил убийцу Пушкина, так было и впоследствии, когда великий поэт отзывался на самые важные события, волновавшие его современников. Он был поэтом-патриотом, и мечтам о счастливой жизни своей матери-родины он отдал все свои творческие силы. Недаром так свирепо преследовали поэта коронованный жандарм и окружавшая его клика. Как известно, за стихи о Пушкине поэт был сослан на Кавказ. Лермонтову было тогда только двадцать два года. До этого времени он напечатал лишь несколько своих произведений. Большинство же их оставалось неопубликованным. С момента ссылки поэта его творческая деятельность приобретает невиданный размах. В эти годы гениальный художник слова создает лучшие свои вещи, в том числе «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», «Мцыри», «Демона» (вторая редакция), «Героя нашего времени».

Поэт сочувствует своим героям-бунтарям и мятежникам, он воспевает храбрость и бесстрашие в борьбе за родину, он любит патриотов и поет им гимн. Можно ли забыть пленительные краски «Мцыри», чудесное описание Кавказа, музыкальный стих и образ гордого, свободолюбивого героя этой поэмы. В монастыре-тюрьме гибнет Мцыри, всем сердцем рвущийся на волю. Он мечтает о радостной природе, об освобожденном человеке, о счастливой родине.

Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы,
И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда, столпясь, при алтаре,

Вы ниц лежали на земле,
Я убежал.

Но вскоре герой опять в темнице и, умирая, с гордостью и торжеством рассказывает о том, что он чувствовал и пережил, будучи свободным. Люди родятся для воли! Свобода выше всего. Великой страстью горят слова Мцыри:

Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.
Я знал одной лишь думы власть, —
Одну — но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
От келий душевных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы.
Я эту страсть во тьме ночной
Вскормил слезами и тоской,
Ее пред небом и землей
Я ныне громко признаю
И о прощеньи не молю.

Герои Лермонтова защищают свою личную независимость; они отстаивают право на любовь; они борются за свободу и счастье родной земли, и, если погибают, то отдают мечтам о воле свое последнее дыхание.

Поэт требовал мятежа, искал бури, но видел, как люди кругом томятся в бездействии, как оказываются они «перед властью презренными рабами», как беспомощны они перед лицом царствующей несправедливости. И в «Герое нашего времени», одном из лучших произведений русской прозы, в этом замечательном психологическом романе, мы видим портрет, «составленный из пороков» современного Лермонтову поколения. Эти пороки раскрыты в образе Печорина, — в этой знаменитой фигуре «лишнего человека». Тяжелые противоречия раздирают его сердце. Внутренне опустошенный, неспособный к активной деятельности на благо родины и прогресса, Печорин как бы наглядно демонстрирует собой те душевные страдания, на которые обречены были люди, лишенные воли к борьбе.

И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.

С огромным мастерством и глубокой проникновенностью изобразил Лермонтов «героя» этого времени. Поэт проникает во все уголки его смутной души и реалистически их изображает. Переживания Печорина — это переживания многих молодых русских людей в глухую последекабрьскую эпоху. В гордости, в одиночестве, в неприятии окружающего находили успокоение эти люди, вместо того, чтобы выступить на борьбу с царствующим в России злом. Лермонтов осуждает это поколение, осуждает его отрицательное отношение к социальной борьбе. Высокий идейный пафос творческой личности Лермонтова не мог, конечно, примириться с теми умонастроениями, какие были характерны для Печоринных.

Когда Белинский посетил весной 1840 года поэта, находившегося под арестом на гауптвахте, он был покорен мощью его личности. Вот, что написал об этом свидании Белинский: «Недавно был я у него в заточении и в первый раз поразговорился с ним от души. Глубокий и могучий дух! Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного! О, это будет русский поэт с Иваном Великого! Чудная натура!.. Я с ним спорил, и мне отрадно было видеть в его рассудочном, охлажденном и озлобленном взгляде на жизнь и людей семена глубокой веры в достоинство того и другого. Я это сказал ему, — он улыбнулся и сказал: «Дай бог!» И это не только впечатление, произведенное на Белинского личностью Лермонтова, это впечатление от «Мцыри» и «Демона». Особенно ценит Белинский в Лермонтове его близость к народу, любовь к отечеству, родной природе и простым людям. Критик писал о поэте, как о художнике народном «в высшем и благороднейшем значении этого слова».

Прекрасны и величественны в произведениях поэта описания природы своей родины, особенно картины Кавказа. Здесь поэт нашел ярчайшие краски для лучших своих художественных полотен. В кавказских картинах Лермонтова Белинский видел реалистическое изображение жизни и быта горцев, героиче-

ски отстаивавших свою независимость. Такие стихи Лермонтова, как «Беглец» или посвященное сражению на реке Валерик стихотворение «Я к вам пишу!..», свидетельствуют о сочувствии автора освободительной борьбе угнетенных горцев. «Как сладкую песню отчизне моей, люблю я Кавказ», — воскликнул поэт.

Лермонтов презирает трусость и ненавидит тех, кто бежит с поля брани и неспособен бороться за независимость своей отчизны. Герой Лермонтова — это мужественный, смелый и сильный воин, беззаветно преданный своей родине, готовый отдать за нее свою жизнь.

Лермонтов любил свою отчизну, любил Россию, любил Москву.

Москва, Москва!.. Люблю тебя, как сын,
Как русский, — сильно, пламенно и нежно!

Как ярко звучат эти слова сегодня, в эпоху героических боев за независимость и свободу нашей Родины!

Поэт любит свое отечество, земли, горы и моря своей родины; любит свой народ, любит Россию, как гражданин и поэт.

В стихотворении «Родина» Лермонтов показал, как близка ему Россия, — не официальная, казенная Россия, а народ — трудящиеся массы.

Поэт любит в родной стране:

Ее степей холодное молчанье,
Ея лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям...

Он пишет:

Проселочным путем люблю скакать в телеге,
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень;

Люблю дымок спаленной жнивьи,
В степи кочующий обоз,
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой, многим неизвестной,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужиков.

Это стихотворение Н. А. Добролюбов называл удивительным и сказал, что здесь поэт «становится решительно

выше всех предрассудков патриотизма и понимает любовь к отечеству истинно, свято и разумно».

В исторические дни боев с кровавым фашизмом, посягающим на нашу свободу и независимость, благородным пафосом звучат патриотические строки лермонтовского «Бородино». Стихи поэта, верящего в свой народ, в его могучую силу, в его доблесть и героизм, — такие стихи никогда не забываются. Они всегда будут служить источником вдохновения и мужества в борьбе с врагом.

Народ-герой мужественно защищал свою землю в 1812 году. Лермонтов поет гимн русскому солдату — верному сыну своего народа.

Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блещет,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.
Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!

Эти слова великого патриота мы можем с гордостью произнести и сейчас, когда наша доблестная Красная Армия, при беззаветной поддержке всего нашего многомиллионного народа, ведет героическую Отечественную войну против фашистских захватчиков, пытающихся поработить родную землю. Как некогда был изгнан из России Наполеон, так и теперь героические народы нашей страны изгонят, сокрушат и уничтожат разбойника-Гитлера и его

кровавые орды, вторгнувшиеся в наше отечество.

Мы не забудем слова поэта:

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! Не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
— И умереть мы обещали
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Клятву верности в борьбе за Родину, за честь, за свободу сдержит наша могущественная Красная Армия, верная традициям русского воинства, наш великий народ, сплоченный вокруг коммунистической партии и ее вождя. Фашизм будет разбит. Полчища варваров будут сметены с лица земли. Беспощадному уничтожению врага учит нас великий поэт-патриот.

Наследие Лермонтова, непреходящие ценности его искусства входят в арсенал мировой культуры. Творчество Лермонтова стало живым достоянием народа.

Некогда Белинский писал о Лермонтове, что «уже недалеко то время, когда имя его в литературе делается народным именем, и гармонические звуки его поэзии будут слышимы в повседневном разговоре толпы, между толками ее о житейских заботах...»

Это время пришло. В грандиозном процессе воспитания многомиллионных народных масс творениям Лермонтова принадлежит почетная и активная роль. Народ любит своего поэта глубокой, искренней и горячей любовью.

Новейшая литература о Лермонтове

(Критический обзор)

С. ИВАНОВ

★

Советские литературоведы сделали за двадцать три года не меньше в области изучения жизни и творчества Лермонтова, нежели дореволюционные историки литературы за 80 лет со дня смерти Лермонтова до Великой Октябрьской социалистической революции. Однако и советские ученые еще в большом долгу перед великим русским поэтом, ибо остается ряд неизученных периодов в жизни поэта, еще где-то в архивах скрываются неразысканные до сих пор документы, и многое в творчестве Лермонтова еще не исследовано с достаточной ясностью и четкостью.

Настоящий критический обзор подтверждает сказанное. Необходимо, однако, заметить, что в обзор, естественно, не вошли работы, находящиеся сейчас в печати, хотя они, несомненно, внесут ценные дополнения к тому, что нам известно о жизни и творчестве поэта. Достаточно сказать, что в печати находятся такие крупные издания, как два лермонтовских тома «Литературного наследства», составленные Институтом литературы Академии Наук, два тома материалов и исследований, составленных Институтом мировой литературы имени Горького, научная биография Лермонтова, написанная проф. Н. Л. Бродским (в ближайшее время выйдет первый том, заканчивающийся университетским периодом), большая работа В. А. Мануйлова «Жизнь Лермонтова», первая часть которой напечатана в девятой книжке журнала «Звезда» за 1939 год, и, наконец, премированная на Всесоюзном конкурсе биография Лермонтова, написанная автором этих строк.

Наш обзор ограничен во времени — он охватывает лишь издания, вышедшие из печати за последние три года, и притом преимущественно — книги. Из статейного материала в обзор вошло лишь несколько работ, представляющих наибольший интерес. Обзор охватывает только работы о Лермонтове, издания сочинений Лермонтова сюда не вошли.

I

Начнем с перечисления вновь открытых и опубликованных документов и автографов Лермонтова.

Огромный интерес представляют недавно обнаруженные два списка «Демона». Первый список, опубликованный и комментированный В. Мануйловым, А. Новиковым и К. Степانياном¹, датирован: «Москва, 25 февраля 1842 года», следовательно, он относится к наиболее ранним спискам поэмы. Он найден директором Государственного архива Армянской ССР, К. А. Степانياном, в Ереване в собрании армянского ученого Х. И. Кучук-Ованесяна. Кем именно сделан этот список, пока не удалось установить. В тексте списка встречаются отдельные стихи и целые отрывки, которые до сих пор не были известны. Как справедливо заявляют авторы в своих комментариях, «редакция поэмы, отраженная в этом списке, не совпадает ни с одной из известных до сих пор редакций. Она является новым промежуточным звеном в истории работы Лермонтова над «Демоном». Комментаторы высказывают далее предположение, что «мы имеем дело с редакцией поэмы, непосредственно предшествующей тексту 1838 года».

Второй и наиболее интересный список «Демона» найден научным сотрудником Ленинградской публичной библиотеки А. Н. Михайловой. Это список, с которого производился набор заграничного издания поэмы, вышедшего в 1856 году в Карлсруэ.

Напомним, что окончательный текст «Демона» Лермонтов привез в Петербург с Кавказа в феврале 1841 года. Помимо этого автографа, до нас не дошедшего, существовала копия с него, посланная поэтом В. А. Бахметевой. П. К. Мартынов писал, что эту копию В. А. Бахметева подарила, «вместе с прочими лермонтовскими бумагами, приятельнице А. М. Верещагиной (Гюгель), а сия последняя передала ее в 1856 году генералу А. И. Филосо-

¹ «Литературная газета», 10 сентября, 1939 г.

фову, отпечатавшему «Демона» в Карлсруэ»¹. Далее Мартынов, со слов Д. А. Столыпина, пишет: «Имея в виду, что поэма в полном объеме по цензурным условиям в русской печати появиться не может, генерал-адъютант Алексей Илларионович Философов, бывший воспитателем великого князя Михаила Николаевича и находившийся с ним за границей, возымел намерение издать «Демона» полностью в Карлсруэ. Баронесса А. М. Гюгель (урожденная Верещагина) — этот старый испытанный друг поэта, в гостиной которой возникла первая мысль об издании «Демона» за границей, — предложила г. Философову находившийся у нее бахметевский список поэмы, и издание ее, при содействии протоиерея И. И. Базарова, было начато с этого списка у придворного типографа Баденского двора Гаспера»².

Б. М. Эйхенбаум в комментариях к полному собранию сочинений Лермонтова³ опубликовал письмо И. И. Базарова к П. А. Висковатову из Штутгарта от 2/14 июня 1889 года. Базаров пишет: «Рукопись же, с которой была издана эта поэма Философовым, была доставлена ему, как вы уже знаете, Алекс. Михайловной Гюгель, с которой Алексей Илларионович был в родстве по жене своей, рожд. Столыпной, а мать г-жи Гюгель Верещагина была тоже рожд. Столыпина. Куда девалась самая рукопись, до сих пор трудно сказать. Если она не осталась забытою в типографии Гаспера, то еще можно поискать ее у наследников А. И. Философа».

В свое время этот список был возвращен типографией, печатавшей «Демона», издателю поэмы — дальнему родственнику Лермонтова А. И. Философову, попал, таким образом, опять в Россию и, вместе с другими бумагами Философова, хранился в Архиве народного хозяйства. Список, найденный А. Н. Михайловой, публикуется в лермонтовском томе «Литературного наследства».

Текстологам Лермонтова следует внимательно отнестись к публикации В. С. Нечаевой «К истории текста стихотворения «Валерик»⁴. Как известно, текст стихотворения «Валерик» («Я к вам пишу...») публикуется обычно по черновому автографу, хранящемуся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. В. С. Нечаева считает, что был и другой автограф «Валерика», несколько отличный от известного черного автографа. Она пишет: «Однако текст черновика, изобилующий поправками, вставками, многочисленными зачеркиваниями, написанный вдоль и поперек страниц и к тому же местами залитый чернилами, очень трудно поддается прочтению. Установить по нему канонический текст стихотворения — затруднительно. Ре-

зультатом явилось то, что Д. И. Абрамович и Б. М. Эйхенбаум, исходя из текста одной и той же рукописи, дали в своих публикациях ряд разночтений (стихи 75, 79, 96, 141, 190). Можно ли считать, что текст черного автографа является и окончательным текстом стихотворения, и что Лермонтов более над ним не работал? Сопоставление черного автографа с текстом стихотворения, напечатанным через два года после смерти Лермонтова (альманах «Утренняя заря», 1843), приводит к убеждению, что для печати был использован текст, имеющий некоторые разночтения с черновым автографом, которые не могут быть объяснены опечатками и редакционными искажениями. Это заставляет предполагать, что был иной автограф «Валерика», несколько отличный от известного черного автографа. О том же свидетельствует и находящийся в архиве Самариных список этого стихотворения, не привлекавший до сих пор внимания исследователей».

В. С. Нечаева указывает, что хотя список из архива Ю. Ф. Самарина не авторизованный, тем не менее с ним приходится считаться, ибо можно с уверенностью утверждать, что список находился в руках автора стихотворения и, вероятно, был сделан с его автографа или продиктован им». «Значение списка в вопросе о каноническом тексте «Валерика», — пишет В. С. Нечаева, — несомненно». Далее автор публикации излагает довольно интересные соображения о том новом, что дает нам изучение списка из архива Ю. Ф. Самарина.

И. Андроников обнаружил и опубликовал¹ три неизвестных стихотворения Лермонтова: «В альбом Н. Ф. Ивановой», «В альбом Д. Ф. Ивановой» и «Стансы». Эти стихотворения обнаружены им в альбоме, принадлежавшем в свое время (70-е годы прошлого века) жене курского губернатора М. Д. Железновой. Стихи эти — не автограф Лермонтова. Они вписаны в альбом владелицей его. Однако, как совершенно справедливо доказывает Андроников, принадлежность их Лермонтову не вызывает сомнений. О юношеском увлечении Лермонтова Натальей Федоровной Ивановой мы знаем из публикации И. Андроникова (1936), основанной на разысканных им документах. Андроников следующим образом объясняет, почему эти стихи оказались в альбоме курской губернаторши: «После брака с Н. М. Обресковым Наталья Федоровна в продолжение пяти лет (1836—1841) жила в Курске, где муж ее состоял при канцелярии тамошнего губернатора. Дарья Федоровна (сестра Н. Ф. Ивановой) прожила в Курске всю жизнь. Там же жили ее дочери».

Большой интерес представляет опубликованное Л. Б. Модзалевским² письмо Лермонтова к директору императорских театров А. М. Геденову о драме «Маскарад», датированное (приблизительно) 20 декабря 1835 года. Известно, что Лермонтов трижды представлял

¹ П. К. Мартынов. «Дела и люди века», т. III, стр. 61.

² Там же, стр. 62.

³ М. Ю. Лермонтов. Полное собрание сочинений. Изд-во «Academia», т. III, 1935, стр. 631.

⁴ «М. Ю. Лермонтов». Статьи и материалы. Издание Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Соцэкгиз. 1939.

¹ «Литературная газета», 15 октября 1939 г.

² «Литературная газета», 15 мая 1940 г.

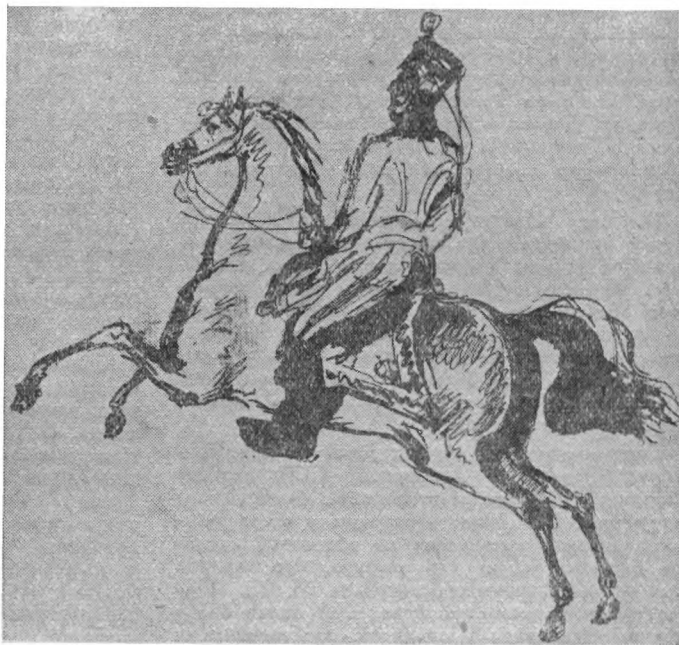
«Маскарад» в цензуру, но разрешения цензуры не получил, несмотря на то, что каждый раз он представлял новый, переработанный вариант драмы. Такая настойчивость свидетельствует о большом желании Лермонтова видеть свою драму на сцене. Письмо Лермонтова к Гедеонову является еще одним и очень веским доказательством сказанного. Из письма видно, что Лермонтов дважды представлял Гедеонову драму, с целью получить возможность поставить «Маскарад» на сцене: «Отъезжая на несколько времени из Петербурга, — писал Лермонтов, — я вновь покорнейше прошу ваше превосходительство оказать моему труду высокое внимание ваше». Но и Гедеонов не оказал «высокого внимания», и через два года, в 1837 году, в своем показании по делу о стихотворении «Смерть поэта» Лермонтов писал: «Драма «Маскарад», в стихах, отданная мною на театр, не могла быть представлена по причине (как мне сказали) слишком резких страстей и характеров и также потому, что в ней добродетель недостаточно награждена».

Эпистолярное наследство Лермонтова крайне невелико. Мы знаем всего около пятидесяти писем Лермонтова, хотя известно, что Лермонтов имел довольно обширную переписку. Поэтому каждое вновь обнаруженное письмо Лермонтова представляет особый интерес. В журнале «Огонек» опубликовано¹ не известное ранее письмо Лермонтова к Александру Ивановичу Тургеневу. А. И. Тургенев личность весьма интересная. Он имел самое близкое отношение к Пушкину, устраивал его в Лицей, отстаивал его через своих влиятельных в придворных кругах друзей от гонений Александра I, после смерти Пушкина перевозил гроб с его телом из Петербурга в Святогорский монастырь. А. И. Герцен записал в своем дневнике: «А. И. Тургенев — милый болтун, весело видеть, как он, несмотря на седую голову и лета, горячо интересуется всем человечеством, сколько жизни и деятельности. А потом приятно слушать его всесветные рассказы, знакомства со всеми знаменитостями Европы. Тургенев — европейская кумушка, человек в курсе всех сплетен разных земель и стран, и все рассказывает, и все описывает, острит, хохочет, пишет письма, ездит спать на вечера и показывает свою любезность везде». Друг Пушкина П. А. Вяземский писал о Тургеневе: «Он переписывался с и с просителями своими, и с братьями, и с друзьями, и с зна-

комыми, и часто с незнакомыми, с учеными, с духовными лицами всех возможных исповеданий, с дамами всех возрастов, различных лет и поколений, был в переписке со всей Россией, с Францией, Германией, Англией и другими государствами...»

Опубликованное Н. П. Пахомовым письмо Лермонтова, при котором он посылает Тургеневу строфу из стихотворения «Смерть поэта», относится к истории дуэли Лермонтова с Барантом, т.-е. к началу 1840 года.

В архиве Вяземских, потомков П. А. Вязем-

Набросок пером скачущего на коне гусара.

Рисунок из тетради Лермонтова.

ского (с которым Лермонтов был лично знаком), хранившемся долгое время в Серпуховском краеведческом музее и недавно переданном в Государственный литературный музей, обнаружена небольшая записная книжечка с автографами и рисунками Лермонтова. Судя по публикации об этой находке¹, в книжечке имеется черновая редакция стихотворения Лермонтова «Посреди небесных тел», сделанная рукой Лермонтова, два рисунка с подписью «Лермонтов», один из которых изображает голову крестьянина, план повести и стихотворение, первую строфу которого можно, предположительно, приписать Лермонтову. Более полные выводы можно будет сделать лишь по опубликовании этих материалов.

Ценное приобретение сделано Ленинградской публичной библиотекой имени Салтыкова-Щедрина. Речь идет об альбоме, принадле-

¹ Н. П. Пахомов. Письмо к А. И. Тургеневу. «Огонек», № 25/26, 1939, стр. 7.

¹ «Правда», 7 февраля 1941 г.

II

Перейдем к обзору литературы о Лермонтове.

Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина выпустила ценный сборник «М. Ю. Лермонтов». Статьи и материалы¹. Н. Л. Бродский публикует в этом сборнике отрывки из воспоминаний графа Д. А. Милютин, рисующие Московский благородный пансион периода пребывания в нем Лермонтова². Первый том мемуаров Д. А. Милютина был отпечатан в Томске в 1919 году, когда Сибирь была занята белогвардейцами. Совершенно прав Н. Л. Бродский, указывающий, что «фактически «Воспоминания Милютина», не получившие распространения, могут рассматриваться, как неизданный материал, впервые вводимый в научную литературу».

Д. А. Милютин, поступивший в пансион годом позже Лермонтова, был с ним знаком. Во время пребывания в пансионе Милютин был редактором рукописного журнала, в котором и Лермонтов помещал свои стихотворения. В своих воспоминаниях Милютин говорит о литературном направлении в пансионе, о рукописных пансионских журналах, отдельными намеками раскрывает общественно-политические настроения воспитанников пансиона, описывает преподавательский персонал, красочно рисует посещение пансиона Николаем I, следствием чего явилось преобразование пансиона в гимназию. Опубликованная часть записок Милютина позволяет значительно шире и полнее, нежели до сих пор, обрисовать этот период жизни Лермонтова. Опубликование второй части воспоминаний даст возможность несколько дополнить биографию Лермонтова в кавказский период его жизни, ибо автор мемуаров, бывший на Кавказе в 1839 году, дает интересные сведения о лицах, связанных с Лермонтовым: о командире отдельного кавказского корпуса Е. А. Головине, командующем войсками Кавказской линии и Черноморья П. Х. Граббе и др.

Наибольший интерес и ценность представляет опубликованное в сборнике подлинное «Дело штаба отдельного кавказского корпуса о предании военному суду отставного майора Мартынова, корнета Глебова и титулярного советника князя Васильчикова, за произведенный первым с поручиком Лермонтовым дуэль, от чего Лермонтов помер» (публикация В. С. Нечаевой). «Дело», начатое 12 августа 1841 года и законченное 6 февраля 1842 года, включает двадцать семь документов, убедительно доказывающих уже ранее существовавшую версию о преднамеренном и заранее обдуманном убийстве Лермонтова.

Документы «Дела» свидетельствуют о том, что руководящая роль в следствии по делу дуэли принадлежала начальнику штаба войск

жавшем матери Лермонтова Марии Михайловне. В альбоме имеются рисунки Лермонтова, сделанные им в детстве: черкес с винтовкой за плечами, море, освещенное луной, одинокий парус на море, кавказский пейзаж, нарисованный десятилетним Лермонтовым в июне 1825 года, в Пятигорске. Альбом приобретен у частного лица¹.

Новыми рисунками Лермонтова пополнилась и лермонтовская коллекция Института литературы Академии Наук в Ленинграде. Институтом приобретены у внучки художника П. Е. Заболотского, современника Лермонтова, в свое время писавшего портреты поэта, четыре рисунка: карандашный портрет Лермонтова, относящийся к 1839 году, два рисунка самого Лермонтова и литография с рисунка Лермонтова. Один из лермонтовских рисунков изображает Тифлис и Метехский замок, второй — Военно-Грузинскую дорогу с замком Тамары. Литография изображает вид Крестовой горы².

В Киеве Институт литературы Академии Наук приобрел мало известную картину Лермонтова «Караван верблюдов в горах Кавказа». Картина реставрирована и дает прекрасное впечатление о силе и творческой манере Лермонтова-художника. Интересны приобретенные институтом два рисунка Лермонтова: портрет Варвары Александровны Лопухиной (акварель) и портрет воображаемого предка поэта «Лермы» (тушь).

Государственный литературный музей приобрел недавно в Литовской ССР картину Лермонтова «Вид Пятигорска», считавшуюся утерянной. Подлинность картины удостоверяется надписью, имеющейся на оборотной стороне картины: «Сим удостоверяю, что картина сия «Вид Пятигорска» рисована М. Ю. Лермонтовым и досталась жене моей от ее брата Акима Павловича Шан-Гирей, родственника и друга М. Ю. Лермонтова. Веселовский». Снимок с картины воспроизведен в «Правде»³.

О ценной находке сообщает Н. Пахомов⁴ — это альбом, принадлежавший князю П. А. Урусову, вместе с которым Лермонтов служил на Кавказе. В альбоме имеется около ста шестидесяти любительских зарисовок, относящихся к концу 30-х и началу 40-х годов прошлого столетия. Среди этих зарисовок — два рисунка самого Лермонтова: рисунок пером — эскизы лошадей и карандашный рисунок — эскиз известной акварели Лермонтова «Эпизод из сражения при Валерике». Представляют интерес зарисовки многих лиц, соприкасавшихся в те годы с Лермонтовым. Здесь же — зарисовки полковой жизни Лермонтова на Кавказе.

Этим ограничивается перечень вновь найденных автографов и рисунков Лермонтова, крайне ценных для нас.

¹ «Известия», 18 января 1939 г.

² «Известия», 16 мая 1939 г.

³ «Правда», 27 ноября 1940 г.

⁴ «Огонек», № 1, 1941 г.

¹ «М. Ю. Лермонтов». Статьи и материалы. Издание Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Союзкиз, 1939.

² Полностью мемуары Д. А. Милютина будут выпущены отдельным изданием Государственной библиотекой СССР имени В. И. Ленина.

Кавказской линии и Черноморья Траскину, очутившемуся уже на второй день после убийства Лермонтова не в Ставрополе, а в Пятигорске. Траскин же ввел в следственную комиссию жандармского подполковника Кувшинникова, находившегося в Пятигорске «для секретного надзора». Ряд документов «Дела» говорит о не совсем обычном интересе, проявленном царским двором к делу о дуэли. К «Делу» приложены черновики ответов Мартынова на вопросы следственной комиссии, позволяющие, в сопоставлении с беловыми показаниями, категорически утверждать, что показания Мартынова, от начала до конца не соответствующие истине, были направлены к тому, чтобы доказать «виновность» самого Лермонтова.

Дополнением к материалам «Дела» является публикация Э. Г. Герштейн: «Отклики современников на смерть Лермонтова» в этом же сборнике. Автор справедливо заявляет, что «наиболее осведомленные и проинициальные люди вполне отдавали себе отчет в том, что дуэль Лермонтова с Мартыновым была вызвана не только личной ссорой, но и тем, что в смерти Лермонтова был активно заинтересован сам царь». Публикуемые автором выдержки из писем Андрея Елагина, Мефодия Каткова, и дневниковая запись Ю. Ф. Самарина (все эти материалы датированы концом июля—началом августа 1841 года, т.-е. написаны под непосредственным впечатлением гибели Лермонтова) вносят важные дополнения в историю гибели поэта.

Об этом же говорят совсем недавно опубликованные в «Правде» письма (в выдержках)¹ московского почт-директора А. Я. Булгакова к П. А. Вяземскому. Напомним, что в то время перлюстрация писем была в большом почете и А. Я. Булгакову — почт-директору — несомненно, были известны письма, посланные из Пятигорска в Москву после дуэли. Надо полагать, что в письмах к Вяземскому Булгаков передает подробности, заимствованные им из перлюстрированных писем. В первом письме², датированном 31 июля 1841 года, описывая причины дуэли и самый поединок, Булгаков указывает, что Лермонтов, который должен был стрелять первым, объявил Мартынову, что стихи и карикатура были шуткой, что он ему же первому все показал, чтобы вместе посмеяться.

Как сообщает Булгаков, Лермонтов сказал Мартынову, что «ежели он не так это принимает, то он — Лермонтов — тут же готов просить у него прощение, но ответ был: стреляй!

— Я буду стрелять, но только не в тебя, — сказал Лермонтов и выстрелил в воздух...

... Мартынов подошел к самому Лермонтову, выстрелил ему... прямо в сердце. Смерть была скоростижна, как выстрел».

Во втором письме¹, датированном 8 августа 1841 года, Булгаков сообщает Вяземскому о поведении после дуэли секунданта Васильчикова, старательно заматавшего следы преступления. «Князь Васильчиков, — пишет Булгаков, — будучи одним из секундантов, можно было предвидеть, что вину свалит на убийцу, дабы облегчить наказание Мартынова и секунданта». И с горькой усмешкой замечает: «Впрочем, того уж не воскресишь, так почему же не употребить смерти Лермонтова в пользу этих».

Освещению вопроса о гибели Лермонтова посвящена и публикация Н. Бродского «Дуэль и смерть Лермонтова в откликах современников»². Н. Бродский публикует ряд поэтических откликов на смерть Лермонтова, посланных в редакцию журнала «Отечественные записки» (в котором Лермонтов преимущественно печатался). Стихи эти не могли быть опубликованы в то время, вследствие строжайшего запрета цензуры. Интересно опубликованное Н. Бродским письмо бывшего студента Московского университета К. Любомирского, посланное им из Ставрополя, вскоре после гибели поэта, в Одессу своим товарищам по университету. Характерно, что письмо Любомирского очень близко по содержанию к первому письму Булгакова, цитированному выше. Любомирский пишет: «...Лермонтов отговаривал его (Мартынова) от дуэли и, прибыв на место, когда должно было ему стрелять первому, снова говорил, что он не предполагал, чтобы эта шутка (карикатуры и эпиграммы) так оскорбила Мартынова, да и не имел намерения, а потому не хочет стрелять в него. Отвел руку и выстрелил мимо. Но Мартынов выстрелил метко, и Лермонтова не стало...»

Среди публикаций, освещающих историю гибели поэта, следует отметить и статью Э. Герштейн «Лермонтов и семейство Мартыновых»³, в которой впервые публикуется любопытный документ. Мартынов в 1844 году возбудил ходатайство о разрешении ему поездки за границу, для лечения. Обер-прокурор синода и министр внутренних дел поддержали ходатайство Мартынова, но начальник III отделения, граф А. Ф. Орлов, распорядился иначе: «Невозможно. Всюду, кроме за границу, даже на Кавказ». Э. Герштейн замечает: «Шеф жандармов оказался по отношению к Мартынову строже и педантичнее, чем обер-прокурор «святейшего синода» и министр внутренних дел. Участник темной истории убийства не мог быть выпущен за границу»⁴.

Б. Эйхенбаум⁵ и А. Новиков⁶ опубликовали письмо Николая I к жене от 12 июня 1840 года, очень характерное для установления отношения царя к Лермонтову. Хотя это письмо, впервые опубликованное на немецком языке в труде немецкого историка Теодора

¹ «Правда», 21 мая 1941 г.

² «Литературный критик», № 10—11, 1939.

³ Печатается в лермонтовских томах «Литературного наследия».

⁴ Цитирую по «Литературной газете» от 18 мая 1941 г.

⁵ «Литературный критик», № 2, 1940.

⁶ «Литературная газета», 22 апреля 1940 г.

¹ Полностью эти письма будут опубликованы в лермонтовских томах «Литературного наследия».

² «Правда», 12 апреля 1941 г.

Шимана «История России в царствование Николая I», было еще в 1921 году воспроизведено на русском языке Е. В. Тарле в его некрологе «Геодор Шиман»¹, оно выпало из поля зрения биографов Лермонтова, и его публикация является делом большой важности. Письмо написано Николаем вскоре после второй ссылки Лермонтова на Кавказ. Уже из заключительных зловещных слов Николая: «Счастливого пути, господин Лермонтов, пусть он очистит себе голову, если это может произойти...», явствует отношение Николая к поэту.

Гибели поэта посвящена и статья П. А. Ефимова «Дуэль или убийство»², в которой автор рассматривает дуэль Лермонтова с Мартыновым с точки зрения соответствия поединка правилам дуэльного кодекса, в смысле уголовной наказуемости деяния по закону того времени, и, наконец, как акт бесчестного отношения к противнику.

И ранее известные документы, и вновь обнаруженные и опубликованные позволяют более или менее отчетливо представить историю убийства Лермонтова. Ясна роль Васильчикова и его окружения, не менее ясна и позиция царя и придворной клики. История гибели Лермонтова представляется настолько страшным и грязным делом царского правительства и аристократической верхушки общества, что не следовало бы усложнять и затемнять ее различными неправдоподобными версиями. В этой связи по меньшей мере странной кажется концепция А. Новикова, обнародованная им в статье «Последний Пятигорск»³, — содержащей ряд фактических ошибок и неверной по существу.

«Вместе были они (Лермонтов и Мартынов. — С. И.) на боевой линии, в кампаниях на Кавказе», — пишет А. Новиков. Неверно. Вместе Лермонтов и Мартынов в кампаниях не были. «Лермонтов наблюдал Мартынова на боевой линии еще в 1837 году». Неверно, Лермонтов не был с Мартыновым вместе на боевой линии ни в 1837 году, ни в 1840 году, да и вообще в 1837 году Лермонтов «на боевой линии» не был, о чем сам он свидетельствует в своем письме к С. А. Раевскому (конец 1837 года): «...я приехал в отряд слишком поздно, ибо государь нынче не велел делать вторую экспедицию, я слышал только два-три выстрела...»⁴.

«Но укрыться невозможно, — пишет далее А. Новиков. — Там, в Петербурге, правая рука Николая I — всемогущий шеф жандармов граф Бенкендорф. Здесь, в Пятигорске, летом 1841 года — юнкер Бенкендорф, сын жандарма» (подчеркнуто мною. — С. И.). Неверно. Юнкер Бенкендорф, бывший летом 1841 года в Пятигорске, отнюдь не сын шефа жандармов.

Все это — неточности, объясняющиеся слабым знакомством автора с документами. Хуже, что вся его концепция порочна. Рассказы-

вая о Мартынове, автор делает его чуть ли не жандармским провокатором, приехавшим в Пятигорск с заранее обдуманной целью — убить Лермонтова, дабы заполучить милость царского двора. Находя странным выход Мартынова в отставку «по домашним обстоятельствам», А. Новиков пишет далее: «И вторая странность: выйдя в отставку, Мартынов не поехал ни в Петербург, где прошла вся его служба, ни в Москву, где жили его родители и родственники. Будто скрываясь от светского общества, Мартынов без дела живет в Пятигорске...»

Почему «странность»? Кавказские офицеры, в особенности гвардейцы, прежде чем возвратиться в столицы, считали своей обязанностью побить на водах. То же самое сделал и Мартынов. Никакой «странности» в этом нет. «Скрываться» от светского общества в Пятигорске Мартынов также не мог, ибо значительное количество представителей именно светского общества проводило лето на кавказских минеральных водах. Да Мартынов и не думал скрываться. Многочисленные мемуаристы рассказывают, что, наоборот — в Пятигорске Мартынов вращался именно в светском обществе (князь Васильчиков, князь Трубецкой, князь Голицын и др.).

Дальше: «Мартынов мечтает поправить испорченную карьеру. Возможно. Желание законное. Но как? Каким путем? Здесь начинается вздорная догадка А. Новикова: «Могла ли притти Мартынову мысль заслужить милость двора и поправить свою карьеру, устранив Лермонтова, которого в Петербурге ненавидели и боялись? Или эта мысль была ему подсказана? Так или иначе, весьма многое в личности и поведении Мартынова объясняет тот факт, почему именно он оказался орудием убийства Лермонтова». Вот и готова концепция: Мартынов, желая поправить свою карьеру, приезжает в Пятигорск, дабы убить Лермонтова. Автор забывает, что Мартынов приехал в Пятигорск ранее Лермонтова, и не знал, что Лермонтов будет в Пятигорске. Рушится вся концепция. Да и зачем она? Фигура Мартынова и без того так непривлекательна, что незачем приписывать несвойственные ему качества жандармского провокатора.

А. Новиков пытается бросить тень и на родственника и друга Лермонтова А. А. Столыпина, приписывая ему какие-то темные поступки и в первой, и во второй дуэлях Лермонтова. Попытка неудачная и ненужная. Фигура Столыпина достаточно ясна, он был ближайшим другом Лермонтова, горячо любил поэта, прошел с ним вместе почти весь его жизненный путь. В этом отношении сходятся свидетельства буквально всех современников, об этом говорили М. Лонгинов¹, А. И. Синицын², Д. А. Столыпин³, П. К. Мартынов⁴,

¹ «Дела и дни». Исторический журнал, кн. 2-я, 1921, стр. 189.

² «Октябрь», 1938 г., № 7.

³ «Огонек», 1939, № 25/26, стр. 15—17.

⁴ М. Ю. Лермонтов. Полное собрание сочинений. Изд-во «Академия», т. V, 1937, стр. 393.

¹ «Русская старина», № 3, 1873, стр. 331—332.

² «Русский архив», 1872, стр. 179.

³ П. А. Висковатовый. «Михаил Юрьевич Лермонтов», 1891, стр. 200.

⁴ П. К. Мартынов. «Дела и люди века», т. II, 1893, стр. 57—58.

(по рассказам современников), А. Меринский¹ и др.

Репутация А. А. Столыпина, предельно честного, мужественного человека, стоит достаточно высоко, чтобы можно было опорочить его всякого рода вымыслами. И попытка А. Новикова представляется поистине смехотворной. Автор пишет о первой дуэли Лермонтова, в которой Столыпин был секундантом: «А между тем уже его (Столыпина. — С. И.) поведение на первой дуэли Лермонтова с де-Барантом бросает тень на Столыпина.

принес повинную в этом деле шефу жандармов».

Боле чем странное истолкование документов. Столыпин о направлении выстрела Лермонтова мог показать только то, что он и показал, ибо исключительная честность его не позволяла ему солгать, даже если бы это шло на пользу его другу; направление же выстрела Лермонтова Столыпин, действительно, не видел. Что же касается последней фразы А. Новикова, то не следует ее опровергать, а надо лишь привести заявление Столыпина на

Всадник с дамой. Печорин и княжна Мери.

Тетрадь Лермонтова.

Лермонтов сам написал в своих показаниях, что он стрелял в сторону. Секундант Столыпин должен был это подтвердить, что было очень важно для исхода дела, возбужденного против поэта. Столыпин подтвердил, но как? «Куда направлен пистолет Лермонтова при выстреле, — уклончиво писал Столыпин, — в противника или в сторону, он определить не может, но утверждает, что Лермонтов стрелял, не целясь». И тут же Столыпин поторопился показать, «что он еще прежде, нежели Лермонтов, открыл, что он был секундантом и

имя Бенкендорфа, чтобы читатель сам удостоверился в неумении автора читать документы. На самом деле: Столыпин писал Бенкендорфу: «Они дрались, но дуэль кончилась без всяких последствий. Не мне принадлежащую тайну я по тем же причинам («неприлично для чести офицера». — С. И.) не мог обнаружить перед правительством. Но несколько дней тому назад, узнав, что Лермонтов арестован, и предполагая, что он найдет неприличным объявить, были ли при дуэли его секунданты и кто именно, я долгом пошел в то же время явиться к начальнику штаба вверенного вашему сиятельству корпуса и донести ему о моем соучастничестве в этом деле. Доныне, однако,

¹ «Библиографические записки», № 12, 1859, стр. 374.

я оставлен без объяснений. — Может быть, генерал Дубельт не доложил о том вашему сиятельству или, может, и вы, граф, по доброте души своей умалчиваете о моей вине. — Терзаясь затем мыслями, что Лермонтов будет наказан, а я, разделявший его проступок, буду предоставлен угрызениям своей совести, спешу по долгу русского дворянина принести вашему сиятельству мою повинную».

Для всякого, умеющего читать, из приведенного показания Столыпина явствует именно его благородство и честность. Следует вспомнить, что царскому правительству было выгодно арестовать одного Лермонтова, не привлекая к делу его секунданта, дабы не придать все это дело широкой гласности. Столыпин понял это, и поспешил донести о своем соучастии. Насколько хорошо понимал Столыпин желание царского правительства не предавать дело гласности, явствует из иронического обращения Столыпина к Бенкендорфу «...или, может, и вы, граф, по доброте души своей, умалчиваете о моей вине...»

Касаясь второй дуэли Лермонтова, окончившейся его смертью, А. Новиков пишет: «Теперь жандармы снова суетились вокруг убитого поэта, и мужество снова могло покинуть Столыпина». В биографии Столыпина нет ни одного случая, когда бы можно было упрекнуть его в отсутствии мужества. И на сей раз Столыпин был мужественен до конца. Нет ни одного намека в большом количестве документов и мемуаров, который бы обвинял Столыпина в каком-либо неблагородном или нечестном поступке во время дуэли или после нее. Это попытка сделать наш современник А. Новиков и, как видим, крайне неудачно.

III

За последние три года опубликован ряд новых материалов, дополняющих в тех или иных пунктах биографию Лермонтова. Кратко остановимся на них.

В архивах города Грозного обнаружены документы, относящиеся к кавказскому периоду жизни Лермонтова¹. Среди этих документов рапорт Лермонтова от 13 июня 1841 года, «формулярный список о службе и достоинстве Тенгинского пехотного полка поручика Лермонтова», письмо Ставропольского штаба о том, что император разрешил Лермонтову по просьбе его бабки, «жедали он службе усерден и в нравственности одобрителен, уволить к ней в отпуск в С.-Петербург, сроком на два месяца», и черновой журнал военных действий отряда левого фланга Кавказской линии под командой генерал-лейтенанта Галафеева. Последний документ имеется в нескольких списках, некоторые из них были уже опубликованы. Очевидно, вновь найденный документ вносит некоторые коррективы в опубликованные списки.

В Пятигорске, в материалах бывшего архивного управления Кавминвод, найдено много интересных документов, относящихся к периоду

пребывания Лермонтова на Кавказе¹. В числе их имеются: подробное описание зданий и мест, посещавшихся в свое время Лермонтовым, — Пятигорского военного госпиталя, ванн-зданий, галлерей, садов, дома Е. А. Хостатовой, в котором жил Лермонтов в 1825 году; материалы о пребывании Лермонтова в Железноводске в последние дни перед дуэлью.

Интересные документы публикуются в лермонтовских томах «Литературного наследства». Можно отметить публикацию В. А. Мануйлова, который, на основании ряда новых документов, рисует взаимоотношения Лермонтова с издателем и редактором «Отечественных записок» А. А. Краевским. Эти материалы интересны потому, что в нашем литературоведении установилось какое-то, крайне недоброжелательное отношение к Краевскому. Между тем, как утверждает автор в своей публикации: «В литературном окружении Лермонтова Краевскому принадлежала весьма значительная роль: он был издателем, редактором, неизменным советчиком и распорядителем литературного наследия поэта. Ни один из друзей Лермонтова не сделал так много для прижизненных и посмертных публикаций произведений Лермонтова, как Краевский. И надо признать, что Краевский проявил удивительную последовательность и настойчивость в преодолении придиорок николаевской цензуры». Новое даст публикация А. Михайловой «Лермонтов и его родня по документам архива А. И. Филоосова». Т. Левит публикует найденный им печатный пансионский альманах, выпущенный в 1829 году, в котором, как убедительно доказывает автор, имеются произведения Лермонтова, правда не оригинальные, а позаимствованные (переведенные) из французских источников. Публикация Т. Левита достаточно полно освещает литературные интересы воспитанников пансиона в лермонтовское время. Впервые печатаются воспоминания князя Лобанова-Ростовского, касающиеся отношения Лермонтова к светскому обществу 30-х годов.

До сего времени не поставлена еще нашими литературоведами крайне важная для правильного понимания значения творчества Лермонтова задача изучения высказываний вождей социалистической революции о Лермонтове. В последнее время опубликованы отзывы о Лермонтове В. И. Ленина и С. М. Кирова. Из воспоминаний Н. К. Крупской известно, как высоко ценил Лермонтова Владимир Ильич. М. Ф. Николаева впервые опубликовала² выдержку из письма Н. К. Крупской от 7 мая 1938 года, адресованного музею «Домик Лермонтова»: «Владимир Ильич любил Лермонтова. Привлекала нас смелость и сила чувства, которые так ярки у Лермонтова». «Литературная газета» обнародовала³ хранящееся в личном архиве С. М. Кирова письмо Сергея Мироновича к М. Л. Маркус-Кировой, датиро-

¹ «Правда», 30 ноября 1940 г.

² М. Ф. Николаева. М. Ю. Лермонтов. Пятигорск, 1940, стр. 136.

³ «Литературная газета», 1 декабря 1939 г.

¹ «Правда», 6 мая 1941 г.

ванное 22 ноября 1911 (1912 г.)¹, в котором Сергей Миронович пишет: «... Случайно взял Лермонтова и почему-то он совершенно иным стал в моих глазах — его поэзия, конечно. Удивительно своеобразно! Много помогло в его усвоении, очевидно, мое знакомство, хотя и слабое, с Кавказом. Какова должна была быть сила воображения, наблюдательность и проникновенность у человека, так высоко, художественно и образно описавшего Кавказ. Что если бы перед его взорами раскинулась подавляющая своим величием, божественно-спокойная, необъятная панорама, которую прихотилось видеть немногим счастливым, достигавшим вершины царствующего над горами Кавказа гиганта! Какие звуки услышал бы художник-гений среди этой мертвой тишины? Какие тайны природы открыл бы его проникновенный взор?»

Некоторые ценные для биографии Лермонтова публикации имеются в статьях общего характера, опубликованных в периодической печати.

До последнего времени существовала версия о том, что в дни дуэли и смерти Пушкина Лермонтов был болен, не выходил из дому и знал о трагических событиях лишь по рассказам. Эта версия в значительной степени разрушается публикацией Н. Ростова², в которой приводится заявление известного географа и путешественника П. П. Семенова-Тяньшанского, сделанное им 1 октября 1913 года на торжестве закладки памятника Лермонтову в Николаевском кавалерийском училище. «Я единственный из присутствующих, — заявил Семенов-Тяньшанский, — знавший и видевший Лермонтова. Десятилетним мальчиком дядя возил меня в дом Пушкина, и там, у гроба умершего гения, я видел и знал великого Лермонтова».

Из воспоминаний современников и очевидцев смерти Пушкина известно, что квартира умиравшего поэта была наполнена жандармами во главе с ближайшим помощником шефа жандармов Бенкендорфа — Л. В. Дубельтом. В связи с этим и словами Семенова-Тяньшанского особое звучание приобретает публикация И. Фейнберга «Рисунок поэта»³, в которой убедительно доказывается, что профиль, нарисованный Лермонтовым на черновике стихотворения «Смерть поэта», является портретом Дубельта.

К известным уже высказываниям Л. Н. Толстого о Лермонтове прибавляется еще одно, весьма ценное, опубликованное С. Дурылиным в статье «Мятежная лира»⁴. С. Дурылин указывает, что когда Толстому сказали однажды про слова Белинского: «Уже затевает он (Лермонтов) в уме, утомленном суетой жизни, созиданья зрелые — три романа из трех эпох жизни русского общества (века Екатерины II, Александра I и настоящего времени), имеющие

между собою связь и некоторое единство» — Толстой воскликнул: «Он хотел сделать то, что пытался сделать я в «Декабристах» и «Войне и мире», — и как жаль, что ему не пришлось сделать это! А он бы мог!»¹.

Интересна публикация Ф. Майского «Лермонтовские места в Москве»², устанавливающая московские дома, в которых жил Лермонтов в 1827—1832 годах: дом в Сергиевском переулке, два дома на Поварской, дом на Молчановке.

На любопытной выставке, организованной в начале 1940 года Государственным литературным музеем, впервые выставлен был большой иконографический материал, характеризующий окружение Лермонтова: серия портретов А. А. Столыпина-Монго, поэтессы Е. П. Ростопчиной, Е. А. Сушковой-Хвостовой, секунданта в последней дуэли Лермонтова — С. В. Трубецкого, офицера Лисаневича, которого Васильчиков пытался спровоцировать на дуэль с Лермонтовым, графини А. К. Воронцовой-Дашковой, адреса стихотворения Лермонтова «К портрету». Краткое описание выставки сделано Н. Пахомовым³.

IV.

Следует особо остановиться на двух работах В. Я. Кирпотина о Лермонтове: «Историческое значение творчества Лермонтова»⁴ и «Политические мотивы в творчестве Лермонтова»⁵. Их нужно разобрать и потому, что Кирпотин впервые попытался осветить эти важные темы, и потому, во-вторых, что в отношении их в нашей литературе существует много путаницы.

С критикой первой работы Кирпотина выступил М. Розенталь⁶. Можно было бы не возвращаться к этому, ежели бы автор не выступил со второй статьей⁷, в которой попытался защитить свою позицию. Таким образом, до сего времени статью Кирпотина «Историческое значение творчества Лермонтова» можно считать его программным заявлением, которое он разделяет и поныне.

В этой статье автор поставил перед собою достаточно определенную и четкую задачу: исследовать, как в творчестве Лермонтова разрешаются два основных вопроса, стоявших перед каждым мыслящим человеком первой половины XIX века: кто виноват в общественном неурядистве и что делать, чтобы преобразовать Россию. Чтобы правильно осветить эти вопросы, нужно прежде всего понять творчество Лермонтова в связи с эпохой. Мы вынуждены заметить, что Кирпотин, как видно из названной статьи, не понял

¹ С. Дурылин делает примечание: «Слышано много от П. И. Бирюкова».

² «Литературная газета», 13 апреля 1941 г.

³ «Огонек», № 2, 1940.

⁴ «Литературная газета», 28 августа 1938 г.

⁵ «Новый мир», 1939, № 10—11 и отдельное издание Гослитиздата.

⁶ «Литературный критик», 1938, № 9—10.

⁷ В. Кирпотин, «Мой ответ М. Розенталю». «Литературная газета», 5 января 1939 г.

¹ В подлиннике дата недостаточно разборчива.

² «Огонек», № 25/26, 1939, стр. 8.

³ «Литературный критик», № 2, 1940, стр. 151—

156.

⁴ «Огонек», № 25/26, 1939, стр. 10—12.

Лермонтова, а не поняв, — не смог ответить на им же самим поставленные вопросы.

Кирпотин говорит: «Поэзия Лермонтова выросла в атмосфере поисков ответа на вопрос «Кто виноват?»... Лермонтов так и не пришел к окончательному и единственному суждению о том, «кто виноват» в невероятно тяжелых условиях человеческого существования, господствовавших в России». Это категорическое утверждение о том, что ответа на вопрос «кто виноват» Лермонтов не нашел, несколько смягчается в дальнейшем фразой: «Однако для понимания творчества поэта и его общественного значения крайне важно установить, какой ответ начинал господствовать в его поэтическом мышлении в последние годы его жизни».

Следовательно, автор утверждает, что до последних лет жизни Лермонтов не знал и не мог установить, кто виноват, и лишь в последние годы своей жизни (надо полагать, в годы 1839—1841) начинал только подходить к решению этого вопроса. Тем самым Кирпотин не видит в творчестве Лермонтова первого периода обличения виновных в общественном неустройстве. В своих дальнейших рассуждениях он становится (волью или неволью) именно на такую точку зрения. Он говорит: «Лермонтов не отрицал существования бога (подчеркнуто мною. — С. И.), а вел с ним борьбу как с реальным существом, ответственным за несправившийся ему миропорядок». И дальше: «Уход от земли в надзвездные края, зависимость от религиозно-идеалистического мышления мешали Лермонтову определить конкретных виновников общественного неустройства и превратить их в объект действительной ненависти».

Странно, конечно, узнавать в работе советского ученого концепцию, которую проводили в свое время некоторые литературоведы, стремившиеся этим «богоборчеством» затемнить политическое содержание творчества Лермонтова. Посмотрим, однако, насколько прав Кирпотин.

Лермонтов начал писать в 1828 году, когда ему не было еще 14 лет. Его творчество юношеских лет не допускает никаких криво толков. Лермонтов твердо знал, кто виноват, и в своем творчестве совершенно недвусмысленно называл виновных. Лермонтов считал, что крепостничество является язвой русской жизни и заклеил его в драме «Странный человек». Поэт не только считал крепостничество одной из основных причин общественного неустройства России, но и стремился найти путь к искоренению этого зла и в повести «Вадим» изобразил крестьянское восстание как силу, выступающую против власти помещиков.

В раннем творчестве Лермонтов твердо и бесповоротно сказал, что основным виновником общественного неустройства является самодержавие. В юношеском произведении «Жалобы турка» Лермонтов писал о России, где «стоит человек от рабства и цепей». Рабство и цепи, как символ самодер-

жавия, — вот что является основным в творчестве Лермонтова. Свободолюбивыми идеями наполнена поэзия Лермонтова. Но это не абстрактные мечты о свободе вообще, не «космические масштабы», не «богоборчество», а реальное противопоставление свободы самодержавию. Такая направленность лермонтовского творчества, проходящая красной нитью в большинстве его произведений, особо ярко видна в стихотворениях и поэмах, посвященных Кавказу. В стихотворении «Кавказу», написанном в 1830 году, поэт обращается к стране, олицетворявшей «жилище вольности простой» с пророческими словами: «Свободе прежде милый край приметно гибнет для нее». Думается, достаточно этих строк (а их можно умножить цитатами из других стихотворений, из поэм «Измаил-бей», «Беглец» и т. д.) для утверждения, что Лермонтов знал, кто виноват. Не будем утруждать читателя цитатами. Приведем лишь одну, являющуюся окончательным ответом самого Лермонтова на вопрос, понимал ли он, кто виноват. В стихотворении «Предсказание» (1830) юноша Лермонтов (ему было 16 лет) с опромной силой предсказал гибель самодержавия:

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь...

Итак, Лермонтов уже в творчестве юношеского периода понимал и знал, кто виноват. Самодержавие и крепостничество — вот причина тягостных условий человеческого существования, господствовавших в России. Утверждение Кирпотина о том, что «Лермонтов так и не пришел к окончательному единственному суждению о том, «кто виноват», — необоснованно.

Неправильно и следующее утверждение Кирпотина: «Неистовый мятеж Лермонтова против «высших сил», сравнительно мало задевал общественные взаимоотношения. Люди превращались у Лермонтова в этом контексте в объект презрения, притом люди вообще без отношения к их политической и социальной роли» (подчеркнуто мною. — С. И.). В доказательство этого ответственного утверждения, по существу снижающего политическую и социальную роль творчества Лермонтова, Кирпотин приводит... шесть строк из «Демона».

Посмотрим, как же относился Лермонтов к лю дям. Лермонтов ненавидел «свет», аристократию, верхушку правящей клики. Он ненавидел аристократов, презирал пустоту и надменность этих людей, в своем творчестве характеризовал это общество, как «надменное», «глупое», блистающее «красивой пустотой». Достаточно резко говорит о «свете» Лермонтов и в письмах к своим любимым корреспонденткам (Аспухиной, Верещагиной). Все это достаточно ярко и убедительно опровергает тезис Кирпотина о том, что у Лермонтова в «объект презрения» превращались

люди «вообще, без отношения к их политической и социальной роли». Как-раз наоборот, политические и социальные ноты в отношении к людям звучат у Лермонтова, начиная с первых шагов его творческой деятельности. Но Лермонтов выступал в юношеской поэзии не только с обличением «света» (хотя и это одно является громадной его заслугой). Он противопоставлял «свету» — гордых, мужественных, свободолобивых людей. В юношеских поэмах Лермонтов выводит людей с высокими чувствами и сильными страстями, так непохожих на тех, кто окружал его.

Ненависть к крепостничеству органически сочеталась у Лермонтова с любовью к крестьянам, со страстным желанием облегчить их участь, с мечтами о крестьянских восстаниях. Эта любовь к обездоленному народу явствует и из целого ряда биографических материалов (рассказы современников о тархановском периоде, отношение к солдатам во время войны с горцами, постоянное стремление к народу). И, наконец, с необычайной убедительностью свою любовь к народу Лермонтов выказал в замечательном стихотворении «Родина».

Следовательно, отношение Лермонтова к людям характеризуется острой ненавистью (а не только презрением) к «свету», противопоставлением ему гордых, смелых, свободолобивых людей, характеризуется яркими антикрепостническими тенденциями и горчей любовью к народу.

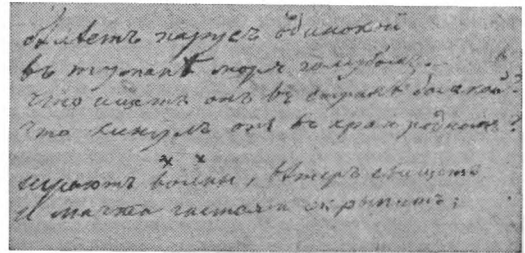
Третье утверждение В. Кирпотина: «Однако, в творчестве Лермонтова, несмотря на идеалистический романтизм, очень сильно билась реалистическая тенденция, хотя ни общественные отношения, ни его собственное мировоззрение не благоприятствовали ее развитию». (Подчеркнуто мною. — С. И.) Здесь просто не связаны концы с концами. Ибо, если собственное мировоззрение Лермонтова, как утверждает В. Кирпотин, было противореалистическое, то никакая реалистическая тенденция не могла «биться» в его творчестве. Ведь нельзя же творчество такого поэта, как Лермонтов, отделять, а тем более противопоставлять его мировоззрению.

Но продолжим цитату: «Поэтому Лермонтов не мог удовлетвориться отвлеченным религиозно-космическим ответом на вопрос о причинах торжества зла и пошлости на земле. Он спустился с небес на землю, он винил во всем бессилие и беспомощность личности, возмившей себя титаническим борцом за полноту жизни и торжество идеала». (Подчеркнуто мною. — С. И.) М. Розенталь в статье «В защиту Лермонтова»¹, приведя эту цитату В. Кирпотина, восклицает: «Хорош реализм, ... который приводит к обвинению человеческой личности в торжестве зла и пошлости!» Мне остается только присоединиться к этому восклицанию. Не буду повторять. М. Розенталь достаточно убедительно показал, как В. Кирпотин, цитируя отрывок из «Мцыри» в доказательство своего утверж-

дения, «забыл», что вслед за этим следуют строки, разрушающие с таким трудом построенное В. Кирпотиним здание.

Но это лишь одна сторона вопроса. Другая, и наиболее важная, заключается в том, что и этой цитатой В. Кирпотин продолжает отрицание политического и социального содержания творчества Лермонтова. И богоборчество, и отношение к людям безотносительно к их политической и социальной роли, и обвинение во всем личности (личности вообще), — все это отдельные линии по существу единой концепции В. Кирпотина.

Вся поэзия Лермонтова, начиная с юношеской поры, политически и социально заостре-

Автограф Лермонтова. Начало стихотворения «Блест парус одинокий».

на. Значение творчества Лермонтова в том, что он рано познал — кто виноват — и свою поэзию, свой талант направил, начиная с первых юношеских опытов, на разоблачение виновных.

Но Лермонтов не остановился на полпути. Определив виновных и заклеив их, обрушив на них тысячи строк железных стихов своих, поэт ищет ответа на второй вопрос — что делать. Юноша Лермонтов не нашел ответа на вопрос, что делать. Он переживал глубокую внутреннюю трагедию. Он стремился к героическим подвигам, искал путей к переустройству жизни, но этих путей не находил. Его юношеская лирика проникнута свободолобием, высокими гражданскими идеалами, но практического выхода поэт не видел.

Величие Лермонтова в том, что, пройдя через годы жесточайшей депрессии, он не только не утратил политическую и социальную направленность своего творчества, а необычайно поднял, усилил ее. Пройдя через «страшные» годы юнкерской жизни, Лермонтов, начиная с 1835 года, вилотную подходит к разрешению основного вопроса — вопроса о том, что делать. В «Маскараде» он обнажает «свет», показывает его в том виде, как он есть, в стихотворении «Смерть поэта» разоблачает аристократию и самого царя, в «Думе» бросает жесточайший упрек своему поколению, в «Герое нашего времени» дает обобщенный образ русского интеллигента-индивидуалиста первой половины XIX века.

Этого не отразил В. Кирпотин и обнародовал «концепцию», снижающую значение про-

¹ «Литературный критик», № 9—10, 1938.

изведений Лермонтова, их политическое и социальное содержание.

Вторая работа В. Кирпотина «Политические мотивы в творчестве Лермонтова» производит иное впечатление. Она чрезвычайно ценна. Этот важнейший для изучения творчества Лермонтова вопрос неоднократно ставился в дореволюционной литературе, но разрешался тогда главным образом в духе поисков «богоборческого» элемента в творчестве Лермонтова. В советской литературе эта тема не была освещена сколько-нибудь обстоятельно. Анализ, сделанный Кирпотиним, довольно последователен и конкретен, и выводы, которые он делает, во многом справедливы. Кирпотин показывает связь ранних произведений Лермонтова с декабристской литературой и с настроениями передовой университетской молодежи, вскрывает агитационный смысл поэмы «Последний сын вольности». Очень ценен анализ так называемых «избраннических» стихов Лермонтова, в которых поэт говорит об ожидающей его гибели или изгнании. Кирпотин разрушает легенду о романтическом избраннике, о «сверхчеловеке» и справедливо утверждает, что в этих стихах Лермонтов выражает мысль «о своем политическом избранничестве и собственной своей участи в грозных потрясениях, долженствующих определить судьбы государства и народа», что «избранник» — исторический деятель, ведущий освободительную борьбу за счастье своего народа. Правильно и убедительно трактует Кирпотин вопрос об отношении Лермонтова к славянофильству.

Но и эта работа Кирпотина не свободна от недостатков и некоторых ошибок, причем в некоторых случаях эти ошибки тянутся от первой статьи Кирпотина, о которой мы говорили выше.

Ошибкой является трактовка Кирпотиним юнкерского периода, как периода, когда «политический интерес у Лермонтова ослабел». Кирпотин пишет, что в юнкерской школе «Лермонтов становится «благоразумнее», т. е. вследствие отсутствия соответствующей среды, под давлением общих политических условий и советов друзей, видимо, удаляется от острых политических интересов московского периода». Больше того, Кирпотин прямо обвиняет Лермонтова в политической трусости: «Вероятно, вместе с попыткой слиться с офицерской средой, опуститься до ее уровня, начало действовать и соображение, выраженное им в «Княгине Лиговской»: «В политику благоразумие мешает пускаться».

Не нужно быть лермонтоведом, чтобы понять всю необоснованность этого утверждения. Ошибка заключается в том, что в творчестве Лермонтова юнкерского периода автор видит только эротические поэмы и ничего больше. Если бы Кирпотин учел, что именно в юнкерской школе Лермонтов работал над повестью «Вадим», которую сам Кирпотин считает «произведением революционным», «грозным напоминанием о чаше народной расплаты», если бы Кирпотин имел в виду, что именно в юнкерской школе Лермонтов

работал над «Демоном» (редакция 1833 г.), — он не сделал бы такого вывода.

Другое заблуждение — изображение Лермонтова подражателем Байрона. Кирпотин пишет: «...Байроническая и романтическая литература была источником политического воодушевления и политического воспитания Лермонтова». (Подчеркнуто мною. — С. И.). Напомним, в этой связи, следующие слова самого Лермонтова:

Нет, я не Байрон, я другой
Еще неведомый избранник;
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.

И еще одно напоминание сделаем, дабы уже не возвращаться к этому вопросу. Белинский, авторитет которого, очевидно, Кирпотин опровергать не станет, писал о Лермонтове: «Мы не скажем, чтоб из него со временем вышел Байрон, Гете или Пушкин, ибо мы убеждены, что из него выйдет ни тот, ни другой, ни третий, а выйдет — Лермонтов».

V

За последние годы вышло несколько книг биографического порядка: книга В. А. Мануйлова¹, И. Андроникова², Л. Семенова³, М. Николовой⁴, И. Ениколопова⁵. Остановимся вкратце на каждой из этих книг, за исключением книги Л. Семенова (одной из лучших биографических книг о Лермонтове), о которой была дана большая рецензия в первом номере «Нового мира» за нынешний год⁶.

Написанная хорошим литературным языком, книга В. А. Мануйлова, несмотря на свой малый объем, дает читателю яркую картину жизни и творчества поэта. Очень жалею, что рисует автор жизнь Лермонтова, выделяя основные периоды ее, и настолько полно, насколько позволяет размер книги, останавливается на анализе основных произведений писателя. В целом читатель получает достаточно ясное и, главное, правильное представление о жизни и творчестве великого русского художника. К недостаткам книги относится некоторая нераспорядительность ее частей (непомерно большое место уделено детству за счет освещения более важных жизненных этапов), неудачен стилистический анализ «Бородино». Трудно пока еще судить о другой работе В. А. Мануйлова «Жизнь Лермонтова»,

¹ В. А. Мануйлов. Лермонтов. Жизнь и творчество. Учпедгиз, 1939.

² Ираклий Андроников. Жизнь Лермонтова. Детиздат, 1939.

³ Л. Семенов. Лермонтов на Кавказе. Ворошиловград, 1940.

⁴ М. Ф. Николова. М. Ю. Лермонтов. Пятигорск, 1940.

⁵ И. К. Ениколопов. Лермонтов на Кавказе. Тбилиси, 1940.

⁶ Помимо указанных, вышла еще биография Лермонтова, написанная С. В. Ивановым («Молодая гвардия», 1939).

так как опубликована лишь первая ее часть, посвященная детству поэта¹. Но и эта первая часть, насыщенная огромным количеством материала, в значительной мере впервые публикуемого, и к тому же написанная хорошим литературным языком, позволяет утверждать, что «Жизнь Лермонтова» представит собою значительное явление.

Более подробно следует остановиться на книге И. Андроникова. Книга Андроникова выпущена Детиздатом. Это обстоятельство обязывало автора крайне серьезно и ответственно отнестись к своей работе, ибо, если взрослый читатель критически относится к книгам, то дети доверчиво воспринимают написанное, верят автору.

Обратимся к примерам.

Говоря о смерти Пушкина и стихотворении Лермонтова «Смерть поэта», автор правильно указывает, что лермонтовские стихи «производили потрясающее впечатление». Но, желая еще более усилить это впечатление, автор перегибает палку. Он пишет: «В безропотной тишине, царившей в те годы в России...» Хороша тишина, в которой громко звучали революционные стихи Полежаева, Пушкина!

Автор правильно указывает, что Лермонтов был так требователен к себе, что «не печатал даже такие совершенные стихотворения, как «Нищий» и «Парус». Но дальше следует: «Он писал в одно время с Пушкиным и хотел выступить в печати со стихами, достойными занять место рядом с пушкинскими». Откуда Андроников взял эти сведения? В литературе о Лермонтове до сих пор не было (да и не могло быть) намеков на подобное хвастовство Лермонтова.

«В доме бабушки отец был чужой. С сыном он был ласков, но мальчика стесняло его присутствие и не огорчал отъезд». Совершенно неверно. Из мемуаров современников мы знаем другое, что Лермонтов был очень привязан к отцу, страстно любил его и отъезды отца всегда причиняли мальчику боль.

Автор говорит: «Жизнь его (Лермонтова) была безрадостна». Почему? Опять-таки из биографических материалов, да и из писем самого поэта мы знаем, что он испытывал в жизни много горя, но и много радости.

Андроников описывает некоторые события так, словно он при этом присутствовал, причем не обращает никакого внимания на существующие воспоминания современников. Например, рассказывая о жизни отца и матери Лермонтова, Андроников пишет: «Через несколько недель вернулись в Тарханы. И вдруг открылась неверность Юрия Петровича. Начались упреки, слезы. Сам виновный перед женой, Юрий Петрович посмел заподозрить ее в неверности и, расвирепев, ударил ее». Откуда такие, неизвестные даже современникам, подробности у Андроникова? Из невнятных никакого доверия бульварных записей

Шугаева? И это в книге для детей! Далее: «Жизнь стала невыносимой. Мария Михайловна зачахла в два года. Все было сделано, чтобы спасти ее, но она не хотела жить», и это не явствует ни из каких материалов. Наоборот, Мария Михайловна страстно хотела жить, ибо глубоко любила своего сына, будущего великого поэта.

«Лермонтов боялся, что военная жизнь оторвет его от занятий поэзией, но товарищи приводили ему в пример Дениса Давыдова, ...который сумел совместить поэзию с военной службой». Откуда почерпнул Андроников такие сведения о разговорах Лермонтова с товарищами? «После неудачи с постановкой «Маскарада», Лермонтов в 1836 году задумал писать роман «Княгиня Лиговская». В этой работе ему помогал Раевский». Что значит помогал Раевский? Был соавтором? Из воспоминаний современников мы знаем, что Раевский лишь переписывал то, что сочинил Лермонтов.

Можно было бы еще продолжить перечисление лягушесов подобного рода. Но дело не в этом. Хуже то, что серьезные моменты в жизни Лермонтова — первая ссылка, дуэль с Барантом и вторая ссылка, наконец, убийство поэта освещены буквально двумя-тремя строками и анализа (хотя бы самого краткого) творчества Лермонтова в книжке не дано.

Биографический очерк М. Ф. Николовой был по справедливости оценен печатно крайне отрицательно. Очерк плохо написан, плохо отредактирован, изобилует многочисленными ошибками и неточностями. Не будем останавливаться на неряшливости языка (примерно, такого порядка: Лермонтов «взмахнул своей могучей фантазией» или: «с сатанинским искусством начал он свою атаку на сердце красавицы»), об этом достаточно убедительно говорится в рецензии В. Жданова¹. Хуже, когда цитаты Белинского искажаются (стр. 110, 132 и др.), собственные имена переиhrываются, статьи Белинского приписываются неизвестному автору. Основной недостаток книги в том, что работа Николовой фактически представляет собою монтаж из стихотворений и писем самого Лермонтова, без каких-либо обобщений и без анализа этих материалов. Получается какое-то подобие хрестоматии, но отнюдь не биографический очерк. Вот, например, «анализ» «Демона»:

«Демон когда-то был светлым духом» — и далее следует цитата из поэмы. «Но сознание своего могущества не доставляло ему радости» — и далее опять цитата. «Не встречая борьбы со стороны людей, он считает их слабыми и ничтожными» — и цитата. «Как только Демон начинает говорить о людях... в его словах слышится одно презрение к ним» — цитата. «Демон долго не находил в жизни ничего, что примирило бы его с нею» — цитата. «Демон сомневался во всех ценностях жизни, презирал людей и был обречен на безысходное отчаяние» — цитата. И так до

¹ «Звезда», № 9, 1939.

¹ «Литературное обозрение», № 20, 1940.

бесконечности. Едва ли следовало издавать эту ученую работу.

К достоинству работы следует отнести лишь опубликование письма Н. К. Крупской об отношении Ленина к творчеству Лермонтова, о чем было сказано выше.

Отметим и ошибку критика (В. Жданова). В заслугу Николевой он ставит, что она «убедительно опровергает версию о том, что известное письмо к Лермонтову от 12 октября 1832 года написано «старшей Верещагиной, вряд ли вообще существовавшей». А между тем, старшая Верещагина действительно существовала (как свидетельствуют об этом исследования Ф. Майского), и письмо написано, несомненно, ею.

Работа И. Ениколопова «Лермонтов на Кавказе» производит двойственное впечатление. Излагая биографию поэта, связанную с пребыванием его на Кавказе, Ениколопов делает ряд очень интересных сообщений, по-новому освещающих некоторые детали, и устанавливает источники кавказских произведений поэта. Все это представляло бы определенную ценность, если бы можно было быть уверенным, что догадки автора основаны на документах и авторитетных материалах. Однако отсутствие ссылок и точных указаний на источники лишает работу Ениколопова той ценности, которую она могла бы представлять.

Укажем в заключение на ряд значительных литературоведческих работ. Интересна кандидатская диссертация С. А. Андреева-Кривича на тему «Лермонтов и Кавказ». Работа содержит важное утверждение, что сюжет поэмы «Измаил-бей» построен на фактических исторических событиях и герои поэмы — реально существовавшие личности. Привлеченные автором обильные документальные материалы позволяют по-новому толковать некоторые части поэмы. Не лишено интереса и предположение, что «Аул Бастунджи» и «Канлы» написаны на основе подлинных кабардинских народных сказаний.

Ценна работа Эммы Герштейн «Лермонтов и «Кружок шестнадцати»» («Литературный критик», № 9—10, 1940), освещающая, на основании ряда новых документов, один из наименее разработанных фактов лермонтовской биографии.

Книга С. Н. Дурдылина «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова, пособие к изучению романа» (Учпедгиз, 1940) предназначена для учащихся и педагогов как своеобразное литературно-учебное пособие. Но свойственное автору живое, увлекательное изложение и широта охвата вопроса могут значительно увеличить контингент читателей книги. Ею одинаково заинтересуются и советская интеллигенция и широкий читатель.

Книга состоит из цикла статей, освещающих роман «Герой нашего времени» со всех точек зрения. Эти статьи далеко неодинаковы по значению и по качеству.

Ценна статья «Кавказ и кавказцы в романе Лермонтова». Предпосланный статье крат-

кий экскурс в историю кавказской войны в ярких иллюстрациях показывает хищническую колониальную политику царского правительства. Однако второй половине этой проблемы — исторической необходимости и неизбежности присоединения Кавказа к России — автор не уделал внимания и «покорение Кавказа» выглядит у него однобоко; у читателя может сложиться неправильное мнение о событиях на Кавказе в первой половине прошлого столетия. Статья насыщена богатым материалом и очень полезна для понимания эпохи, географии и этнографии, времени, места и действия героев романа. Правильно и убедительно сопоставление Максима Максимыча с очерком «Кавказец» в статье «Вокруг Печорина». Тщательно прослежена литературная история темы Бэлы — любовь европейца к туземке. Интересные заметки и наблюдения собраны в статье «Сверстники и потомки Печорина».

Неудачна и во многом неправильна статья «Лермонтов в работе над «Героем нашего времени». Ее основным недостатком является совершенно неправильное отождествление Печорина из «Княгини Лиговской» с Печориным из «Героя нашего времени». Считая, что в «Княгине Лиговской» Лермонтов дал изображение петербургской жизни Печорина, а в «Герое» лишь продолжает описание кавказского периода его жизни, С. Н. Дурдылин впадает в крупнейшую ошибку, и его утверждение, что «все основные точки жизни Печорина и все характерные линии портрета «Героя нашего времени» уже даны в «Княгине Лиговской», — противоречит истине. На совпадении имен нельзя строить аналогии между двумя столь различными лермонтовскими героями.

Излишняя и сомнительная глава, восстанавливающая жизненный путь Печорина. С. Н. Дурдылин, став на путь отождествления Печорина с реальным, действительно существовавшим индивидуумом, спорит с самим Лермонтовым, который в предисловии к «Герою нашего времени» говорил, что «Герой нашего времени, милостивые государи мои, точно портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения в полном их развитии». Спор Дурдылина с Лермонтовым оканчивается, конечно, не в пользу первого.

Все эти досадные ошибки не могут, однако, опорочить книгу в целом. Она остается ценным пособием к изучению «Героя нашего времени», и заявление критика В. Викторова (журнал «Ленинград», 1941, № 10), что «беспринципный эклектизм этой работы и рецезивы вульгарного социологизма могут только дезориентировать школьника и увести от восприятия и понимания «Героя нашего времени», как целостного художественного произведения», — является, по меньшей мере, легкомысленным.

Иракий Андроников в работе «Лермонтов в Грузии»¹ делает догадки (достаточно хорошо

¹ «Красная новь», № 10—11, 1939.

обоснованные) о связях Лермонтова, во время его пребывания в Тифлисе, с крупнейшими писателями и поэтами Грузии, и проводит связь между кавказскими произведениями Лермонтова и народным фольклором Кавказа. Интересна статья Андроникова «Бородино» («Правда», 22 июня 1941), в которой, прослеживая историю лермонтовского «Бородино», автор устанавливает, что один брат бабушки поэта — Афанасий Алексеевич Столыпин участвовал в Бородинской битве, командовал артиллерийской батареей и выказал «доблестное бесстрашие, истинно артиллерийское хладнокровие и распорядительность в самом сильном огне», — а второй брат бабушки — Дмитрий Алексеевич Столыпин был также артиллеристом и крупным военным теоретиком.

В работе А. Лаврецкого «Лермонтов в оценке революционных демократов»¹ суммируются и анализируются высказывания о творчестве Лермонтова — Белинского, Чернышевского и Добролюбова. Автор приходит к правильному выводу, что «роль поэзии Лермонтова в духовной жизни таких людей, как Белинский, Чернышевский, Добролюбов, может послужить одним из примеров того, насколько велико было ее значение».

Новые цензурные материалы о Лермонтове собрал и опубликовал Н. Здобнов². Автор приводит цензурные материалы о «Песне про царя Ивана Васильевича», «Кинжале», «Пленном рыцаре», «Демоне» и «Маскараде». Интересны материалы о писателях А. Н. Майкове и И. А. Гончарове в роли цензоров сочинений Лермонтова.

Ленинградское отделение Гослитгиздата выпустило большую, содержательную и интересную книгу Л. Гинзбург «Творческий путь Лермонтова». Достоинства этой книги несомненны. Это — первая советская монография о творчестве Лермонтова. Автор рассматривает и анализирует все главные этапы поэтического развития поэта, вносит ряд новых, интересных и по существу правых утверждений. Таковы: сопоставление мировоззрения Лермонтова и Герцена и установление их идейной близости; установление основного принципа лермонтовского творчества — единства его лирического героя; установление положительных идеалов лермонтовских героев; проблема поэтического языка Лермонтова; литературные источники лермонтовской поэзии; переход его от романтизма к реализму и т. д.

Но, наряду с положительными качествами работы Л. Гинзбург, в ней имеются и серьезные недостатки, главнейшим из которых является увлечение автора сугубо литературной стороной за счет исторической действительности. О книге Л. Гинзбург следует поговорить особо, в специальной статье.

Не чем иным, как полнейшей литературной неграмотностью и безответственностью издателей и редакторов, можно объяснить появление

на книжном рынке двух изданий на тему «Лермонтов и музыка», выпущенных Московской государственной филармонией¹ и Ворошиловградской государственной филармонией². Не будем останавливаться на них, ибо подробный разбор этих «трудов» дан в рецензиях В. Ж.³ и И. Эйгеса⁴. Можно лишь полностью присоединиться к выводу И. Эйгеса: «Книжка Е. Канн ни в малейшей степени не заполняет пробела в лермонтоведении, именно в изучении почти совсем неисследованной темы, которую она затронула легковесно и фальшиво по существу. Книги такого рода, помимо общих неверно понятых задач популярной литературы о вопросах, связанных с музыкой, проникнуты еще жалкими убеждениями относительно задач юбилейной литературы. Это — ненужная дань юбилейному угару и чаду, от которых нужно вовсе избавиться: цествование памяти великого русского поэта». Прав и В. Ж., который говорит, что «халтура остается халтурой, в каком бы тираже она ни была отпечатана и в каком бы городе ни распространялась».

К такому же типу изданий относится и выпущенный Государственным литературным музеем путеводитель «По лермонтовским местам». Внешне этот путеводитель, хорошо изданный, производит впечатление не плохое. Да и издательская марка высокая — Государственный литературный музей. Семь составителей, пять редакторов (главный, обыкновенный, ответственный, технический, редактор-рецензент). Но, как правильно озаглавила свою рецензию на этот «труд» М. Адикаев⁵, «У семи составителей...» дитя без глаза. Невозможно перечислить все глупости, изложенные в путеводителе. Достаточно сказать, что по путеводителю, десятилетний Лермонтов уже писал стихи, что юнкерскую школу Лермонтов окончил уже после ссылки на Кавказ и т. п. В путеводителе допущены грубейшие искажения в цитируемых стихах Лермонтова, почти на одной и той же странице читатель узнает, что «у Лермонтова связаны с Москвой тяжелые переживания» и «Лермонтову, как всегда, легко и приятно в Москве». Прав М. Адикаев, когда говорит: «Словом, веселенький путеводитель издал Литературный музей!»

Приятное впечатление производит работа Н. П. Пахомова «Лермонтов в изобразительном искусстве», изданная Академией Наук СССР. В первом разделе книги собраны прижизненные изображения Лермонтова, даны сведения о художниках, рисовавших Лермонтова, приведены соответствующие воспоминания современников, прослежена история порт-

¹ Е. Канн. М. Ю. Лермонтов и музыка. Московская государственная филармония. Музгиз, 1939.

² «125 лет со дня рождения великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова». Ворошиловградская государственная филармония. Ворошиловград, 1939.

³ В. Ж. О под его пера. «Литературная газета», 15 мая 1940 г.

⁴ И. Эйгес. Лермонтов и музыка. «Литературное обозрение», № 4, 1940.

⁵ «Литературная газета», 20 апреля 1941 г.

¹ «Литературный критик», № 2, 1940.

² «Красная новь», № 10—11, 1939.

ретов. Это — первое более или менее полное собрание прижизненной иконографии Лермонтова. И сейчас, когда все портреты Лермонтова собраны вместе, становится ярко ощутимой бедность этой иконографии, довольно большой количественно, но явно неудовлетворительной качественно. Правда, писать Лермонтова было трудно. Современник Лермонтова художник М. Е. Меликов говорил: «Он обладал большими карими глазами, сила обаяния которых до сих пор остается для меня загадкой... Я никогда не в состоянии был бы написать портрета Лермонтова при виде неправильности в очертании его лица, и, по моему мнению, один только К. П. Брюллов совладал бы с такой задачей, так как он писал не портреты, а взгляды». Это верно, и прав Н. П. Пахомов, утверждающий, что лицо Лермонтова не давалось художникам, так как оно принадлежало к таким лицам, в которых «есть нечто неправильное, трудно запечатлеваемое». Но дело не только и не столько в этом. Дело в том, что прижизненные портреты Лермонтова писали второстепенные художники — Будкин, Заболотский, Горбунов, Кюндер. Среди портретистов Лермонтова мы не найдем ни одного первоклассного мастера. Поэтому мы не имеем в прижизненной лермонтовской иконографии подлинного, настоящего Лермонтова.

Сопоставляя портреты Лермонтова с оценками современников, Н. П. Пахомов приходит к выводу, что лучшими изображениями Лермонтова, сделанными с натуры, являются: портрет художника П. Е. Заболотского, писанный в 1837 году (портрет маслом, изображающий Лермонтова в красном гусарском ментике), и профильный рисунок карандашом, сделанный современником Лермонтова и его товарищем Д. П. Паленом на Кавказе, в экспедицию, в 1840 году.

Посмертные портреты Лермонтова, собранные Н. П. Пахомовым, в большинстве представляют собою копии или перерисовки прижизненных портретов. Мало сделали и советские художники в области лермонтовской иконографии¹.

Значительный интерес представляют собранные Н. П. Пахомовым иллюстрации русских художников к произведениям Лермонтова. Многие из них печатаются впервые. Как бы дополнением к книге Н. П. Пахомова

является недавно опубликованное («Литературная газета», 22 июня 1941 г.) письмо А. А. Краевского к М. Н. Каткову от 11 марта 1841 г., в котором Краевский пишет: «Я заказал списать с него (Лермонтова) портрет Горбунову: вышел похож».

На одном из заседаний лермонтовской группы Института мировой литературы им. Горького было остроумно замечено, что из всей литературы о Лермонтове, вышедшей за последние годы, лучшей книгой является сборник статей, рецензий и писем Белинского о Лермонтове². О ценности этого сборника говорить не приходится. Статьи, рецензии и письма Белинского о Лермонтове, — исключительной значимости материал, до сего времени еще не изученный полностью. Собрание этих материалов в одной книге является ценнейшим подарком для советского читателя. Хорошим дополнением к этому сборнику явится неизвестная ранее статья Белинского о «Маскараде», публикуемая в лермонтовских томах «Литературного наследства».

В заключение следует указать на три справочных издания. Всесоюзный юбилейный Лермонтовский комитет издал тезисы, план и список литературы для докладчиков, составленный автором этих строк³.

Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина выпустила библиографический указатель⁴, довольно полный (конечно, в сопоставлении с малым его объемом). Недостатками указателя являются отсутствие критического подхода к рекомендуемым работам, в результате чего в него вошел ряд работ, совершенно недоброкачественных, и многочисленные опечатки, уже отмеченные в «Крокодиле».

Опечатками и грубыми ошибками отличается и библиографический указатель, составленный А. Маликиным⁴. Уже начало статьи: «Двадцать шестого июля 1941 г. исполняется сто лет со дня смерти...» звучит курьезно. О книге В. А. Мануйлова сказано, что она издана Гослитиздатом, вместо Учпедгиза, автором книги, изданной в Пятигорске, названа Николаева вместо Николовой и т. д.

На этом мы и позволим себе закончить наш обзор.

¹ В. Г. Белинский. М. Ю. Лермонтов. Статьи и рецензии. Редакция, вступительная статья и примечания Н. Мордовченко. Гослитиздат, 1940.

² «Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова. Тезисы, план и список литературы». Изд. Всесоюзного юбилейного лермонтовского комитета, Гослитиздат, 1941.

³ М. Ю. Лермонтов. 1814—1839. Библиографический указатель». Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина, 1939.

⁴ Журнал «Что читать», № 8, 1941, стр. 53—57.

¹ Отметим, что к моменту издания книги составителю не был еще известен замечательный портрет Лермонтова, написанный художником Ир. Тондзе. По общему мнению, этот портрет представляет собой лучшее, что дали художники России за 100 лет.

О Малышкине

Ф. ГЛАДКОВ

★

Зимой 1923 года я был на одном литературном вечере. Такие вечера устраивались в те годы чуть ли не каждым любителем литературы. Собирались обычно близкие люди — и по вкусам и по симпатиям. В этот вечер читал свой новый рассказ покойный А. С. Неверов. Это был очень живой, общительный, душевный человек, чудесный товарищ, с постоянной лукавой улыбкой в глазах. Каждый свой новый рассказ он обязательно читал друзьям, самолюбиво проверяя взглядом впечатление, какое производит он на слушателей.

Среди немногих гостей присутствовал новый человек, небольшого роста, коренастый, с резкими морщинами на лбу, с обветренным лицом, с усмешечкой в ясных, вдумчивых глазах. Он был тогда мало разговорчив, точно стеснялся высказываться, но когда бросал несколько фраз, слова вылетали торопливо, невнятно, скороговоркой. Сидел он в военной шинели. На мой вопрос, кто этот молодой человек, хозяин самодовольно сообщил:

— Как? Разве вы не знаете? Это же — Малышкин, Александр Георгиевич, — автор «Падения Даира».

Весь вечер он был сдержан, весь был спрятан в своей шинели. О рассказе Неверова он сказал резко и прямо:

— Рассказ написан честно. Но он — не в моем вкусе. Я знаю деревню и не люблю пейзажной литературы. Теперь действительность требует от искусства

суровой правды, а не народнического любования...

Неверов взволновался, начал горячо и много говорить о своем праве изображать деревенских людей так, как он живописует их, потому что он вырос среди мужиков и глаз у него — верный. Малышкин слушал его невозмутимо, немного нахмурившись, потом оборвал его речь:

— Я не намерен с вами спорить и права вашего от вас не отнимаю. Я говорю только, что мое отношение к деревне — иное, и ваш рассказ мне кажется приторным.

Неверов тогда сильно огорчился: мнением Малышкина он, очевидно, очень дорожил. По дороге домой он несколько раз повторял:

— Огромный талант, этот Малышкин!.. Эх, если бы написать так, как он, хотя бы одну страничку, и я был бы счастлив...

Есть люди, похожие на тени: постоянно ускользают от наблюдения, к ним не подойдешь, не коснешься их души. Даже после долгих лет общения с ними трудно составить о них определенное мнение. И не потому, что это сложные натуры, а потому, что они — бедны духом. Но есть люди, которые сразу привлекают внимание и с первой же встречи оставляют в душе неугасимый след. К такому типу людей принадлежал и Александр Георгиевич Малышкин. Помню, в тот же вечер я твердо решил, что

это — правдивый, честный и очень скромный человек. Резко бросался в глаза его демократизм и некоторая строгость и холодность в своем отношении к людям. Казалось, что этот ригоризм — от застенчивости, но, наблюдая его, я тогда же понял, что этот человек очень дорожит своим достоинством и знает себе настоящую цену. О себе, о своей работе он не сказал ни слова, но когда он делал замечания о книгах других писателей, сразу чувствовалось, что он предан литературе, живет ею и считает ее труднейшим и ответственным делом.

— Литература — это общественное служение, — категорически говорил он: — А раз это так, то писатель обязан отвечать за свое слово. Оно должно быть неотразимо. С плохим оружием нельзя вступать в борьбу. Писатель обязан владеть мастерством в совершенстве; а это совершенство обусловлено глубоким знанием жизни, высокой культурой и умением орудовать ярчайшим синонимом. Говорю не о словесной игре, а о честном, совестливом отношении к слову, о неустанном труднейшем искании самого объемного образа.

Так мог говорить только человек, для которого искусство — его жизнь, его мысль, его поведение.

Первая половина 20-х годов была эпохой бурного роста советской литературы: как-то одновременно и в Москве, и в Ленинграде появилась целая плеяда очень ярких и смелых талантов. Их имена быстро стали популярными среди читателей всей страны. И среди них имя А. Г. Малышкина было одним из оригинальных и значительных.

Сошлись мы с ним не сразу. Нередко встречались в литературных объединениях, но сближению мешало, очевидно, многолюдие. Впервые по-настоящему связались мы дружбой в то время, когда он привлечен был к редакционной работе в журнал «Новый мир». Тогда он печатал в этом журнале свой «Севастополь».

Жил он тогда в Бутиковском переулке, в районе Остоженки, в очень неприятной квартирке. Мы стали бывать друг у друга. И тут впервые я узнал, как

красив и духовно богат был Александр Георгиевич. Живой, веселый, впечатлительный, он был удивительно нежный и душевный человек. Он способен был согреть своим сердцем, своей лаской, своим всегда кипучим словом всякого, кого он считал своим товарищем или к кому он питал симпатию. Общение с ним было всегда приятно и радостно: в беседах по литературе он всегда обогащал друзей, освежал остроумием, неожиданностью, оригинальностью своих мыслей. Он любил посмеяться, а смеялся он особенно: весь отдавался смеху, и если кто-нибудь мог слышать его со стороны, непременно отметил бы, что это смеется хороший человек.

Я не часто встречал в жизни людей, которые были бы так бескорыстны, искренни, горячи и верны в своей дружбе. На дружбу он смотрел не как на простое житейское, ни к чему не обязывающее компанейство, а как на серьезную человеческую связь на основе общности взглядов, убеждений, чувств. Дружба для него была святым долгом по отношению к близкому человеку.

— Дружба — это серьезное дело, — говорил он, будто прислушиваясь к себе. — Дружба — это событие в жизни человека. В дружбе выражается его характер и вся его суть.

Свою верность дружбе Малышкин не старался доказывать: она была его поведением. С открытой душой встречал он близких товарищей и был всегда нежен с ними. Он никогда не мог спокойно переносить несправедливых оценок или злословия по отношению к писателю, которого он уважал, не говоря уже о своих друзьях. Приходилось мне встречать много людей ярких, даровитых, сильных характером и душевно чистых. Это были красавцы-люди, преданные делу рабочего класса и крестьянства, горевшие идеей социалистической революции. Они ненасытно любили жизнь и умирали без страха. Знал я и немало людей созидательного труда и в области современной промышленности, и в науке, и в искусстве. Это были самоотверженные революционеры, беспокойные умы и прекрасные сердца. И мне они особенно дороги своим бескоры-

ствием, удивительной правдивостью и прямоотой. Было бы чудовищно для кого-нибудь из них покривить душой, допустить неискренность, ложь, нечестность. Они не терпели политиканства, игры в дипломатию, лести, подхалимства, карьеризма. Скромность и строгость к себе были отличительной их чертой. Таким был и Александр Георгиевич. Были случаи, когда при нем кое-кто за глаза злословил и клеветал на общих знакомых, а в глаза говорил им приятные вещи, льстил и оказывал всяческое уважение. Александр Георгиевич не мог выносить таких людей: его охватывал гнев, и он резко, без стеснения обличал их в двоедушии. Он рьяно выступал на защиту опороченных и со свойственным ему благородством подчеркивал их достоинства.

— Я требую, — сурово говорил он, — чтобы вы сказали в лицо такому-то, что вы о нем думаете. Я знаю его хорошо и считаю, что вы клеветаете.

Был такой случай: один из «теоретиков» в передовой статье, напечатанной в некоем критическом журнале, пренебрежительно отнесся к известной книге советского писателя. Малышкин немедленно заявил свой протест, а потом, встретив однофамильца этого «теоретика», публично набросился на него.

— Это вы позволили себе недостойную выходку против такого-то?.. Как вы смели допустить такую подлость?

И, когда выяснилось, что этот критик не имеет отношения к автору статьи, он радостно крикнул:

— Как я рад, что ошибся. Прошу меня извинить.

— Я вполне понимаю ваше негодование, — утешил его критик.

— Но многие из критиков не понимают, как вредно для искусства личное пристрастие. Топтать цветы в саду и ломать деревья — это дико, некультурно, но в этом многие находят удовольствие. Искусство — это высшая культура, а художник вправе требовать честного и внимательного отношения к своему творчеству. Ничто так не способствует росту литератора, подъему его творческого духа, как поощрение и, самое главное, умная и любовная, т.-е.

справедливая и поучительная критика. Зубоскальство, суесловие, злонамеренность, предвзятость — от невежества, от некультурности, от мещанской низости. Критик, если он революционер и гражданин, должен быть мыслителем и обладать способностью удивляться.

Вот почему Александр Георгиевич так пристально и трогательно относился к каждому способному литератору. Над рукописями молодых и начинающих писателей он работал долго и настойчиво. Он заставлял авторов перерабатывать рассказы и повести много раз и внушал:

— Надо обязательно довести дело до конца. Это — трудно, но в этом вся суть и прелесть работы художника.

Иногда доводилось ему встречать неблагодарное отношение к нему автора, но он не озлоблялся, а грустно посмеивался:

— Ну, что ж... кишка не выдержала... Значит, толку из этого человека не выйдет. Тот, кто дело до конца не доводит, — неудачник, прощ ему цена.

Но по-юношески радовался и ликовал, когда молодой писатель работал над рукописью упрямо и относился к себе самокритически.

— Замечательный парень. Хороший будет писатель. Талант — это любовь к делу и настойчивость в преодолении препятствий.

Он и сам работал над своими книгами с беспримерным усердием и беспощадным самокритическим упрямством. Он повторял:

— Самое важное в работе писателя — это борьба с трудностями. Чем больше сопротивление материала, тем плодотворнее борьба. Чем напряженнее борьба, чем труднее поиски слова, тем значительнее результаты. Яркий синоним — одно объемное слово из тысячи, — вот что составляет секрет писательской удачи.

Работал он систематически каждый день, утром и вечером. И когда был доволен своей работой, прибежал, обычно, веселый, радостный, с громким, открытым смехом и скороговоркою сообщал:

— Работал сегодня превосходно, с увлечением. Исписал три четвертушки,

но все уничтожил. Ни-че-го, кроме зачеркнутых страниц. И все же... и все же нашел... Нашел одно ядерное словечко... Это словечко не умрет... Нет!.. Я очень доволен и счастлив... Борьба кончилась победой... Какая чудесная вещь это искусство!..

Зимой 1932 года мы жили с ним в доме отдыха на Новом Афоне. Условия для работы были отличные. Там Александр Георгиевич начал свой последний роман «Люди из захолустья». Комнаты наши были смежные, окна выходили на восток, в мандариновый сад. Вдали, на склоне зеленели маслины, а за горой голубело и сверкало море.

Работали мы до двух часов дня. Несколько раз он вбегал ко мне в комнату и смущенно просил извинения за беспокойство.

— Можно прочесть? Пожалуйста, пожалуйста...

И читал несколько страниц, пестрых от зачеркнутых слов и фраз. Чтение его занимало минуты две — зачитывал он буквально несколько предложений. Но какие это были чудесные слова! Он настойчиво требовал строжайшей критики и, слушая мое одобрение, огорчался:

— Нет, вы хвалите меня потому, что любите...

Но когда выслушивал замечания, строго и вдумчиво смотрел на свой неразборчивый карандаш и жестко говорил:

— Да, совершенно верно. Так. Не доборолся. Не докарабкался до вершины. Я это смутно чувствовал. А если есть это ощущение — ощущение хотя бы смутной неудовлетворенности, надо не останавливаться, а добиваться до конца.

На авторском экземпляре «Людей из захолустья», вспоминая об этих днях нашей совместной жизни, он написал: «На память о лазурной Псырuxe, где я читал вам первые страницы. Спасибо за помощь!»

Он очень глубоко чувствовал слово: сияние, свежесть его он ощущал чрезвычайно тонко. Среди хаоса словесного звучания он вдруг схватывал отдельные образы и в смятении вспыхивал: вот оно! здорово! чудесно!

Каждый день раза два мы гуляли по берегу моря и по обширному парку бывшего монастыря. Он останавливался, смотрел на горы, на скалы, на море и как будто ловил смену красок и волнение жизни природы.

— Смотрите: кажется, что скалы — желтые, а лес — бурый, а на самом деле — замечаете? — скалы — сиреневые, а лес — фиолетовый, с дымом.

Особенно его влекло море. Он мог очень долго бродить по берегу, слушать плеск волн и следить за игрой света на зеркальной поверхности, которая сливалась с небом.

— Люблю море. Оно — живое и никогда не повторяется. Оно рождается каждый миг, и этот миг — новое перевоплощение. Оно похоже на великого художника, у которого каждый мазок — гениальная неожиданность. Море — необъятно и огромно, как жизнь.

Александр Георгиевич был очень интересный собеседник — именно душевный собеседник. Мы оба любили природу — землю и небо, которое так же близко и прекрасно, как земля. Оно — тоже наша родина. Мы оба были поэты и о звездах, планетах и бесконечности говорили, как лирики.

— Мы, писатели, не знаем своего неба, — говорил он раздумчиво: — а в древности судьбу человека связывали со звездами; отсюда выражение: родиться под счастливой звездой. Недаром в далекие времена люди населяли небеса своими героями со всем их хозяйством — скотом и утварью. Сейчас же небо осталось только во владении астрономов. Нам же, писателям, надо знать вселенную: она заставляет размышлять и удивляться человеческому могуществу. Человек становится ничтожным, если он теряет способность удивляться.

Он вспоминал свое детство в Мокшане и гимназическую юность в Пензе. Трудно шел он к высокой жизни в эти годы. Он познал тогда унижительную зависимость от чужих людей, свою сиротливость, но и впервые испытал радость борьбы за свое достоинство. С тех пор он начал удивляться неисчерпаемой силе человеческой энергии и дару его творить чудеса.

Мы понимали друг друга: в моей жизни было больше горя, всяческих бед и напастей, чем у него: мне труднее было бороться и побеждать препятствия, чем ему. Я не учился ни в гимназии, ни в университете, моим вузом была сама действительность, люди, тюрьма, книги. Мне пришлось завоевывать право на жизнь своим горбом. Но я так же, как и он, хорошо знал, какой дорогой ценой достигается счастье познания, то-есть удивление красоте человека, его дерзанию и творческому величию, как борца и деятеля. Мне иногда приходилось обращаться в минуту усталости за помощью к большим людям — к Короленко и Горькому, — а Александр Георгиевич, будучи студентом, находясь в среде культурного общества, предпочитал бороться самостоятельно. Впрочем, он, кажется, не выдержал и однажды обратился за советом к тому же Короленко.

По характеру своему Александр Георгиевич был очень жизнерадостный человек: горячий, искренний, он любил шумное веселье, хорошую песню, музыку, остроумную шутку и смеялся с наслаждением.

Его последней радостью был выход из печати его книги «Люди из захолустья». Хорошие отзывы о ней критики обрадовали его. Он весь светился и повторял:

— Я чувствую прилив новых сил. Сажусь за работу над последней частью с уверенностью, что напишу ее хорошо. Удивительно, как благотворно поощрение. Писателю необходимо верить в свои силы, чтобы работать продуктивно. Пустота, молчание или ругань страшно понижают работоспособность и разоружают художника. У него опускаются руки, и он блекнет. Художник — общественный человек: он связан с людьми тысячью нитей, и его слово требует отклика. Можно быть глухим, как Бетховен, но хорошо слышать волнение людей.

Как командир запаса Малышкин не раз призывался к отбыванию лагерного сбора, участвовал он однажды на весенних маневрах в Закавказье. Части Красной Армии проводили условные

военные действия в горной местности. Александр Георгиевич рассказывал:

— Впервые пришлось мне делать труднейшие переходы по горам. Думал, не одолею этих страшных высот и скал: вырвался на равнине, горы видел издали, а тут извольте брать их с бою!.. Но удивительно, понимаете, хорошо было. Никогда я не чувствовал такого прилива сил и храбрости... Знаете, до иллюзии я испытал весь боевой пыл сражения. Только и было одно в душе — бить и крушить врага. Даже бессонные ночи, постоянное напряжение было для меня потребностью... И, как в былые дни празданской войны, я чувствовал, нет, не чувствовал, а просто всем существом сливался с этой огромной силой человеческого массива, где каждый мой шаг, каждое действие были только волей и целью этой сплоченной монолитной массы. Собственно, себя как личность я ощущал по-особому — сильным, богатырски неотразимым. Помню, брали мы одну неприступную возвышенность. Я горел в этом бою, нитки сухой не было, запалился, но рвался вместе со своим подразделением все выше и выше. Был момент, когда мы после удачного обхода врага бросились врукопашную. Я не особенно способен к крику и реву, но, кажется, в жизни я так победоносно не орал «ура», как в эти минуты. Мы были героями, я и смеялся, и боролся со слезами от счастья.

И, рассказывая об этих событиях, Малышкин волновался, и у него блестели глаза и дрожали руки.

— И я понял, — заключил он с убеждением, — что мы, русские, очень воинственный народ, и никогда, ни при каких условиях мы не позволим никому, даже сильнейшему и свирепейшему врагу, захватить нашу землю. И потому что мы, самые трудолюбивые люди, сумеем сами отвоевать свою свободу, свое достоинство, свое государство, да еще построить его так здорово (он с гордостью подчеркнул слово «здорово»), мы будем драться со всяким врагом так же здорово. Народ наш носитель правды, а это безгранично объемное слово. Ни в одном языке нет такого слова с таким

огромным содержанием. А носитель правды непобедим. Мы и правдой живем хорошо, мы и дрались за эту правду хорошо и будем драться не на жизнь, а на смерть.

Захват власти в Германии Гитлером он встретил с ожесточенным гневом. Мы не раз толковали с ним об этом позорном и мрачном для немецкого народа событии, как о страшном преступлении. Массовые и кровавые расправы с рабочими, с коммунистами, с интеллигенцией, сожжение на кострах книг, уничтожение культурных ценностей — все это очень потрясло Малышкина. Лицо его серело, всегда горячие глаза застывали от жгучей ненависти к фашизму. Он весь дышал мщением.

— Это наш кровавый враг, страшный враг. Это, прежде всего, наш враг. Об этом надо помнить всегда, даже во сне. Нам неизбежно придется с ним воевать, воевать жестоко и долго. Это будет самая кровопролитная война. И я первый пойду на этого варвара и хищника в первых рядах. Я дождусь этого дня и буду драться... ненасытно, беспощадно драться.

Александр Георгиевич мучительно и злобно страдал, сжимая зубы, когда читал в газетах о зверствах гитлеровских штурмовиков, о порабощении немецкого народа, о «расистском» вандализме фашистов.

— Сатана там правит бал... — скороговоркой, как бы про себя, отмечал он и старался дрожащими пальцами стереть со лба резкие морщины. — Да, это свора псов и палачей и где, в какой стране! Какое адское издевательство над народом, который дал миру Гете и Шиллера, Гегеля и Маркса, Моцарта и Бетховена. Страшное уродство истории.

Пламенный патриот своей социалистической родины, Малышкин не дождал великих дней священной Отечественной войны с этими страшными уродами истории, с этой дикой сворой псов и палачей. Но его непримиримая ненависть к этому врагу рода человеческого, смертельному врагу народов, жизнь которых бессмертна в своей правде, жива в сердцах его друзей, и в сердце каждого советского человека. С этой ненавистью, во имя свободы и правды, все от мала до велика идут на самоотверженную борьбу с извергами и людоедами, с кровавыми ордами Гитлера!

Свалился Александр Георгиевич быстро. Мы часто гуляли с ним по Ордынке, и он жаловался на сильные боли в пруди. Потом он слег. Я пришел к нему в тот же день и увидел трупно-серое лицо. Он смотрел на меня печально и покорно. Ясно было, что он обречен. Его положили в больницу, и я расстался с ним навсегда.

БИБЛИОГРАФИЯ

ВЕЛИКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ *

Наша страна совместно со всем передовым человечеством борется с озверелым фашизмом. Это не обычная война между двумя армиями.

Это — великая всенародная Отечественная война против варварских полчищ захватчиков, против наглого, кровавого гитлеризма, существование которого представляет собою позорное пятно на теле современного человечества.

Б. Кочаков, Ш. Левин, А. Предтеченский написали содержательную патриотическую книгу о народном ополчении, выражающем несокрушимую волю всего народа к победе над врагом. Во вступительной части книги ее авторы пишут:

«Весь двухсотмиллионный народ Страны Советов, как один человек, встает на защиту своей родины, чести, свободы. Боевой, воинствующий дух искони свойственен нашему народу. Никогда не знал он страха в борьбе. В защите горячо любимой родины, в защите своей независимости он неизменно проявлял беспримерную храбрость и отвагу, умение находить выход из любых трудностей, не знающую никаких границ самоотверженность, презрение к смерти, беспредельную веру в свои силы, в свою победу, в свое будущее. Смелый, отважный, находчивый, сметливый, глубоко патриотичный, народ наш десятки раз победоносно отражал нападения сильных и грозных врагов, громил и уничтожал их. Одной из традиционных, веками освященных форм организации народных сил для борьбы с наседавшими врагами было всегда народное ополчение. Не случайно поэтому в наши дни всенародный характер отечественной освободительной войны против фашизма нашел ярчайшее выражение в создании могучего народного ополчения, почин которому положили трудящиеся Москвы и Ленинграда.»

В книге «Великое народное ополчение» показано, как на протяжении всей истории русской земли в трудную минуту народ поднимался против врага, на помощь своей армии. Еще древние летописи свидетельствуют о могучем сопротивлении народа татарам, половцам, печенегам и всяким иным захватчикам.

* Б. Кочаков, Ш. Левин, А. Предтеченский. «Великое народное ополчение». Госполитиздат. 1941. Стр. 23.

Величайшее произведение древне-русской поэтической литературы «Слово о полку Игореве» является страстным призывом к сплочению сил всех русских земель и к единой их борьбе с врагами-половцами. «Вступите в золотое стремя за обиду этого времени, за землю русскую» — этими словами призывал и воодушевлял русских людей к борьбе за родную землю древний певец «Слова».

В начале XIII века немецкие псы-рыцари задумали захватить русскую землю и поработить русский народ. Но они встретили грозный отпор. Вновь поднялись русские люди на защиту своей родины. Под знамена новгородского князя Александра Невского стекались полки со всех концов Руси, — ополчилась вся русская земля. В 1240 году, на Неве, Александр наголову разбил немецких союзников — шведских феодалов. А через два года, 5 апреля 1242 года, на льду Чудского озера русский народ нанес своему злейшему врагу, немецким псам-рыцарям, страшный удар. Героизм и мужество русских бойцов, грудью защитивших родную страну от немецких захватчиков, навсегда запечатлены летописями. «Сердца их были, как сердца львов», — говорит летописец о героях Невской битвы.

В конце XIV века снова Русь оказалась перед лицом величайшей опасности, когда на нее двинулся со своими полчищами монгольский хан Мамай. И опять навстречу врагу выступил русский народ, чтобы грудью защитить свою родину. Рядом с княжеской дружиной шли полки народного ополчения, горожане и селяне. На Куликовом поле, в верховьях Дона, 8 сентября 1380 года сошлись русские полки с монгольскими ордами Мамаи.

Битва эта была одной из самых ожесточенных в истории нашей родины. «Копья, по выражению летописца, ломались, как солома, стрелы падали дождем, пыль закрывала солнечные лучи, мечи сверкали молниями». Стойкость русских воинов взяла верх, и в этой страшной сече Мамай был наголову разбит и позорно бежал.

Вновь родина потребовала от русского народа всех сил для борьбы с врагом, когда в начале XVII века на Русь напали иноземные интервенты — польские паны и шведские феодалы. Поднялось общенародное движение.

Наибольшую силу народное движение приобрело в 1611 году, когда в Нижнем Новгороде русский патриот земский староста Кузьма Минин обратился с воззванием ко всем русским людям. Минин призывал всех «не только что у них есть имущества, но жен и детей продавать, а ратным людям давать». Сам Минин все свое имущество пожертвовал «на строение ратных людей». Слово Минина всем «любо было», рассказывает летописец. На призыв Минина и избранного военным вождем народного ополчения Пожарского города отвечали, что «идут на земскую народную службу все головами своими».

Москва была освобождена от поляков. Враг был с позором изгнан из пределов русской земли.

В 1708 году шведские войска под предводительством Карла XII вторглись в Белоруссию и Украину, чтобы оттуда итти на Москву. Украинский и белорусский народы дружно встали на защиту родной земли.

Спротивление русского, белорусского и украинского народов значительно подорвало силы Карла XII и создало для него крайне тяжелую обстановку. После жестокого поражения, нанесенного Карлу XII под Полтавой в 1709 году русскими войсками, страна была очищена от неприятеля.

Прошла еще сотня лет, и на Россию обрушился новый страшный удар: в 1812 году в нее вторглась полумиллионная армия, сформированная Наполеоном. «На поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху» (Молотов).

Грозной силой поднялся народ на защиту целостности и независимости родины. Первые столкновения армии Наполеона с народом начались сразу же после перехода им границы. В Витебской губернии белорусские крестьяне так же начали вести с неприятелем борьбу, как за сто лет до этого они защищались от шведских войск. «Упрямое сопротивление» русской армии и народа с самого начала парализовало военные планы Наполеона, ожидавшего, что первое же генеральное сражение решит судьбу России.

В тех случаях, когда организовать вооруженный отпор врагу было невозможно, крестьяне сжигали свои дома и посевы, уходили в леса, угоняли скот, заваливали дороги и колодцы. Навстречу врагу поднималась могучая волна народного гнева. Когда знаменитый партизан Денис Давыдов — один из замечательнейших героев 1812 года — во главе своего отряда пробрался в тыл неприятельской армии, он увидел картину, наполнившую его чувством гордости за народ: «Общее и добровольное ополчение поселян преграждало нам путь», так писал он в своих воспоминаниях.

После занятия Наполеоном Москвы народная война разгорелась с особенной силой. Весь район Москвы оказался в кольце крестьянских отрядов, ведших неустанную борьбу с наполеоновскими солдатами.

После революции в октябре 1917 года отечественной войной ответил народ на вторжение в Украину немецких оккупантов.

Повсюду возникали новые формирования Красной Армии и партизанские отряды.

В марте 1918 года товарищ Ворошилов сформировал в Луганске отряд из шахтеров и металлистов. Каждый переход отряда приносил все новых и новых бойцов. Сначала в нем было всего 640 человек, а через месяц он уже составил основу вновь сформированной 5-й армии, которая мужественно дралась с немцами и нанесла им ряд поражений.

В марте же возник партизанский отряд легендарного героя большевика Николая Щорса. Из этого отряда вырос Первый Украинский советский повстанческий полк имени Богуна. Молниеносными налетами на тылы и фланги противника Щорс постоянно держал под угрозой германские коммуникации.

В деревне разгорался пожар народной войны. Вооруженные частью винтовками, частью косами, вилами, граблями, партизаны нападали на немецкие караулы, продотряды и уничтожали их.

В дни наступлений Колчака, Деникина, Юденича красный фронт получал все новые и новые пополнения добровольцев. Насколько ценными являлись эти пополнения, видно из телеграммы товарища Сталина петроградским рабочим, посланной с Южного фронта в декабре 1919 года: «Петроград первый пошел на помощь Южфронту, посыл ему сотни закаленных в боях передовых рабочих, вдохновивших наши дивизии верой в победу и совершенно преобразивших наш фронт. Последними своими успехами Южфронт обязан прежде всего этим рабочим, достойным сынам красного Петрограда». («Ленинградская Правда», 4 июля 1941, № 157).

Подлинно всенародный характер имела оборона красного Петрограда от банд Юденича в 1919 году. «Все рабочие мобилизуются, все самые ответственные работники мобилизуются, — говорилось в обращении Петроградского Совета. — Текущая работа на несколько дней откладывается до тех пор, пока мы отгоним новоявленных корниловцев. Все рабочие вооружаются. Дезертиров арестовать. Трусов презирать. Всякого, кто посмеет нарушить спокойствие города, уничтожать».

В наши дни советская страна опять подверглась вражескому нападению.

И в это время народное ополчение приобретает особую силу и значение.

Немецко-фашистская армия Гитлера, поработившая многие народы Европы, до сих пор не встречала на европейском континенте серьезного сопротивления. Гитлеровские бандиты задались безумной целью подчинить себе, поработить и великий советский народ. Они поставили своей целью захват наших земель, нашего хлеба и нашей нефти, восстановление царизма, власти помещиков, разрушение национальной культуры и национальной государственности свободных народов Советского Со-

юза. Дело идет, как сказал товарищ Сталин, «о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными, или впасть в порабощение».

Но фашистские варвары жестоко просчитались с самого начала в своих разбойничьих планах. На советской земле они с первых своих шагов встретили исключительно мощный, сокрушительный отпор. «Наши войска героически сражаются с врагом, вооруженным до зубов танками и авиацией. Красная Армия и Красный флот, преодолевая многочисленные трудности, самоотверженно бьются за каждую пядь Советской земли. В бой вступают главные силы Красной Армии, вооруженные тысячами танков и самолетов. Храбрость воинов Красной Армии — беспримерна. Наш отпор врагу крепнет и растет» (Сталин).

В книге «Великое народное ополчение» приводится большое количество примеров героизма наших бойцов в борьбе с злым и коварным врагом.

Но войну с врагом ведет не только Красная Армия. «Вместе с Красной Армией на защиту Родины подымается весь советский народ» (Сталин). Всенародный характер великой Отечественной войны против фашизма вполне определился с первых моментов военных действий. Он нашел выражение в той действительной помощи, которую сразу же и во все расширяющихся размерах стала оказывать вся масса нашего народа героической борьбе Красной Армии.

В тылу наших войск около деревни С. противник высадил парашютный десант. Диверсанты были замечены колхозниками соседней деревни. Вооружившись винтовками и дробовиками, колхозники окружили диверсантов. В завязавшейся схватке три диверсанта были убиты, а двое обезоружены и доставлены колхозниками в ближайшую красноармейскую часть.

В районе одного крупного железнодорожного моста дети колхозников обратили внимание на самолет, длительное время кружившийся на небольшой высоте над одним и тем же местом. Как оказалось потом, это был вражеский разведчик, осматривавший место для высадки десанта. Дети немедленно сообщили о замеченном командиру расположенного недалеко воинского подразделения. В результате высадившаяся вскоре щайка диверсантов была истреблена.

Образцы героизма и самоотверженности показывают железнодорожные рабочие и служащие, под огнем врага быстро восстанавливающие разрушенные участки пути, устраняющие повреждения телеграфной сети, несущие охрану депо, станций, путевых участков, в труднейших условиях обеспечивающие своевременную доставку на фронт поездов с боеприпасами.

На пограничной станции, которую враг безуспешно пытался захватить, находился ценный груз. Вагоны и паровоз для вывоза его

имелись, но некому было грузить. Дежурный по станции встал к подъемному крану и стал грузить вагоны. Начальник станции работал за составителя, сцепщика. Когда груженный состав был сформирован, фашисты открыли артиллерийскую и пулеметную стрельбу по станции. Но работа не прекращалась, пока груз не был отправлен.

Машинист товарищ Антонов получил задание выехать на пограничную станцию. Там он поставил поезд на ветку. Неприятель стал обстреливать станцию, и поезд оказался в зоне огня. Машинист решил вывести состав из опасного места. Но все стрелки были закрыты, а приготовить их для прохода поезда было некому. Тогда машинист вместе с проводником ползком добрались до стрелок и перевели их. Поезд был выведен из-под огня.

В районах СССР, территория которых временно захвачена фашистами, трудящиеся создают невыносимые условия для врага. В совхозе Н., близ западной границы, рабочие, отходя вместе с красноармейскими частями, подожгли фуражные склады. Но пожар затяться не успел — внезапно подоспели механизированные части немцев. Три конюха совхоза укрылись в соседнем лесу и ночью снова в нескольких местах подожгли фуражные склады. Попытки немецких солдат потушить пожар не удались. Врагу не досталось советское добро. От огня взорвалось несколько немецких цистерн с горючим.

Таковы многочисленные факты разносторонней помощи Красной Армии со стороны населения и прифронтных районов и районов, занятых неприятелем.

Они показывают, что призыв товарища Сталина в его историческом выступлении 3 июля — создавать в занятых врагом районах партизанские отряды и диверсионные группы и не оставлять врагу при вынужденном отходе наших частей ни одного паровоза или вагона, ни литра горючего, ни килограмма хлеба, вообще никакого ценного имущества, — полностью отвечает чувствам, настроениям, единой воле всех наших рабочих, крестьян и нашей интеллигенции, всего великого советского народа.

На призыв вождя немедленно отозвались десятки и сотни тысяч лучших людей страны. Рабочие и колхозники, ученые и артисты, инженеры и поэты, — все стремятся занять свое место в славной добровольческой рати, организуемой для действительной, боевой помощи родной Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Вот Балтийский завод в Ленинграде. Здесь организован свой собственный Балтийский отряд.

Чувства, одушевляющие балтийцев, разделяются всем нашим народом. Комсомольцы трижды орденосного Кировского завода все, как один, подали заявления о вступлении в народное ополчение. На заводе имени Ленина в народное ополчение записываются целыми семьями: братья Степановы, братья Ручевы, отец и сын Добрины, муж и жена Барановы.

В ополчение идет бригада пожилых кузнецов, обслуживающая шеститонный молот, и рядом — бригада 18-летних слесарей.

Дмитрий Шостакович, замечательнейший советский композитор, заявляя о своем вступлении в ряды народного ополчения, написал: «До этих дней я знал лишь мирный труд. Нынче я готов взять в руки оружие. Спасти человечество от гибели можно только сражаясь!» Народный артист Черкасов, вступивший в народное ополчение, пишет: «Бесславные потомки немецких псов-рыцарей забыли урок, который они получили от наших предков на льду Чудского озера. Кто с мечом к нам войдет — от меча и погибнет. На том стоит и стоять будет земля русская, земля

советская. Вместе со своими товарищами я буду бить врагов так, как били их наши предки».

Народ русский никогда не поддавался врагу. При самых тяжелых условиях он умел с честью выходить из исторических испытаний.

Теперь, когда народ наш давно стал полным хозяином своей земли и своей судьбы, способность его к сопротивлению и отпору выросла безмерно.

Великий наш советский народ, наша славная героическая Красная Армия, наше могучее народное ополчение одолеют врага!

Книга «Великое народное ополчение» написана кратко, хорошим простым языком.

В. Ц.

★

БЕСПОЩАДНО КАРАТЬ ДЕЗОРГАНИЗАТОРОВ ТЫЛА*

«В течение многих лет готовились фашистские разбойники к своему вероломному нападению на СССР. Они всячески старались проникнуть в наши учреждения и предприятия, насадить повсюду свою агентуру, создать в СССР свои «пятые колонны» из шпионов, диверсантов и террористов. Они использовали в этих целях право-троцкистских отщепенцев, меньшевиков, эсеров, бывших кулаков и подкулачников всех мастей, надеясь одновременно с нападением на нас с фронта взорвать наш тыл и тем самым облегчить успех своего разбойничьего дела.

Подлейшая шпионско-диверсионная работа германских фашистских головорезов в СССР зафиксирована в сотнях документов, публично продемонстрированных в свое время перед всем миром.

Священный долг каждого советского патриота, честного сына и дочери своей Родины — мобилизовать себя, перестроить всю свою работу на военный лад, отдать всего себя делу служения Родине, беспощадной борьбе с коварным и опасным врагом.

Товарищ Сталин в своем историческом обращении 3 июля сего года призвал советских патриотов к беспощадной борьбе со всякими дезорганизаторами тыла, паникерами, распространителями слухов, дезертирами, шпионами, диверсантами.

Нужно беспощадно преследовать болтунов, шептунов, паникеров, нытиков, трусов!

Нужно всемерно пресекать как беспечность наивных обывателей, так, особенно, злостную вражескую «работу» агентов немецкой разведки, беспощадно карая преступника по всей строгости законов военного времени.»

В книге А. Вышинского четко очерчены задачи советских граждан в области борьбы с вражеской агентурой, беспечностью и неорганизованностью в тылу. Необходима бдительность, революционная бдительность. В усло-

виях войны это качество особенно важно и существенно. Автор книги иллюстрирует свои положения большим количеством примеров вредоносной деятельности враждебных советской власти элементов.

Чтобы подорвать мощь советского государства, они не останавливались ни перед чем, шли на самые чудовищные преступления. Чтобы иметь представление об их преступлениях, достаточно вспомнить судебные процессы против вредителей, шпионов, диверсантов, террористов, право-троцкистов, которые были разоблачены как агенты германской разведки.

Вот факты. Процесс по шахтинскому делу установил, что в Берлине фирма AEG — Allgemeine Elektrische Gesellschaft (Всеобщее электрическое общество) — имела специальное отделение германской разведки по русским делам. Это отделение называлось коммерческим отделом по русским делам; возглавлял его шпион Блейман. В действительности это был центр по организации на советских предприятиях шпионажа, вредительства и диверсий.

Далее. В 1927—1928 годах немецкая фирма Кнапп прислала в Москву своего «специалиста» — «монтера» Вильгельма Иоганновича Батштибера, которому было поручено «смонтировать» диверсионный заговор, позорно, однако, провалившийся.

Мудрено ли, что германские буржуазные газеты с пеной у рта встали на защиту шахтинцев, своей агентуры, выливая потоки клеветы на советское правительство и советский суд. Особенно старались такие газеты, как «Берлинер Тагеблат», «Кельнше Цейтунг», «Дейтше Альгемейне Цейтунг» и др.

В те же годы и несколько позже (1930) немецкая разведка «работала» и с членами контрреволюционной организации «Промпартия».

Но особенно нагло развернула свою «работу» германская разведка после прихода к власти фашистов, для которых троцкисты, бухаринцы, буржуазные националисты и преда-

* А. Вышинский. «Беспощадно карать дезорганизаторов тыла». Госполитиздат, 1941. Стр. 16.

тели из военных, вроде метившего в Наполеоны Тухачевского, Якира и других, оказались сущей находкой.

По делу изменников — Зиновьева, Каменева — были обнаружены фашистские шпионы: Моисей Лурье, действовавший по директивам некоего Франца Вайца, доверенного лица начальника гестапо Гимmlера, Фриц Давид, Ольберг, Тукалевский — все агенты гестапо, германские фашисты, переброшенные из-за кордона по створу с троцкистами для подрывной работы у нас в тылу.

Нити заговора каменевско-зиновьевских убийц и диверсантов прямым путем вели в Берлин, в гестапо, где формировались и откуда перебрасывались в СССР банды шпионов, диверсантов и террористов.

Так немецкая разведка в течение ряда лет, особенно же в 1933—1935 годах, использовала каменевцев и зиновьевцев.

Не менее важные факты из деятельности германской разведки были вскрыты на процессе антисоветского троцкистского центра (1937). По этому делу была установлена прямая связь Троцкого с Рудольфом Гессом, которому троцкисты обещали отдать Германии Украину за поддержку троцкистов в борьбе за власть. Троцкисты сами были агентами гестапо.

Все эти изменники — пятаковы, дробнисы, серебряковы, ратайчаки, радеки — были простыми агентами разных фашистских обер-группен-фюреров, бригаден-фюреров, группен-фюреров и даже таких мелких шавок из фашистских разведок, как Ленц, Флесс, Зоммергер.

Как глубоко умели пролезать фашистские разведчики, свидетельствует, наконец, процесс антисоветского «право-троцкистского блока» (1938), разоблачивший ряд подсудимых как агентов германской разведки. Процесс показал, что подсудимые были непосредственно связаны с такими видными фашистами, как ближайший сотрудник Розенберга Дайц, как Нидермайер, профессор Хаусховер.

Вся эта беспринципная челядь оптом и в розницу продавала и предавала интересы своих народов, на протяжении нескольких лет хлопотала над сколачиванием антисоветских блоков, над грязной стряпней всяких «программ» и «планов», направленных на ограбление и расчленение СССР. Пойманные с поличным троцкистско-бухаринские изменники вынуждены были признать, что еще в 1920—1921 годах их услуги оплачивал немецкий генерал Сект, что их банда под руководством фашистских генералов готовяла плацдарм для вторжения германского рейхсвера в СССР, что они готовили черную измену, собирались открыть фронт, открыть врагу ворота наших границ.

Особенную активность развернула фашистско-германская разведка на территории СССР и, в частности, в последние годы в приграничной полосе.

Формы и методы вражеской работы немецкой разведки разнообразны. Так, в феврале 1940 года в Вильно появился какой-

то «беженец» из Западной Польши, открывший мастерскую художественных и скульптурных изделий. «Мастерская» в действительности была лишь прикрытием шпионского штаба, действовавшего под руководством офицера германской разведки Г.

Этот владелец художественного ателье оказался старым уголовным рецидивистом и не менее старым и опытным фашистским шпионом, получившим, разумеется, от наших органов власти по заслугам.

Другой крупный немецкий шпион был схвачен в городе Самборе (УССР), где он не только специализировался по сборанию шпионских сведений, но и имел задание проникнуть в органы советской разведки в целях дезинформации, организации провокационных актов и т. п. Официально этот шпион числился инструктором-дезинфектором районной санитарной станции. Маскировка не из плохих!

Уже после нападения на нас фашистской Германии в одном из пограничных наших городов был задержан развезжавший на велосипеде «турист». При аресте у него обнаружили... большую простыню, наволочку и полотенце! Совершенно невинные, повидимому, вещи!

Этот господин имел задание: пристраняться где-нибудь в тылу советских войск, распространять панические слухи и провокационные измышления, а в случае появления немецких самолетов расстилать простыню и таким способом подавать сигналы фашистским самолетам! Арест этого «туриста» сорвал шпионский план и покончил с его шпионскими затеями.

В конце мая этого года, за три недели до коварного нападения фашистской Германии на СССР, в пограничной полосе, благодаря исключительной бдительности наших пограничников, были задержаны два немецких шпиона, переброшенные из-за кордона. При них оказались две радиопередаточные станции, оружие, несколько десятков таблеток сибирской язвы. Схваченные с поличным, фашистские разведчики не смогли скрыть своих подлых замыслов и планов. Эти планы были полностью раскрыты. Соучастники шпионов были обнаружены и схвачены. Часть преступных фашистских щупальцев была отрублена нашей славной советской разведкой.

Таких фактов не мало. Все они говорят о крайней наглости гестапо, пускающего на всевозможные хитрости, и о величайшем значении бдительности и подлинно большевистской настойчивости в борьбе с фашистским врагом.

Тов. Вышинский в последней главе книги разъясняет значение указа от 6 июля, карающего по приговору Военного Трибунала виновных в распространении ложных слухов тюремным заключением на срок от 2 до 5 лет, если это действие по своему характеру не влечет за собой по закону более тяжкого наказания.

Указ 6 июля обрушится всей тяжестью революционного закона на головы политиче-

ских сплетников, болтунов и шептунов, распускающих ложные, вызывающие тревогу слухи.

Советский народ понимает значение прочного тыла для родной Красной Армии.

Имена героев труда, отдающих все свои силы и умение на службу Родине, проявивших величайшую революционную бдительность, уже широко известны нашей стране.

Известны имена товарищей: Петренко, путевого обходчика, задержавшей немецко-фашистского разведчика, замаскировавшегося под нищего и ковьявшего на костылях; колхоз-

ницы Сарафаненко, изловившей вместе с другими колхозниками пять фашистских летчиков, приземлившихся неподалеку от их колхоза, и многих, многих других замечательных советских патриотов.

Миллионы советских людей неустанно охраняют родную землю, бесценно дежурят на сторожевых вышках, вылавливают и уничтожают фашистских парашютистов, диверсантов и шпионов.

В могучем едином порыве к борьбе и победе народы СССР выковывают стальную кольчугу непобедимости своей родной земли.

Е. Ковалева

ПОД ИГОМ ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

Великая Отечественная война, которую ведет героическая Красная Армия и весь наш народ с зарвавшимся кровожадным врагом, это не только война за честь и свободу нашей Родины. «Целью этой всенародной отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма.» (Сталин). Под пятой жестоких фашистских порабитителей томится целый ряд европейских народов. В странах, подавленных гитлеровской военной машиной, господствует варварский режим грабежа и террора. Этот режим фашисты издевательски называют «новым порядком» в Европе. «Новый порядок» этот состоит в хищническом опустошении цветущих государств и бесчеловечном истреблении народов, не принадлежащих к выдуманной гитлеровскими бандитами для оправдания своих преступлений «высшей расе». Немецко-фашистские орды разорили Голландию, Бельгию, Данию, Норвегию, Францию, палачи из гестапо физически истребляют чешский, польский, сербский, греческий и другие народы. Зловещая свастика несет с собой голод и смерть всем тем, кто не хочет стать бессловесным рабом новых владык «господ».

Рецензируемые нами книжки дают представление о том аде, который установили фашистские захватчики в ограбленных ими землях. Сборник «Оккупированные страны под фашистским ярмом» ценен тем, что содержит ряд интересных материалов, принадлежащих перу очевидцев тех жестоких притеснений и издевательств, которые приходится выносить поработенным народам. Тадеуш Крушевский и Юлия Барлицкая рассказывают о положении в Поль-

ше. Илья Эренбург и Жан Ришар Блок видели оккупированный Париж, профессор Э. Неядлы пишет о Чехословакии, М. Петрич — о Югославии... Кроме того, в сборник включены содержательные обзоры иностранной печати, состоящие также из многочисленных свидетельств очевидцев. Аналогичный материал включает и второй сборник «Под игом фашистских захватчиков».

Невозможно без волнения и гнева читать строки из письма Юлии Барлицкой, которой удалось вырваться из Варшавы и приехать в СССР за несколько дней до нападения фашистов на наши границы. «Польский народ, — пишет автор, — на протяжении всей своей истории никогда не переживал ничего подобного тем страданиям, которые приходится ему испытывать сейчас. Страна распотана фашистским сапогом. Люди поработены, унижены. В кварталах Варшавы царят голод и нищета, агонизируют болезни.

Германские фашисты ограбили Польшу. Они вывезли из нее все, что только могли, — заводское оборудование, продовольствие, разные товары, белье, одежду. Магазины Варшавы были ограблены дочиста. Эти разбойники без стеснения уносили все мало-мальски ценное из частных квартир — снимали даже клеенки со столов.»

Но так обстоит дело не только в Польше. Такова система поведения гитлеровских грабителей во всех захваченных ими странах. На грабежах и убийствах зиждется эта система. Илья Эренбург пишет: «Интервенты напечатали «оккупационные марки», раздали эти фальшивые деньги своим офицерам и солдатам, начали «покупать». При мне один офицер забрал девятьсот пар дамских чулок. Деньжки выносили ящики, кульки. Когда я уезжал из Парижа, я увидел багажные вагоны воинского поезда на Берлин. Они были набиты награбленным добром. Фашисты все забирали — от ящ до дверных ручек, от мыла до музейных картин. А магазины, которые были запорты, они попросту взломали.»

Такие же картины наблюдал М. Петрич в

* «Оккупированные страны под фашистским ярмом». Сборник. «Московский рабочий». 1941. Стр. 64; «Под игом фашистских захватчиков». Сборник. М. Госполитиздат, 1941. Стр. 32; Андре Фольен. «Поработенная Бельгия». М. Госполитиздат. 1941. Стр. 14; Д. Заславский. «Германский фашизм несет народам рабство». М. Госполитиздат. 1941. Стр. 20; И. Голубев. «Гитлеровские зверства в Польше». М. Госполитиздат. 1941. Стр. 24.

Югославии: «Где бы ни появлялись оккупанты, «освоение» новой территории начиналось с массового грабежа. В Новом Градишке мы наблюдали такую картину. Немецкие солдаты заходят в магазины и запрещают туда вход покупателям. Они берут в любом количестве понравившиеся им товары, заставляют их хорошо упаковать и затем увозят. Раньше грабители оставляли записку, что-де «товары взяты на нужды армии», теперь они грабят в открытую, не оставляя никаких документов.

Фашистские грабители тащили все, что попадалось под руки: хлеб, крупу, сукна, готовые платья, украшения (все это — «для нужд армии»). В одном лишь Земуле награбили они в одну ночь сукон и шерстяных тканей на 5 миллионов динар.»

Таким образом, хозяйничанье гитлеровских варваров в покоренных ими странах сводится к бесстыдному и наглому грабежу и опустошению всех национальных богатств того или иного народа. Наряду с нищетой и голодом, от которого нестерпимо страдает угнетенное фашизмом население оккупированных стран, оно подвергается еще бесконечным ухищренным издевательствам, пыткам, убийствам. Вот что рассказывает Юлия Барлицкая: «Я видела, как одну старуху-польку заставили за какую-то «провинность» раздеться донага. Германский жандарм застрелил на моих глазах одну женщину, которая не остановилась по его окрику. Потом оказалось, что она была глухо-немая. Трудно описать все издевательства, которым подвергают фашистские изверги население Варшавы. На углу Холодной и Железной улиц я видела старика с обнаженной головой на снегу, привязанного за руки и за скрюченные ноги к стволу дерева, у тротуара. Прохожие говорили, что он не успел во-время снять шапку, когда мимо проходил германский офицер.»

М. Петрич приводит такой эпизод: «В Белграде и других городах вывешен приказ военных властей: «Хождение после 9 часов — воспрещено». Тех, кто появляется на улице после указанного часа, постовые без оклика расстреливают в упор. На наших глазах пуля германского патруля настигла подростка, не успевшего добежать до дома. Каждую ночь на улицах Белграда раздаются эти бандитские выстрелы.»

Нужно ли приводить еще другие аналогичные примеры. Ими переполнены статьи, письма, корреспонденции, идущие из оккупированных фашизмом стран.

Особенную жестокость проявляют разбойники-нацисты по отношению к славянам. Д. Заславский в брошюре «Германский фашизм несет народам рабство» приводит целый ряд изверских утверждений Гитлера и его клики, направленных против славянских народов. Кровавого людоеда беснокоит рождаемость народов Европы. Гитлер хочет сократить эту рождаемость. Он хочет покорить русских, украинцев, белоруссов, так как он знает, что пока свободны русские, фашизму не удастся овладеть малыми славянскими народами.

В тех славянских странах, где уже утвердился фашистский гнет, происходят зверства рассказы о которых леденят кровь. В книжке И. Голубева «Гитлеровские зверства в Польше» приводятся десятки убедительных примеров варварской фашистской расправы, которую чинят гитлеровские мерзавцы над беззащитным населением оккупированной Польши.

С первого момента вторжения германских войск на польскую землю и до наших дней продолжается дикое истребление пораженного народа. Из тринадцати миллионов человек, населявших ранее территорию так называемого «Польского генерал-губернаторства», сейчас осталось только 9 миллионов. Десятки тысяч людей расстреляны. Палачи из гестапо и охранных отрядов свирепствуют в польских городах и селах. В Быдгоще они подвергли казни женщин и детей. В Шамотулах были расстреляны несовершеннолетние мальчики-школьники. В Косцьяне на рыночной площади было публично расстреляно 49 местных жителей, а затем еще 75. В Гнезно — 14. В Лешно — 250... Этот кровавый список можно было бы продолжить. Во многих деревнях Познани и Поморья уничтожено все население до одного человека. В Люблинской провинции расстреляно 2000 крестьян. Все эти казни сопровождаются изощренными издевательствами, пытками и надругательством над личностью. Обреченных заставляют рыть себе могилы. Расстрелы ведутся по-одиночке, на глазах у остальных осужденных. Детей уничтожают на глазах у матерей и т. д. Такова трагическая картина гнуснейшего произвола и самоуправства, которые царят на польской земле, захваченной наглыми преступниками.

Все эти кровавые бесчинства мотивируются каннибальскими теориями, согласно которым поляки, как и все славяне, это «не люди», а только «получеловеки» и потому они могут быть только рабами — холопами германских господ. Гитлер боится свободолобивых славянских народов, и потому в своей изверской книге «Моя борьба» он специально выдвинул задачу закабаления и искоренения славянства. И вот около двух миллионов польских рабочих и работниц отправлены в Германию принудительным порядком на каторжный труд; 14—16 часов в день — такова их рабочая норма. С оскорбительной нашивкой на одежде, которую обязаны носить поляки, они не имеют права появляться даже в церкви, не говоря о других общественных местах.

Жизнь польского народа под гнетом фашистских оккупантов представляет цепь исключительных страданий. И. Голубев приводит выдержки из письма, полученного из Варшавы. В этом письме мы находим такой эпизод: «Несколько времени тому назад один студент поскользнулся на улице и, падая, имел несчастие случайно задеть проходившего германского офицера, который тоже упал. Студент извинился и продолжал свой путь, но офицер подозвал вооруженных солдат и приказал им арестовать молодого человека. Его жестоко избивали, отняли кольцо, часы и отвели в

тюрьму. Через три дня его отпустили, но паспорт остался в полиции. Несколько дней спустя он был вызван в генеральный штаб для получения своего документа. Он вошел в богато обставленное помещение, где находилось несколько германских высших офицеров. Один из них приказал ему взять со стола свой паспорт. Когда студент нагнулся, чтобы взять документ, он получил сильный удар в спину и другой, со стороны, в челюсть. У него были выбиты зубы и рот полон крови».

«Эти гангстеры потеряли всякий образ человеческий» — заканчивает автор письма.

Но не нужно думать, что покоренные фашизмом народы бессловесно принимают все эти мучения и издевательства. Тыл гитлеровских армий не надежен. Растет сопротивление фашистскому варварству. Все чаще и чаще проникают в печать сведения о растущей активности партизанского движения в покоренных странах. Андре Фольен в книжке «Порабощенная Бельгия» приводит десятки примеров саботажа, направленного против оккупантов. В этой борьбе принимают участие рабочие и интеллигенты, крестьяне и служащие. «Недавно, — пишет Фольен, — на нефтеочистительном заводе около Антверпена и на заводе резиновых изделий в Савентгеме около Брюсселя произошли крупные пожары. В Жюпрель и Фовилле были перерезаны телефонные кабели. За повреждение телефонной линии в Монсе было арестовано 15 человек. Население Льежа и Вервее принуждено было уплатить оккупантам 3 миллиона франков штрафа за многие случаи порчи связи. То-и-дело оказываются перерезанными телеграфные и телефонные провода. На шахтах и заводах происходят забастовки».

Об этом же рассказывают и корреспонденты из Югославии. В глухих лесах и непролазных горах собираются сербские партизанские отряды. Они совершают набеги на немецкие коммуникации, уничтожают ненавистных фашистских солдат и офицеров, захватывают оружие, сжигают обозы.

Мужественно сопротивляется польский народ. В Варшаве выходит сейчас 32 нелегальных антигерманских газеты. Тысячи поляков организованы в партизанские отряды, которые месяцами скрываются в лесах. Особую активность проявляют партизанские отряды в окрестностях Кельц, где фашисты вынуждены держать большие оккупационные силы, так как партизаны уничтожают крупные соединения германских войск.

Героическая борьба против фашистских полчищ, которую ведет Красная Армия, вдохновляет всех сопротивляющихся германским оккупантам. Соглашения с Англией, Чехословакией и Польшей, восстановление нормальных дипломатических отношений с Югославией. — все эти мудрые акты Советского Правительства вооружают народы угнетенных стран на дальнейшую борьбу с фашизмом. Товарищ Сталин сказал: «В этой освободительной войне мы не будем одиночками. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, порабощенного гитлеровскими заправилками. Наша война за свободу нашего отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы».

В этой борьбе победа будет за свободными народами, за демократией, за всеми теми, кто борется за свою Родину, честь и свободу.

Г. Б.

★

ПОУЧИТЕЛЬНЫЙ УРОК*

Книга Ш. Левина убедительно опровергает выдуманную врагами легенду о непобедимости германской армии. Брусиловский прорыв — поучительный урок, преподанный русской армией германской военищине. К сожалению, он забыт современными властителями Германии, посмеявшимися напасть на нашу Родину. Приходит напомнить им об этом.

Русская земля всегда была богата военными талантами. Никогда не умрет слава о корифеях русского военного искусства — о великих полководцах Александре Невском, Суворове, Кутузове. В памяти народа всегда будут жить имена героев Севастопольской обороны — Нахимова и Корнилова. Война 1914—1918 годов, хотя и протекла в весьма неблагоприятных для русской армии условиях, дала возможность проявиться ряду даровитых

и смелых военачальников, среди которых Брусилову принадлежит почетное место.

14 апреля 1916 года военный совет при ставке верховного главнокомандующего в Могилеве принял решение о подготовке наступления и атаки против германо-австрийских войск. Главный удар был возложен на армию Западного фронта. Армии Северного и Юго-Западного фронтов должны были оказывать содействие, нанося с своей стороны удары с надлежащей энергией и настойчивостью как для производства частных прорывов в неприятельском расположении, так и для поражения находившихся против них сил противника. На деле вышло, однако, так, что решающий удар врагу был нанесен не на Западном, а на Юго-Западном фронте, находившемся под командованием выдающегося русского полководца генерала А. А. Брусилова (1853—1926), верного сына Родины, горячего патриота, впо-

* Ш. Левин. «Брусиловский прорыв». Госполитиздат. 1941. Стр. 16.

следствии честно служившего в рядах Красной Армии.

В брошюре дана краткая, но довольно яркая характеристика Брусилова — человека и полководца.

«Брусиллову было к началу войны уже за 60 лет. За плечами у него была большая боевая и военно-административная деятельность. Брусиллов не был похож на большинство своих товарищей по генералитету царской России. Чуждый личных мотивов и карьеризма, он видел свою задачу и свой долг исключительно в служении Родине. Враждебные были ему инертность, пассивность, рутинная, боязнь смелых и ответственных решений. Он горячо ратовал за деятельную, инициативную, наступательную стратегию. Он умел тщательно и продуманно готовить успех своих операций. От своих подчиненных он требовал твердой решимости — победить или умереть. Высшей добродетелью, ведущей к победе, он считал непоколебимую, железную дисциплину бойцов. Он хорошо понимал роль воспитательных мер в создании такой дисциплины. Он не был рабом традиций и устоявшихся догм, внимательно изучая опыт войны и стремясь на основе этого опыта обновить и усовершенствовать методы боевых действий. Открытием Брусилова явилась новая форма прорыва, которая помогла ему одержать блестящую победу над немцами. Суть этой новой формы заключалась в одновременной атаке на ряде участков широкого фронта. Чтобы обеспечить внезапность атаки и предупредить стягивание противником к одному угрожаемому пункту всех резервов, Брусиллов приказал не в одной, а во всех армиях Юго-Западного фронта (их было четыре), а также в корпусах наметить, подготовить и организовать атаку определенных участков неприятельской укрепленной позиции. Брусиллов стоял за то, чтобы навалиться на немцев сразу всеми фронтами и тем самым исключить для них возможность пользоваться выгодами маневрирования по внутренним операционным линиям. В отличие от командующих Северным и Западными фронтами (Куропаткина и Эверта), не веривших в успех и старавшихся вообще отклонить верховное командование русской армии от перехода в наступление под предлогом якобы абсолютной неодолимости немецкого фронта, Брусиллов твердо верил в силу русского оружия, в боевой дух русских солдат, в их неустрашимость и самоотверженность. И эта вера с лихвой оправдала себя. Под водительством Брусилова русские солдаты ринулись в отважный бой и опрокинули считавшего себя неуязвимым врага.»

Трудность задачи не остановила Брусилова. Немцы и австрийцы в течение десяти месяцев создали на Юго-Западном фронте сложную систему укреплений. Но мастерство полководца и мужество русских солдат преодолели их.

Главный удар был определен в направлении на Луцк.

В ночь на 4 июня во всех армиях Юго-

Западного фронта русская артиллерия открыла сильный огонь по предназначенным для атаки участкам позиций противника. Артиллерийская подготовка имела полный успех.

Шаг за шагом, героически опрокидывая сопротивление неприятеля, русские солдаты прошли одну за другой линии вражеских окопов, причем перед каждой линией приходилось прорываться через 15 перелетов проволочных заграждений. Во многих местах отступление противника принимало вполне панический характер. Многие части прямо бежали. Растерянность командования противника, как свидетельствовали пленные, не поддавалась никакому описанию. Офицеры нередко первыми уходили в тыл, бросая солдат на печенные унтер-офицеров. От ряда дивизий оставалось по 1000—2000 человек. Это были жалкие остатки. 7 июня VIII армия Юго-Западного фронта взяла штурмом город Луцк, где находилась штаб-квартира армии австрийского эрцгерцога Иосифа-Фердинанда. Сам эрцгерцог со своим штабом едва успел спастись бегством. 11 июня XI русской армией, опрокинувшей другую неприятельскую армию, был взят город Дубно.

К 9 июня русскими войсками уже было взято в плен 1240 офицеров и свыше 71 000 солдат и захвачено 94 орудия, 167 пулеметов, 53 бомбомета и миномета и огромное количество военного снаряжения. К 23 июня число пленных возросло до 4 013 офицеров и около 200 000 солдат; к тому же дню было захвачено 219 орудий, 644 пулемета, 196 бомбометов и минометов, 46 зарядных ящиков, 38 прожекторов, около 150 000 винтовок и т. д.

Великолепных успехов добилась в это время IX армия, занимавшая левый фланг Юго-Западного фронта. 17 июня несколькими пехотными дивизиям, несмотря на сильный артиллерийский, пулеметный и ружейный огонь противника, удалось переправиться на правый берег Прута и закрепиться на нем. В тот же день был взят приступом город Черновицы — столица Буковины. В течение ближайших недель части IX армии заняли всю Буковину.

Чудеса храбрости и отваги были проявлены русскими войсками во время брусилловского прорыва.

Военные действия продолжали развиваться успешно и в дальнейшем. Образцы самоотверженности и героизма показали в боях здесь русские солдаты. Приводим некоторые примеры из книги Ш. Левина.

Фейерверкер 4-й артиллерийской бригады Березовский, являясь передовым наблюдателем, шел вместе с пехотой и в числе первых ворвался в окопы противника. Используя боковой врагом провод, он немедленно установил связь с батареей и под огнем врага стал корректировать ее огонь. Обнаружив фланкирующий пулемет противника, Березовский выдвинулся вперед пехотной цепи, был контужен, но все же отыскал пулемет и направил на него огонь батареи. Пулемет противника был уничтожен, и пехота двинулась

вперед. Унтер-офицер Карпень при атаке первым ворвался в окопы врага, вместе с другими солдатами бросился в штыки и захватил штурмовое орудие. Двигаясь далее вперед, бойцы ручными гранатами выбивали врага из всех укрытий.

Рядовой Глубинов, вырвавшись во время атаки вперед, раньше других пробрался в окопы противника и штыком уничтожил пулеметчика, который вел огонь по наступающей русской пехоте. Ручными гранатами он отбил бросившуюся на выручку пулеметчика группу противника и унес пулемет к своим. На рядового Ожгибесова, первым во время атаки ворвавшегося в окопы противника, бросились три немца, но он переколот их штыком. Когда подошли другие бойцы, Ожгибесов бросился с ними на штурмовое орудие и захватил его.

Самоотверженно работали женщины-санитарки. Многие из них, например, Сытмалова, Ирименко, Осипова и др., все время находились с передовыми цепями и под огнем противника оказывали помощь раненым.

Местные украинские и белорусские крестьяне оказывали активную поддержку действиям брусиловских войск.

При занятии противником Галузии — местности, расположенной на юге Полесья, в северной части Волынской губернии, многие галузийцы бежали от жестокой германских и австрийских войск и скрывались в лесах, откуда вели партизанскую борьбу с неприятелем. Находясь в тылу оккупационных войск, они совершали ночные нападения на расположение противника, на его обозы, караулы, разведчиков, поджигали склады снаряжения и провианта, портили линии железных дорог. Неприятель устраивал облавы на партизан в лесах и, захватывая их, подвергал истязаниям, предавал казни. При обратном наступлении русских войск некоторые из беглецов с риском для жизни пробрались к русским позициям, чтобы рассказать о том, что происходит во вражеском тылу, а другие остались на месте для помощи наступающим. Когда же русские войска прибыли в этот район, галузийцы, превосходно знавшие местность, активно помогали окружать и уничтожать неприятеля.

Наступление Юго-Западного фронта продолжалось, с некоторым перерывом, до осени 1916 года, хотя во второй период бои носили уже более затяжной характер.

Брусиловский прорыв снова продемонстрировал перед всем миром блестящие боевые качества русских войск. Вопреки облыжным утверждениям немецких газет, неудачи 1915 года не сломили духа русских войск, которые оставались грозной силой для врага, могли наносить и действительно наносили ему сильнейшие удары.

Гитлеровские разбойники забыли урок, полученный генералами Вильгельма в 1916 году. Они посмели напасть на великий и непобедимый Союз Советов. Они пошли тем самым на верную свою гибель.

Красная Армия унаследовала все лучшие боевые традиции старого русского войска. Она их умножила, усилила, углубила.

Отвага и доблесть, находчивость и настойчивость, наступательный дух, самоотверженность — эти отличительные черты русского солдата в высокой степени свойственны воинам Красной Армии.

Товарищ Сталин в своем выступлении по радио 3 июля 1941 года говорил:

«Неужели немецко-фашистские войска в самом деле являются непобедимыми войсками, как об этом трубят неустанно фашистские хвастливые пропагандисты?»

Конечно, нет! История показывает, что непобедимых армий нет и не бывало. Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками. Немецкую армию Вильгельма в период первой империалистической войны тоже считали непобедимой армией, но она несколько раз терпела поражения от русских и англо-французских войск и наконец была разбита англо-французскими войсками. То же самое нужно сказать о нынешней немецко-фашистской армии Гитлера. Эта армия не встречала еще серьезного сопротивления на континенте Европы. Только на нашей территории встретила она серьезное сопротивление. И если в результате этого сопротивления лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией, то это значит, что гитлеровская фашистская армия также может быть разбита и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма.»

Несмотря на сложность материала, Ш. Левин изложил вопрос просто и лаконично в форме, доступной даже для читателя мало осведомленного в истории империалистической войны 1914—1918 годов.

Л. Львов

★

РОМАН ОБ ИСТОРИИ РУССКОЙ АВИАЦИИ*

В. Саянов в трех книгах «Небо и земля» взял на себя почетный труд восстановить в памяти людей историю возникновения и развития авиации от ее зарождения в России до

* В. О а я н о в. «Небо и земля». Части первая, вторая и третья. Гослитиздат. Л. 1936, 1938 и 1940.

наших дней. Автор представил читателям группу положительных и отрицательных героев, мужчин и женщин, сделавших целью своей жизни авиационную деятельность. Он описал авиационный быт «исторического» периода авиации, периода первой империалисти-

ческой войны, гражданской войны и нашего времени.

Саянов начинает свое повествование с того времени, когда в России еще не было авиационных школ. И вот группа русских людей едет во Францию, учиться летать в школе Мурмелон ле Гран у мосье Риго. Среди них сын садовника Быков, обучающийся полетам на деньги банкира Левкаса. Предприимчивый банкир намерен использовать Быкова после окончания школы для публичных платных полетов в России. Вместе с Быковым здесь учится «будущий русский авиатор», только-что окончивший гимназию Победоносцев. Здесь же мы встречаем мотоциклиста Тентенникова, не сумевшего усвоить обиходных французских фраз и прозванного за это «мосье ай-да-да». Это он самостоятельно взлетел весьма оригинальным способом — сел на аэроплан, поднялся без инструктора и показа, но не разбился. Здесь и сын купца Хоботов, пытавшийся применить свои наклонности авантюриста и папашины деньги на авиационном поприще.

Будущие летчики изнывают от желания летать. Но принцип мосье Риго — не допускать никого к аэроплану по крайней мере месяца два-три после зачисления в школу. За обученные плата, за поломку счет, за ремонт денежки.

С громадными трудностями летчикам удается окончить школу. Некоторые тут же приобретают аэропланы, нанимают механиков, и русская колония во Франции, состоящая из учащихся в высшей школе, политэмигрантов, закупщиков самолетов для военного ведомства, расстается с первой группой летчиков, устремляющихся на родину. Они встретятся затем на спортивном поле уже как конкуренты на призы.

Автор показывает далее первых русских летчиков, знакомых нам по школе в Мурмелоне, участниками Балканской войны и у себя на родине.

С 1910 по 1914 год интерес общества к авиации был очень велик. Дело завоевания воздуха было окружено исключительным ажиотажем. В каждом мало-мальски крупном городе устраивались платные полеты, на которые толпа собиралась, как на зрелище. Выявились сотни «изобретателей» аэропланов, пытавшихся без научного обоснования, без материальной базы, без денег построить абсурдные по своей схеме самолеты и различные летательные приборы.

Завоевание воздуха было захвачено группой антрепренеров-предпринимателей, больше всего интересовавшихся выручкой кассы. Церковь ополчилась против «небогоугодного дела». Член Государственной думы, известный мракосб Марков второй, выступил в печати с высказыванием, что «прежде чем разрешить людям летать, нужно научить летать полицейских». Царское правительство относилось к авиации подозрительно, что лучше всего иллюстрируется циркуляром департамента полиции, приведенным в книге Саянова: «Всем губернаторам и градоначальникам... имею честь покорнейше

просить ваше превосходительство в случае прибытия их императорских величеств во вверенный вам район немедленно запрещать всякие полеты».

Вторая книга Саянова посвящена жизни героев и их делам во время империалистической войны. Здесь появляются отрицательные персонажи — Васильев и Пылаев, работающие на иностранную разведку, а затем превратившиеся в белогвардейцев.

Во второй части Саянов говорит о славной борьбе русских летчиков с немецкой авиацией. Вот один из эпизодов — воздушный бой Быкова с неприятельским «Фоккером».

«Аэроплан с черным крестом на плоскости заходил в хвост быковского самолета. Крутой вираж — на мгновение прижало к сиденью, — и снова немцу приходится итти против солнца.»

«Быков взмыл вверх. Немецкий аэроплан тоже начал набирать высоту. Быков полз вверх быстрее. Прошло еще несколько минут. Он был на триста или четыреста метров выше, чем противник, взмывающий вверх в полверсте от самолета Быкова.

Вираж — вираж — еще вираж, — легкое головокружение... мгновение раздумья, взгляд на наблюдателя, вцепившегося в турель пулемета, — и, не сбавляя газа, Быков пикировал сзади на самолет противника.

Все, что случилось потом, было каким-то неясным видением, и впоследствии, вспоминая об этом бое, Быков рассказывал:

— Все было очень просто. Я подошел к нему сзади — и сбил.»

Третья книга рассказывает о жизни и быте авторов времен гражданской войны.

В отряд, созданный из знакомых уже читателю людей, проникли белогвардейцы. Они ведут там свою вразжескую работу и разрушают отряд. Гибнет от пули бандита отец Быкова. Сам Быков чудом спасается и прибывает в штаб части Красной Армии. В эпилоге автор показывает своих героев «большого гнезда» в Москве 1938 года.

Три книги В. Саянова производят различное впечатление. Первая читается с захватывающим интересом. Она раскрывает перед читателем быт и жизнь школы в Мурмелоне. Автор показывает, в каких тяжелых условиях находилась группа людей, первых энтузиастов авиации. Красочно показан хищник, банкир Левкас, мнивший себя меценатом.

Во второй книге читателю представлен ценнейший материал по первым перелетам в России, рассказано о гибели летчика Мацневича, о работе русского авиационного отряда во время империалистической войны. В третьей книге есть досадные технические и принципиальные неточности. Тов. Саянов, имеющий, по видимому, богатый материал по «историческому» периоду авиации, исторически точно использовал фамилии Блерно, Жуковского, Россинского, Де-ла-Рош, Мацневича и других, показал реальные самолеты того времени. Но есть, например, в этой книге такой эпизод: два летчика вместе улетают на «Ньюпоре», хотя все

серии «Ньюпоров», за исключением «Ньюпор-10», были одноместными машинами. Автор с успехом мог бы взять как тип аэроплана Вуазен или Фарман 30, что было бы ближе к действительности. Этот промах производит неприятное впечатление и заставляет настороженно отнестись к знакомству автора с самолетами времен гражданской войны.

Когда читаешь третью книгу Саянова «Небо и земля», создается впечатление, что будто бы кто-то все время твердил автору: вот вы пишете о давно прошедших днях, у вас нет ничего о сегодняшнем дне авиации, напишите же об этом. Автор вял этим мольбам, согласился, написал и написал хуже, чем первые две книги.

Среди остальных персонажей, нарисованных Саяновым, женские образы показаны менее удачно. Очень уж вычурны переживания Лены, Кубариной, Натальи Васильевны.

Изображение героини и быта авиации — большая и благодарная тема. Множество писателей может почерпнуть здесь благодарный материал для создания замечательных произведений. Книжки Саянова будут с удовольствием читаться и молодежи, жадно впитывающей в себя каждое слово о нашей мощной авиации, и старым поколением, которое положило начало этой мощи и лично участвовало в формировании авиации в России и в Советском Союзе.

Герой Советского Союза
Маврикий Слепнев

★

ОБМАНУТАЯ ФРАНЦИЯ*

Госполитиздат выпустил книжку Г. Армстронга «Падение Франции».

Военный разгром Франции, несомненно, одно из крупнейших событий последних лет. Читатель с жадностью набрасывается на все, что может ему хоть сколько-нибудь осветить обстоятельность поражения Франции, объяснить механику этой неслыханной катастрофы.

К сожалению, из 155 страниц текста книжки Армстронга — 135 страниц занимает довольно скупой дневник событий за время с 10 мая 1940 года, т.-е., с того дня, когда германские войска перешли границу Бельгии, Голландии и Люксембурга, и по 25 июня — по день заключения франко-итальянского перемирия. Дневник Армстронга чрезвычайно лаконичен. Эти краткие сводки военных действий и других событий являются лишь простой регистрацией фактов. Они лишены оценки, пояснений, комментариев, описания реальной обстановки, бытовых деталей, — вообще, всего того, что делает запись индивидуальной и живой.

Более интересны те 20 страниц, в которых Армстронг пытается разобраться в причинах катастрофы. Здесь он подходит к истине почти вплотную.

«Один мой знакомый, — говорит он, — водитель санитарной машины во Франции, как-то сказал мне, что в течение всего времени, пока французы боролись с немцами, они также боролись и между собой».

«Это грубоватое замечание было отчасти правильно» — признает автор.

Хотя Армстронг, — известный американский журналист, — и является ответственным редактором журнала «Форейн Аффферс», — его социальный анализ лишен достаточной глубины. Иначе Армстронг понимал бы, что «грубоватое замечание» было правильно не «отчасти», а полностью. Можно даже сказать, что эта «борьба французов между собой» бы-

ла основной причиной военного разгрома Франции. Все же остальные причины, приводимые Армстронгом, играют рядом с ней роль производную и второстепенную. Но Армстронг не разбирается достаточно ясно в том, что представляла собой внутренняя политическая борьба во Франции накануне и во время войны.

Армстронг говорит, что правители Франции нередко были поглощены личной враждой.

Ну, и что? Так было всегда. Клемансо и Пуанкарэ тоже терпеть не могли друг друга. Но никогда еще не было среди правящих кругов такого падения и разврата, такой жадности наживы и спекуляции, как в предвоенной Франции 1940 года. Пройдохи второй войны утопали в грязи по уши. Лаваль, бывший нищий школьный учитель, стал архимиллионером и смог купить себе у римского папы баронский титул только благодаря тому, что для личной наживы использовал свое политическое положение. Боннэ разбогател, когда был министром финансов: его положение давало ему возможность играть на бирже без промаха. Уезжая в Мюнхен на пресловутое совещание, он оставил Париж в состоянии бредового ожидания войны. На бирже царил хорошо организованная паника. Все ценности упали. Едва наметилось соглашение с Германией, Боннэ побежал к телефону и приказал своим биржевым агентам в Париже скупать, скупать, скупать! Известие о соглашении было опубликовано час спустя. Ценности сразу вскочили. Министр-«мировторец» успел значительно приумножить свое состояние!

Формула «после нас хоть потоп» — вот лозунг французских государственных деятелей предвоенной эпохи. Они чуяли приближение потопа.

«Республика, — пишет Армстронг, — часто управлялась посредственными и трусливыми людьми».

Плутократия, которая правила страной, изжила себя. За последние годы не было раскрыто ни одной крупной мошеннической аферы (Ставиский, Аэропосталь, мадам Анион

* Г. Армстронг. «Падение Франции». Госполитиздат. 1941. Стр. 156.

и др.), в которой не были бы замешаны министры и сенаторы. О депутатах и говорить нечего.

Мошеннические проделки, нечистая игра на бирже, казнокрадство на военных заказах, — вот поприще, на котором только и проявлялась смелость правителей Франции.

Но остатком своего здравого смысла французские заправилы понимали, что живут чужой век. Поэтому они жили в трусости, в испуге, в панике. Уже давно держал Даладь в Париже черные войска, — батальоны диких детей Африки.

Уже давно запретил Даладь допускать к орудиям рабочих, принимаемых в армию. Рабочих и передовых интеллигентов определяли в артиллерию только к лошадям, — чистить конюшни, вывозить навоз, — только бы не научились стрелять из пушек.

Армстронг говорит о неподготовленности Франции к войне. Это верно. Но разве в 1914 году Франция была готова?

Автор настоящей заметки служил в 1914 году во французской армии. Пехота была отправлена на поле боя в красных штанах и красных кепах. Лучшей мишенью для неприятеля нельзя было и придумать: по красным кепах метко стреляли с недосягаемого, обычно, расстояния.

После первой мировой войны маршала Петана, — в порядке воздания почестей, — принимали во французскую академию. В своей вступительной речи маршал сказал:

«При первых же схватках с неприятелем, французы убедились, что их доктрина не соответствует новым условиям войны».

Эта откровенность была по-солдатски грубовата, но правда остается правдой. В 1914 году французская военная доктрина была доктриной «морального превосходства» и силы штыка. Сила огня была абсолютно недооценена. Но теория «морального превосходства», которой держался Фощ, построенная на примерах наполеоновских походов, сразу рухнула при столкновении со скорострельной и дальнобойной артиллерией и с пулеметами. Французские теоретики рассчитывали на страх, который издали внушил врагу «сверкающий лес» штыков. А на деле этот «сверкающий лес» оказался вполне безобидным: орудийная и пулеметная прислуга уничтожала его издали.

Франция и в 1914 году не была подготовлена к войне.

Клемансо даже говорил о Жофре, что он — «чудо военной неподготовленности».

Но в те времена эту страшную правду можно было еще заслонить кучей добродушных анекдотов о «папаше Жофре», рассказами о том, как он лобит поест, как иногда в кругу близких он простодушно спрашивает, что же это, собственно, произошло на Марне и т. д.

Сейчас добродушные времена прошли. Народ разбирается и требует правды. Даже больше: он знает ее сам.

Армстронг рассказывает, что «один выдающийся французский военный руководитель не одобрял идею механизированной армии, потому что, как он выразился, механики, наверняка, должны быть радикалами».

В 1940 году руководителям армии была важна не победа над фашистской Германией, а искоренение опасных мыслей в собственной стране. Лучше уж иметь армию отсталую, технически уступающую противнику, чем такую, в которой, упаси бог, водятся хотя бы радикалы!..

Армстронг рассказывает известную историю о том, как в Туре, в момент обсуждения правительством вопроса о сдаче, «Вейган вызвал тревогу кабинета и президента Лебрена заявлением о том, что, согласно полученной им только-что информации, коммунисты уже водворились в Елисейском дворце». Сообщение, по проверке, оказалось ложью. Но эта ложь была весьма характерной: именно маршал Вейган был главой заговора пресловутых «кагуляров», которые еще в 1937 году собирались свергнуть республику и установить режим фашизма. У кагуляров нашли тогда целые склады оружия; это было не только французское оружие.

У республики, у премьер-министра Леона Блюма руки были коротки для того, чтобы ликвидировать заговор и арестовать мятежного генерала, неудавшегося Франко: в конце концов, для Блюма все же ближе фашистские заговорщики, чем сознательный народ. Вейган, из которого плутократы и Блюм пытались создать образ военного вождя, Вейган — всего лишь олицетворение того истерического страха, который испытывает французское мещанство перед революцией. Вейгану она чудится везде и всегда, и приступы страха вызывают у него истерический рефлекс.

Вот кто правил Францией, вот кто командовал ее армией в такие годы, когда народ уже научился все понимать, во всем разбирается.

Ничтожные правители сами обезоружили Францию и сами привели ее к разгрому.

В. Финк

★

КНИГА О БОЯХ В ФИНЛЯНДИИ*

У нас до сих пор еще мало художественных произведений, изображающих борьбу Красной Армии с финской белогвардейщиной.

* «В снегах Финляндии». Гослитиздат. 1941. Стр. 330.

Но и то, что написано, было разбросано по страницам различных журналов и газет.

Сейчас Гослитиздатом подготовлен и выпущен в свет сборник «В снегах Финляндии», содержащий рассказы и очерки советских писателей о войне с белофиннами.

Значение рецензируемого сборника трудно переоценить: советский читатель получил содержательную, волнующую книгу, рассказывающую о беспримерной доблести и героизме нашей славной Красной Армии, разгромившей считавшиеся неприступными твердыни линии Маннергейма.

Материал сборника «В снегах Финляндии» чрезвычайно разнообразен. В нем рассказывается о героических делах наших пехотинцев, танкистов, летчиков, артиллеристов, саперов, подводников, о подвигах бойцов, командиров, политработников. Рассказывая о фронтовой жизни, авторы сборника не приукрашивают, не лакируют действительных трудностей борьбы. Во всех очерках и рассказах война изображается как тяжелое дело, требующее от людей не только мужества и героизма, но и огромной боевой выучки, умения применять в боевых условиях суворовскую «науку побеждать».

«— Я до первого боя чего только не думал про войну! — говорит Герой Советского Союза полковник Угрюмов (очерк В. Ставского). — Заниматься дома — и вдруг представляется тебе картина: мой батальон идет в атаку. Сигнал. Я наблюдаю за ротами. И вижу — одна рота отстает. Я — в седло, на свою «Красотку». Шашку — вон! Рота, за мной! И — галопом туда. Первым заскакиваю в расположение врага и крошу. Крошу налево и направо. Теперь-то я вижу: так только в мечтах бывает.»

В ярких эпизодах и картинах авторы сборника рассказывают о напряженной боевой работе Красной Армии и ее командования, сумевших в сложных, подчас невероятно трудных условиях финского театра войны сломить яростное сопротивление врага.

С неослабевающим интересом читатель прочтет записки младшего командира Н. Митрофанова «В снегах Финляндии», открывающие сборник. О высоком мужестве и героизме бойцов Красной Армии Н. Митрофанов рассказал с волнением и той необычайной правдивостью, с какой можно рассказать только о том, что глубоко пережито, прочувствовано. Записки покоряют читателя реализмом описаний, богатством наблюдений, искренностью.

Трудно было воевать, но бойцы, не щадя своих сил, мужественно переносили все невзгоды и лишения войны.

...Бойцы наступают в открытой местности. Неожиданно белофинны открыли огонь: местность была пристреляна. Бойцы залегли, а над их головами пронеслась стая разрывных пуль. Вот они лежат около часу, маскируясь под убитых, ноги онемели и руки не двигаются.

«Мороз не на шутку обжигал наши разгоряченные тела. Вчера весь день была изморозь, шинели и валенки были мокрые, а сегодня, как назло, грянул мороз.

На шинелях образовалась ледяная корка, она хрустела при малейшем движении. Валенки сделались, как колодки... Мерз нос, мерзли руки, мерзли колени, но еще невыносимей

мерзли ноги. А мы все лежали, не имея возможности двинуть ни рукой, ни ногой, прикованные огнем противника.»

Так бойцы пролежали до темноты, а затем выползли за пределы видимости противника, оттерли друг другу обмороженные конечности, отдохнули, выпалились, чтобы на следующий день с клещем «За Родину! — за Сталина!» итти на врага и побеждать его.

О беспримерном мужестве и отваге верных сынов родины рассказывает А. Безыменский в очерке «Молодежь в боях».

...Тринадцать бойцов, составлявших полевой караул, помещались в маленьком домике, одиноко стоявшем в густом лесу. Белофинны обложили дом с трех сторон. Двенадцать бойцов самоотверженно обстреливали наступающего врага — тринадцатый, связист Спесов, был у телефона, сообщая об опасности... Скоро придет помощь, надо держаться, и бойцы держали неравный бой. «Каждая отвоеванная минута могла принести спасение. Но слишком много минут нужно было отвоевать» — читаем мы в очерке.

...Убит один боец, два, есть раненые. Четверо оставшихся в живых геройски держивали напор вражеской роты... Загорелся дом. Белофинны, не слыша ответных выстрелов, двинулись развернутым строем к горящему дому. Диким криком праздновали они свою победу над тринадцатью людьми, сорок минут повергавшими их в страх и трепет».

Но «из пылавшего дома, превратившегося в огненный столб, одна за другой полетели гранаты, которые взрывались в самой гуще беспечно подошедших к забору врагов. Пораженные ужасом, бросились враспынную белофинны, кидая оружие, одежду, сбивая с ног друг друга. Они кинулись за деревья, снова нацелили пулеметы и открыли такую яростную стрельбу, как будто в этом доме скрывалась целая армия».

В сборнике «В снегах Финляндии» перед читателями проходит целая галерея образов прославленных героев нашей родины.

Вот пулеметчик Рычагов, сумевший уничтожить две пулеметные точки противника, забрать пулеметы и открыть бойцам дорогу для наступления на остров «Зуб». (Очерк Г. Фиша и В. Ходакова «Зима на Ладоге»); вот красноармеец Яковлев — подносчик патронов, не один раз штыком и прикладом отбивавшийся от наседавших на него врагов. (Очерк М. Чумандрина «Красноармеец Яковлев»).

Вот молодой поэт Копштейн, читавший стихи на передовых позициях и погибший при спасении раненого бойца. «Он вынес его из-под огня и пошел за вторым, грозя кулаками белофиннам, кляня врагов в таких отборных выражениях, что удивил весь свой эскадрон... Величайший душевный подъем заставил его забыть о сложности боевой обстановки. Даже получив ранение, он не послушался своих, более опытных товарищей. Вторая пуля прервала его жизнь». (Б. Лихарев. «Записки сапера».)

Здесь можно прочесть и о многих других славных делах беззаветных патриотов нашей страны.

Факты и события, описанные в записках Н. Митрофанова, в очерках С. Маршака и А. Твардовского «Герой и его мать», В. Ильенкова «Лодвиг Евсея Аникеева», Б. Левина «Пять суток в осажденном танке», Диковского «Бесстрашные воины», в рассказах Н. Тихонова, Л. Соболева, Б. Лавренева, М. Эделя и многих других писателей — яркая иллюстрация того, что Красная Армия сильна не только своей боевой техникой, но и патриотизмом своих бойцов и командиров, отличающихся высокими моральными качествами, спайкой, взаимопомощью, готовностью в любую минуту пожертвовать своей жизнью ради спасения товарища.

«Ежедневно в опасности, ежечасно перед лицом смерти. Все это, — пишет Н. Митрофанов, — заставило нас слиться в одну монолитную семью. Мы не знаем, кто из нас завтра будет выручать друг друга из беды. Но мы любим друг друга. Это любовь огрубелых в войне мужчин. Это внимание и забота о каждом человеке в отдельности. Только тогда поймет боец любовь, когда он почувствует, когда он узнает и вочую убедится, что о нем заботятся, что его берегут от всевозможных случайностей войны. Тогда он поймет эту любовь и будет дорожить ею.

Так было у нас, в нашем боевом коллективе. Меня ребята жалели, меня они оберегали, я им платил тем же.»

О священном законе советских патриотов — товарищеской выручке, готовности грудью защитить товарища в беде — трогательно рассказывает Т. Джатиев в очерке «Памяти друга». Г. Фиш и В. Холаков знакомят нас с девушкой-патриоткой Катей Андреевой, спасшей жизнь не одному раненому бойцу.

Произведения, вошедшие в сборник, неравноценны по своим литературным достоинствам: в нем есть более и менее удачные вещи. Однако следует отметить, что произведения, написанные «бывалыми людьми», значительно ярче и полнее передают фронтовую жизнь, нежели произведения писателей-профессионалов.

Рассказы и записки «бывалых людей» полны того непосредственного ощущения действительности, которого так нехватает профессиональным мастерам слова, полны изумляющих своей яркостью деталей и подробностей, кото-

рые зачастую остаются вне поля зрения литераторов.

Именно поэтому одним из самых волнующих произведений сборника кажутся записки Н. Митрофанова. Каждая мелкая деталь, как будто незначительная подробность в его записках всегда уместны, естественны и необходимы. Они не кажутся лишними, несущественными, тогда как некоторые произведения профессиональных литераторов кажутся растянутыми, потому что в них много случайного, малохарактерного.

Характерно еще одно: Н. Митрофанов всегда конкретен в передаче своих ощущений. О каких бы сложных переживаниях он ни писал, он всегда находит удивительно простые и меткие слова.

Вот как, например, он изображает момент появления финских самолетов: «Снова рев над головой. Снова ощущение, будто над тобой занесли палку и ты ждешь удара, закрыв глаза».

Профессиональные писатели сплошь и рядом об отдельных картинах войны пишут уж очень «литературно». Б. Агапов в своем интересном «Питкяранском дневнике» записывает: «Канонада нарастает. Кажется, от нее трескаются кости черепа. Она бьет не только в уши, но в живот, горло. Она рушится отовсюду, загромождая пространство кубами грохота, так что даже трудно двинуться в этой звуковой тесноте».

Можно указать на целый ряд мелких недостатков отдельных произведений сборника (беглость зарисовок, неряшливость стиля). Но не они определяют лицо сборника.

В целом это правдивая, глубоко поучительная книга.

Товарищ М. И. Калинин в своем докладе на торжественном заседании, посвященном XXIII годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, говорил, что война с белофиннами «еще не нашла своего летописца. И вообще у нас слишком мало написано о замечательных, исключительно героических подвигах наших частей и отдельных людей в период финской кампании».

Сборник «В снегах Финляндии» — одна из первых книг, подводящих итог работе писателей над темой войны с Финляндией. За ней должны последовать многие и многие, в которых беззаветная доблесть нашей Красной Армии получит свое еще более яркое отображение.

А. Макаров

ТВОРЦЫ АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ОРУЖИЯ*

Создатели орудий, которыми вооружена Красная Армия! Это герои социального труда В. Грабин, М. Крупчатников, И. Иванов, многочисленная армия советских

конструкторов. Имена их известны всем трудящимся Советского Союза. О них пишет в своей книге И. Экслер.

Артиллерия занимает одно из важнейших мест среди средств вооружения армий. По силе и дальности огня артиллерия является наиболее могущественным и грозным родом

* И. Экслер. «Создатели орудий». Госполитиздат, 1941. Стр. 31.

войск. Артиллерийский огонь расчищает путь наземным войскам в наступлении и преграждает путь врагу в обороне. Никакой другой вид оружия не в состоянии нанести противнику столь тяжелый урон, произвести такие разрушения, как артиллерия.

Превосходство над противником в мощи артиллерийского огня — один из решающих факторов победы в современном бою.

Это ярко показали бои с белофиннами. Об этом свидетельствуют боевые действия славных артиллеристов Красной Армии, героически сражающихся против ненавистного врага — германского фашизма, разбойничьи напавшего на нашу страну.

Во вступительной главе книги дан краткий очерк развития русской артиллерии. В 1939 году русской артиллерии исполнилось 550 лет. По свидетельству летописи, она появилась на Руси в 1389 году во время княжения Дмитрия Донского: «Лета 6897 (1389) вывезли на Русь арматы и стрельбу, огненную, и с того часу уразумели из них стреляти». Первые орудия были вывезены на Русь с Запада. Уже в 1408 году орудия помогли отстоять Москву от татар.

Памятна русскому народу и Грюнвальдская битва (1410), когда соединенная польско-литовско-русская армия нанесла жесточайшее поражение немецкому Тевтонскому рыцарскому ордену. В 1463 году артиллерия отогнала от Пскова немецких интервентов.

При Иване III, в XV веке, русская артиллерия шагнула вперед. Орудия изготовлялись русскими мастерами. Знаменитый литейщик и пушкар Андрей Чохов создал известные орудия — «Лисицу», «Волака», «Царь-пушку» (в те времена каждое орудие имело собственное имя).

Боевые качества артиллерии особенно усилились при Петре I, с гордостью носившем звание бомбардира и бывшего отличным артиллеристом. В царствование Петра русская артиллерия считалась лучшей в Европе. Она играла выдающуюся роль во время Северной войны, при взятии шведских крепостей. В знаменитом Полтавском сражении русские артиллеристы в течение 5-часового боя произвели 1461 выстрел, выпустив 972 ядра, 427 картечей и 62 бомбы.

Русская артиллерийская мысль продолжала развиваться. Обычно принято считать, что конную артиллерию ввел на вооружение прусский король Фридрих II. Это неверно: конную артиллерию создал Петр I, и сам Фридрих II, который применил конную артиллерию примерно через полвека после Петра I, говорил, что «идею ее он заимствовал у русских, драгуны и казаки которых, сопровождаемые артиллерией, причинили ему немало вреда неожиданным действием картечью». При Петре I также значительно улучшилась подвижность артиллерии.

Продолжателем Петра I в деле развития артиллерии был П. И. Шувалов, видный военный организатор и изобретатель. Он ввел на вооружение созданный им тип орудия «еди-

норог» — с укороченным стволом и более легким зарядом. С помощью «единорогов» русские войска наголову разбили пруссаков под Пальцигом (Цюлихац) 22 июля 1759 года. Во время Семилетней войны русские войска под начальством генерала Чернышева подошли (1760) к столице Пруссии — Берлину — и, выпустив из «единорогов» и других орудий около 1 200 снарядов, вклинчили город сдать. Ключи от Берлина хранятся и по сей день в одном из наших музеев.

В историю побед русского народа вошло также сражение при Кунерсдорфе (12 августа 1759 года), в Восточной Пруссии. Здесь русские войска, — в том числе и артиллеристы, — руководимые генералом Салтыковым, разгромили и уничтожили прусскую армию, которой командовал сам Фридрих, называемый «великим». Русские войска захватили тогда 172 орудия и 26 знамен.

Иностранцы заимствовали у нас конструкцию «единорога» под названием «длинных гаубиц».

Шуваловым был введен на 50 лет раньше, чем в Европе, специальный конский состав для артиллерии — «фурштат».

Немало героических страниц вписали русские артиллеристы в историю войн XIX столетия.

Во время мировой войны обнаружилось отставание артиллерии России от уровня артиллерии европейских государств. На вооружении русской армии было мало орудий, не было необходимого разнообразия их (особенно мало было тяжелых орудий), не хватало снарядов. Это объяснялось общей технико-экономической отсталостью царской России.

Несмотря на это отставание, русские артиллеристы, всегда считавшиеся лучшими артиллеристами мира, еще раз проявили беззаветную храбрость, инициативу и выносливость. Они показали отличную меткость огня, навыки стрельбы с закрытых позиций.

Это подтверждается фактами из истории первой мировой империалистической войны. Выступив во всеоружии в этой войне, германская армия не сумела достигнуть решительного успеха над плохо вооруженной в то время русской армией. Достаточно известно, что слабая русская крепость Осовец в те годы оказалась не по зубам хваленым германским «Бертам» — 42-сантиметровым гаубицам.

Огонь русской артиллерии — при достаточном количестве снарядов — был непреодолимым для врага. В одной из самых выдающихся операций войны 1914—1918 годов, известной под именем «Брусиловского прорыва», блестящая работа русских артиллеристов являлась важнейшим условием победы над австро-германскими войсками в 1916 году. Уступая артиллерии противника почти вдвое по количеству тяжелых орудий, русская артиллерия тем не менее обеспечила операцию с такой точностью и тщательностью, что на протяжении 400 верст Юго-Западного фронта австро-германцы нигде не сумели организовать надежного отпора. Русская армия под началь-

ством генерала Брусилова нанесла страшный удар австро-германскому фронту: он был прорван одновременно в нескольких местах, и австро-германцы в панике отступили.

Свыше 500 тысяч австро-германцев попало в плен, столько же было ранено и убито.

Во время гражданской войны артиллеристы молодой Красной Армии, следуя испытанным боевым традициям русских артиллеристов, защищая свою страну от интервентов и белогвардейцев, свершили немало подвигов.

«Как далеко ушла вперед с тех памятных лет современная советская артиллерия! Она росла вместе с нашей страной, она совершенствовалась и крепла в годы сталинских пятилеток вместе со всей Красной Армией. Развинутию артиллерии уделялось и уделяется огромное внимание партии и правительства, ею занимается лично товарищ Сталин.

Артиллерия Советского Союза — грозная, всесокрушающая сила. В начале 1940 года, во время боев с финской белогвардейщиной, наша артиллерия показала свою мощь, продемонстрировала героизм, уменьше, сноровку своих артиллеристов.

Четко, уверенно работают наши артиллеристы против ненавистного врага — германского фашизма, злодейски вторгшегося в нашу страну. В решающих боях с фашистскими захватчиками наша артиллерия сметает с лица родной земли целые танковые соединения врага, уничтожает его самолеты и живую силу. Наши славные артиллеристы, как и весь советский народ, охвачены одним чувством, одним порывом — дать сокрушительный от-

пор врагу, разгромить фашизм. Бойцы и командиры надеются на свои орудия: они знают, что эти орудия не подведут в бою; метко и точно ложатся в цель их снаряды.»

Среди замечательных советских конструкторов орудий, среди создателей советской артиллерии особое место занимают Василий Гаврилович Грабин, Илья Иванович Иванов и Михаил Яковлевич Крупчатников.

Эти люди — новаторы в науке и технике, беззаветные борцы за процветание и укрепление могущества социалистической родины.

29 октября 1940 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Социалистического Труда товарищам Грабину Василию Гавриловичу, Иванову Илье Ивановичу и Крупчатникову Михаилу Яковлевичу за выдающиеся достижения в области создания новых типов вооружения, поднимающих оборонную мощь Советского Союза.

Василий Гаврилович Грабин удостоен также звания доктора технических наук и Сталинской премии первой степени.

«Жизнь не стоит на месте, она идет вперед. Перед создателями орудий — героями социалистического труда — встают новые задачи. И они снова садятся за чертежные столы, за бесчисленные расчеты, за работу, не прекращающуюся ни днем, ни ночью. В итоге этой напряженной, творческой работы Красная Армия получит еще немало орудий, стреляющих метко и безотказно по зарвавшимся фашистским хищникам, внезапно напавшим на нашу страну».

Л. Иванов

★

РАССКАЗЫ О ПАТРИОТИЗМЕ*

Литературный Воронеж выдвинул целую группу способных писателей. Некоторые из них уже опубликовали ряд интересных произведений (например, «Мамонтовщина» М. Булавина, «Кондрат Булавин» Н. Задонского, рассказы Б. Пескова и Ф. Волохова, стихи В. Шульчева).

К числу таких удач можно отнести новые рассказы М. Сергеенко.

М. Сергеенко проявил себя уже в первом сборнике рассказов «Дорогой Щорса», изданном в 1939 году и получившем весьма положительную оценку в центральной печати. В тех рассказах писатель особенно ярко показал героическую победную борьбу украинских рабочих и крестьян, руководимых своим прославленным народным полководцем Щорсом, — борьбу против белогвардейцев и немецких оккупантов. Второй его сборник рассказов убеждает в том, что М. Сергеенко не только одаренный, но и определенно растущий писатель.

* М. Сергеенко. Рассказы. Воронеж. 1940. Стр. 108.

Особенно удался автору рассказы о гражданской войне. Отличаясь лаконизмом, они вместе с тем богаты глубоким идейным содержанием и живо воссоздают боевую героиню революционного прошлого. Автор проявил большое мастерство в изображении людей посредством тонких, необычайно выразительных штрихов. Не соблазняясь сюжетно увлекательными, исключительными ситуациями, М. Сергеенко повествует о самых обычных событиях военной жизни. Но тем ярче оттеняется мужество красных бойцов, их доблесть, бесстрашие, отвага, беззаветная преданность революции.

Вот рассказ «Комиссар» с его несложным, не раз использованным сюжетом: красноармейский отряд идет в разведку и гибнет. Писатель сумел наполнить этот сюжет живыми людьми, их подлинно правдивыми чувствами и настроениями.

Бойцы перед разведкой, в ожидании приказа, беседуют. «Растянувшись на спине, Груздь рассказывал, как прошлой осенью ему пришлось побывать в плену у красновцев.

— Бились в аккурат три дня, а когда патроны срасходовали, обошла нас кавалерия и погнала в плен. Обмундирование у нас было справное, так казаки нас еще дорогой до сподников раздели... Ну, выстроили нас, как полагается, на площади, выходит, конечно, генерал и говорит: «Хотя вы, мол, сукинны дети и бродяги, но потому как вас по вашей глупости окрутили комиссары, — выдайте евреев, значит, и коммунистов, а остальных я, может быть, еще помилую»... Ребята у нас, однако, попались крепкие, молчат, хотя от холода зуб на зуб не попадает. Генерал говорит: «Раз такая вам охота, то я для начала каждого десятого расстреляю. По порядку номеров, значит, рассчитайтесь!».

Он повозился, устраиваясь поудобней, положил под голову сцепленные пальцами ладони и продолжал медленно, прислушиваясь к привычным словам неоднократно уже рассказанной им истории:

— Захолонуло у меня сердце, потому как вижу, выходит из рядов батальонный комиссар, товарищ Иванов. «Командира в бою, говорит, пулей убило, а за комиссара у них я... Что же касается остальных, то это народ мобилизованный из деревень, и стрелять их не за что...»

Груздь замолчал, упершись взглядом в низко нависшее, хмурое небо.

— Ну, а потом как?.. — легонько тронул его за плечо Федя, неотрывно слушавший рассказ.

— Что как?.. — угрюмо отозвался, не меняя положения, Груздь.

— Дальше что было?..

— Дальше заперли нас на ночь в лабаз. А наутро, которые не померзли, освободил нас подошедший на помощь «Железный полк»...

— И комиссара? — быстро спросил Федя.

Сотникова тронуло, как радостно, совсем по-детски, раскрылись при этом его глаза.

— Нет, комиссара зарубили белые, — сказал Груздь.»

В этом отрывке все осмысленно и художественно оправдано. Не вдаваясь в пространные характеристики, пользуясь лишь короткими репликами персонажей и небольшими авторскими ремарками, писатель сумел создать четкие образы трех красноармейцев. В неторопливо-спокойном, строгом повествовании Груздя слышится голос бывалого бойца, познавшего суровую правду классовой борьбы. В трепетных вопросах подростка Федя выражена взволнованность его юной души, его восхищение героикой, его готовность к подвигу, на любую жертву. Вся беседа между бойцами выдержана в художественно-правдивых тонах. Речь Груздя, стилизованная под простонародный говор, но свободная от антихудожественных искажений народного языка, еще более оттеняет индивидуальность рассказчика-бойца. Даже единственная пейзажная деталь — «низко нависшее, хмурое небо» — в тексте рассказа выполняет определенную художественно-психологическую функцию, подчеркивая душевное состояние собеседников. В целом же этот

отрывок проникнут внутренним динамизмом и подготавливает читателя к восприятию финальной развязки рассказа — героического подвига Федя, пожертвовавшего собой по примеру комиссара Иванова.

На высоком уровне написаны и три рассказа из цикла «Дорогой Щорса». Образ прославленного полководца гражданской войны, ярко воплощенный в первом сборнике М. Сергеевко, в последних его рассказах дополнен новыми, характерными чертами. И в этом особая заслуга писателя.

Эти рассказы отмечены хорошей простотой и правдивостью. Избегая пространных характеристик и прямолинейных авторских высказываний, писатель раскрывает образ Щорса постепенно, по ходу повествования, в отдельных поступках героя, органически связанных с основным сюжетом, в его репликах, кратких, но выразительных. Непреклонность и решимость волевого командира, глубокое понимание психологии своих бойцов, особый такт во взаимоотношениях с ними, высокая политическая сознательность, умение разобратся в сложной военно-политической обстановке, личная отвага и мужество — вот характерные черты Щорса, которые представляются образно ощутимыми после прочтения рассказов М. Сергеевко.

Лучшим из них является рассказ «В Дубровном». Удачная композиция, острота и напряженность сюжетных коллизий, глубина и тонкость психологического анализа — отличительные особенности этого произведения. Вот его краткое содержание.

Отряд щорсовцев по дороге наткнулся на два труппа — старика и девушку, — зверски изувеченных петлюровцами. Это кошмарное зрелище особенно потрясло молодого Яковенко. Вскоре красноармейцы берут в плен двух петлюровцев. Один из них оказался убийцей. Щорс приговаривает его к расстрелу. Приговор приводит в исполнение Яковенко: в этом поступке он находит выход своему законному чувству гнева, утоляет жажду мщения.

«Когда Яковенко вернулся... Щорс сидел на краю саней и, играя плетью, разглядывал по-нуру стоявшего перед ним второго петлюровца.

— Нет, ты мне скажи, — кто ты такой? — спрашивал он негромко, словно беседовал на досуге с ним.

Петлюровец молчал, не смея оторвать глаз от земли.

— Что же молчишь? Или от страха памороки забило?

— Одного батька скаженные дети, товарищ Щорс, — сказал, косясь на пленного, Добья. — Рядом им на двингаре место.

— Ты, приятель, помолчи пока, — оборвал его Щорс, — как думаешь, ведь неудобно перебивать командира?..

Задержал на мгновение пылкий взгляд на осунувшемся за сегодняшний день, словно чуткоку возмужавшем даже, лице Яковенко, и снова повернулся к пленному:

— Ну, говори же, кто ты? Граф, князь или генерал, может, какой?

— Нет, я — селянин, — сказал тихо пленный, и краска залила его лицо.

— Зачем же ты против селян и рабочих воюешь? Или без панов жить скучно? Да отвечай же, тебя спрашиваю!..

— А я знаю? — сказал тот.

Губы его мелко задрожали.

— Так... Не знаешь, значит... — сказал, раздумывая над чем-то Щорс, и пощелкал себя по салогу плетью. — А дивчину почему не защитил?..

— Мы тогда порознь ехали. Поздно было, когда увидал.

— А ну, подвести ему коня, — сказал Щорс.

Кто-то из бойцов подвел еще не расседланного петлюровского коня.

— Садись, — скомандовал, усмехаясь своим мыслям, Щорс.

Пленный стоял неподвижно, не понимая, чего от него хотят.

— Не бойся, садись!..

— Та ну, садись, граф, или как тебя там, — сказал Добья, придерживая коня за повод. — От-то какой проханный!..

Петлюровец долго не мог попасть ногой в стремя. Когда же он, наконец, опасливо горясь, уселся в седло, Щорс задорно крикнул:

— Теперь скачи к своим и расскажи, что идут богунцы, и нет на свете силы их удержать. Ну, марш!..»

Это неожиданное распоряжение Щорса разом оживило бойцов, обрадовало их своей мудростью и человечностью, разрядило и смягчило трагическую напряженность их сложных переживаний. Повеселел и Яковенко. Он радуется тому, «что уходит куда-то назад, в прошлое, проклятая тяжесть, давившая его».

В этом отрывке все просто и вместе с тем художественно правдиво. Особенно же сильно проявилась у писателя способность углубленного проникновения во внутренний мир изображаемых людей.

Не менее выразительно описывает М. Сергеевко и мир внешних явлений. Его художественные зарисовки четки и рельефны, приобретая часто физическую ощутимость. Без сложной патетики и фальши он рисует батальные картины, свидетельствующие о его острой наблюдательности и художественном такте: «Снова звонко ударил разрыв, и над броневиком вспух, казалось, возникший из ничего, шар молочного-белого дыма. Мгновение он висел неподвижно, потом чуть взлохматился снизу и, клубясь, начал медленно расплываться. Машина разостлала по земле синеватое

облако неотработанного газа и стала уходить к черневшему среди поля нагромождению закопченных корпусов механического завода».

Правда, при чтении рассказов М. Сергеевко возникают литературные ассоциации, сопоставления с некоторыми образцами советской художественной прозы. Так, эпизод с трупами старика и девушки из рассказа «В Дубровном» напоминает известную сцену из «Железного потока» А. Серафимовича, когда бойцы Кожуха проходят мимо повешенных — жертв белогвардейского террора. Взаимоотношения Щорса и Яковенко также напоминают взаимоотношения Левинсона и Бакланова из «Разгрома» А. Фадеева. Но это у М. Сергеевко не механическое, слепое подражание, а лишь совпадение сюжетных ситуаций, весьма типичных для изображаемой эпохи. Разумеется, лучшие произведения советской художественной литературы явились для него образцом. Но при всем этом М. Сергеевко сумел проявить самобытность и оригинальность.

Это подтверждают остальные рассказы рецензируемого сборника. Они прежде всего убеждают в тематической широте творчества М. Сергеевко. В них изображается современный быт, показаны советские люди. И, хотя написано это не так выразительно и проникновенно, тем не менее и в этих рассказах сказалось мастерство писателя, его острая наблюдательность.

Они объединены общим творческим замыслом. В них раскрываются характеры новых людей, показан рост новых социалистических взаимоотношений. Симпатичный образ старика-энтузиаста, неутомимого ходока по общественным нуждам, самоотверженного борца за новый быт («Еремеев»); молодые люди, принявшие горячее участие в несчастье своего случайного железнодорожного спутника («Попутчик»); девушка, восставшая против старых семейных отношений («Невеста») — все они изображены в сочувственных тонах, тепло, задушевно. Следует отметить, что и в рассказах о гражданской войне основное внимание писателя обращено на положительные явления, на положительных героев. Отрицательный персонаж эпизодичен и, как правило, выполняет служебно подчиненные функции. Характерно, что единственный рассказ «Невеста», в котором, наоборот, преобладает изображение теневых сторон жизни, является наиболее слабым во всем сборнике.

Сергеевко пока немного написал. Но это писатель, несомненно, обещающий, от которого можно ожидать еще больших удач.

П. Березов

★

ЗАПИСКИ СТАРОГО ЛЕТЧИКА*

Под лозунгом «борьба за реализм» на протяжении многих лет создавалось наше искусство. Сейчас эта борьба должна быть усилена.

* А. Ш и у к о в. «Война в воздухе». Детиздат. М.-Л. 1941. Стр. 119.

на. Если совсем недавно недостаточное знание писателем жизни и людей могло еще иногда остаться незаметным, зачастую компенсируясь блестящей выдумкой мастера, то теперь, когда беспримерные события действительности

превышают всякое воображение художника, ему трудно отобразить их в искусстве, если он не очевидец и не участник.

Но даже будучи свидетелем событий, художник обязан с крайней осторожностью пользоваться своей прежней литературной техникой. Он должен помнить, что даже простой беллетристический прием может показаться ненужным ухищрением или штампом при описании героического подвига.

Поэтому все подлинные художники наших дней, стремясь запечатлеть огромность переживаемых событий, стоят перед проблемой отыскания новых форм искусства.

Совершенно невозможно сейчас предсказать их.

Скажем лишь одно: художник наших дней менее всего должен смотреть на описываемые факты, как на материал, который он обязан деформировать, изменять. Его задача состоит прежде всего в чистоте передачи. Героический рассказ, свободный от красноречивых тирад, от напыщенных рассуждений, сам засверкает поэзией, собственный блеск подвига затмит самое талантливое воображение художника. Величайшей простотой должен отличаться стиль подлинных книг о войне.

В этом смысле рецензируемая нами книжка А. Шиукова «Война в воздухе», выпущенная недавно Детгиздатом «для среднего и старшего возраста», может быть полезной не только взрослым читателям, но и ряду писателей.

Автор книги А. В. Шнуков так же, как художник К. К. Арцеулов, иллюстрировавший ее, — старейшие русские летчики, участники первой мировой войны.

Их книга — не история авиации, хотя в ней охвачен огромный период развития летного дела: от первых самолетов — легких и хрупких, похожих на «летающие этажерки», — до мощных бомбовозов и быстрых истребителей наших дней.

Эта книга и не очерк истории вооружения воздушного флота, хотя в ней описаны первые надземные стычки, когда авиаторы стреляли друг в друга из револьверов и руками бросали бомбы, размером с апельсин, вынимая их из карманов и кидая за борт. Здесь описывается бомбометание с пикирования на скорости, самой большой из достигнутых человеком (до 800 километров в час). Здесь описывается и действие тяжелых бомб, и бомбы, воюющие при падении, чтобы посеять панику в рядах противника.

Это не книга об авиации вообще и ее задачах — несмотря на то, что в ней рассказывается о роли самолетов в разведке, о корректировании с воздуха артиллерийской стрельбы, о бомбардировке укреплений, о помощи самолетов при наземных и воздушных десантах.

«Война в воздухе» А. Шиукова прежде всего книга о мужестве, доблести и героизме русских летчиков. Каждая ее глава состоит из ряда подлинных фактов, почерпнутых из опыта империалистической и гражданской войны, а также войны в Финляндии.

Вот подвиг знаменитого русского летчика Петра Нестерова. Вскоре после объявления войны 1914 года австрийский самолет летел в тыл русской армии для наблюдения важного стратегического перемещения войск. Разведчика нужно было остановить. Но еще нет зенитных орудий, на самолетах не поставлен пока пулемет, а из револьвера, находясь в воздухе, почти невозможно попасть в противника. И Петр Нестеров, чтобы не пропустить врага, таранит его своим самолетом и разбивается сам.

Вот летчик Евграф Крутень, участник первой мировой войны, на истребителе, в баке которого не осталось почти ни капли бензина, уже с остановившимся мотором, имея в пулеметной ленте лишь несколько патронов, пикируя, идет в атаку на немецкий самолет и сбивает его шестью выстрелами.

Вот красный летчик Васильченко в 1920 году на юге России, у города Бериславля нападает один на стареньком «Ньюпоре», прозванном «летающим гробом», на эскадрилью из семи двухместных самолетов белых, два из них принуждает к посадке, а остальных обрабатывает в бегство.

Непрерывна эта цепь героев, идущая от первой мировой войны до наших дней.

С волнением мы читаем о героических эпизодах гражданской войны.

В 1918 году советский Туркестан был окружен врагами. Сотни километров, занятые белогвардейцами, отделили его от Советской России. Чтобы договориться с командованием Красной Армии о совместных действиях, необходимо было послать в штаб авиатора. Но самолетов, годных к полету, не было. Тогда летчик Горбунов из остатков трех полкоманных машин типа «Фарман-XXX» собирает самолет и в сильнейший мороз летит с летнабом, имеющим перед собой вместо карты района лишь схему железной дороги с наименованием станций.

«Поэтому даже небольшая ошибка в счете станций легко могла погубить все предприятие. Вместо Советской России летчики могли вдруг оказаться в плену у белых». Но, сбившись несколько раз с дороги, отважные люди все же приземляются на территории, занятой Красной Армией. При посадке их самолет распадается в куски.

В 1920 году далеко в Азовском море несколько сухопутных самолетов, гудя «ветхими моторами», бомбят врангелевскую эскадру из 14 больших судов, идущую на Таганрог.

Еще эпизод. Эскадрилья советских бомбардировщиков совершила сокрушительный налет на аэродром противника.

На командира эскадрильи летчика Чистякова, возвращающегося после одиночного полета к разбитому вражескому аэродрому, дабы «еще раз убедиться в чистоте работы» своего отряда, «неожиданно напали сперва три, а затем еще шесть неприятельских истребителей.

Чистяков принял бой и не только умело отражал все атаки, но и сам нападал. Машина Чистякова вихрем взлетела ввысь и пере-

ходила в пике, поливая свинцом неприятельские машины. Но силы оказались слишком неравномерными — девять против одного! Продолжать бой было бессмысленно, и летчик решил уйти от разъяренных хищников.

К этому принуждало и другое обстоятельство: у машины Чистякова был пробит пулями бензиновый бак, а сам летчик был ранен в ногу. Ловко выйдя из-под обстрела, Чистяков перевел самолет в пике и затем бреющим полетом достиг своего аэродрома. В самолете оказалось семьдесят семь пулевых пробоин...»

И вот — наши дни. В боях с белофиннами зимой 1940 года подбит один советский истребитель и летчик вынужден спуститься на чужую территорию. Другой советский летчик, пришедший на помощь, при спуске на снег разбивается. Тогда первый летчик, взяв на спину раненого, пробирается сквозь ночь и пургу до Финского залива. Там их спасают друзья на одноместных истребителях, с огромным риском спустившиеся на небольшую льдину.

Описанием подобных проявлений мужества, верности и дружбы наполнена книга. В этом большое ее воспитательное значение для юношества, ее мобилизующая сила, ее патриотизм. Автор не беллетризует, не драматизирует, не украшает свой материал, он лишь рассказывает.

Книга А. Шиукова вышла до начала войны СССР с фашистской Германией.

В этой схватке с обнаглевшими гитлеровцами советские летчики продолжают лучшие традиции русского воздушного флота, проявляют образцы самоотверженного служения Родине.

Недавно мы все прочли в газете о героической смерти старшего лейтенанта Иванова, который так же, как старейший русский летчик Нестеров, не задумываясь, пожертвовал своей жизнью в поединке с врагом.

«Горючее было на исходе. В пулеметных лентах — ни одного патрона. Старший лейтенант Иванов вел свою тройку на аэродром. Первые два самолета благополучно приземлились. Продолжая попрежнему внимательно следить за воздухом, тов. Иванов стал разворачиваться на посадку. Вдруг вдаль показался еще один вражеский бомбардировщик. Он летел прямо к аэродрому. Иванов тотчас же взмыл вверх.

Горючее на исходе и стрелять уже нечем. Но фашистский бандит должен быть уничтожен. Иванов ринулся на противника и всей тяжестью своего самолета врезался в него. Охваченный огнем, фашистский бомбардировщик разлетелся в куски. Славный советский летчик, верный сын нашей великой родины, старший лейтенант Иванов, погиб смертью храбрых, защищая родную землю, но вечно будет жить его имя, никогда не сотрется память о его героическом поступке.» («Известия», 27/VI 1941 г.) Героизм советских бойцов несет победу.

Патриотическая сила книги Шиукова заключена в изложенных там фактах беспримерного мужества, верности, чувства долга и чести — качеств, свойственных людям нашей страны, борющимся за победу, ведущим священную Отечественную войну против фашистского варварства.

Б. Емельянов

★

„КРАСНОФЛОТЕЦ“*

Флот с его боевыми и революционными традициями, могущественный большой флот, созданный за годы сталинских пятилеток, люди кораблей, кадры военных моряков, — это огромная тема, требующая коллективных творческих усилий писателей, поэтов, историков и журналистов.

В наши суровые дни, когда на суше, в воздухе и на море наши доблестные вооруженные силы наносят сокрушительные удары по фашистским полчищам, писатели и поэты обязаны рассказать о героике великой Отечественной войны, о людях, вооруженных непобедимой большевистской мыслью и самой совершенной военной техникой. Короткая записка, эпическая поэма, очерк, новелла, повесть и роман, посвященные справедливой войне, — все это должно быть подчинено сейчас единственно важной священной обязанности защиты нашей прекрасной советской земли. Русские моряки, флотоводцы, наши командоры, подводники, машинисты — в боях и походах выковали славу нашего морского флота. Лаза-

рев, Сенявин, Корнилов, Нахимов, Макаров, матрос Железняк, Маркин — для наших краснофлотцев не только исторические деятели, но и люди, благородство, непоколебимость и самоотверженность которых служат примером личного совершенства. Особенно сейчас, когда на просторах Балтики и Черноморья краснофлотцы, командиры и комиссары кораблей, торпедных катеров, подводных лодок, летчики морской авиации охраняют берега Родины от фашистских захватчиков.

Об этой борьбе с наглым врагом надо рассказать миллионам советских людей. Наша страна, история которой столь героична, показала в первые дни войны и покажет еще всему миру доблесть вооруженных советских людей, доселе невиданную.

В огне гражданской войны были задуманы и созданы произведения Владимира Маяковского. По горячим следам войны Фурмановым был написан бессмертный «Чапаев», Серафимовичем «Железный поток». Так и в наше время товарищи писатели будут создавать эпос справедливой войны.

Перед нами комплект двухнедельного иллюстрированного литературно-художественного

* Журнал «Краснофлотец» за 1940 и 1941 гг. К сожалению, мы не располагаем еще номерами, вышедшими после начала войны.

журнала «Краснофлотец» за 1940 и 1941 годы. Здесь печатаются новеллы, рассказы, стихи, очерки, статьи научного и исторического характера, песни, воспоминания и т. д.

Редакционный коллектив «Краснофлотца» стремится в художественной прозе и поэзии показать людей морского флота наших дней.

А. Зонин, написавший книгу о Нахимове и огубликовавший отрывки из монографии об адмирале Макарове, напечатал в двух номерах «Краснофлотца» небольшую повесть «Обыкновенная история» — о боевых действиях советской подводной лодки в водах белой Финляндии.

Советская подводная лодка, вопреки морским канонам, приняла бой с вражескими самолетами, направив огонь зениток по белофинским летчикам.

«Звено самолетов ползет на высоте двухсот метров острыми утюжками. Кажется, что они неподвижны, что парят хищные ястребы, готовые броситься вниз на беспомощную добычу. Самолеты упали из туч, незамеченные сигнальщиками. Они упали с приглушенными моторами, и уходило под воду уже поздно.

— 220, — не опуская бинокля, командует Баков.

Белая вспышка огня ослепляет штурмана. Он слышит спокойный голос командира, приказывающего передать в базу о принятии боя с самолетами.

— Четыре больше, — раздается команда Бакова. Ищенко щелкает замком орудия.

Прикрывая глаза рукою, Вишняк стремится проследить за полетом главного самолета. За машиной разматывается клубок газов, снаряд разбивает его, и от красной вспышки, как от ядра, во все стороны расходятся тонкие газовые струи.

— Два больше, — снова говорит Баков, и самолет, который с победным гулом шел на лодку, покачнулся, перевернулся на левое крыло и пошел вниз.

— Один есть.

— Огонь! — кричит за спиной Вишняка Лелько, и, обернувшись, штурман видит, что комиссар быстро припал к пулемету.

«Зачем он стреляет по падающему, по конченному», — думает лейтенант, но тотчас же слышит над головой яростный рев моторов другого самолета и какой-то протяжный птичий свист. Пули щелкают возле него в козырек рубки.

Пулемет Лелько выбивает частую дробь. С возрастающей скоростью стреляет зенитка Гришина. Солидно бухает носовое орудие Ищенко, сотрясая лодку и разводя волну.»

В героях повести Вишняке и Загорском мы узнаем прославленных подводников Балтики, Героев Советского Союза Трипольского и Вершинина. Их подвиги, умная смелость, точный расчет положены в основу повести.

В этой связи любопытен напечатанный в предшествующем номере журнала очерк интенданта 3-го ранга Н. Соловьева и батальонного комиссара Н. Добушева «Экипаж отваж-

ных». На первый взгляд, в обоих произведениях все совпадает. Но в деловой очерке дано лишь описание подвига; в маленькой повести этот же подвиг объяснен. И все же некоторая скованность мешает Зонину. Он боится отойти от недавних событий, выйти за пределы фактических сведений, хотя в своих монографиях о Нахимове и Макарове он показал, что умеет уверенно обращаться с фактами и документами.

За полтора года в журнале было помещено достаточно много статей, очерков и заметок об участии кораблей Балтики в боях с белофиннами. Темы эти не исчерпаны. Так, в очерке Б. Соловьева «Задание выполнено» — о Герое Советского Союза, морском летчике Крохалева, — рассказано о том, что было известно читателям раньше из различных газет. Но вновь изумляет и волнует выдержка Крохалева, выполнившего боевое задание, несмотря на то, что во время полета на нем вспламенилась одежда.

Дважды рассказала редакция «Краснофлотца» о подвиге Героя Советского Союза Посконкина. В первом очерке С. Ника «Чувство долга» замечательный героический поступок лишь бегло описан. Во втором, «В торогах», написанном ленинградским писателем П. Капица, Посконкин более убедителен. Здесь приведены подробности, детали, воссоздающие суровую и напряженную обстановку, в которой пришлось действовать герою.

В новеллах «Неоконченное письмо» С. Семенова и «Реквием» Ф. Олесова рассказано о глубоких чувствах простых людей, узнающих о погибших в боях близких.

По адресу на неоконченном письме приходит в семью погибшего Никанорова товарищ его по походам и боям. Автор сумел показать и большое горе стариков, братьев, близких и их выдержку и стойкость. В рассказе повествуется о бесконечно печальном и горьком — о смерти человека, но нет в нем традиционной для зарубежной военной литературы тоскливой обреченности. То же самое ощущение приходит после чтения новеллы Олесова «Реквием». Узнав о гибели своего воспитанника — летчика Прокопчука, старые шахтеры привозят глыбу антрацита на могилу героя. Здесь через очень личное, сокровенное показано отношение тыла к тому, что происходит на фронте.

Единство фронта и тыла, думы и заботы людей в тылу не ограничиваются только мыслями о близких людях, но и работой, всем сложным и многообразным комплексом задач, которые приходилось решать для осуществления победы. Об этом единстве, которое невозможно в капиталистических странах, следует рассказать на страницах журнала.

Об участии балтийцев в десантных операциях, в штурме линии Маннергейма, об атаках подводных лодок, о боевых полетах морских летчиков редакция «Краснофлотца» поместила интересные воспоминания: «Ледовый поход» капитана-лейтенанта А. Ковтуна; «Марш на Койвисто» Дм. Чистякова; «Мост наш»

Льва Канторовича и др. Очерки о боях с белофиннами интересны тем, что в них рассказано не только о трудностях и опасностях, но и о том, как подготавливалась, выковывалась победа над врагом. В центре всех этих публикаций дело жизни простых советских людей — защита Родины. Авторы показывают выдержку и высокий моральный облик «человека с ружьем» — краснофлотца, комиссара, командира.

Воспитательное значение очерков и художественной литературы о боях с белофиннами велико. Редакции журнала «Краснофлотец» и впредь следует помогать произведению на тему о наступательной мощи нашей армии и флота, о героической борьбе Красного Флота с фашистскими захватчиками.

Произведения, о которых будет идти речь, написаны были краснофлотцами и командирами до войны. В условиях учебы литературное творчество их было посвящено задачам боевой и политической подготовки. Содержание указанных произведений важно и поучительно для читателей.

Младший командир А. Ленский поместил в журнале три рассказа, из которых по теме самый значительный «Знамя»; в нем говорится не только о соревновании, но и о стиле работы краснофлотцев. Тщательная выучка, неустанное соперничество двух товарищей, при настоящей боевой проверке в боях с белофиннами, — дали свои блистательные результаты.

А. Ленский затронул очень важную жизненную тему, но для того, чтобы рассказ его стал художественным произведением, ему не хватает литературного мастерства, деталей, особенностей, которые говорили бы о неповторимости и в то же время о типичности происходящего.

В «Золотой канители» молодой и наблюдательный новеллист И. Стрижаченко показал, к чему приводит самоуспокоение, самонадеянность там, где естественна и необходима творческая неудовлетворенность, настороженность. Писатель рассказал о людях, которым грозит бесперспективность. Ленский, Стрижаченко, старший лейтенант Г. Соловьев («Качества командира», «Разговор с Клаузевицем»), краснофлотец В. Новиков (рассказ «Ленточка»), старшина 2-й статьи Иртышский («Часы»), курсант Е. Щекотов («Лампа падающего каскада»), В. Кривко («Первый поход»), кто бегло и робко, а кто наивно, хотя и просто, рассказали о глубоких чувствах военных моряков, о том, как преодолеваются трудности военно-морского дела, как воспитывается воля, характер.

В рассказе курсанта Е. Щекотова ценны описания жизни шести краснофлотцев на маленьком островке. Здесь уже есть элементы хорошего литературного описания.

Очень хорошо, когда всем личным опытом подказанная тема ломает установившуюся схему. Но многие молодые и начинающие писатели еще боятся этого, им кажется, что произведение, не вмещающееся в определенную сюжетную рамку, будет не на тему. Что же

происходит? Многообразие жизни флота вписывается в канонизированные формы и шаблонные ситуации.

На примере отрывка из повести «Командиры» Б. Лавренева редакция могла бы в деловой квалифицированной статье показать, как одна и та же тема разрешена у разных авторов. У Лавренева тот же сюжет, те же ситуации, что и в «Созвездии Ориона» Стрижаченко, но как реальные и правдивые образы капитана 3-го ранга Первухина, старшего лейтенанта Белоненко, лейтенанта Чернова, краснофлотца Быкова... Здесь конфликт развивается в сложном сюжетном переплетении, во взаимоотношениях действующих лиц. Писатель показывает и на боковых линиях значительность происходящего. Лавренев внимателен к пейзажу, к деталям, и все это в совокупности создает художественную ценность произведения.

Некоторые писатели стали жертвой плохой литературной традиции. Образ «братишки» в нашей советской литературе был показан достаточно убедительно и разносторонне. Мы помним и любим моряка из пьесы «Шторм» Билль-Белоцерковского, нам дорог матрос из фильма «Мы из Кронштадта». В этой картине мы видели спящих борьбой русских матросов, защищавших от интервентов и полков бесславно Юденича революционный Петроград. Заключительные слова моряка Артема Балашова: «А ну, кто еще хочет в Петроград?» — в наше время звучат предостерегающе сурово и непреклонно. Эти слова говорит верный сын Родины, простой балтийский моряк. Эти слова стали лозунгом каждого краснофлотца и морского летчика, и они подкреплены грозным оружием, направленным против Гитлера и его банды.

Но вместо того, чтобы показать настоящего человека современного флота, Иоганн Зельцер и В. Волгин обратили внимание на недисциплинированного болтуна в тельняшке, нехарактерную фигуру для нашего флота.

Это несоответствие настолько очевидно, что привело к искажению действительности. Был другой путь — найти новые характеры, правдивые ситуации даже в разработке этих же сюжетов, но писатели почему-то уклонились от трудной плодотворной работы и предпочли путь, который «протоптанней и легче».

С. Абрамович-Блэк в рассказе «Ревность» переносит на корабль не раз испытанную в литературе ситуацию. Два краснофлотца влюблены в Лиду Забоеву, которая, однако, любит некоего студента. Как полагается, все кончается хорошо. Такие новеллы легко писать. Описываемые события могут происходить во флоте, на границе, в колхозе, на заводе. Но при всех условиях здесь необходимы правдивость и художественная убедительность. Механика создания такого рода дежурных произведений проста и незатейлива. В этих новеллах отсутствуют люди, характеры, конфликты. Все удивительно легко: горе исчезает без какого-либо ущерба для действующих лиц, а за счастье свое им не надо бороться.

Даже в интересных, затрагивающих важнейшие вопросы Военно-Морского Флота произведениях, эта традиционная, не обновленная выскательным художником, сюжетика ощущается как элемент, призванный оживить повесть или новеллу.

Очерки Дружинина, Абрамовича-Блэка, Капицы о городах Прибалтики и острове Валааме, с любовью выпущенный второй номер журнала за 1941 год, посвященный 240-летию Краснознаменного ордена Ленина Военно-Морского училища имени Фрунзе, в какой-то мере восполняет пробел в публицистическом разделе журнала.

Обширен и интересен исторический и научный отделы журнала. С удовольствием читаешь прекрасный очерк Сергеева-Ценского об адмирале Сенявине, отрывки из книги Зонина об адмирале Макарове, статью Б. Лаврентьева «Моряки-декабристы», очерки В. Анциферова о Невельском, Б. Островского «Лазаревская школа» и «Братья Лаптевы» и другие материалы, хочется, чтобы все эти публикации были внутренне связаны с содержанием журнала, чтобы читатель сам перекидывал мостик, связывал прошлое и настоящее нашего героического морского флота. В произведениях Дружинина «Сосед на осте» и Евг. Юнги «Секретный вояж» стилизация и манерность повествования ослабили чисто познавательный элемент. О походе казака Атласова, о плавании Беринга можно и должно рассказать проще и без затей.

Очерк батальонного комиссара А. Сорокина «Моряки «Варяга» прекрасный комментарий к замечательной народной песне о гибели крейсера «Варяг». Интересны воспоминания «В боях» — об участии курсантов Военно-Морского училища имени Фрунзе в гражданской войне и статья капитана 1-го ранга Аврамова «Поход СК-47» о смелом походе катера к берегам Аджарии в 1921 году.

Исторические материалы, как правило, написаны просто, хорошо. Сергеев-Ценский напечатал образцовый биографический очерк о Сенявине, в котором нас привлекает не только перечень подвигов и побед адмирала, но и прекрасно вылепленный характер водителя и стратега. В отрывках Зонина убедительно рассказано об одиночестве даровитого Макарова, изобретение которого было отвергнуто и высмеяно.

В научном отделе статьи Маркова о морских картах и маяках, статьи других авторов о современных линкорах, о ветре, о подводной лодке и противолодочных заграждениях носят несколько академический характер. Для краснофлотцев — это не сторонние темы. Прежде всего, надо связывать все эти вопро-

сы с боевым опытом, приводя примеры и факты Отечественной войны, делая эти статьи более конкретными и короткими.

Несколько слов о поэзии. Стихи лейтенанта А. Лебедева «Этюд», «Морская пляска», отрывок из поэмы «Командир», «Вдохновение» и другие свидетельствуют о тематическом разнообразии поэта-моряка. Стихи Лебедева, хорошо передающего пейзаж «военного моря», — одни из лучших в журнале. Поэзии много. Стихи курсанта Сальникова, радиста Школьника, Иконникова, Баковикова и других поэтов Военно-Морского Флота напечатаны во многих номерах журнала «Краснофлотец». В стихах Баковикова виден интерес к реальным людям военного флота. О боевой учебе, отдыхе, о борьбе с белофиннами рассказали Школьник и Иконников.

А. Лебедёв защищает от фашистских варваров родную Балтику и величественный Ленинград как командир и как поэт.

Дым пороха сладостно горек,
А ветер заходит с кормы,
Великое гневное море —
И в море — хозяева мы!

Боевые будни флота стали объектом поэзии, наполненной жизнью, всегда искренней и правдивой. В этом сила стихов молодых начинающих поэтов Военно-Морского Флота.

Перед редакцией журнала «Краснофлотец» поставлена задача огромной важности — рассказать о героизме бойцов и командиров нашего Военно-Морского Флота.

На страницах журнала в стихе и прозе, в очерке и статье надо поведать о величии всенародной борьбы самой человеколюбивой страны против фашистского варварства.

Свое выступление по радио 3 июля 1941 года товарищ Сталин закончил следующими словами: «Все наши силы — на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного Флота!

Все силы — на разгром врага!

Вперед, за нашу победу!»

Воля партии, воля государства, воля народа звучат в этих словах. Для наших писателей, поэтов и газетчиков нет более почетной обязанности, чем пером и штыком служить Советскому Союзу. В горниле великой Отечественной войны будет создана подлинно народная художественная литература о людях Сталинской эпохи. Наши военные литературно-художественные издания «Красноармеец» и «Краснофлотец» обязаны быть в этом отношении примером и образцом для всех остальных журналов.

М. Красноставский

ЗА РОДИНУ, ПРОТИВ ФАШИСТСКОГО ВАРВАРСТВА, ЗА СВОБОДУ

НОВЫЕ КНИГИ

Г. АЛЕКСАНДРОВ. «ФАШИЗМ — ЛЮТЫЙ ВРАГ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА». Госполитиздат, 1941, 15 стр. Ц. 5 к. Госполитиздат выпустил ряд брошюр, освещающих гнусную роль фашизма, везде несущего за собой злобу, предательство, смерть и разрушение. Брошюра Г. Александра «Фашизм — лютей враг человечества» является чрезвычайно своевременной и нужной книжкой. Она помогает лучше разобраться в событиях. В ясной и простой форме в ней рассказывается о том, кто правит нынешней Германией, о злодеяниях фашизма, его враждебности человечеству и культуре. Во главе нынешней Германии наводятся: «Жалкие выродки истории, — как метко назвал немецких фашистов Горький, — завсегда даны кабаков и участники почти всех преступлений, совершенных за последние годы в Германии, разбойничьи захватив власть и назвав себя всем на посмеишие «национал-социалистами», вот уже несколько лет организуют одну кровавую бойню за другой.

Германия не переживала еще столь позорных страниц своей истории, как годы бандитской власти шайки разнузданных авантюристов — гитлеровских головорезов.

Страна, давшая миру Гете и Лессинга, Гейне и Бетховена, Гегеля и Маркса, теперь вынуждена под страхом штыка и виселицы до поры до времени молчаливо терпеть, переносить кровавые оргии, авантюристические выходы, преступные действия своих столь же наглых, сколь и недалеконзидных правителей. Очувтившиеся у власти гитлеровские преступники вовлекли в войну большинство населения земного шара, вероломно порвали свои собственные договоры, уже уничтожили и продолжают уничтожать сотни тысяч самой молодой и сильной части немецкого народа, вырезают, истребляют все передовое, честное, свободлюбивое в немецком народе, вергая его, а также и народы европейских стран в одну кровавую трясиину за другой.»

Советский народ наносит сокрушительные удары зарвавшемуся фашизму. И, несомненно, фашизм будет уничтожен. Автор заканчивает брошюру следующими словами:

«С великим гневом обрушит свой удар на врага Красная Армия. Наш ответ на гитлеровскую провокацию может быть только один: он ясно выражен в гневных словах Маяковского—

Во всех
уголках
земного шара
рабочий лозунг
будь таков:
разговаривай
с фашистами
языком пожаров,
словами пуль,
остротами штыков.

Советский народ и его великая, могучая Красная Армия тройным и удесятеренным ударом ответят коварному врагу. Фашистское чудовище будет уничтожено!»

Г. ИВАНОВ. «БЕСПРИМЕРНОЕ ВЕРОЛОМСТВО ФАШИСТСКИХ ВАРВАРОВ». Госполитиздат, 1941, 15 стр. Ц. 10 к. Брошюра Г. Иванова рисует вероломство гитлеровцев, напавших на нашу Родину. Без объявления войны, без предупреждения вторглись фашистские банды в Советский Союз. Все это несмотря на заключенный договор с Германией о ненападении, неуклонно соблюдаемый Советским Правительством.

История и память народов заклеивают эту зловещую авантюру зарвавшихся и зазнавшихся висельников, как беспримерное преступление против мира, права и справедливости.

«Ложь, обман, насилие, человеконенавистничество, средневековое варварство, жестокая эксплуатация — вот арсенал действий гитлеровской политики. Фашистская клика — это отребье человечества, грязные палачи, наркоманы и насильники. Фашизм — лютей враг передового человечества. Все здание фашистского господства построено на вероломстве по отношению к своему и другим народам. Гитлер сулил германскому народу лучшую жизнь, а создал зверский режим беспощадного террора, бесстыдной эксплуатации, нищеты, вовлек его в кровавую бойню, которая длится уже около двух лет, и ныне привел к безумной авантюре — нападению на Советский Союз.

Не перечеть, сколько раз Гитлер и его шайка палачей и обманщиков заверяли весь мир в своем миролюбии. Чехословакия, Норвегия, Дания, Бельгия, Голландия, Югославия, Греция пали жертвой вероломного обмана со стороны Гитлера.»

Советский народ поднялся на защиту своего отечества. Великая Отечественная война будет победоносной. Под руководством коммунистической партии, под прозорливым водительством величайших гениев Ленина и Сталина наш народ стал передовым и самым свободным народом в мире.

Народ, из среды которого вышли Ленин и Сталин, Пушкин и Максим Горький, Мечников и Павлов, Ломоносов и Менделеев, Чайковский и Глинка, Суворов и Кутузов, — этому ли народу склоняться перед фашистами?

Фашистам не может быть пощады! Великой и священной ненавистью наполнились наши сердца в ответ на вероломное нападение на нашу страну. Фашистские бандиты будут стерты с лица земли.

ПАВЕЛ ЮДИН. «РАЗДАВИТЬ ФАШИСТСКУЮ ГАДИНУ». Госполитиздат, 1941, 21 стр. Ц. 5 к. Популярно и жготно автор рассказывает о гнусной деятельности фашизма, о задачах, которые гитлеровцы перед собой поставили, о целях вторжения в СССР.

«Советский народ знает, что на него напал сильный, коварный и злобный враг. Нельзя недооценивать силы врага. Большевицкая партия всегда отличалась здоровой и трезвой оценкой сил своих врагов. Такой подход к оценке сил врагов всегда помогал нашей партии правильно ориентироваться в обстановке и соответственно с этим мобилизовать свои силы, рассчитать свои ресурсы и наметить план борьбы и разгрома врагов.

Так и на этот раз. Советское Правительство взвесило все, — и силы врагов, и силы Советского государства. Оценив все по-серьезному, Советское Правительство, глава Советского Правительства товарищ Сталин в обращении к советскому народу 3 июля 1941 года заявил, что враг будет разбит, германские захватчики должны быть выброшены из пределов нашей страны.

Красная Армия разобьет фашистские банды, вторгнувшиеся в СССР, и сокрушит фашизм до конца.»

БУДЬ БДИТЕЛЕН ВСЮДУ! (Материалы из газет). «Московский рабочий», 1941, 32 стр. Ц. 15 к. Содержание брошюры составляют статьи, напечатанные в последнее время в различных газетах на тему о необходимости в настоящее, военное, время самой строгой бдительности, о борьбе советского народа со шпионами, диверсантами, парашютистами. Книге предпосланы сталинские слова:

«Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие нашим истребительным батальонам. Нужно иметь в виду, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов. Нужно учитывать все это и не поддаваться на провокации. Нужно немедленно предавать суду Военного Трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешают делу обороны, не взирая на лица.»

«ГНЕВ И СИЛА НАРОДА». Госполитиздат, 1941, 16 стр. Ц. 10 к. Книге предпосланы слова В. Маяковского:

Лезут?

Хорошо.

Сотрем

в порошок.

Гнев этих строк направлен против фашизма, совершившего разбойничье нападение на Советский Союз.

— За Родину! За честь! За свободу! — этот призыв Советского Правительства поднял на Отечественную войну с фашизмом великий двухсотмиллионный народ нашей страны.

— Уничтожить врага! На удар агрессора ответить тройным ударом! Стереть в порошок фашистских гадов! — этой мыслью живет сегодня весь советский народ — рабочие, колхозники, советские интеллигенты — старые и молодые, мужчины и женщины.

С каждым днем, с каждым часом все более нарастает великий гнев и патриотический подъем советского народа.

С огромной силой проявляется советский патриотизм в могучем трудовом подъеме, в четкости и организованности, с которой проходит мобилизация, в стремлении сотен тысяч людей пойти добровольцами в ряды Красной Армии и Военно-Морского Флота и своей грудью защищать социалистическую Родину.

Содержание брошюры «Гнев и сила народа» высказывания советских людей, выражающие их ненависть к фашизму и стремление своим трудом, а если нужно и жизнью, отстаивать честь и свободу Родины. Рабочий Карагезов, писатель Вс. Вишневский, колхозница Родионова, академик Тарле и многие другие — авторы книги. Вера в неизбежность нашего народа и высокий патриотизм воодушевили их.

«Нас победить нельзя, — пишет Герой Социалистического Труда В. Дегтярев. — Мировой истории известно немало случаев посягательства Германии на русскую землю, но не известно еще ни одного случая покорения русского народа. Все эти попытки неизменно оканчивались поражением врага...»

Велик в гневном советский народ. И велика, нерушима его уверенность в полной победе над врагом. Эта уверенность основана на сознании своей силы, силы двухсотмиллионного народа, построившего социализм, ведомого испытанной в боях партией большевиков, мудрым и бесстрашным Сталиным.

Д. ЧЕРВЯКОВ. «ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА». Госполитиздат, 1941, 23 стр. Ц. 15. Книга Д. Червякова посвящена важнейшему явлению в освободительных отечественных войнах русского народа — партизанскому движению.

В наши дни двухсотмиллионный советский народ поднялся на великую Отечественную войну против германского фашизма, злейшего врага нашей страны и всего передового и прогрессивного человечества.

История знает немало примеров, когда русский народ поднимался на освободительные войны и громил завоевателей, пытавшихся огнем и мечом утвердить над нами чужеземное иго.

Так было в 1242 году, когда русские люди разбили на льду Чудского озера полчища немецких псов-рыцарей.

Так было и в 1812 году, когда величайший полководец Наполеон был разгромлен русским народом.

Наполеон двинул против России почти все подвластные ему народы Западной Европы. В его свythe чем полумиллионной армии, кроме французов, которые составляли около одной трети, были немцы, итальянцы, испанцы, португальцы, поляки, голландцы, швейцарцы и т. д. В России об этой великой армии говорили, что она состоит из «двунадесяти языков». В ночь с 24 на 25 июня 1812 года без объявления войны наполеоновская армия перешла через пограничную реку Неман и воровски вторглась в пределы русского государства. Наполеон хотел завоевать Россию.

Огромную роль в поражении Наполеона сыграло партизанское движение. Об этом рассказывает в своей книге Д. Червяков. Выдвинулись в 1812 году знаменитые руководители партизан — Денис Давыдов, Ермолай Четвертаков, Федор Потапов, Василиса Кожина, Фигнер, Фонвизин, Сеславин и много других.

«С первых же шагов своего вторжения в Россию наполеоновская армия натолкнулась на упорное сопротивление со стороны населения. Отступая в глубь страны или скрываясь в глухих местах, крестьяне сжигали и истребляли все, что нельзя было взять с собой. Неудержимо возгоралась сила народного гнева против вероломно вторгнувшихся захватчиков. Наполеон тотчас же почувствовал, что начавшаяся война с Россией совсем не похожа на прежние его войны в Западной Европе. Только в одной Испании широкие народные массы подняли партизанскую войну и вели ее в течение нескольких лет. На другом конце Европы — в России — французский император встретил еще более упорное сопротивление.

Население сел и городов отказывалось давать какие бы то ни было показания о русской армии. Крестьяне начали создавать добровольные дружины и, по условным сигналам, собирались в определенные пункты для совместных партизанских действий. Вначале крестьяне истребляли мародеров и фуражиров, высылаемых в окрестные селения для сбора провианта и фуража, а затем стали нападать и на отдельные войсковые группы противника.

Затрудняя фуражировку и уничтожая отдельные отряды наполеоновских солдат, крестьяне вносили дезорганизацию в ряды войск противника и тем самым подрывали их боеспособность.

Русской же армии население старалось оказывать всяческое содействие.

Народ жертвовал всем ради спасения независимости своего отечества. Нашествие Наполеона на Россию крестьяне сравнивали с нашествием татаро-монгольских завоевателей. Широкие народные массы открыто высказывались против всякого мира «с злодеем», и среди них часто были слышны разговоры о

«поголовщине», т. е. о всеобщем народном ополчении. После сдачи Москвы крестьяне сильно возмутились тем, что «наши не дрались на Поклонной горе» и не задержали Бонапарта. «Нехватило войска,—говорили они,—позови народ, разве мало нас на Руси? Все бы пошли: у кого нет ружья, так с топорами да с вилами, с чем попало и грянули бы тучею на злодеев со всех сторон, солдаты делай свое, а мы свое, и пошла бы тогда настоящая потеха — живо выпроводили бы супостата».

Наполеоновское командование было лишено возможности своевременно получать военные донесения и отдавать нужные распоряжения. В то же время русское командование получало через крестьян и партизан необходимые сведения о силах и намерениях Наполеона. Кроме этого, постоянные нападения партизан причиняли противнику не только материальный урон, но и вносили моральное разложение в ряды его войск, упадок духа и дисциплины.»

Советский народ свято хранит память о славных подвигах добровольных народных ополченцев первой Отечественной войны 1812 года.

По примеру партизан 1812 года советский народ создает во временно занятых врагом районах партизанские отряды для борьбы с фашистскими захватчиками.

Советские патриоты выполняют указание товарища Сталина о том, что «в занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия».

В бессмертные дни 1812 года русский народ, стонавший под гнетом царизма и помещиков, уничтожил наполеоновскую армию и в боях за Родину отстоял свою независимость.

В наши дни свободный и счастливый советский народ проявляет и проявит еще в большей мере невиданные образцы героизма и мужества и разгромит ничтожного германского подражателя Наполеону, людоеда Гитлера, и в великой Отечественной войне отстоит свою Родину, честь и свободу.

Кровавого пса Гитлера ждет та же участь, что и Наполеона.

АКАДЕМИК Е. ТАРЛЕ. «ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА И РАЗГРОМ ИМПЕРИИ НАПОЛЕОНА». Госполитиздат, 1941, 68 стр. Ц. 45 к. Настоящая брошюра является сокращенным изложением книги академика Е. Тарле «Нашествие Наполеона».

Из всех войн Наполеона война 1812 года является наиболее откровенно империалистической войной, наиболее непосредственно продиктованной интересами крупной французской буржуазии.

Для России борьба против нападения Наполеона была единственным средством сохранить свою экономическую и политическую самостоятельность, спастись не только от разорения, которое неслась с собою наполеоновская политика, препятствовавшая русской торговле с англичанами, но и от будущего расчленения: в Варшаве поляки надеялись при помощи французского императора не только получить Литву и Белоруссию, но и добраться до Черного моря. Для России при этих условиях война 1812 года явилась в полном смысле слова борьбой за существование, обороной от нападения империалистского хищника.

Отсюда и общенародный характер великой борьбы, которую так героически вел русский народ против мирового завоевателя.

В наши дни великому русскому народу снова суждено освободить Европу от несравненно худшего, гнуснейшего и постыднейшего ярма, наложенного руками биржевиков, шпионов, продажных политиков, банкиров, эксплуататоров и паразитов.

«Войну с фашистской Германией, — говорит товарищ Сталин, — нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одиночками. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, пораженного гитлеровскими заправилками. Наша война за свободу нашего отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера.»

В введении к брошюре автор пишет:

«Нападение фашистских авантюристов на Советский Союз непременно окажется историческим вступлением к полной ликвидации преступной гитлеровской шайки, уже столько лет позорившей человечество самым фактом своего существования.»

Карикатурный образ фашистского пигмея, тянущегося за гигантом, заставляет нас вспомнить очень меткое и правильное замечание, которое было сделано в радикальной английской прессе весной 1941 года: немецкая «третья империя» является пародией на импе-

рию Наполеона, «завоевания» Гитлера какие-то не «настоящие», а «поддельные», они, по словам цитируемого английского публициста, еще гораздо менее походят на наполеоновские завоевания, чем испорченный маргарин, которым питаются несчастные подданные Гитлера, — на свежее масло.»

История гибели Наполеона поможет «понять, почему нельзя сомневаться в близком конце и той пародии, которая разыгрывается фашистскими выродками на наших глазах вот уже несколько лет».

Красная Армия наносит сокрушительные удары по зарвавшемуся врагу.

Миф о «непобедимости» гитлеровских армий разоблачен.

«НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ» (Факты и документы). Госполитиздат, 1941, 47 стр. Ц. 30 к. Государственное издательство политической литературы большим тиражом выпускает сборник «На фронте и в тылу». Он составляется из заметок, помещенных в советских газетах («Правда», «Красная звезда», «Известия», «Комсомольская правда», «Красный Флот» и т. д.). Из кратких лаконичных газетных заметок мы видим несокрушимое единство Красной Армии, фронта и нашего тыла. Все охвачены высоким патриотическим стремлением уничтожить вероломного врага. Если наши пехотинцы, танкисты, моряки, летчики бьют фашизм боевым оружием, то в тылу — рабочие, колхозники, интеллигенция помогают победе самоотверженным трудом. Тысячи трудящихся идут в народное ополчение. И престарелый казахский акын Джамбул Джабаев, и рабочие Балтийского завода, и запорожские колхозники горят желанием отстоять Родину. Письмо запорожских колхозников, помещенное в сборнике, в числе многих других документов говорит о прочности и несокрушимости духа наших людей. Они пишут:

«Мы, потомки славных запорожских казаков, которые всегда со славой защищали честь земли родной, свято храним их героические традиции, их боевой дух.»

Немецкие разбойники, очевидно, забыли, как двадцать три года тому назад, теряя штаны, они утекали с украинских земель, а ведь тогда они были на истощенной и почти безоружной Украине. Но не та теперь Украина. У нас сейчас есть что защищать, есть кому защищать, есть чем защищать. На призыв дорогого вождя товарища Сталина мы отвечаем:

— Чуєм, батьку наш рідний, чуєм! Есть еще порох в наших пороховницах. Остры клинки колхозных конников, быстры и неутомимы наши кони. В нашем колхозе подготовлен отряд лихих кавалеристов, ворошиловских всадников. На призыв нашего вождя, кроме них, сядут на боевых коней все колхозники, все возьмут в руки оружие, чтобы биться с врагом смертным боем до последней капли крови.

Наш колхоз славен не только высокими урожаями, но и лихими рубачками, меткими стрелками, пулеметчиками, гранатометчиками. Есть у нас кому повести в бой могучие танки и грозные бронепоезда. Как в свое время богунцы и таращанцы отвечали немецкому наемнику Петлюре, так и мы словами героев скажем взбесившейся собаке: проклятый Гитлер, не панувати панам на Украине. Мы, сыны ее вольные, голову положим, ее обороним, чтобы была на вольной земле пшеница сжата вольными крестьянами на свою пользу, а не жадным грабителям, кровопийцам, кулакам и помещикам. Став грудью на защиту Родины, мы по-запорожски скажем кровавому Гитлеру: твого війська ми не боїмось. Землю и водо будем битись з тобою! Згинеш, свиняча морда, різницька собако!

Братья колхозники! Вступайте все в народное ополчение! Организуйте в колхозе, в каждом селе лихие кавалерийские и пешие отряды. К оружию, товарищи! Седлайте боевых коней, точите стальные клинки!

Вставайте, потомки славных запорожцев, колхозники Советской Украины! Поднимайтесь, богунцы, таращанцы, котовцы, чапаевцы! Вставайте, запорожцы, днепропетровцы, полтавчане, вставай, вся Украина! Вылетайте на врага, достойные дети славного советского народа! Теснее сплотим свои ряды вокруг партии Ленина—Сталина, сделаем наши колхозы крепостью обороны.

Вперед, за нашу победу!»

Таков голос и всего советского народа. Изданные сборников «На фронте и в тылу» в высшей степени удачные и полезное начинание.

С. ВАШЕНЦЕВ. «НА ШТУРМ». Госполитиздат, 1941, 23 стр. Ц. 15 к. «За боевые действия против белофиннов танковая бригада награждена орденом Ленина.

Командир бригады Дмитрий Данилович Лелюшенко, ныне генерал-майор, награжден орденом Красного Знамени за бои у Тайпалеййоки, а за бои у Хейниоки — званием Героя Советского Союза.

В день получения высокой награды Дмитрий Данилович встретился в Кремле с маршалом, Героем Советского Союза Наркомом Обороны товарищем Тимошенко.

Нарком поздравил Лелюшенко и сказал, что рейд на Хейниоки — прекрасно проведенная операция — войдет в славную историю Красной Армии.

— Я выполнял ваш приказ! — сказал Лелюшенко.

— Мы оба выполняли приказ Сталина! — ответил маршал.»

В книге С. Ващенко нарисованы некоторые эпизоды из боевой деятельности генерал-лейтенанта Лелюшенко на фронте войны с белофиннами. Тов. Лелюшенко один из представителей славной армии советских танкистов. В настоящей грандиозной борьбе с озверелым фашизмом наши танкисты впишут в историю новые блестящие страницы.

И. ПРОКОФЬЕВ. «ПОГРАНИЧНИКИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ». Госполитиздат, 1941, 15 стр. Ц. 10 к. И. Прокофьев в своей книге рисует героические подвиги верных сынов Родины — советских пограничников.

Мужественные сыны отечества — советские пограничники всегда готовы к встрече с врагом. Закаленные в суровых условиях боевой действительности, они зорко несут почетную вахту. Они храбры и самоотверженны. Они понимают всю глубину своей ответственности перед трудящимися Советского Союза. Они любят свою великую Родину преданной, сыновней любовью и, не задумываясь, вступают в бой с врагом, в десять, двадцать раз превосходящим их численно.

В грозные дни Отечественной войны все мысли и чувства советских пограничников, как и всего советского народа, выражаются в победном кличе: «За Родину! За Сталина!» Эти мысли и чувства помогают пограничникам зорче и яснее видеть в темную, непроглядную ночь, помогают совершать замечательные подвиги, еще и еще раз прославляющие советское оружие, помогают, если надо, умереть героями.

В ночь на 22 июня, когда гитлеровские войска напали на нашу страну, славные пограничники первые приняли на себя удар фашистских полчищ. Героизм стражей советской родины навсегда останется в народной памяти. Автор книги приводит ряд образцов патриотической доблести и самоотверженности, проявленных нашими бойцами в схватке с озверелым врагом.

«Как львы, дрались советские пограничники, — писала «Правда» 24 июня, — принявшие на себя первый внезапный удар подлого врага. Бессмертной славой покрыли себя... бойцы-чекисты, вучученики Феликса Дзержинского, славные сыны Сталина. Они бились врукопашную, и только через мертвые их тела мог враг продвинуться на пядь вперед.»

На ефрейтора Никулина и пограничника Угланова напал целый взвод немецких солдат. Никулин и Угланов умелой стрельбой из автоматов создали у врага впечатление, что против них действует по меньшей мере отделение. Взвод фашистов наступал медленно, охватывая пограничников в кольцо. Никулин и Угланов решили прорвать окружение. Меткими выстрелами Никулин уничтожил пулеметный расчет противника. Пулемет замолчал. Угланов подкрался к немцам на близкое расстояние и бросил в них одну за другой несколько гранат. Расчистив путь, Никулин и Угланов вышли из боя, оставив позади себя пятнадцать вражеских трупов. Вскоре отважные бойцы присоединились к своей заставе.

Пятеро фашистских солдат окружили и пытались захватить в плен пограничника Ильюшина. Ильюшин смело вступил в бой. Метким огнем он поразил всех пятерых врагов и продолжал выполнять порученное ему боевое задание.

Кандидат партии сержант Руденко во время

отхода заставы на новые позиции в упор расстреливал противника из станкового пулемета. Немцы ворвались в окоп. Пулеметная лента у Руденко была израсходована. Руденко схватил винтовку, заколол двух фашистов и, сняв с пулемета замок, присоединился к заставе.

Подобная храбрость, выдержка и самообладание всегда были присущи большевикам. А в бою эти качества решают победу.

Одна мысль воодушевляет всех сынов Родины на суровую борьбу с жестоким врагом, мысль, высказанная вождем народов товарищем Сталиным. Она стала боевым кличем всего советского народа:

*Все силы народа — на разгром врага!
Вперед, за нашу победу!*

«КРАСНОФЛОТЦЫ В БОЯХ ЗА РОДИНУ». Госполитиздат, 1941, 24 стр. Ц. 15 к. Брошюра «Краснофлотцы в боях за родину» представляет собой сборник, составленный по материалам краснофлотских газет. За время войны с фашизмом краснофлотцы проявили бесстрашие и мужество, одержали значительные успехи в борьбе за свободу и честь Родины. О некоторых эпизодах этой славной борьбы повествуют авторы заметок, напечатанных в сборнике. Приведем одну из них под названием «Конец фашистской подводной лодки». Заметка эта была напечатана в газете «Красный Балтийский флот».

«Корабль выполнял важную боевую задачу. Погода была тихая, солнечная. Но фашистские пираты давно набили себе руку в нападениях из-за угла.

Наши бойцы и командиры хорошо знали, с кем имеют дело, и были наготове. Сигнальщики и наблюдатели зорко следили за воздухом и водной поверхностью.

— Справа торпеда! — в один голос доложили визирщики Глущенко и Васильев.

Приближающийся недалеко от корабля след торпеды видели в этот момент все, бывшие на мостике.

И тотчас же донеслись слова наблюдателя Мариненко:

— Справа подводная лодка!

— Право на борт! — приказал командир корабля. Рулевой Сабирзянов немедленно выполнил приказание. Корабль резко повернул. Торпеда пронеслась у левого борта.

Фашистская подводная лодка после залпа подскочила и сразу пошла на погружение. Там, где она погрузилась, образовался бурун. Орудийные расчеты старшин Ланцова и Верещака открыли огонь.

Вот бурун уже у самого форштевня.

Корабль был над тем местом, где только что нырнула подводная лодка врага. Она успела уйти от тарана, но еще не успела уйти на большую глубину.

— Начать бомбометание! — приказал командир.

Одна за другой за борт полетели глубин-

ные бомбы. Они рвали, коверкали все, что находилось под водой.

Корабль прошел вперед, развернулся, чтобы снова пройти по месту, где скрылась подводная лодка. И в этот момент недалеко от правого борта раздался оглушительный взрыв. Параван ударил в мину, поставленную здесь коварным врагом.

Люди, стоявшие на корме корабля, упали. Старшину Аникина отбросило к борту, и он едва удержался за кнехт. Командир боевой части, оглушенный взрывом, упал на кормовые скаты. Еще мгновенье, и он оказался бы в море.

Рискуя собственной жизнью, к нему кинулся краснофлотец Мандриченко. Он схватил командира под руки и вытащил его на палубу.

В момент взрыва мины работа некоторых механизмов в машинном и котельном отделениях нарушилась, стрелки приборов бешено запрыгали по циферблатам. Вахту в это время несли здесь командиры отделений Александров, Мечинский и Майоров вместе с подчиненными им бойцами. Они продолжали действовать так, словно ничего не произошло, и приняли все меры, чтобы «успокоить» приборы и механизмы.

Корабль ни на секунду не уменьшал хода.

Когда корабль снова подошел к месту бомбометания, моряки увидели на поверхности воды большое масляное пятно. Здесь нашла себе могилу фашистская подводная лодка.

Краснофлотцы с честью выполняют наказ товарища Сталина — «отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смело, инициативу и сметку, свойственные нашему народу».

В. РЯХОВСКИЙ. «КОМАНДИР ЭСКАДРИЛЬИ». Госполитиздат, 1941, 32 стр. Ц. 25 к. Содержание книги В. Ряховского — один из эпизодов войны с белофиннами 1939/1940 г. Советская авиация в этой войне показала себя грозным и мощным оружием. Герой книги — командир эскадрильи Герой Советского Союза Федор Радус — один из славных советских летчиков, сталинских соколов, сейчас отражающих натиск на СССР фашистских полчищ. Об его подвигах рассказывает В. Ряховский. Перед нами встает замечательный образ советского патриота, не успокоившегося на достигнутом, а отдавшего свою жизнь благу Родины. Книга кончается главой, где говорится о награждении Радуса высоким званием Героя Советского Союза.

«Радус всякий раз развертывал «Правду» с большим волнением. В списках награжденных он часто находил знакомые имена своих бывших учеников, товарищей, имена героев, о которых шла всенародная слава.

И однажды, развернув газету, Радус увидел свое собственное изображение.

В первую минуту он растерянно огляделся. Он подумал, что это ошибка. Но товарищи

украдкой поглядывали на него, и восхищенные улыбки освещали их лица. Радус вдруг почувствовал, что у него задрожали ноги. Он низко склонился над газетным листом.

«Присвоено звание Героя Советского Союза...»

За что же?

Он припомнил свои боевые дни, полные дел самых обычных, казалось, для летчика-командира, полетов, которые совершали его товарищи. И он лучше, ярче помнил мужественные и отважные поступки своих подчиненных, чем свои собственные.

Он пробежал глазами список награжденных. И постепенно, минута за минутой, ему становилось все радостнее, легче: в списке стояли имена его товарищей — Лапшенкова, Зверева, Жиганова, Бурундасова, Григорьева, Рубцова...

Командира охватила большая и высокая радость. Да, эти люди достойны награды!

А дальше шли имена бывших учеников Радуса — Антона Гуреева, Маркина, Куртова...

Хороших людей обучил он! И он был горд, словно сам незримо участвовал в героических делах отважных летчиков, чьи руки приучал когда-то владеть штурвалом.

И, глядя в лицо Лапшенкова, Радус чувствовал, что все прожитое — только подготовка к большой и настоящей жизни, к завтрашним великим боям за Родину.

И было радостно сознавать, что к новым победам они опять пойдут вместе — близкие и верные друзья, у которых одно желание, одна мысль и, казалось, одно большое сердце...»
С такими людьми нельзя не победить!

Е. ВЕСЕНИН, А. СВЕТЛОВ. «ПАДЕНИЕ КРЕПОСТИ». Госполитиздат, 1941, 24 стр. Ц. 20 к. Трудна и почетна работа саперов Красной Армии. Книга Е. Весенина и А. Светлова посвящена боевым подвигам на финском фронте саперного батальона под командованием капитана Коровина. Его действия много помогли в разрушении мифа о неприступности долговременных укреплений линии Маннергейма, построенных под непосредственным руководством немецких офицеров и инженеров.

«К своему походному дневнику Иван Евдокимович Коровин подшил несколько листов тонкой папиросной бумаги. На каждом листке изложена «легенда» о доте. Так называлась короткая техническая запись специалистов о том, что представлял собой каждый дот и во что он был обращен героическими частями Красной Армии.

Вот несколько строк из этих «легенд»:

«Дот № 45. Железобетонный полуканонир. Шесть амбразур, из которых две — артиллерийские...

Взорван и уничтожен.»

«Дот № 44. Три пулеметные амбразуры. Сооружение двухэтажное. Железобетон. Толщина стен полтора метра...

Разрушен взрывом полностью, так что точных размеров и форм крепости установить не удалось.»

«Дот № 35. Железобетон. Полуканонир. Четыре амбразуры. Две 37-миллиметровые пушки. Два металлических купола. Один этаж. Железобетон.

Уничтожен.»

«Дот № 33. Железобетонный полуканонир. Три амбразуры. Одна противотанковая пушка.

Взрывом разрушен настолько, что данные собрать не представляется возможным»...

Доты-крепости один за другим падали под железным натиском сталинских богатырей, бесстрашных воинов страны советов.»

За бесстрашное, мужественное выполнение важнейшей операции Советское Правительство присвоило звание Героя Советского Союза капитану Коровину, командиру батальона Сиповичу, старшему политруку Фомичеву, младшему лейтенанту Кучерову.

ЛЕВ ШАПИРО. «ПОДВИГИ СВЯЗИСТА». Госполитиздат, 1941, 34 стр. Ц. 25 к. О самоотверженной и героической работе славных связистов Красной Армии повествует автор брошюры. Герой рассказа Андрей Виноградов окончил полковую школу и командовал отделением в взводе связи стрелкового полка. За героические подвиги на фронте борьбы с белофиннами ему присвоено звание Героя Советского Союза.

С. ХАЙКИН. «МАСТЕР БОЕВОЙ РАЗВЕДКИ». Госполитиздат, 1941, 24 стр. Ц. 20 к. Подвиги красноармейца Ивана Ульянова на фронте войны с финской белогвардейчиной достойно оценены Советским Правительством: он — Герой Советского Союза. С. Хайкин написал интересный и поучительный рассказ о них: рассказ этот составляет содержание книги. Иван Ульянов не раз ходил в атаку и беспощадно громил врага. Он любил жизнь, но всегда готов был пожертвовать ею во имя Родины. Он стал настоящим мастером боевой разведки!

Сейчас Иван Михайлович Ульянов — курсант Военно-Полицейского училища имени Энгельса в Ленинграде. Он учится так же упорно, как боролся с врагами своей великой страны.

123-я В БОЯХ С БЕЛОФИННАМИ. Прорыв «линии Маннергейма» на участке Суммарви — Мунасуо, осуществленный 123-й ордена Ленина стрелковой дивизией, обеспечил продвижение остальных частей Красной Армии, действовавших на Карельском перешейке. Ал. Исбах и Юр. Корольков рассказали о героических делах этой дивизии во время боев с белофиннами в 1939—1940 гг.

Перед читателями развертываются картины отваги, доблести и бесстрашия красных воинов, пламенных советских патриотов, мужест-

венно сражавшихся за безопасность северо-западных границ нашей Родины, за безопасность города Ленина.

«**ВОЙНА НА МОРЕ**». Военно-Морская академия им. Ворошилова опубликовала в издании Военмориздага работу англичанина Кресуэлла «Война на море». На основе опыта мировой войны 1914—1918 гг. и предшествующих войн здесь излагаются основные положения британской военно-морской стратегии.

Книга рекомендуется всему начальствующему составу ВМФ и Красной Армии. Обилие примеров и эпизодов из истории морской войны делает ее интересной для широкого читателя.

ВОСПОМИНАНИЯ БРУСИЛОВА. 22 мая 1916 года русские войска начали решительное наступление против немецко-австрийских войск. Эта крупнейшая операция на Юго-Западном фронте, получившая название Лудского, или по имени ее организатора, Брусиловского прорыва, продемонстрировала всему миру блестящие качества русских войск.

В недавно вышедшей вторым изданием книге генерала А. А. Брусилова «Мои воспоминания», мы читаем: «К 10 июня нами было уже взято пленными 4 013 офицеров и около 200 000 солдат».

«В общем, с 22 мая по 30 июля, — пишет Брусилов, — вверенными мне армиями было взято всего 8 255 офицеров, 370 153 солдата, 496 орудий, 144 пулемета и 367 бомбометов и минометов, около 400 зарядных ящиков, около 100 прожекторов и громадное количество винтовок, патронов, снарядов и разной другой военной добычи».

«Опыт Брусилова, — пишет в предисловии к книге полковник Таленский, — сохранил свою ценность до наших дней. Брусилов отлично знал, что успех операции и боя заключается не в хитроумных вензелях на карте, а в слаженной, продуманной, дружной работе войск, хорошо организованных, подготовленных и дисциплинированных».

Боевые действия русской армии в войне 1914—1918 гг. во многом сохраняют поучительность и теперь, когда доблестная Красная Армия сражается против гитлеровской Германии.

Второе издание «Моих воспоминаний» выпущено в свет Воениздатом.

«**ЕДИНАЯ ВОЕННАЯ ДОКТРИНА И КРАСНАЯ АРМИЯ**». Эта работа М. В. Фрунзе, впервые опубликованная в январском номере журнала «Армия и революция» за 1921 год, переиздана сейчас Воениздатом НКО СССР отдельной брошюрой.

«Единая военная доктрина», — определяет Фрунзе, — есть принятое в армии данного государства учение, устанавливающее характер строительства вооруженных сил страны, методы боевой подготовки войск, их вождение на основе господствующих в государстве взглядов на характер лежащих перед ним военных задач и способы их разрешения...» «Доктрины, способной быть жизненным организующим моментом для армии, — гласит одно из основных положений Фрунзе, — изобрести нельзя. Все основные элементы ее уже даны в окружающей среде, и работа теоретической мысли заключается в отыскании этих элементов, в сведении их в систему и в приведении их в соответствие с основными положениями военной науки и требованиями военного искусства.»

«**ИВАН БОГУН**». Имя это принадлежит прославленному сыну украинского народа, герою освободительной борьбы XVII века. Вместе и рядом с Богданом Хмельницким он победоносно сражался с угнетателями Родины и привел украинский народ к братскому союзу с русским народом.

Ивану Богуну посвящена историческая повесть украинского писателя Я. Качуры.

Автор любовно воссоздает образ своего героя, его безграничную смелость и отвагу, горячую любовь к Родине. Он рисует его как воплощение лучших черт украинского национального характера. В годы гражданской войны, во время вооруженной борьбы украинского народа с ненавистными немецкими оккупантами имя этого замечательного человека носил славный Богунский полк под командой Щорса.

Вторым планом в отдельных эпизодах выведен в повести и Богдан Хмельницкий. Автор показывает его как человека большой государственной идеи, мудрого политика, расчетливого дипломата и железного полководца.

Заключительная картина повести — всенародное голосование в Переяславе за воссоединение Украины и России.

Русский перевод повести, сделанный Е. Росельсом, издан Воениздатом в серии «Библиотека красноармейца».

Редколлегия: М. М. Розенталь, В. П. Ставский, А. А. Сурков, А. Н. Толстой, К. А. Федин, М. А. Шолохов, В. Р. Щербина (ответственный секретарь).

Редакция: Москва 6, Пушкинская площадь, 5.
Издательство: «Известия Советов депутатов трудящихся СССР».

А41162. 16 печ. листов. Тираж 53.500. Зак. 1245. Подписано к печати 12—29/VIII 1941 г.

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР», Москва, Пушкинская пл., 5.